

ГАБРИЭЛЬ АЛМОНД
СИДНЕЙ ВЕРБА

ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА

Политические установки
и демократия в пяти
странах

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Габриэль Алмонд (1911—2002) — американский политолог, получивший известность новаторскими работами по сравнительной политологии, политическому развитию и политической культуре. В 1950-е годы расширил область политической науки, используя в своих исследованиях подходы других общественных наук — социологии, психологии и антропологии.

Сидней Верба (р. 1932) — американский политолог, ученик и соавтор Габриэля Алмонда. Занимается исследованием проблем участия в политике социальных и демографических групп. По его мнению, сегодня эти вопросы вышли на первый план в политическом дискурсе Америки.

Книга Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах» стала модельным примером в области сравнительной политологии, на который равняются все последующие исследователи. В книге обобщены результаты массовых опросов, проведенных в США, Великобритании, Германии, Италии и Мексике, направленных на изучение роли гражданских ценностей и гражданского поведения в поддержании демократической политической системы.

Понятие гражданской культуры передает прежде всего уровень осознания гражданином общественных задач, его практической активности в деле превращения их в жизнь. В этом смысле она — структурный элемент гражданской жизни и выражает степень зрелости общества, способность обеспечения общественных интересов, форм и механизмов выработки и реализации совместных решений, согласованных действий.

Авторы выделяют три типа гражданской культуры — парохильную (ориентированную на сугубо местные проблемы), где нет конкретизации политических ролей и где политическая ориентация обыкновенно не конкретизируется; подданническую, где отношение к политической системе в целом возникает, но остается пассивным; и культуру участия, в которой члены общества четко ориентированы на активные действия, направленные на политическую систему в целом. Гражданин есть производное от «участника», «подданного» и «парохияла», а гражданская культура — производное от перечисленных трех типов культур.

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Gabriel A. ALMOND
Sidney VERBA

THE CIVIC
CULTURE
Political Attitudes
and Democracy
In Five Nations

SAGE PUBLICATIONS
The Publishers of Professional Social Science
Newbury Park London New Delhi

Габриэль АЛМОНД
Сидней ВЕРБА

ГРАЖДАНСКАЯ
КУЛЬТУРА

Политические установки
и демократия в пяти
странах

·МЫСЛЬ·
Москва

УДК 32.001:008

ББК 66.053

А51

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Перевод с английского Евсея Генделя

Алмонд, Габриэль ; Верба, Сидней

А51 Гражданская культура : политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд ; С. Верба ; пер. с англ. Е. Генделя. — Москва : Мысль, 2014. 500 с.

ISBN 978-5-244-01171-5

Книга Г. Алмонда и С. Вербы стала модельным примером в области сравнительной политологии, на который равняются все последующие исследователи. В книге обобщены результаты массовых опросов, проводившихся в США, Великобритании, Германии, Италии и Мексике, направленных на изучение роли гражданских ценностей и гражданского поведения в поддержке демократической политической системы.

Понятие гражданской культуры передает прежде всего уровень осознания гражданином общественных задач, его практической активности в деле претворения их в жизнь. В этом смысле она — структурный элемент гражданской жизни и выражает степень зрелости общества, способность обеспечения общегражданских интересов, форм и механизмов выработки и реализации совместных решений, согласованных действий.

Авторы выделяют три типа гражданской культуры — парохильную (ориентированную на сугубо местные проблемы), где нет конкретизации политических ролей и где политическая ориентация обыкновенно не конкретизируется; подданническую, где отношение к политической системе в целом возникает, но остается пассивным; и культуру участия, в которой члены общества четко ориентированы на активные действия, направленные на политическую систему в целом. Гражданин есть производное от «участника», «подданного» и «парохиала», а гражданская культура — производное от перечисленных трех типов культур.

УДК 32.001:008

ББК 66.053

G. A. Almond, S. Verba. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. — Sage Publications, Inc., 1989.

Книга впервые вышла на английском языке в США, Великобритании и Индии в издательстве Sage Publications, Inc. Русский перевод публикуется с разрешения правообладателя, Sage Publications, Inc.

ISBN 978-5-244-01171-5 (рус.)

ISBN 0-8039-3558-7 (англ.)

© Мысль, 2014

© 1989 by Sage Publications, Inc.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	9
Глава I. Подход к политической культуре.....	13
Гражданская культура.....	18
Типы политической культуры.....	26
Политическая субкультура.....	47
Гражданская культура:	
смешанная политическая культура.....	51
Микро- и макрополитика: политическая	
культура как связующее звено.....	53
Страны, включенные в данное исследование.....	58
Опрос в пяти странах.....	65
Материалы опросов и политические системы.....	67
Глава II. Модели политической когнитивности.....	73
Воздействие правительства и органов власти.....	75
Осведомленность о политике.....	83
Информированность и наличие точек зрения.....	89
Глава III. Чувства по отношению к властям,	
правительству и политической жизни.....	97
Системная эмоция: национальная гордость.....	98
«Выходная» эмоция: ожидаемое отношение	
со стороны правящих властей и полиции.....	104
Модели политической коммуникации.....	116
Глава IV. Модели приверженности политическим партиям.....	125
Имиджи сторонников разных партий.....	126

	Психологическая дистанция между партиями: брак в соответствии с политической принадлежностью и вопреки ей	137
	Поток чувств от сообщества к политике	150
	Типы партийных приверженцев	163
ГЛАВА V.	ОБЯЗАННОСТЬ УЧАСТВОВАТЬ	167
	Что такое хороший гражданин?	170
	Различие между странами в характеристиках местной власти	172
	Различие между странами в чувстве гражданского долга и гражданских обязанностей	178
	Картины демографического распределения	188
ГЛАВА VI.	ЧУВСТВО ГРАЖДАНСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ	191
	Распределение субъективной компетентности	197
	Стратегия влияния	203
	Общенациональная компетентность	220
	Социальные группы и субъективная компетентность	221
ГЛАВА VII.	ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ПОДДАННИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ	233
	Чувство административной компетентности	235
	Гражданская и подданническая компетентность	237
ГЛАВА VIII.	КОМПЕТЕНТНОСТЬ, УЧАСТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ	255
	Компетентность и демократические ценности	277
	Уверенный в себе гражданин: заключение	280
ГЛАВА IX.	СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ КООПЕРИРОВАНИЕ	283
	Свободное время и общественная активность	284

Оценка коммуникативных качеств характера	287
Чувства безопасности и отзывчивость.	288
Социальные установки и политическое кооперирование	292
Гражданское кооперирование и свобода общения	300
Гражданское кооперирование и социальные ценности	301
Гражданское кооперирование и доверие к людям.	306
Интенсивность партийной приверженности и интеграция политики и общества.	312
Заключение.	322
Глава X. Членство в организациях и гражданская компетентность	329
Распределение добровольного членства в ассоциациях.	331
Членство в организациях и политическая компетентность.	338
Глава XI. Политическая социализация и гражданская компетентность	355
Теория политической социализации.	355
Раннее участие в принятии решений	365
Социальное участие и гражданская компетентность.	376
Заключение.	394
Глава XII. Профили стран и групп.	405
Страновые модели	406
Образование и политическая культура	416
Женщины и политическая ориентация	427

Другие демографические модели	441
Глава XIII. ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА	
и ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ	445
Нормы, виды восприятия и активность	454
Управление эмоциями	466
Консенсус и раскол	469
Политическая культура	
и стабильная демократия	474
Источники гражданской культуры	481
Будущее гражданской культуры	486
УКАЗАТЕЛЬ	492

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это новое издание книги «Гражданская культура» в мягкой обложке появляется спустя 25 с лишним лет после выхода в свет первого ее издания. За время своей жизни данное издание выдержало 14 допечаток тиража. Сейчас его переиздали одновременно с пересмотренной версией этой книги, получившей название «Снова о гражданской культуре» («The Civic Culture Revisited»), — версией, которая осовременила собранные данные, доведя их до 1980 г., и которая содержала отчет о полемике, вызванной более ранним изданием книги. Многократно повторявшаяся допечатка названных книг и их доступность социологам, а также другим специалистам в области общественных наук оправдывается тем фактом, что полемика вокруг гражданской культуры по-прежнему продолжает занимать важное место в политической теории.

Наряду с тем что «Гражданская культура» повсеместно признается основополагающим исследованием в области сравнительной политологии, равно как и вкладом в теорию демократии, ее репутация во многом обязана также тому, что в ней превозносятся те стабилизирующие последствия, которые имеет для демократии политическая апатия. В этой связи важен выбор времени для данного исследования. Оно было задумано в конце 1950-х годов. Все необходимые опросы организовывались в 1959 и 1960 г. Для концепции этой книги была весьма важна предшествовавшая история демократии, ее недавнее прошлое. Авторы оглядывались на исторический опыт 1930-х, 1940-х и 1950-х годов, на ту трагическую череду крахов демократических принципов, политических провалов и актов фашистской агрессии, кульминацией которых стала Вторая мировая война. Но авторы смотрели также вперед, проявляя интерес к проблемам послевоенной демократической стабилизации в странах континентальной Европы и демократической модернизации в недавно освободившихся регионах «третьего мира».

Из проведенного исследования со всей очевидностью вытекало, что демократизация европейского континента

и демократизация «третьего мира» будет означать нечто большее, чем простое введение или повторное установление всеобщего избирательного права и разнообразных политических институтов, обеспечивающих общенародное правление. Можно ли было вообще извлечь какие-нибудь уроки из демократической истории последних десятилетий? В основу «Гражданской культуры» был положен тезис о том, что и в процессах демократизации, и в демократической стабилизации важную роль играют — в дополнение к политическим, экономическим и социальным факторам — тонкие и сложные по своей природе ценности, установки и навыки.

У той традиции, к которой принадлежит «Гражданская культура», древняя и достославная родословная. Ее можно было бы описать как традицию «утра после попойки» демократической теории, т.е. периода ее отрезвления. Начало этой традиции положил еще Аристотель, когда размышлял о падении демократических Афин и системы греческих городов-государств. Продолжил ее греческий раб Полибий¹, стремившийся передать эти уроки своим римским господам в период аграрных беспорядков конца второго столетия до новой эры. Та же традиция описывает настроения Макиавелли в хаотичной медицейской и республиканской Флоренции конца XV и первых десятилетий XVI в. Размышления Джеймса Мэдисона и Александра Гамильтона о неудачах

---

¹ Вряд ли древнегреческого историка Полибия (около 200 — после 118 до н. э.) можно назвать рабом. Его отец Ликорт был одним из вождей (стратегом) Ахейского союза, а сам Полибий в 170—169 гг. до н. э. служил гиппархом (начальником конницы) при римском полководце Луции Эмилии Павле, который стоял во главе союзных римско-греческих войск, ведших войну с македонским царем Персеем. Сам Полибий после поражения Персея при Пидне в 168 г. до н. э. был в числе 1000 знатных ахейцев отправлен заложником в Италию по обвинению в недостаточно активной поддержке римлян. И если других заложников распределили по разным городам, то Полибия оставили в Риме — по просьбе Эмилия Павла, сделавшего его наставником своих сыновей. В Риме он прожил около 16 лет и сблизился с видными римскими полководцами и политическими деятелями, в том числе со Сципионом Африканским Младшим. Полибий — автор написанной уже после возвращения в Грецию «Истории» в 40 книгах, из которых сохранились полностью лишь первые пять, остальные или утеряны, или дошли в отрывках либо в пересказах разной подробности. В этом труде он стремился объяснить, каким образом весь тогдашний цивилизованный мир примерно за 50 лет оказался во власти Рима. — *Прим. перев.*

ранних систем власти в североамериканских штатах, которые нашли отражение в «Записках федералиста» («Federalist Papers»), также принадлежат к этой трезвой демократической традиции, равно как и соображения Алексиса де Токвиля о провалах и трагедиях французской революции, изложенные в его работе «Старый порядок и революция». Хотя Джона Стюарта Милля обычно относят к более оптимистической школе демократической теории, есть смысл отметить, что по зрелом размышлении он пересмотрел свое мнение об ответственности тех, кто составляет большинство. И, конечно же, когда Уолтер Бейджхот изучал тайны британской системы власти, он размышлял еще и над пестрым демократическим опытом стран континентальной Европы на протяжении XIX столетия¹.

В нынешние времена подобный подход описывает образ мыслей таких исследователей, как Йозеф Шумпетер, Пендлтон Херринг, В. О. Кей, Дэвид Трумэн, Роберт Даль, С. М. Липсет, Джованни Сартори, а также многих других, которые в свои молодые годы наблюдали коллапс европейских демократий наряду с брутализацией их жизни и культуры и которые принимали участие в самой разрушительной войне за всю человеческую историю. Так или иначе, в ходе хаотичных 1960–1970-х годов этот отрезвляющий и здравомыслящий исторический багаж, эти периодически повторяющиеся усилия изобрести и надежно защитить такую социальную и политическую структуру, которая приспособила бы общенародное правление к сохранению свободы, а также благоприятствовала бы правосудию и порядку, ушли в тень.

Характеристика «Гражданской культуры» как книги, где восхваляется всенародная апатия, возникла из расхожего настроения, получившего хождение также в академических кругах и считавшего маловажными такие вещи, как выработ-

---

¹ Уолтер Бейджхот (1826–1877) – не очень известный у нас британский экономист, политолог, журналист и писатель. В мире его больше всего знают как автора книги «Английская конституция» (1867), где проанализирована политическая система Великобритании и показано, какая пропасть лежит между реальной властью, находящейся в руках правительства и палаты общин, и формальными ее атрибутами, каковыми, по мнению Бейджхота, являются монархия и палата лордов. — *Прим. перев.*

ка политического курса, принятие политических решений и та сторона демократического правления, которая касается качества функционирования властных структур. Это настроение упускало из вида, не только что демократия требовала всенародного участия, но и что избранные народом лидеры должны так же править и что такое правление требовало обязательности, терпения и доверия. Именно эту необходимую смесь активизма и участия с другими важными ингредиентами как раз и превозносит «Гражданская культура».

Настоящее исследование гражданской культуры не смотрит на демократические недостатки в Соединенных Штатах и Великобритании с чувством самоуспокоенности, а тем более самодовольства. Именно этот вопрос находился в центре внимания авторов, когда они писали в своем предисловии к первому изданию: «Наши выводы ни в коем случае не должны вести читателя к самоуспокоенности в вопросе о демократии в... Великобритании и Соединенных Штатах. Пока существенным сегментам их населения препятствуют или даже отказывают в полном участии в политической системе и в доступе к каналам социального совершенствования, демократические обещания обеих этих стран остаются невыполненными...» Что же касается самодовольства и наивности в связи с перспективами «третьего мира», то тут читатель должен обратиться к последним абзацам заключительной главы.

ГЛАВА I

Подход

К ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Настоящая книга представляет собой исследование политической культуры демократии, а также тех социальных структур и процессов, на которые она опирается. Свойственная эпохе Просвещения вера в неизбежный триумф человеческого разума и свободы оказывалась в недавние десятилетия дважды поколебленной¹. Распространение фашизма и коммунизма после Первой мировой войны породило на Западе серьезные сомнения по поводу неизбежности и жизнеспособности демократии. И до сих пор мы все еще не вправе быть уверенными в том, что континентальные европейские страны найдут для себя стабильную форму демократического процесса, которая отвечает специфике конкретных форм их культуры и социальных институтов. И точно так же мы можем лишь не более чем надеяться, что они совместно сумеют раскрыть и развить европейскую демократию.

Так и не успев первым делом до конца развеять и разрешить указанные сомнения, дальнейшие события, случившиеся после Второй мировой войны, поставили целый ряд вопросов о будущем демократии уже в мировых масштабах. «Взрывы национальных чувств» в Азии и Африке и почти повсеместное давление со стороны ранее зависимых и изолированных народов, добивающихся, чтобы их допустили в современный мир, вписывают эту довольно специфическую политическую проблему в более широкий контекст будущего облика мировой культуры. Культурные перемены обрели в мировой истории новую значимость. То медленное, на ощупь продвижение к просвещению и господству над природой, импульс к которому возник на Западе три или четыре

---

¹ Здесь и далее следует иметь в виду, что эта книга писалась в начале 1960-х годов на основе свежих материалов, а ее первое издание вышло в 1963 г. — *Прим. перев.*

столетия назад, стало общемировым процессом, и его темп ускорился, измеряясь уже не столетиями, а десятилетиями.

Центральный вопрос публичной политики в последующие десятилетия состоит в том, каким станет содержание этой нарождающейся мировой культуры. У нас уже есть частичный ответ на данный вопрос, и мы могли бы предсказать его, исходя из наших знаний о процессах диффузного распространения культуры¹. Сама диффузия материальных товаров и способов их производства вызывает, по-видимому, меньше всего трудностей. Вполне очевидно, что эти аспекты западной культуры распространяются быстро — наряду с технологией, от которой они зависят. Так как экономическая модернизация и межгосударственная унификация требуют крупных общественных накладных расходов в виде инвестиций в транспорт, коммуникации и образование и так как они, в свою очередь, делают необходимыми налогообложение, регулирование и администрирование, модель рациональной бюрократии тоже распространяется относительно легко. Идея эффективной бюрократии имеет много общего с идеей рациональной технологии. Люсиан Пай говорит о современной социальной организации как об основанной на организационной технологии². Социальная организация — так же как инжиниринг и технология — представляет собой сочетание рациональности и властных полномочий. Инжиниринг означает применение рационального подхода и властных полномочий к материальным объектам; современная социальная организация — это их применение к отдельным людям и социальным группам. Хотя незападный мир пока еще далек от умения успешно развивать индустриальную технологию и эффективную бюрократию, почти нет сомнений в том, что ему хочется иметь эти институты и что у него есть некоторое их понимание.

А вот что проблематично в вопросе о содержании такой нарождающейся мировой культуры, так это ее политический характер. Хотя движение в сторону технологии и рациональной организации наблюдается во всем мире

---

¹ Ralph Linton. *The Study of Man: An Introduction*, New York, 1936, p. 324–346.

² Committee on Comparative Politics. Social Science Research Council, *Memorandum on the Concept of Modernization*, November 1961.

и, можно сказать, почти в одинаково высокой степени, направление политических изменений менее ясно. Но все-таки один из аспектов этой новой общемировой политической культуры бросается в глаза: она будет политической культурой участия. И если по всему миру действительно продолжает продвигаться политическая революция, то ее можно было бы назвать взрывообразным выплеском участия. Во всех новых, недавно освободившихся странах нашей планеты широко распространена убежденность в том, что рядовой человек политически релевантен, что он непременно должен быть вовлечен в качестве активного участника политической системы. Большие группы людей, которые раньше находились вне политики, требуют доступа в политическую систему. И лишь редкие представители политических элит не подтверждают своей приверженности этой цели.

Хотя похоже, что в этой приближающейся общемировой политической культуре определяющую роль будет играть вышеупомянутый взрывообразный выплеск участия, нет уверенности в том, каким будет режим этого участия. Страны, недавно ставшие независимыми, видят перед собой две разные модели современного участнического¹ государства — демократическую и тоталитарную. Демократическое государство предлагает обычному человеку возможность принимать участие в процессе принятия политических решений в качестве влиятельного и влияющего гражданина; тоталитарное отводит ему роль «участвующего подданного»². Оба эти режима притягательны для недавно освободившихся государств, и какой из них в конечном итоге победит — если, понятное дело, не появится некий реальный сплав того и другого — предсказать невозможно.

Если эти новые, недавно ставшие независимыми страны намерены развить у себя демократическую модель участнического государства, то им потребуется нечто большее, чем

---

¹ Некоторые отечественные авторы предпочитают в этом контексте термин «партиципационный». — *Прим. перев.*

² См. Frederick C. Barghoorn, «Soviet Political Culture», a paper prepared for the Summer Institute on Political Culture, sponsored by the Committee on Comparative Politics «Social Science Research Council Summer 1962».

формальные институты демократии — всеобщее избирательное право, политические партии и избираемая законодательная власть. Все перечисленные институты фактически являются также компонентами тоталитарной модели участия — если не в функциональном, то хотя бы в формальном смысле. Демократическая форма политической системы, рассчитанной на участие, требует наряду со всем названным еще и совместимой с ним политической культуры. Но перенос политической культуры западных демократических государств в развивающиеся страны наталкивается на серьезные трудности. На то есть две главные причины. Первая из них связана с самой природой демократической культуры. Великие идеи демократии: свобода и достоинство личности, принцип правления с согласия управляемых — возвышенны и вдохновенны. Они захватывают воображение многих лидеров самых разных государств — и новых, и тех более старых, которые модернизируются. Но рабочие принципы демократической политики¹ и ее гражданской культуры — способы принятия решений политическими элитами, их нормы и установки, равно как нормы и установки обыч-

---

¹ В этой книге английский термин *polity* переводится именно так — вслед за выполненным Л. А. Галкиной под ред. А. М. Салмина добротным — хотя порой и достаточно вольным — переводом основных фрагментов первой главы данного труда Алмонда и Вербы (см. журнал «Полития», 2010, № 2, р. 122–144 и 2010, № 3–4, р. 207–221). В предисловии к этому тексту говорится, что он является переводом первой и второй глав, хотя на самом деле напечатан лишь перевод основной части первой главы (без двух обширных последних разделов), причем не в ее окончательной редакции 1989 г. (кстати говоря, вполне возможно, что в той редакции оригинала, с которой работала Л. А. Галкина, текст, переведенный в журнале «Полития», составлял именно две главы). Указанный перевод, а также сокращенный — и, заметим, гораздо более слабый, а порой и просто не очень профессиональный — перевод фрагментов последней главы настоящего труда (авторы упомянутого предисловия называют ее 15-й, хотя на самом деле это гл. XIII), который опубликован в журнале «Полис» (1992, № 4, р. 122–134) под названием «Гражданская культура и стабильность демократии», так или иначе привлекались к работе над данным полным переводом — и я рад с благодарностью отметить это обстоятельство, равно как и с удовольствием констатировать довольно частые совпадения — порой едва ли не дословные — наших переводческих решений, особенно в первой из глав. — *Прим. перев.*

ного гражданина, а также его отношение к властным структурам¹ и к своим согражданам — представляют собой более тонкие компоненты культуры. Им присущи более расплывчатые диффузные свойства мировоззренческих систем или кодексов межличностных отношений, которые, по утверждениям антропологов, распространяются лишь с большими трудностями, претерпевая в ходе этого процесса существенные изменения.

Фактически западная социология в настоящее время только приступила к кодификации операциональных характеристик самой демократической политики. Возраст доктрины и практики рациональной бюрократии как инструмента демократической политической власти еще не достиг даже ста лет. Сомнения относительно возможности нейтральной бюрократии были высказаны в Англии довольно давно, еще в 1930-е годы, да и на европейском континенте такого рода сомнения сегодня широко распространены. Сложная инфраструктура демократической политики: политические партии, группы интересов и средства массовых коммуникаций, а также понимание внутренних механизмов их функционирования, операциональных норм и социально-психологических предпосылок стали осознаваться на Западе только сейчас. Посему имидж демократической политики, который передается элитам новых, недавно освободившихся стран, оказывается смутным и неполным, причем в нем очень сильно выпячиваются идеология и правовые нормы. А ведь главное, что надлежит усвоить по поводу демокра-

---

¹ В оригинале здесь (и в очень многих других местах) использован термин *government*, который в этой монографии чаще всего означает вовсе не «правительство», как его обычно понимают и переводят (в том числе и в упомянутых выше фрагментарных переводах), а «властные структуры», «органы власти» (центральные и/или местные) либо, реже, «система правления» или «форма правления». Особенно неверен перевод термина *government* как «правительство» применительно к США. Там это понятие относится как ко всем трем ветвям власти: законодательной, исполнительной и судебной, так и фактически ко всем уровням государственного управления: национальному (федеральному), штатному, муниципальному, а также к уровню округа [county] и участка («тауншип»), школьного округа и других специальных, порой совсем небольших и/или экзотических округов. — *Прим. перев.*

тии, — это проблематика установок и чувств, а таким вещам гораздо труднее учиться.

Вторая основополагающая причина, по которой распространение демократии в новых странах сталкивается с трудностями, — это объективные проблемы, стоящие перед указанными странами. Они вступают на арену истории с архаичными технологиями и социальными системами; при этом их влечет к себе блеск и мощь технологической и научной революций. Нетрудно понять, почему их должен манить технократический имидж политики — такой политики, где доминирует авторитарная бюрократия, а политическая организация становится инструментом личностной и социальной инженерии, служащим для манипулирования людьми.

Однако почти в каждом случае — хотя и в разной степени — лидеры модернизирующихся стран хорошо осознают те деформации и риски, которые сопутствуют принятию авторитарной формы политики. Хотя они и не в состоянии полностью понять тонкую сбалансированность демократической политики и все нюансы гражданской культуры, они склонны признавать их легитимность как выражение устремленности по направлению к созданию гуманной политики. Характеризуя ситуацию этих лидеров, мы оставили в стороне один существенный элемент. Ибо хотя и верно, что руководители новых стран зачарованы наукой и техникой, что их тянет к жаждающей перемен и новизны технократической политике как средству приобщения к новым благам и возможностям современного мира, они вместе с тем остаются продуктами своих традиционных культур и предпочли бы осторожно, мягко работать именно с этими культурами, если бы такой выбор был им доступен.

Гражданская культура

Гражданская культура рекомендует себя как ответ на указанную двойственность. Ибо гражданская культура — это не просто современная культура, а такая культура, в которой современность сочетается с традицией. И пример того, каким образом может развиваться подобная культура, предлагает нам Великобритания. Становление гражданской культуры

в этой стране может истолковываться как результат целой серии столкновений между модернизацией и традиционализмом — столкновений, достаточно острых для того, чтобы привести в итоге к значительным переменам, но вместе с тем не настолько острых или не настолько сконцентрированных во времени, чтобы породить дезинтеграцию или поляризацию. Великобритания — частично по причине безопасности своего островного расположения — вступила в эру национальной консолидации и абсолютизма, будучи способной куда терпимее относиться к большей развитости аристократической, местной и корпоративной автономии, чем могла себе позволить континентальная Европа. В этой стране первым шагом на пути к секуляризации стало отделение от Римско-католической церкви и начальные проявления толерантного отношения к религиозному многообразию. Вторым шагом явилось возникновение процветающего и уверенного в себе торгово-купеческого сословия, а также активное вовлечение двора и аристократии в разного рода риски и расчеты, связанные с торговлей и широко понимаемой коммерцией.

Независимые аристократы, обладающие прочной и надежной местной властью в сельской глубинке, бесстрашные нонконформисты, богатые и уверенные в себе торговцы — вот те силы, которые трансформировали традицию феодальных поместий в парламентскую традицию и позволили Британии пройти через эру абсолютизма, не разрушив своего плюрализма. В итоге, когда Великобритания вступила в эпоху промышленной революции, ее элиты обладали такой политической культурой, которая давала возможность без резких разрывов преемственности адаптироваться к происходившим в XVIII—XIX вв. масштабным и быстрым изменениям социальной структуры. Аристократы-виги сочли возможным войти в коалицию с нонконформистски настроенными торговцами и промышленниками, чтобы установить, а затем и надежно утвердить принципы парламентского верховенства и представительства. Традиционные аристократические и монархические силы усвоили эту гражданскую культуру в степени, достаточной для того, чтобы конкурировать за общенародную поддержку с секуляристскими тенден-

циями, а на самом деле даже умерить рационализм последних и привить им любовь и уважение к святости страны и ее древних институтов.

То, что возникло в итоге, стало третьей культурой — и не традиционной, и не современной, а вобравшей в себя их обе. Это была плюралистическая культура, основанная на коммуникации и убеждении, культура консенсуса и разнообразия, культура, которая допускала изменения, но умеряла их. Это и была гражданская культура. С такой гражданской культурой, уже консолидированной, трудящиеся классы могли войти в политическую жизнь, а затем в процессе проб и ошибок находить язык, позволявший им излагать свои требования, и находить средства, позволявшие достичь их реализации. Именно в этой культуре разнообразия и консенсуальности, рационализма и традиционализма могла развиваться структура британской демократии: парламентаризм и представительство, агрегированные политические партии и ответственная, нейтральная бюрократия, группы интересов, которые готовы к сотрудничеству и торгу, а также автономные и нейтральные средства массовой коммуникации. Английский парламентаризм включал в себя традиционные и современные силы; партийная система агрегировала и комбинировала их; бюрократия стала ответственной перед новыми политическими силами; наконец, политические партии, группы интересов и нейтральные средства массовой коммуникации непрерывно сцеплялись с существовавшими в обществе распыленными группировками по интересам и с его первичными коммуникационными сетями.

Мы сконцентрировались на британском опыте, потому что британская история представляет собой цельное и полное повествование о возникновении гражданской культуры, тогда как в Соединенных Штатах и странах «Старого Содружества¹» события начали развиваться уже после того, как не-

---

¹ Примерно после Второй мировой войны Великобританию и ее существовавшие к этому времени «белые» доминионы (Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.) стали неофициально называть Старым Содружеством, особенно после того, как начались разногласия между некоторыми этими странами и менее богатыми новыми членами Британского Содружества из Африки и Азии. — *Прим. перев.*

которые из важных битв были выиграны. Фактически в ходе XIX в. развитие демократической культуры и инфраструктуры шло в Соединенных Штатах быстрее, четче и недвусмысленнее, нежели в Великобритании, поскольку Соединенные Штаты были новым и быстро прогрессирующим обществом, которому практически не препятствовали никакие традиционные институты. Хотя базовые модели гражданской культуры в Великобритании и Соединенных Штатах похожи, ее конкретное содержание в этих странах несколько различается, отражая различия в их национальных историях и социальных структурах.

На европейском континенте ситуация менее однородна. Хотя существующие там модели во многих отношениях отличаются от наблюдающихся в Великобритании и Америке, все же Скандинавские страны, страны Бенилюкса¹ и Швейцария, как представляется, выработали собственную версию политической культуры, а также практику ее приспособления и достижения компромиссов. Во Франции, Германии и Италии конфликты между модернизационными тенденциями и традиционными властными силами выглядят слишком глубокими и слишком трудно поддающимися компромиссам, чтобы там могла возникнуть приемлемая и разделяемая всеми культура политического примирения. Гражданская культура присутствует здесь в форме устремлений, а до достижения истинной демократической инфраструктуры все еще далеко.

Таким образом, гражданская культура и открытая политика представляют собой великие и вместе с тем проблематичные дары Запада. В наше время технология и наука Запада уже перестали быть его исключительным достоянием, ныне они повсюду разрушают и трансформируют традиционные общества и культуры. Сможет ли открытая политика и гражданская культура — этот изобретенный человеком гуманный и консервативный способ справляться с социальными изменениями и широким участием — тоже распространиться столь же повсеместно?

---

¹ Бенилюкс — сокращенное название таможенно-экономического союза трех европейских стран: Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. — *Прим. перев.*

Когда мы рассматриваем происхождение открытой политики и гражданской культуры — или даже ограничиваемся лишь рассмотрением тех территорий западного мира, где их возникновение все еще вызывает сомнения, — мы можем пасть жертвой одного из двух нижеследующих настроений или даже обоих сразу. Первое из них — это ощущение благоговейного трепета перед таинством процесса, посредством которого человечество на одной, совсем маленькой части земного шара двинулось в направлении гуманного и разумного обуздания насилия, нащупывая пути его трансформирования в конструктивный инструмент, который доступен всем заинтересованным. В качестве таинства это явление становится уникальным культурным наследием, недоступным для чужаков. Второе настроение — это чувство пессимизма, которое, похоже, пришло на смену настроению демократического оптимизма, существовавшему перед Первой мировой войной. Каким образом можно пересадить некий набор договоренностей и установок, столь хрупких, столь замысловатых и столь тонких, куда-то за пределы их исторического и культурного контекста? Или по-другому: как могут все эти рафинированные нюансы и эти гуманные правила этикета выживать даже среди нас самих в мире, который, будучи зажатым в тиски современной науки и техники, совсем одичал и вырвался из-под контроля, став разрушительным и для традиции, и для общества, и, возможно, для самой жизни?

Никто не в состоянии дать однозначные и категорические ответы на эти вопросы. Но мы, как ученые-социологи, можем поставить указанные вопросы таким образом, чтобы получить полезные ответы. Хотя мы можем разделять ощущение изумления и трепетного благоговения перед изощренной замысловатостью демократических механизмов и уникальностью того исторического опыта, откуда они возникли, мы стоим перед лицом такого современного исторического вызова, на который это ощущение, взятое само по себе, не является адекватной ответной реакцией. Если мы намерены ближе подойти к пониманию проблем распространения демократической культуры, то должны быть в состоянии четко указать содержание того, *что именно* надлежит распространять, выработать для него подходящие измери-

тели и выявить его количественную встречаемость, а также демографическое распределение в странах с широким диапазоном опыта в области демократии. Лишь вооружившись таким знанием, мы можем разумно рассуждать о том, «сколько чего» должно находиться в стране, прежде чем демократические институты смогут укорениться в ней, опираясь на гармонизированные с ними установки и ожидания.

Усилия по решению этой проблемы обычно базировались на впечатлениях и умозаключениях, вынесенных из истории, на соображениях, логически выведенных из демократической идеологии, на определенных видах социологического анализа или же на плодах психологических озарений. Поэтому в наших усилиях по оценке перспектив демократии в таких странах, как Германия и Италия, либо в развивающихся регионах незападного мира мы часто пытаемся извлекать «уроки» из британской и американской истории. Утверждалось, например, что в эффективную демократизацию совокупно внесли свой вклад как длительная непрерывность британского и американского политического опыта, так и постепенность процесса происходивших там перемен. Аналогично жизненно важным для развития стабильных демократических институтов в Великобритании, Старом Содружестве и Соединенных Штатах считался рост энергичного и многочисленного среднего класса, а также развитие протестантства, и в особенности его разнообразных неконформистских сект. Предпринимались также попытки вывести из этого многостороннего опыта некие стандарты и типовые правила, определяющие, какие установки и какое поведение должны иметь место в других странах, если те намерены становиться демократическими.

Еще более привычным делом, нежели построение умозаключений на базе истории, была присущая нам тенденция выводить критерии того, что подлежит распространению, из институциональных и идеологических норм самой демократии. При этом утверждалось, что если демократическая система основывается на разделении влияния среди всего взрослого населения в целом, то, дабы избежать краха этой системы, индивид должен разумно использовать свои силы и возможности во благо политики. Теоретики демократии,

от Аристотеля и до Брайса¹, подчеркивали, что демократии поддерживаются активным участием граждан в гражданских делах, высоким уровнем информированности о публичных делах и широко распространенным ощущением гражданской ответственности. Такие теоретические взгляды говорят нам о том, как должен выглядеть демократический гражданин, если он намерен вести себя в соответствии с требованиями демократической системы.

Есть еще и третий тип исследования тех условий, которые благоприятствуют развитию стабильной демократии, — это изучение экономических и социальных условий, ассоциирующихся с демократическими системами. И Липсет, и Коулман обнаруживают сильную корреляцию между количественными показателями модернизации и демократизации². Основная проблема, представленная в их исследованиях, состоит в том, что о культурных и психологических последствиях «модернизационных» технологий и процессов нам остается лишь строить предположения. Мы знаем, что по сравнению с другими политическими системами демократиям свойственна тенденция иметь больше грамотных и образованных людей, что в них выше доход в пересчете на душу населения и уровень благосостояния, а также что они в большей степени пользуются прелестями современной цивилизации. Но анализ подобного типа не только упускает из вида психологические основания демократизации; он, кроме того, не в состоянии объяснить и существенные девиантные случаи. В итоге Германия и Франция, которые занимают высокие места по количественным показателям модернизации,

---

¹ Джеймс Брайс, виконт (1838–1922) — британский политический деятель, дипломат и историк; более всего известен весьма успешной деятельностью в ранге посла в США (1907–1913) и своим исследованием американской конституции «The American Commonwealth» («Американское содружество», 1888; у нас это сочинение иногда называют «Американская республика»), которое и сегодня остается классическим. Среди других его работ — «Священная Римская империя» (1864), связывающая возникновение и развитие этой державы с особенностями средневекового мировоззрения, и «Современные демократии» (1921), где подробно описываются правовые нормы государственного устройства. — *Прим. перев.*

² Seymour M. Lipset, *Political Man*, New York, 1960, p. 45 ff.; Gabriel A. Almond and James Coleman, *The Politics of the Developing Areas*, Princeton, N. J., 1960, p. 538 ff.

классифицированы Липсетом как нестабильные демократии. А у Кубы и Венесуэлы — стран, которые по своему экономическому развитию находятся в Латинской Америке на лидирующих позициях, существует долгая история диктатур и нестабильности. Исследования такого типа довольно убедительны, когда речь идет о выдвижении гипотез, но они не дают нам прямого ответа на вопрос, какого рода кластер установок ассоциируется с демократией.

Еще один тип подхода к проблематике культуры и психологии демократии отталкивается от глубоких идей и мудрых озарений психоанализа. Дальше всех продвинулся в указании личностных качеств «демократа» Гарольд Лассуэлл¹. В свой перечень демократических свойств характера он включает (1) «открытое эго», под которым подразумевается установка на теплое, равнодушное отношение к другим людям; (2) способность разделять ценности других и делиться своими ценностями с другими; (3) ориентация скорее на многие, чем на единственную ценность; (4) доверие к окружающим людям и уверенность в них, а также (5) относительная свобода от страхов и тревожности. Хотя зависимость между этими характеристиками и демократическим поведением представляется ясной, отмеченные Лассуэллом демократические качества не являются конкретно *политическими* установками и чувствами и на самом деле с ними можно довольно часто столкнуться в обществах, которые по своей структуре отнюдь не принадлежат к демократическим.

Наше исследование произрастает из всей этой совокупности теорий о характеристиках и предпосылках культуры демократии. Все, что мы проделали, сводится к серии экспериментов, предназначенных для тестирования некоторых из вышеуказанных гипотез. Вместо того чтобы делать заключения о свойствах демократической культуры на основании политических институтов или социальных условий, мы попытались установить ее содержание посредством исследования психологических установок в ряде действующих демократических систем. И вместо того чтобы

---

¹ *The Political Writings of Harold D. Lasswell*, Glencoe, Ill., 1951, p. 495 ff.; H. D. Lasswell, *Power and Personality*, New York, 1946, p. 148 ff.

выводить социально-психологические предпосылки демократии из психологической теории, мы стремились установить, действительно ли в функционирующих демократических системах соответствующие зависимости фактически существуют и насколько они сильны. Мы не утверждаем, что наше исследование положит конец всем спекуляциям, а также предоставит точные и хорошо протестированные суждения, образующие законченную теорию демократии. Скорее мы говорим о том, что какие-то из наших суждений выдержат проверку эмпирически-количественным анализом, тогда как другие — нет. Эта экспериментальная стадия должна фокусировать и направлять исследование, давая некоторые ответы на старые вопросы и ставя целый ряд новых вопросов.

Кроме того, мы надеемся внести вклад в развитие научной теории демократии и еще в одном отношении. До сих пор самый большой объем эмпирических работ по вопросу о демократических установках выполнялся в Соединенных Штатах. В наше исследование мы в дополнение к своей собственной стране включили еще Великобританию, Германию, Италию и Мексику. Причины, по которым мы выбрали эти конкретные страны, обсуждаются ниже. Данное исследование, охватившее сразу пять стран, предоставило нам возможность уйти от прежнего узкоамериканского местничества и выяснить, действительно ли закономерности, выявленные на материале США, наблюдаются и в тех демократических странах, где исторический опыт, а также политические и социальные структуры отличаются от американских, а также при переходе от одной страны к другой.

Типы политической культуры

В нашем сравнительном анализе политических культур пяти современных демократий мы используем целый ряд понятий и способов классификации, которые будет полезно конкретизировать и определить. Мы говорим о «политической культуре» страны, а не о «национальном характере» или же о «модальной [т.е. наиболее вероятной] личности», а также о «политической социализации», а не о развитии ребенка

или о воспитании ребенка в общем смысле вовсе не потому, что отвергаем психологические и антропологические теории, соотносящие политические установки с другими компонентами личности, и не потому, что отмечаем те теории, где подчеркивается зависимость между развитием ребенка в общем смысле и приобщением ребенка к его взрослым политическим ролям и установкам. На самом деле данное исследование было бы невозможно провести без предшествующей работы тех историков, социальных философов, антропологов, социологов, психологов и психиатров, которые всесторонне изучали зависимости между психологическими и политическими характеристиками народов и стран. В частности, на наше исследование сильно повлиял «культурно-личностный», или «психокультурный», подход к изучению политических явлений. В рамках этого подхода за последние 25 лет проведено много исследований и опубликовано много значимой теоретической и монографической литературы¹.

---

¹ Общие теоретические положения в обоснование данного подхода можно найти, среди прочего, в следующих работах: Ruth Benedict, *Patterns of Culture*, New York, 1934; Alex Inkeles and Daniel Levinson, «National Character: The Study of Modal Personality and Socio-Cultural Systems», in Gardner Lindzey (ed.), *Handbook of Social Psychology*, Cambridge, Mass., 1954, Vol. II; Bert Kaplan (ed.), *Studying Personality Cross-Culturally*, Evanston, Ill., 1961; Abram Kardiner, *The Psychological Frontiers of Society*, New York, 1939; Kardiner, *The Individual and His Society*, New York, 1945; Clyde Kluckhohn, Henry Murray, and David Schneider, *Personality in Nature, Society, and Culture*, New York, 1955; Harold D. Lasswell, *Psychopathology and Politics*, in *Political Writings*, *op. cit.*; Nathan Leites, «Psychocultural Hypotheses About Political Acts», in *World Politics*, Vol. I, 1948; Ralph Linton, *The Cultural Background of Personality*, New York, 1945; Margaret Mead, «The Study of National Character», in Daniel Lerner and Harold D. Lasswell, *The Policy Sciences*, Stanford, 1951. Особенно уместна применительно к нашей работе следующая статья: Alex Inkeles, «National Character and Modern Political Systems», in Francis L. K. Hsu (ed.), *Psychological Anthropology*, Hornewood, Ill., 1961. И одним из наиболее значимых недавних вкладов в теорию национального характера и политической культуры является работа Люсиана Пая, Lucian W. Pye, *Politics, Personality, and Nation Building*, New Haven, 1962, автор которой не только развивает общую теорию личности и политических установок, но и параллельно применяет ее к исследованию бирманских моделей.

В числе исследований по Германии: R. Brickner, *Is Germany Incurable?* Philadelphia, 1943; H. V. Dicks, «Personality Traits and National Socialist Ideology», *Human Relations*, Vol. III., 1950; David Rodnick, *Postwar Germans*, New

Термин «политическая культура» мы употребляем по двум причинам. Во-первых, если мы собираемся выяснить взаимосвязи и зависимости между политическими и неполитическими установками и моделями развития, то должны отделить первые от последних — даже несмотря на то, что граница между ними далеко не столь резко выражена, как это могло бы следовать из нашей терминологии. Таким образом, термин «политическая культура» отсылает конкретно к политическим ориентациям — установкам по отношению к политической системе и различным ее частям, а также к установкам по отношению к роли собственного «я» в политической системе. Мы говорим о политической культуре точно так же, как можем говорить об экономической культуре или о культуре религиозной. Это совокупность ориентаций по отношению к особой совокупности социальных объектов и процессов.

Но мы также выбираем политическую культуру, а не какое-либо другое специальное понятие по той причине, что оно позволяет нам применять концептуальные рамки и подходы антропологии, социологии и психологии. Наше мышление обогащается, когда мы используем такие, к примеру, категории антропологии и психологии, как социализация, конфликт культур и аккультурация¹. Аналогично наша

Haven, 1948, Bertram Schaffner, *Fatherland. A Study of Authoritarianism in the German Family*, New York, 1948.

В числе исследований по Соединенным Штатам: Geoffrey Gorer, *The American People*, New York, 1948; Margaret Mead, *And Keep Your Powder Dry*, New York, 1942; David Riesman, *The Lonely Crowd*, New Haven, 1950.

В числе исследований по России: H. V. Dicks, «Observations on Contemporary Russian Behavior», *Human Relations*, Vol. V, 1952; Geoffrey Gorer and John Rickman, *The People of Great Russia*, London, 1949; Nathan Leites, *A Study of Bolshevism*, Glencoe, Ill., 1953; Margaret Mead, *Soviet Attitudes Toward Authority*, New York, 1951, Dinko Tomasic, *The Impact of Russian Culture on Soviet Communism*, Glencoe, 1953.

По Англии см.: Geoffrey Gorer, *Exploring English Character*, New York, 1955. По Франции см.: Nathan Leites, *On the Game of Politics in France*, Stanford, 1959; Rhoda Metraux and Margaret Mead, *Themes in French Culture*, Stanford, 1954; Lawrence Wylie, *Village in The Vaucluse*, Cambridge, Mass., 1957. Наконец, по Японии см.: Ruth F. Benedict, *The Chrysanthemum and The Sword*, Boston, 1946.

¹ Аккультурация понимается здесь как приобщение одного народа к культуре другого в процессе их контактов. Впрочем, этот термин — точнее, образованное от него прилагательное — далее употреблен в этой книге всего один раз, чуть ниже. — *Прим. перев.*

способность понимать возникновение политических систем и претерпеваемые ими трансформации растет, когда мы опираемся на весь корпус теории и на рассуждения, связанные с социальной структурой и социальным процессом как общими феноменами.

Мы осознаем тот факт, что антропологи вкладывают в термин «культура» много разнообразных смыслов и что, привнося его в концептуальный словарь политической науки, мы подвергаемся опасности импортировать наряду с его достоинствами также и всю присущую ему неоднозначность. Здесь мы можем лишь подчеркнуть, что применяем понятие «культура» только в одном из многих его значений: это *психологическая ориентация по отношению к социальным объектам*. Когда мы говорим о политической культуре общества, то подразумеваем политическую систему, как она интернализуется¹ в когнитивных способностях, познаниях, ощущениях и оценках тех, кто его составляет. Люди включаются в политическую культуру точно так же, как они социализируются в неполитических ролях и социальных системах. Конфликты политических культур имеют много общего с другими конфликтами культур, и аккультурационные политические процессы становятся понятнее, если мы рассматриваем их в свете разных форм сопротивления, а также тех фузионных (сплавляющих) и инкорпорирующих тенденций, которые присущи культурным изменениям в целом.

Таким образом, понятие политической культуры помогает нам избежать расплывчатой диффузности таких обобщенных антропологических терминов, как «культурный этос», а также предположения об однородности, которую подразумевает данное понятие. Это позволяет нам формулировать гипотезы о взаимоотношениях и зависимостях между различными компонентами культуры, а также проверять эти гипотезы эмпирически. С помощью концепции политической социализации мы можем пойти дальше довольно

---

¹ Здесь интернализация (internalization) — процесс, в ходе которого индивид познает и принимает в качестве обязательных социальные ценности и нормы поведения, характерные для его социальной группы или более широкой общности (см.: *Аберкромби Н. Социологический словарь*. М.: Экономика, 2004). — *Прим. перев.*

простых и поверхностных предположений психокультурной школы по поводу зависимостей между общими моделями развития ребенка и политическими установками взрослого. Появляется возможность соотнести конкретные политические установки и поведенческие предрасположенности взрослого с опытом тех манифестируемых и скрытых событий или переживаний, которые связаны с его политической социализацией в детстве.

Политическая культура народа или страны — это специфическое распределение моделей ориентации по отношению к политическим объектам у тех, кто принадлежит к населению данной страны. Но прежде чем мы сможем прийти к таким распределениям, нам необходимо располагать некоторым способом систематической привязки индивидуальных ориентаций к политическим объектам. Другими словами, мы должны определить и четко задать режимы политической ориентации и классы политических объектов. Как уже говорилось в другой публикации одного из авторов этой книги, наше определение политической ориентации и классификация ее типов следуют за идеями Парсонса и Шилза¹. «Ориентация» означает интернализированные аспекты объектов и зависимостей. В нее включаются (1) «когнитивная ориентация», т.е. знания и убеждения относительно политической системы, ее ролей и тех лиц, на которых возложено исполнение этих ролей, а также о том, что у нее на «входе» и что на «выходе»; (2) «эмоциональная ориентация», иными словами чувства и ощущения по отношению к политической системе, ее ролям, персоналу и качеству функционирования; и (3) «оценочная ориентация» — суждения и мнения о политических объектах, которые в типичных случаях представляют собой сочетание ценностных стандартов и критериев с информацией и чувствами.

При классификации объектов политической ориентации мы начинаем с «обобщенной» политической системы. Здесь мы имеем дело с системой как единым целым и включаем сюда такие чувства, как патриотизм или отчуждение, такие

---

¹ Gabriel A. Almond, «Comparative Political Systems», *Journal of Politics*, Vol. XVIII, 1956; Talcott Parsons and Edward A. Shils. *Toward a General Theory of Action*, Cambridge, Mass., 1951, p. 53 ff.

когнитивные суждения о стране и ее оценки, как «большая» или «маленькая», «сильная» или «слабая», а также оценки политики как «демократической», «конституционной» или «социалистической». На противоположном полюсе мы различаем ориентации по отношению к «я» как политическому актору; содержание и качество норм личных политических обязательств, а также содержание и качество ощущения личной компетентности перед лицом политической системы. При рассмотрении составных частей — компонентов политической системы мы в первую очередь различаем три широких класса объектов: (1) конкретные *роли* или *структуры*, такие как законодательные органы, органы исполнительной власти или бюрократия; (2) *исполнители* возложенных на них ролей, например такие, как конкретные монархи, законодатели и администраторы, а также (3) конкретные *политические действия, решения* или *проведение в жизнь* таких решений. Указанные структуры, исполнители и решения могут, в свою очередь, подвергнуться широкой классификации в зависимости от того, куда они вовлечены — в политический (или «входной») процесс либо в административный (или «выходной») процесс. Под «политическим» процессом, или процессом на «входе», мы понимаем поток требований от общества, поступающих в политику, и конвертирование этих требований во властные стратегии. К числу тех структур, которые преимущественно вовлечены в процессы на «входе», относятся политические партии, группы интересов и средства массовой коммуникации. Под административным процессом, или процессом на «выходе», мы понимаем такой процесс, посредством которого властные стратегии применяются или же проводятся в жизнь. К числу структур, которые преимущественно вовлечены в указанный процесс, относятся бюрократия и суды.

Мы осознаем, что любое такое различие вносит элемент насилия в реальную непрерывность политического процесса и в многофункциональность политических структур. Бюрократические органы и суды делают много такого, что принадлежит к широко понимаемой политике; в то же время структуры, которые мы помечаем как действующие на «входе» — скажем, группы интересов и политические пар-

тии, — часто занимаются мелкими вопросами администрирования и проведения принятых решений в жизнь. На что мы здесь обращаем внимание, так это на разницу в расстановке акцентов, которая чрезвычайно важна при классифицировании политических культур. То различие, которое мы проводим между участнической и подданнической политическими культурами, частично зависит от наличия или отсутствия ориентации на специализированные «входные» структуры. Для нашей классификации политических культур не столь уж важно, что эти специализированные «входные» структуры вовлечены также в качественную реализацию исполнительных функций проведения в жизнь принятых решений и что специализированные административные структуры вовлечены в качественное выполнение «входных» функций. Для нашей классификации важно, на какие политические объекты ориентируются индивиды, как они ориентированы на них и вовлечены ли эти объекты преимущественно в «восходящий» поток выработки политического курса или же в «нисходящий» поток проведения — иногда принудительного — этого политического курса в жизнь. Мы рассмотрим эту проблему более подробно, когда займемся определением основных классов политической культуры.

Мы можем свести все сказанное нами выше об индивидуальных ориентациях на политику в простую матрицу 3×4. Табл. I.1 говорит нам, что политическую ориентацию того или иного индивида можно подвергнуть систематическому изучению, если мы проанализируем следующее.

Таблица I.1

Разрезы политической ориентации			
1	2	3	4
Система как объект в целом	Объекты на «входе»	Объекты на «выходе»	«Я» как объект
Познание			
Эмоция			
Оценка			

1. Какими знаниями индивид располагает в общих чертах о своей стране и ее политической системе, ее

истории, размерах, местоположении, мощи, «конституционных» характеристиках и т.п.? Каково его эмоциональное восприятие этих системных характеристик? Каковы его более или менее продуманные мнения и суждения о них.

2. Какими знаниями он располагает о существующих структурах и ролях, о разнообразных политических элитах и о политических предложениях, которые присутствуют в восходящем потоке выработки политического курса? Каковы его чувства и мнения по поводу этих структур, этих лидеров и политических предложений.
3. Какими знаниями он располагает о нисходящем потоке проведения политического курса в жизнь, о структурах, индивидах и решениях, вовлеченных в эти процессы? Каковы его чувства, ощущения и мнения по поводу них.
4. Как он воспринимает самого себя в качестве члена своей политической системы? Какими знаниями он располагает о своих правах, полномочиях, обязанностях, а также о стратегиях, позволяющих обрести влияние? Каковы его чувства по поводу собственных способностей и возможностей? Какие нормы участия или качества функционирования он признает и использует при формулировании политических суждений или при выработке мнений?

Таблица I.2

Типы политической культуры

	Система как объект в целом	Объекты на «входе»	Объекты на «выходе»	«Я» как актив- ный участник
Парохиальная	0	0	0	0
Подданническая	1	0	1	1
Участническая	1	1	1	1

Охарактеризовать политическую культуру страны, в сущности, означает следующее: заполнить такого рода матрицу для полноценной и репрезентативной выборки ее населения. Политическая культура предстает в виде частоты различных видов когнитивных, эмоциональных и оценочных

ориентаций по отношению к политической системе в целом, к ее аспектам на «входе» и «выходе», а также к себе как политическому актору.

Парохиальная¹ политическая культура. Когда частота ориентаций на те специализированные политические объекты четырех видов, которые указаны в табл. I.2, приближается к нулю, мы можем говорить о данной политической культуре как о парохиальной. Политические культуры африканских родоплеменных обществ и автономных местных общин, о которых сообщал Коулман², попали бы именно в эту категорию. В таких обществах нет никаких специализированных политических ролей; обязанности предводителя племени, вождя клана, шамана — это размытые, или диффузные, политико-экономико-религиозные роли, и для членов таких обществ политические ориентации по отношению к этим ролям не отделены от религиозных и социальных ориентаций. Парохиальная ориентация подразумевает также относительное отсутствие ожиданий каких-либо перемен, инициированных политической системой. Парохиально настроенный индивид (парохиал) ничего не ждет от политической системы. Аналогично в централизованных африканских

---

¹ В русскоязычной научной литературе, так или иначе использующей идеи и подход Алмонда и Вербы, в данном контексте уже успел в значительной степени сложиться термин «патриархальная», хотя следует иметь в виду, что сами авторы используют совсем иной термин — *parochial*. Его основной перевод — «приходская», который, по-русски сущностно неприемлем как чисто церковный (в отличие от английского, где «приход» — это не только церковная, но еще и территориальная единица на уровне местного самоуправления). Однако и термин «патриархальная» неудачен, поскольку в нем полностью отсутствует территориальная направленность — он относится не к месту, а к укладу. Именно поэтому в последние годы вместо термина «патриархальная» в этом контексте все шире применяется чистая калька — «парохиальная». Однако у английского прилагательного *parochial* есть и другие значения, абсолютно лишённые церковного оттенка: узкая, ограниченная, замкнутая; местническая, провинциальная. Именно последний термин и было бы целесообразно, по нашему мнению, использовать (тем более что в этом случае имеется весь спектр производных терминов, в том числе и те, которые широко используются в тексте настоящей книги: провинциал, провинциальность, а также провинция как территориальная единица и др.); однако в данный момент слишком уж укоренился термин «парохиальная», на котором мы и остановились. — *Прим. перев.*

² Almond and Coleman, *Politics of the Developing Areas*, p. 254.

племенных образованиях и королевствах, к которым обращается Коулман, преобладают парохияльные варианты политической культуры, хотя появление и развитие в этих обществах несколько более специализированных ролей может сигнализировать и о начальных этапах возникновения более дифференцированных политических ориентаций. Однако даже в достаточно крупномасштабных и дифференцированных полициях могут преобладать парохияльные культуры. Но возникновение относительно чистой парохияльности более правдоподобно в достаточно простых, традиционных системах, где политическая специализация минимальна. В ощутимо дифференцированных политических системах парохияльность будет скорее эмоциональной и нормативной, нежели когнитивной. Иначе говоря, члены племен в отдаленных районах Нигерии или Ганы могут как-то смутно осознавать существование центрального политического режима. Но эмоциональное восприятие этого режима любым представителем такого племени носит неопределенный или негативный характер, и такой человек не интернализовал никаких норм, которые регулировали бы его отношения с этим режимом.

Подданническая политическая культура. Второй крупный тип политической культуры, присутствующий в табл. I.2, — это подданническая культура. Для нее характерна высокая частота ориентаций на дифференцированную политическую систему и на те аспекты системы, которые связаны с ее «выходом», но вероятности ориентаций конкретно на объекты на «входе» и на себя как активного участника близки к нулю. В такой системе подданный осознает наличие специализированной правящей (в том числе правительственной) власти; он эмоционально ориентирован на нее и при этом, возможно, гордится ею или, быть может, относится к ней неприязненно; и он оценивает ее либо как легитимную, либо как нелегитимную. Но все его отношение — это отношение к системе в целом и к ее «выходу», к административной стороне политической системы или же к той стороне политической системы, которая представляет собой «нисходящий поток»; по существу, это пассивное отношение, хотя существует, как мы покажем ниже, и ограничен-

ная форма компетентности, которая приемлема в подданнической культуре.

Снова мы говорим о чистой подданнической ориентации, существование которой правдоподобно в таком обществе, где не существует никакой дифференцированной структуры на «входе». В тех политических системах, где имеются развитые демократические институты, подданническая ориентация будет, скорее всего, эмоциональной и нормативной, а не когнитивной. Так, французскому роялисту хорошо известно о наличии демократических институтов, он просто не наделяет их легитимностью.

Участническая политическая культура. Третий крупный тип политической культуры, участническая культура, — это такая культура, в которой члены общества склонны отчетливо и явным образом ориентироваться на систему в целом, а также и на политические, и на административные структуры и процессы, другими словами на оба аспекта политической системы — как на «вход», так и на «выход». Ориентация индивидуальных членов участнической политики на различные классы политических объектов может быть благожелательной или неблагоприятной. Сами они склонны быть ориентированными на «активистскую» роль в существующей политике, хотя их чувства по отношению к такой роли и ее оценки могут, как мы покажем ниже, варьироваться от приятия и одобрения до полного отторжения.

Такая трехчленная классификация политических культур не предполагает, что одна из ориентаций вытесняет все остальные. Подданническая культура не устраняет диффузно размытых ориентаций на первичные и глубинные, «интимные» структуры общины. К диффузным ориентациям на клановые и родовые группы, на религиозное сообщество и на деревню она добавляет специализированную подданническую ориентацию на правительственные и любые властные институты. Аналогично участническая культура не вытесняет подданнические и парохильные модели ориентации. Участническая культура — это дополнительный слой, который может быть добавлен к подданнической и парохильной культурам и сочетаться с ними. Таким образом, гражданин в участнической политике не только ориентирован на

активное участие в политической жизни, но еще и подчинен закону и властям, являясь как бы их подданным, а также состоит членом разных других диффузно размытых первичных групп.

Безусловно, добавление участнических ориентаций к подданническим и парохияльным не оставляет эти «более ранние» ориентации неизменными. Парохияльные ориентации вынуждены адаптироваться, когда на сцене появляются новые, более специализированные ориентации, — точно так же, как с обретением участнических ориентаций и парохияльная, и подданническая ориентации изменяются. Фактически к числу самых существенных различий в политических культурах пяти демократий, включенных в наше исследование, относится именно то, в какой степени и каким способом парохияльные, подданнические и участнические ориентации комбинируются, сплавляются или сцепляются между собой в головах у тех, кто принадлежит к данной политике¹.

Необходимо еще одно предостережение. Наша классификация не подразумевает однородности или единообразия политических культур. Так, политические системы с преобладанием участнических культур будут — даже в предельном случае — включать в себя и подданных, и парохиялов. Ведь такие вещи, как изъяны процессов политической социализации, личные предпочтения, недостаточное интеллектуальное развитие или ограниченные возможности образования всегда будут порождать лиц подданнического и парохияльного склада — даже в сложившихся, хорошо зарекомендовавших себя и стабильных демократиях. Аналогично парохиялы продолжают свое существование даже в условиях «высоко» подданнических культур.

Таким образом, существуют два аспекта культурной разнородности, или, иначе выражаясь, культурной «смеси». Обобщенный «гражданин» представляет собой специфическую смесь участнических, подданнических и парохияльных ориентаций, а гражданская культура — это специфическая смесь граждан, подданных и парохиялов. Для описания

¹ См. ниже, гл. VIII и IX.

гражданина нам необходимы такие понятия, как количественные доли, пороговые значения и конгруэнтность (или гармонизация), чтобы оперировать с теми разнообразными способами, какими его персональная конфигурация участнических, подданнических и парохияльных установок соотносится с результирующим качеством поведения. Для гражданской культуры, которую мы ниже подвергнем подробному рассмотрению, нам нужны те же самые понятия количественных долей, пороговых значений и гармонизации, чтобы справиться со следующей проблемой: какая «смесь» граждан, подданных и парохиялов соотносится с эффективным качеством функционирования демократических систем. Когда мы займемся сравнением политических культур в выбранных нами пяти странах, нам представится случай вновь обсудить указанные вопросы.

Наша трехчленная классификация на участническую, подданническую и парохияльную ориентации — это лишь исходная точка в классификации политических культур. У каждого из этих основных классов имеются свои подклассы, и наша классификация полностью оставила в стороне такие важные разрезы (*dimension*)¹, как политическое развитие и культурное изменение. Позвольте нам сначала внимательнее рассмотреть как раз последний из вопросов, поскольку это позволит нам работать с проблемой дальнейшей субклассификации, располагая лучшим набором концептуальных инструментов.

Политические культуры могут быть или не быть гармонизированными со структурами существующей политической системы. Гармонизированной, или конгруэнтной, политической структурой будет считаться та, которая подходит для этой культуры, — другими словами, та, где у населения политические познания скорее точны и где эмоциям и оценкам присуща тенденция быть благоприятными. Вообще говоря, парохияльная, подданническая или участническая типы культуры будут в наибольшей степени

---

¹ Мы отказались в этой книге от традиционного перевода слова *dimension* как «измерение», поскольку зарезервировали слово «измерение» и его производные в качестве перевода широко используемого здесь слова *measure*. — *Прим. перев.*

гармонизированными соответственно с традиционной политической структурой, централизованной авторитарной структурой и демократической политической структурой. Такой парохияльной политической культуре, которая конгруэнтна своей структуре, т.е. гармонизирована с ней, свойственен высокий уровень когнитивных ориентаций, а также высокие уровни позитивно окрашенных эмоциональных и оценочных ориентаций по отношению к диффузно размытым структурам родоплеменной или сельской общины. Подданническая политическая культура, которая гармонизирована со своей системой, должна будет характеризоваться высоким уровнем когнитивности и высокими позитивными показателями двух других типов ориентации по отношению к специализированной политической системе в целом и к ее административным, или «выходным», аспектам; в то же время гармонизированная участническая культура будет характеризоваться высокими и позитивными уровнями ориентации на все четыре класса политических объектов.

Политические системы меняются, и мы вправе предполагать, что культура и структура часто не гармонизированы между собой. Особенно в последние десятилетия быстрых культурных изменений самыми многочисленными политическими системами могут оказаться те, что потерпели провал в попытках достигнуть гармонизированности, или же те, что как раз движутся от одной формы политики к другой.

Чтобы схематически представлять эти отношения гармонизированности/негармонизированности между политической структурой и культурой, мы приводим здесь табл. I.3.

В матрице, представленной в табл. I.3, можно разместить любой из трех основных типов политических культур. Так, мы можем говорить о «лояльных»¹ парохияльной, подданнической и участнической культурах, когда когнитивная, эмоциональная и оценочная ориентации по отношению к соответствующим объектам политики приближаются

---

¹ Мы заимствовали концепцию «лояльного» (allegiant) из книги Роберта Лэйна: Robert E. Lane. *Political Ideology*, New York, 1962, p. 170 ff.

к единице, или, иначе говоря, к идеальной гармонизированности между культурой и структурой. Но гармонизированность между культурой и структурой может быть лучше всего представлена в виде шкалы. Пределы гармонизированности между культурой и структурой задаются в столбцах 1 и 2 указанной таблицы. Гармонизированность сильна, когда частота позитивных ориентаций приближается к единице (+); гармонизированность слаба, когда политическая структура осознается, но частота подходов, связанных с позитивными чувствами и оценками, приближается к нулю, иными словами — к безразличию. Негармонизированность между политической культурой и структурой начинается в тот момент, когда точка безразличия пройдена, а частота негативных эмоций и оценок растет (-). На эту шкалу можно также смотреть как на шкалу стабильности/нестабильности. Двигаясь по направлению к первому столбцу этой таблицы, мы приближаемся к ситуации лояльности — такой, при которой установки и институты находятся во взаимном соответствии. По мере продвижения к третьему столбцу мы приближаемся к отчуждению — туда, где установки нацелены скорее на то, чтобы отвергать политические институты или структуры.

Таблица I.3

Гармонизированность/негармонизированность
между политической культурой и структурой*

	Лояльность	Безразличие	Отчуждение
Когнитивная ориентация	+	+	+
Эмоциональная ориентация	+	0	-
Оценочная ориентация	+	0	-

* Знак (+) означает высокую частоту осведомленности, или позитивных чувств, или позитивного оценивания по отношению к политическим объектам. Знак (-) означает высокую частоту негативных оценок или чувств. Знак (0) означает высокую частоту безразличия.

Но эта шкала является только началом, потому что негармонизированность может принимать форму простого отторжения конкретного множества должностных лиц, испол-

няющих какие-то роли (например, конкретной династии и ее бюрократии). Или же она может быть одним из аспектов системного изменения, т.е. перехода от более простой модели политической культуры к более сложной. Мы уже утверждали, что все политические культуры (за исключением простых парохияльных) являются смешанными. Так, в участнической культуре имеются индивиды, которые ориентированы как подданные и парохиялы, а в подданнической культуре будет присутствовать какое-то количество парохиялов. Мы используем термин «системно смешанные» политические культуры для обозначения тех из них, в которых имеются существенные доли как более простых, так и более сложных моделей ориентаций. Когда мы говорим об этих культурах как о системно смешанных, то не намереваемся тем самым утверждать или даже намекать, что их развитию присуща неизбежная тенденция к samozавершенности. Процесс изменения политической культуры может стабилизироваться в точке, где еще не удалось достигнуть гармонизированности с централизованной авторитарной или же с демократической структурой; либо развитие может пойти таким путем, как в Великобритании, где медленная и постепенная картина культурных изменений сопровождалась соответственно столь же постепенными изменениями в структуре. Политические культуры в реальности могут оставаться системно смешанными даже в течение весьма продолжительного времени, как это засвидетельствовано опытом Франции, Германии и Италии в XIX–XX вв. Однако, когда они действительно остаются смешанными, неизбежно сохраняются напряжения между культурой и структурой, а также наблюдается характерная тенденция к структурной нестабильности.

Если три типа политической культуры, представленные в табл. I.2, являются чистыми формами политической культуры, то мы можем различать еще три типа системно смешанных политических культур: (1) парохияльно-подданническую культуру, (2) подданническо-участническую культуру и (3) парохияльно-участническую культуру.

Парохияльно-подданническая культура. Это такой тип политической культуры, в котором существенная часть населения отвергла притязания диффузно размытых племенных, дере-

венских или феодальных властей на исключительность и развила в себе лояльность по отношению к более сложной политической системе со специализированными структурами централизованного правления. Это классический случай королевства, строящегося из относительно недифференцированных составляющих единиц. Хроники и история большинства народов отмечают наличие этой ранней стадии перехода от локального парохиализма (замкнутости и местничества) к централизованной власти. Но этот переход может стабилизироваться в точке, которая не достигает полностью развитой подданнической культуры. Слабокоординируемые африканские королевства и даже Оттоманская империя служат примерами стабильных, смешанных подданническо-парохиальных культур, где преобладает парохиальная, а центральная власть принимает форму смутно осознаваемого набора политических объектов, занимающихся в первую очередь экспроприационной «добывающей» деятельностью (т.е. грабительским налогообложением и иными формами финансового изъятия. — *Перев.*). Проблема культурного изменения при переходе от парохиальной структуры к подданнической — трудная, и в ранней истории народов тут весьма обычны нестабильные перемещения то туда, то обратно¹.

---

¹ Классическим примером такой ситуации служит история, случившаяся в древнем Израильском царстве и связанная с наследованием власти царя Соломона. Когда Соломон умер, парохиальные (племенные и клановые) вожди Израиля явились к его сыну Ровоаму, говоря: «Отец твой наложил на нас тяжкое иго, ты же облегчи нам жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое он наложил на нас, и тогда мы будем служить тебе». Старцы-советники Ровоама убеждали его облегчить иго и с большим уважением относиться к самостоятельности племенных и клановых групп, упорно остававшихся парохиальными. А молодые люди, которые выросли вместе с ним — фанатичные модернизаторы, — дали Ровоаму знаменитый совет, убедив сказать «народу сему», т.е. традиционным вождям: «Мой мизинец толще чресл отца моего; итак, если отец мой обременял вас тяжким игом, то я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами» (3 Цар 12, 4–11). Как сказано в дальнейших частях этой книги Царств, последствия того, что Ровоам принял совет молодых модернизаторов, говорят о следующем: слишком резкие нападки на местные традиции могут привести к тому, что как парохиальная, так и подданническая ориентация деградирует и вырождается до безразличия и отчуждения. Итогами станут политическая раздробленность и национальная катастрофа — распад страны.

Мы утверждаем, что составные конструкции такого класса могут рассматриваться как подмножество, организованные в виде континуума. В одну из его крайних точек мы могли бы поместить политическую культуру в условиях прусского абсолютизма, который зашел довольно далеко в деле подавления parroхиальных ориентаций; в другую, противоположную крайнюю точку — политическую культуру Оттоманской империи, которая не пошла дальше внешнего потребительски-экспроприаторского отношения к составляющим ее более или менее parroхиальным единицам. С этой точки зрения интересен контраст между прусским и британским абсолютизмом. Мы уже обращали внимание на то, что даже «высокие» политические культуры представляют собой смеси и что образующие их индивидуальные ориентации также являются смесями. В Пруссии мы можем предположить, что в случае типичного индивида интенсивность подданнической ориентации была намного выше, чем интенсивность parroхиальной, в то время как в Великобритании, по нашему мнению, имела место бо́льшая сбалансированность и, кроме того, parroхиальный и подданнический слои были более гармонизированными. Эти *психологические* смеси могут объяснить контраст между имиджами прусской и британской власти XVIII в.: первую из них символизировало так называемое *Kadavergehorsam* (слепое, рабское повиновение); вторую — уверенный в себе, хотя при этом и выказывающий почтение к власти сельский сквайр, купец и йомен. Аналогично *культурная* смесь в Пруссии, вероятно, характеризовалась бо́льшей поляризацией между сохраняющейся parroхиальной субкультурой — примером которой в экстремальном варианте служило крестьянство восточногерманских поместий — и подданнической субкультурой среди тех групп, которые сильнее всего подверглись воздействию прусского абсолютизма: бюрократии сверху донизу, вплоть до самых низовых ее уровней, а также постоянно растущей доли прусских трудящихся масс, прошедших через опыт испытаний прусской армейской муштрой.

Таким образом, изменение политической культуры от parroхиальной к подданнической может стабилизироваться в целом ряде точек некоего континуума и породить совер-

шенно разные политические, психологические и культурные смеси. Мы также считаем, что тот конкретный вариант смеси, который получается в результате, имеет весьма большое значение для стабильности политической системы и качества ее функционирования.

Подданническо-участническая культура. От того, каким путем происходил переход от parroхиальной культуры к подданнической, во многом зависит, как будет осуществляться переход от подданнической культуры к участнической. Неслучайно Пай подчеркивает, что для новых, недавно освободившихся государств первоочередную задачу представляет собой насаждение среди жителей чувства лояльности своей стране и ощущения национальной идентичности, а также готовности повиноваться инструктивным предписаниям центральной власти¹. При переходе от подданнической к участнической культуре parroхиальная автономия и местное самоуправление, если им удастся уцелеть, способны внести свой вклад в развитие демократической инфраструктуры. Наверняка именно это и произошло в британском случае. Местные власти, муниципальные объединения, религиозные общины и торгово-купеческие группы, в которых еще продолжала сохраняться традиция гильдейских свобод, стали первыми группами интересов в развивающейся британской демократии. Извлеченный при этом урок оказался существенным. Ровно потому, что развитие подданнической культуры в Англии не дошло до разрушения местных и parroхиальных структур и культур, позднее последние смогли оказаться доступными и в модифицированной форме образовали сеть влияния, которая сумела соотнести британцев в качестве компетентных граждан с их правительством и иными властными структурами. Более массивное воздействие прусской государственной власти загнало parroхиальные институты в приватную сферу или же привело к их ассимиляции и уподоблению государственной власти. Тем самым в Германии эра демократизации началась с огромного разрыва между частной и публичной сферами, а появившаяся инфраструктура не сумела перебросить мостик от индивида,

---

¹ Pye, *Politics, Personality, and Nation Building*, p. 3 ff.

семьи и местного сообщества (общины) к институтам правящей власти.

В смешанной подданническо-участнической культуре существенная часть населения приобрела специализированные ориентации на «вход», а также активистский набор самоориентаций, в то время как большинство остального населения продолжает ориентироваться на авторитарную правящую структуру, располагая относительно пассивным набором самоориентаций. В западноевропейских примерах этого типа политической культуры — во Франции, Германии и Италии XIX—XX вв. — существовала характерная модель структурной нестабильности с чередованием авторитарных и демократических правительств. Но результатом этой разновидности культурной смеси является нечто большее, чем структурная нестабильность. Сами эти культурные модели оказываются под влиянием структурной нестабильности и культурного тупика. Поскольку участнические ориентации получили распространение только среди части населения и поскольку их легитимность ставится под сомнение сохранившейся подданнической субкультурой и вообще приостанавливается на время промежуточных авторитарных интерлюдий, в итоге тот слой населения, который ориентирован на участие, не в состоянии стать компетентной, умудренной опытом и уверенной в себе группировкой граждан. Такие люди склонны оставаться не более чем соискателями демократии. Это означает, что они принимают нормы участнической культуры, но их ощущение компетентности не основано на опыте или на твердом, уверенном чувстве легитимности. Кроме того, проявления структурной нестабильности, которая нередко сопутствует смешанной подданническо-участнической культуре, частая неэффективность демократической инфраструктуры и всей системы правления во многих случаях порождают среди демократически ориентированных элементов населения тенденции к отчуждению. С учетом всего комплекса высказанных выше соображений эта разновидность тупиковой ситуации в политической культуре может породить специфический синдром, в котором присутствуют и идеалистические устремления в полити-

ку, и отчуждение от политической системы, включая инфраструктуру, состоящую из партий, групп интересов и прессы.

Если смешанная подданническо-участническая культура сохраняется на протяжении длительного времени, то она, кроме всего, меняет также характер подданнической субкультуры. В периоды промежуточных демократических интерлюдий авторитарно ориентированным группам поневоле приходится конкурировать с демократическими в рамках формально демократической модели. Другими словами, они должны строить и развивать собственную оборонительную политическую инфраструктуру. Хотя это не и трансформирует подданническую субкультуру в демократическую, но, несомненно, изменяет ее, причем часто — в существенной степени. Неслучайно авторитарные режимы, которые возникают в политических системах со смешанными подданническо-участническими культурами, имеют тенденцию к популистским обертонам, а в ходе сравнительно недавних периодов тоталитаризма эти режимы даже приняли у себя демократическую инфраструктуру — в чрезвычайно искаженной форме.

Парохиально-участническая культура. В случае парохиально-участнической культуры мы имеем дело с современной проблемой культурного развития, наблюдаемой во многих недавно освободившихся странах. В большинстве из них политическая культура является преимущественно парохиальной. А вот структурные нормы, которые были в них внедрены, обычно участнические; следовательно, для достижения гармонизированности они требуют участнической культуры. Таким образом, проблема состоит в том, чтобы одновременно развивать специализированные ориентации, нацеленные на «выход» и «вход». Неудивительно, что большинство этих политических систем, которым всегда угрожает парохиальная фрагментация, неустойчивы и балансируют, словно акробаты на натянутых канатах, в зависимости от обстоятельств клонясь в какой-то один момент в сторону авторитаризма, а в другой — в сторону демократии. Ни у одной из этих сторон не существует такой структуры, чтобы на нее можно было положиться, — нет ни бюрократии, опирающейся на лояльных подданных, ни инфраструктуры, возникаю-

щей в результате наличия ответственных и компетентных граждан. Проблема развития и перехода от parroхиальной культуры к участнической выглядит на первый взгляд безнадёжной; но, если мы вспомним, что большинству parroхиальных автономий и дояльных образований удается уцелеть и выжить, то сможем по меньшей мере сказать, что развитие участнических культур в некоторых недавно освободившихся странах еще не исключено. Задачи состоят в том, чтобы проникнуть вглубь parroхиальных систем, не разрушая их на стороне «выхода», и трансформировать их в группы интересов на стороне «входа».

Политическая субкультура

Мы уже обращали внимание на то обстоятельство, что большинство политических культур гетерогенно (неоднородно). Даже наиболее полно развитые участнические культуры будут содержать в себе благополучно выжившие и уцелевшие слои подданных и parroхиалов. Причем даже в рамках той части культуры, которая ориентирована на участие, будут наблюдаться стабильные и существенные различия в политической ориентации. Адаптируя к нашим целям терминологию Ральфа Линтона, мы используем для ссылок на эти составные части политических культур термин «субкультура»¹. Но нам следует различать по меньшей мере два типа субкультурных расхождений, или расколов. Во-первых, данный термин может использоваться для обозначения тех слоев населения, которые устойчиво ориентированы одинаковым образом по отношению к политическим решениям на «входе» и «выходе», но при этом по отношению к политической структуре ориентированы «лояльно». Так, в Соединенных Штатах левое крыло Демократической партии и правое крыло Республиканской партии принимают все американские политические и властные структуры в качестве легитимных, но неизменно различаются между собой по всему спектру вопросов внутренней и внешней политики. Мы называем такие расхождения политическими субкультурами.

¹ Ralph Linton, *The Cultural Background of Personality*.

Но тот вид расхождения, который интересует нас больше всего, — это расхождение, наблюдающееся в системно смешанных системах. Так, в смешанной парохияльно-подданнической культуре одна часть населения может быть ориентирована на диффузные традиционные власти, а другая — на специализированную структуру центральной системы авторитарной власти. Смешанную парохияльно-подданническую культуру можно фактически охарактеризовать как «вертикальным», так и «горизонтальным» расколом. Таким образом, если полития включает в себя два традиционных компонента или большее их количество, то в дополнение к зарождающейся подданнической субкультуре в ней будут по-прежнему существовать сохранившиеся отдельные культуры формально слившихся традиционных образований.

На Западе смешанная подданническо-участническая культура — это более знакомая и даже более современная проблема. Успешный переход от подданнической культуры к участнической включает в себя диффузное распространение позитивных ориентаций по отношению к демократической инфраструктуре среди существенной доли населения, принятие ею норм гражданского долга и развитие у нее ощущения гражданской компетентности. Эти ориентации могут сочетаться с подданническими и парохияльными ориентациями или же могут вступать с ними в конфликт. Англия XIX–XX вв. двигалась к такой политической культуре, которая сочетала бы обе указанные ориентации, и достигла ее. Разумеется, это правда, что члены радикальной партии в первой половине XIX столетия, а в более поздние времена — социалисты вкупе с группами левых лейбористов выступали против монархии и палаты лордов. Однако эти тенденции привели в результате к трансформированию названных институтов, но не к их ликвидации. Следовательно, политические субкультуры в Англии служат примером указанного нами расхождения первого типа — того, которое основано скорее на устойчивых политических отличиях, чем на фундаментально разных ориентациях по отношению к политической структуре.

Франция являет собой классический пример политико-культурной разнородности второго типа. Результатом Французской революции не стала однородная ориентация по отношению к республиканской политической структуре; вместо этого она поляризовала французское население, расколов его на две субкультуры, одной из которых присущи участнические устремления, тогда как другая находится во власти подданнической и парохимальной ориентаций. И с тех времен структура французской политической системы представляла собой проблему. Вслед за тем, что поначалу было бинарной поляризацией политической культуры, пришли дальнейшие фрагментации, когда за якобинцами последовали социалисты, за социалистами — коммунисты, а правое крыло разделилось на «присоединившуюся» и «неприсоединившуюся» («*rallied*» и «*unrallied*») части¹. Во многих других европейских странах неспособность доминирующих элит отреагировать на умеренные требования о структурных и политических изменениях, выдвигавшиеся левыми силами в первой половине XIX в., привела во второй половине указанного столетия к появлению и развитию структурно отчужденных революционных социалистов, синдикалистов и анархистов левого толка.

В Англии, Старом Содружестве, Соединенных Штатах и в Скандинавских странах проблемы политической структуры были решены в ходе XIX в. и первых десятилетий XX в.; в итоге там появились гомогенные — в смысле структурной ориентации — политические культуры. Субкультурные явления в этих странах опираются на устойчивые политические различия. Как левым, так и правым присуща тенденция принимать существующую политическую структуру, а различа-

---

¹ Речь идет о событиях первой половины 1890-х гг., когда французское католическое духовенство после папской энциклики в феврале 1890 г. «признало» республику, а клерикалы вместе с примирившимися с республикой монархистами образовали партию «*ralliés*» («присоединившиеся»), тогда как остальные консерваторы, в том числе и члены Республиканской партии, продолжали в принципе отвергать идею республики «во имя ценностей алтаря и трона». Это время вообще было трудным для Франции: достаточно вспомнить дело Дрейфуса, скандал вокруг строительства Панамского канала, убийство президента Р. Карно анархистом, министерскую и президентскую чехарду, а также многое другое. — *Прим. перев.*

ются они только в вопросах о содержательной сущности политики и о политических персонах. Что в прошедшие десятилетия стало в этой группе стран самым интересным, так это следующее: политическим различиям в них свойственна тенденция становиться менее острыми и в этих странах существует все более расширяющееся общее поле согласия. Другими словами, субкультурные расхождения сгладились и культурная однородность распространилась шире и перешла со структурной ориентации на политическую ориентацию.

Это краткое обсуждение политической субкультуры служит только для того, чтобы ближе познакомиться с данным понятием. Некоторые из его импликаций и последствий будут рассматриваться позднее, в дальнейших разделах этой книги. Но мы ввели бы читателя в заблуждение, если бы внушали ему, что наше исследование уделяет каждому аспекту политической культуры пропорциональное внимание. В нашем исследовании особо акцентируется ориентация на политическую структуру и процесс, а не на сущность политических требований и результатов, получаемых на «выходе». Нам нет нужды приносить извинения за педалирование именно этих сторон политической культуры, но мы должны подчеркнуть, каким образом этот выбор может отчасти затемнить существенные разрезы политической культуры и существенные зависимости между общими психокультурными моделями, с одной стороны, и сутью политического курса и публичной политики — с другой. Исследование, где на первый план выдвигается ориентация по отношению к публичной политике, потребовало бы ничуть не меньше серьезных усилий, чем данная работа. В нем понадобилось бы систематическим образом соотнести типы ориентации публичной политики с типами социальной структуры и культурными ценностями, равно как и с теми процессами социализации, к которым они относятся. Столь же строгое разделение ориентаций понадобилось бы также провести применительно к публичной политике, общекультурным ориентациям и моделям социализации — для того, чтобы мы смогли выявить реальный характер этих феноменов и направленность зависимостей между ними.

Гражданская культура: смешанная политическая культура

Ранее мы обсуждали исторические истоки гражданской культуры и функции этой культуры в процессе социальных перемен. Значительная часть данной книги будет посвящена анализу и описанию указанной культуры, а также той роли, которую она играет в функционировании демократической политической системы. Поэтому будет полезно сформулировать — пусть даже и вкратце — некоторые из основных ее характеристик.

Гражданская культура — это вовсе не та политическая культура, описание которой любое заинтересованное лицо может найти в учебниках по основам гражданственности, предписывающих гражданам, каким путем они должны действовать в условиях демократии. Нормы гражданского поведения, приводимые в этих текстах, делают особый упор на участнические аспекты политической культуры. От демократического гражданина ожидают, что он будет вовлечен в политическую жизнь и активно проявит себя в ней. Кроме того, предполагается, что в своем подходе к политике и политической жизни он должен быть рациональным и что он станет руководствоваться разумом, а не эмоциями. Предполагается также, что демократический гражданин должен быть хорошо информированным и принимать решения — например, свое решение о том, каким образом голосовать, — на основании осмотрительного и расчетливого обдумывания ситуации с учетом тех интересов и принципов, которые ему хотелось бы продвигать. Такую культуру, с ее акцентом на рациональное участие в рамках политических структур на «входе», мы можем обозначить как «рационально-активистскую» модель политической культуры. У гражданской культуры много общего с указанной рационально-активистской моделью; фактически она и есть именно такая культура *плюс что-то еще*. На первый план в ней реально выдвигается участие индивидов в политическом процессе на «входе». В гражданских культурах, описанных в настоящем томе, мы найдем высокую частоту проявления политической активности, заинтересованно-

сти политическим коммуницированием, участия в политических дискуссиях и озабоченности политическими делами. Но ведь существует и *что-то еще*.

Прежде всего, гражданская культура — это культура лояльного участия. Индивиды не только ориентированы на политический «вход» — они также позитивно ориентированы по отношению к структурам на «входе» и к процессу на «входе». Другими словами, если воспользоваться введенными ранее терминами, то гражданская культура — это участническая политическая культура, в которой политическая культура и политическая структура гармонизированы между собой.

Что еще важнее, в гражданской культуре участнические политические ориентации сочетаются с подданническими и парохияльными ориентациями, никак не заменяя их. Индивиды становятся участниками политического процесса, но не отказываются от своих ориентаций в качестве подданных или же парохиялов. Более того, эти более ранние ориентации не только поддерживаются наряду с участническими политическими ориентациями, но подданнические и парохияльные ориентации еще и гармонизированы с участническими политическими ориентациями. Неучастнические политические ориентации, которые более традиционны, имеют тенденцию ограничивать приверженность индивида политике и делать эту приверженность более мягкой. В некотором смысле подданнические и парохияльные ориентации «управляют» участническими политическими ориентациями или удерживают их в прежнем состоянии. Тем самым установки, благоприятствующие участию в политической системе, играют в гражданской культуре важную роль, но то же самое можно сказать и о таких неполитических установках, как доверие к другим людям и социальное участие вообще. Поддержание этих более традиционных установок *и их сплавление* с участническими ориентациями приводят к сбалансированной политической культуре, в которой политическая активность, вовлеченность и рациональность существуют, но уравниваются пассивностью, традиционализмом и преданностью парохияльным ценностям.

Микро- и макрополитика: политическая культура как связующее звено

Новые разработки в области методов социальных наук, имевшие место в последние десятилетия, позволили нам глубже проникнуть в мотивационные основы политических установок и поведения отдельных индивидов и групп. Накопилась существенная по объему и качеству литература, куда входят исследования электоральных установок и поведения, а также анализ взаимозависимостей между тенденциями в идеологической и публичной политике, с одной стороны, и глубинными установочными или личностными характеристиками и психолого-политическими биографиями политических лидеров — с другой, исследования политических установок в конкретных социальных группировках и т.п. Роккан и Кэмпбелл называют эту сфокусированность на индивиде, на его политических установках и мотивационных побуждениях — то ли в качестве отдельной личности, то ли в качестве рядового представителя выборки из какой-то более широкой группы населения — термином «микрополитика», отличая ее как исследовательский подход от «макрополитики», иначе говоря от более традиционной заинтересованности специалистов, изучающих политическую жизнь, структурой и функциями политических систем, институтов и ведомств, а также их воздействием на публичную политику¹.

Хотя наличие зависимости между политической психологией отдельных индивидов и поведением политических систем и подсистем, в принципе, очевидно, значительная часть литературы, посвященной микрополитике, довольствуется декларированием наличия такой зависимости, причем в самых общих терминах. Это обосновывается тем, что, поскольку политические системы состоят из индивидов, можно априори считать доказанным, что для функционирования политических систем и для достигаемых при этом результатов важны конкретные психологические тенденции у отдельных индивидов или среди социальных групп. Это действительно

---

¹ Stein Rokkan and Angus Campbell, «Norway and the United States of America» in *International Social Science Journal*, Vol. XII, No. 1, 1960, p. 69 ff.

может иметь место, когда исследователя интересуют психологические обусловленности, воздействующие на поведение должностного либо иного лица или лиц, исполняющих определенные роли, например на одном полюсе — конкретного руководителя, принимающего политические решения, или на другом — какого-то избирателя, выборщика либо электората в целом. В то же время, значительная часть соответствующей литературы оказывается не в состоянии установить связь между психологическими склонностями индивидов и групп, с одной стороны, и политической структурой и политическим процессом — с другой. Иными словами, хождение такой «валюты», как политическая психология, несмотря на ее бесспорную ценность, еще не делает ее конвертируемой в терминах политического процесса и качества его функционирования¹.

Мы хотели бы высказать утверждение, что такая зависимость между установками и мотивациями отдельных индивидов, составляющих политические системы, и характером и качеством функционирования политических систем может быть систематическим образом выявлена с помощью тех концепций политической культуры, которые были в общих чертах обрисованы выше. Иными словами, связующим звеном между микро- и макрополитикой выступает политическая культура. Ранее в этой главе мы подчеркивали, что для проверки гипотезы о наличии зависимости между политическими и иными установками необходимо аналитически отделить индивидуальные политические ориентации от других видов психологической ориентации. Мы также определили политическую культуру как особую сферу действия разных моделей политической ориентации среди населения, составляющего политическую систему. Теперь посредством концепций политической субкультуры и ролевой культуры²

---

¹ Содержательный анализ проблемы «связи» между общественным мнением и властно-правительственными действиями см. в: V. O. Key, *Public Opinion and American Democracy*, New York, 1961, chs XVI ff.

² Авторы впервые упоминают здесь понятие ролевой культуры. Вместе с тем в первом издании этой книги они посвятили ролевой культуре довольно обширный подраздел. Те, кто захочет узнать об этом понятии больше, могут найти его описание в переводе основных фрагментов первой главы первого издания сочинения Алмонда и Вербы: *Полития*, 2010, № 2, с. 122–144 и 2010, № 3–4, с. 207–221. — *Прим. перев.*

мы можем локализовать особые установки и склонности, привязав их к каким-то формам политического поведения у определенных частей населения либо к конкретным ролям, структурам или подсистемам данной политической системы. Указанные концепции политической культуры позволяют нам установить для политической системы в целом и для различных ее частей, к какому виду политического поведения существуют склонности среди группировок с особыми ориентациями (т.е. среди субкультур) или в тех ключевых для данной политической структуры точках, где проявляют инициативу или принимают решения (т.е. в ролевых культурах). Другими словами, посредством локализации установочных и поведенческих склонностей в рамках политической структуры данной системы мы можем соотнести политическую психологию с качеством функционирования политической системы.

Таким образом, любая полития может быть описана и сопоставлена с другими политиями в терминах (1) ее структурно-функциональных характеристик и (2) ее культурных, субкультурных и ролево-культурных характеристик. Наш анализ типов политической культуры представляет собой первую попытку рассмотреть феномены индивидуальной политической ориентации таким способом, чтобы систематическим образом соотнести их с феноменами политической структуры. Это позволяет нам двумя важными путями избежать чрезмерных упрощений, присущих литературе психокультурного направления. Посредством отделения политической ориентации от общей психологической ориентации мы можем отказаться от предположения о гомогенности ориентации и вместо этого рассматривать ее как зависимость, которая поддается исследованию. А посредством изучения зависимости между политико-культурными тенденциями и моделями политических структур мы можем избавиться от предположения о гармонизированности (конгруэнтности) политической культуры с политической структурой. Зависимость между политической культурой и политической структурой становится одним из наиболее значимых и поддающихся исследованию аспектов общей проблемы политической стабильности и политических из-

менений. Вместо того чтобы предполагать наличие гармонизированности, мы должны установить степень и характер гармонизированности или негармонизированности, а также те тенденции политического, культурного и структурного развития, которые могут воздействовать на взаимную «подгонку» культуры и структуры.

Мы полагаем, что такая исследовательская стратегия позволит нам в полной мере реализовать креативный потенциал великих прозрений психокультурного подхода, применив их к изучению политических феноменов. Согласно нашей собственной гипотезе, такое исследование покажет, что *важность специфических форм изучения ориентаций по отношению к политической жизни и опыта взаимодействия с политической системой* серьезно недооценивалась. Такое изучение не только познавательно по своему характеру — оно также охватывает политические чувства, ожидания и оценки, в основном формирующиеся скорее на основе политического опыта, чем в результате простого проецирования на политическую ориентацию тех базовых нужд и установок, которые являются продуктом детской социализации.

И еще в одном отношении наша теория политической культуры может служить тому, чтобы сделать психокультурный подход более релевантным и напрямую пригодным для изучения политической системы. При обсуждении типов политической культуры и проблемы гармонизированности культуры и структуры мы подчеркивали, что такая гармонизированность представляет собой отношение эмоциональной и оценочной лояльности между культурой и структурой. У каждого вида политики — традиционной, авторитарной и демократической — имеется одна определенная форма культуры, которая гармонизирована с ее собственной структурой. Начав с ориентации и психологических требований различных типов политической структуры, мы находимся в лучшем положении для формулирования гипотез о тех разновидностях тенденций в развитии личности и тех практических способах социализации, которые с наибольшим правдоподобием порождали бы гармонизированные политические культуры и стабильные политики. Таким образом, в случае гражданской культуры мы можем сказать, что мо-

дель социализации, которая позволяет индивиду справляться с неизбежными диссонансами между разными его ролями: размытой диффузной первичной ролью, ролью того, кто готов подчиняться, на «выходе» системы и активистской ролью на ее «входе», поддерживает демократическую политику. Затем мы можем обратиться к моделям социализации, а также к тенденциям в развитии личности и задаться вопросом, какие из этих качеств являются решающими, в каком объеме они должны присутствовать и какие виды опыта с наибольшей вероятностью породят эту способность управлять диссонирующими политическими ролями. Из полученных нами результатов будет видно, что гражданская ориентация широко распространена в Великобритании и Соединенных Штатах и относительно нечасто встречается в трех других странах, но нам представляются крайне сомнительными попытки объяснить эти огромные различия в политической культуре теми относительно мелкими расхождениями в детской социализации, которые были вскрыты в полученных нами результатах. Они представляются более явно соотносящимися с характеристиками социальной среды и моделями социального взаимодействия, со специфически политическими воспоминаниями и с различиями в опыте применительно к политической структуре и качеству ее функционирования. В будущем самые плодотворные исследования в области политической психологии станут рассматривать детскую социализацию, модальные личностные склонности, политическую ориентацию, а также политическую структуру и процесс в качестве отдельных переменных в сложной, многонаправленной системе причинных связей.

Однако в одном из классов политического контекста зависимости между политической структурой и культурой, с одной стороны, и характером и личностью — с другой, относительно ясны и резко, даже драматически выражены. Таково положение в выделенной нами категории смешанных политических культур. Здесь в случае парохияльно-подданнической, подданническо-участнической и парохияльно-участнической культур мы имеем дело с обществами, которые либо претерпевают быстрое системное культурно-структурное изменение, либо, напротив, стабилизировались в ситуации субкульту-

турной фрагментации и структурной нестабильности. Фрагментация политической культуры иногда ассоциируется также с общекультурной фрагментацией (например, с резким размежеванием между модернизирующимся городским обществом и традиционными сельскими районами, между индустриальной и традиционной аграрной экономиками). Мы можем предположить, что в этих быстро меняющихся и фрагментированных обществах культурная разнородность и массовая встречаемость нарушений непрерывности в социализации порождают широкую распространенность психологического замешательства и нестабильности. Пожалуй, нигде эти процессы не оказываются столь заметными, как в парохияльно-подданнических культурах недавно освободившихся стран Африки и Азии. Люсиан Пай в работе «Политика, личность и построение страны» (Lucian Pye, *Politics, Personality, and Nation-Building*) представил нам драматическое исследование такого рода нарушений непрерывности в культуре и социализации, а также их последствий для развития личности, равно как для характеристик и качества функционирования бирманской политической системы¹.

Страны, включенные в данное исследование

Наше сравнительное исследование политической культуры охватывает пять демократий: Соединенные Штаты, Великобританию, Германию, Италию и Мексику, выбранных по той причине, что ими представлен широкий спектр политико-исторического опыта. На одном полюсе мы отобрали Соединенные Штаты и Великобританию — страны, каждая из которых дает пример относительно успешных экспериментов в области демократического правления. Анализ этих двух случаев покажет нам, какого рода установки ассоциируются со стабильно функционирующими демократическими системами, каковы количественная встречаемость таких установок и их распределение среди различных групп местного населения.

---

¹ Pye, *op. cit.*, p. 52–53, 287 ff.

В то же самое время сравнение Великобритании и Соединенных Штатов между собой может оказаться полезным в качестве теста для некоторых рассуждений, касающихся различий между этими двумя часто сравниваемыми странами. Недавно два автора, занимающихся исследованиями британской политики, прокомментировали причины устойчивости традиционных установок по отношению к власти в этой стране. Д. Броган подчеркивает, что в процессе исторического развития Великобритании культура демократической гражданственности с ее акцентом на инициативе и участии слилась с более архаичной политической культурой, которая делала упор на обязанности и права подданного¹. Г. Экстейн обращает особое внимание на то обстоятельство, что британская культура сочетает в себе почтительное отношение к власти с глубоким и ярким ощущением прав гражданской инициативы².

С другой стороны, в Соединенных Штатах независимые властные структуры возникали вместе с созданием республиканских институтов, в атмосфере, отвергавшей величие и святость традиционных институтов, а также при отсутствии привилегированного класса аристократии. Существовала тенденция к относительному ограничению функций правительства и любых властных структур, а бюрократическая власть была объектом недоверия и подозрений. Идеология американских популистов отвергала концепцию профессионально властвующей правительственной службы и соответствующую ей роль покорного подданного³. Систе-

¹ D. W. Brogan, *Citizenship Today*, Chapel Hill, N. C., 1960, p. 9 ff.

² Harry Eckstein, «The British Political System», in S. Beer and A. Ulam, *The Major Political Systems of Europe*, New York, 1958, p. 59 ff.

³ Нужно иметь в виду, что в США слово «популист» — это не просто уничижительное определение политика, «апеллирующего к широким массам и обещающего им скорое и легкое решение острых социальных проблем» (как определяется этот термин в Толковом словаре русского языка под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой), а достаточно узкий и вполне конкретный термин, которому соответствует: 1) член фермерской Популистской партии (Populist party) в 1890-е годы и 2) политик, который, по его утверждению, представляет интересы «простых людей», защищая их от гнета большого бизнеса; наиболее типичным популистом такого рода был в 1930-е годы луизианский губернатор, а впоследствии сенатор Х. Лонг, выступивший с демагогическим планом «раздела богатств» и лозунгом «Каж-

ма вознаграждений сторонников победившей партии за политические услуги и политическая коррупция еще больше подрывали престиж правящих властно-правительственных структур. Да и в еще более широком смысле — по причинам, которые мы не можем здесь обсуждать, — общая модель власти, преобладающая в американских социальных системах, включая семью, имела тенденцию делать акцент скорее на политической компетентности и участии, чем на повиновении легитимной власти.

Таким образом, сможем ли мы показать в нашем сравнении британской и американской политических культур, что англичане с большей вероятностью, нежели американцы, склонны инкорпорировать «лояльные» подданнические ориентации, равно как и ориентации участнические? И лучше ли американцев они способны справляться с диссонансами между демократическим активизмом и «подданническим повиновением»?

Несколько соображений привели нас к тому, что для своего сравнительного исследования мы выбрали Германию. В Пруссии, как и в Великобритании, до внедрения демократических институтов имел место относительно продолжительный период существования эффективного легитимного правительства и прочих властных структур. В период объединения Германии в XIX в. прусская бюрократическая авторитарная модель была более или менее успешно навязана другим германским государствам, включенным в состав страны. Уже звучали аргументы, что, хотя в Германии развивались и *Rechtsstaat* (правовое государство), и подданническая политическая культура, эксперименты с демократическим участием, имевшие место в конце XIX столетия и в период Веймарской республики, не привели к развитию участнической политической культуры, необходимой для поддержания этих демократических институтов, для наделения их силой и легитимностью. Значительная часть рассуждений по поводу стабильности современных демократических инсти-

---

дый человек — король». Некоторые из политологов относят к популистам также ряд претендентов на пост президента США, в частности Ф. Харриса из Оклахомы, Дж. Макговерна из Южной Дакоты и Дж. Уоллеса из Алабамы. — *Прим. перев.*

тутов в Германии вращается вокруг вопроса о том, в какой мере чувство гражданской ответственности и гражданских возможностей, а также взаимное доверие между политическими группировками реально укоренились в немецком народе.

В результате изучения истории Великобритании и Германии можно прийти к выводу, что обеим этим странам присущи установки на почтительное отношение к власти, которые выросли из их длительного преддемократического опыта авторитарного управления. Но более внимательное обращение к истории выявляет и одно весьма существенное различие между этими двумя странами. Британский властно-правительственный контроль в течение преддемократического периода никогда не становился настолько всеобъемлющим и до такой степени губительным для инициативности, как это происходило в Германии. Д. Броган подчеркивает, что даже в те далекие годы, когда англичане были «подданными», в Великобритании существовало широкое пространство автономии, свободы формирования различных сообществ и вовлеченности в ограниченное самоуправление¹. Иными словами, даже на протяжении долгих столетий авторитарного правления в британской политической культуре присутствовал ограниченный участнический компонент. Таким образом, процесс слияния гражданских установок с подданныческими уходит там в глубину веков; он намного старше парламентских и избирательных реформ XVII, XVIII и XIX столетий. Эти реформы не разбивались о жесткую и неподатливую подданныческую культуру, а имели возможность укорениться в давно существующей культуре плюрализма и инициативности.

Как подчеркивает Кригер в своем проницательном анализе развития политических идей и движений в Германии, немецкая концепция свободы — со времен борьбы курфюрстов против имперской власти и вплоть до достижения Германией статуса единого самостоятельного государства в XIX в. — отождествлялась скорее с освобождением государства от внешних ограничений, чем с инициативой и уча-

¹ Brogan, *op. cit.*, p. 14 ff.

стием индивидов¹. Тем не менее демократические политико-культурные тенденции в германском обществе существовали и продолжают существовать. Они присутствовали и в XIX столетии, и в веймарский период, и вполне могут наблюдаться сегодня. Наше исследование позволит нам установить, какие элементы участнической культуры представлены среди населения Германии, а какие отсутствуют.

Италию и Мексику мы включили в наше исследование как примеры заметно менее развитых обществ с переходными политическими системами. Социальная и политическая структура Италии, по крайней мере в южной ее части и на островах, характеризуется досовременной социальной и политической структурой. Если очень бегло обратиться к итальянской политической истории, станет очевидным, что на самом деле в Италии нового времени лояльная национальная политическая культура по-настоящему не развилась. В период, предшествовавший Первой мировой войне, легитимность итальянской монархии отрицалась церковью. Правило *non expedit* («не дозволяется») требовало, чтобы верующие отказывались наделять новое государство легитимностью и отказывались участвовать в его делах². Во время фашистской интерлюдии создавалась эффективная государственная машина, однако она представляла собой скорее средство внешнего контроля над обществом с помощью аппарата принуждения, чем относительно свободное наделение легитимностью сложившейся политической системы. В этом отношении Италия не похожа ни на Великобританию, ни на Германию, которые еще до внедрения демократических институтов располагали интегрированными и легитимными системами авторитарной власти.

В своем исследовании одной из деревень в южной итальянской провинции Лукания Э. Банфилд охарактеризовал политическую культуру этих мест как «аморальную семейственность», не наделяющую легитимностью ни бюрократические властные органы государства, ни гражданско-политические органы партий, разные группы

---

¹ Leonard Krieger, *The German Idea of Freedom*, Boston, 1957, passim and p. 458 ff.

² D. A. Binchy, *Church and State in Fascist Italy*, London, 1941.

интересов или местное сообщество¹. Было бы некорректно смотреть на всю Италию через эту призму, однако нашим собственным данным во многом присуща тенденция подтверждать заявление Банфилда о том, что в итальянской политической культуре содержатся необычайно сильные парохильные, отчужденно-подданнические и отчужденно-участнические компоненты. Тенденции, связанные с демократическими статусными устремлениями², в этой стране тоже присутствуют, концентрируясь прежде всего на левом крыле, но они относительно слабы по сравнению с широко распространенным настроением отторжения, которое воздействует на установки преобладающего большинства итальянцев по отношению к их политической системе, причем во всех ее аспектах.

В качестве нашей пятой страны мы избрали Мексику, чтобы иметь хотя бы одну демократию, не принадлежащую к атлантическому сообществу. Мексика едва ли может рассматриваться как представитель новых зарождающихся стран Азии и Африки, но, пожалуй, в мире вообще не существует такой страны, которая была бы репрезентативной для всего разнообразия социально-политических структур и исторического опыта недавно освободившихся народов. Со многими из этих новых стран Мексику сближает высокий уровень индустриализации, урбанизации, а также возросшей грамотности и образованности населения. До революции мексиканское правительство и политические органы, в сущности, были чужеродными, экспроприационными и эксплуататорскими «высасывающими» структурами, на живую нитку надстроенными над обществом, которое в основном составляли кровные родственники, деревенские обитатели, а также этнические и статусные группы. Однако за последние 30—40 лет мексиканская революция оказала глубокое воздействие на социальную и политическую структуру стра-

---

¹ Edward C. Banfield, *The Moral Basis of a Backward Society*, Glencoe, Ill., 1958, p. 7 ff.

² Статусными устремлениями (и производными терминами) мы здесь и далее называем честолюбивую устремленность индивидов к повышению своего социального статуса. — *Прим. перев.*

ны и стимулировала рост модернизационных и демократических устремлений и ожиданий¹.

В противоположность Италии, где значительная часть населения склонна рассматривать политическую систему в качестве чуждой эксплуататорской силы, многие мексиканцы видят в своей революции скорее инструмент окончательной демократизации, а также экономической и социальной модернизации. В то же самое время мексиканская демократическая инфраструктура относительно нова. Свобода политической организации там в большей мере формальна, нежели реальна, и во всей политической системе широко распространена коррупция. Именно эти обстоятельства и могут объяснить любопытную амбивалентность мексиканской политической культуры: многим мексиканцам сильно не хватает политического опыта и навыков, однако их надежды и уверенность высоки. Тем не менее такие широко распространенные тенденции к участию и статусной устремленности там сочетаются с цинизмом по отношению к политической инфраструктуре и бюрократии, а также с отчужденностью от них. В дополнение к этому из всех пяти выбранных нами стран Мексика наименее «современна»; иначе говоря, в ней все еще имеется относительно многочисленное традиционно ориентированное деревенское население и высок уровень неграмотности. Возможно, изучение мексиканского случая даст нам полезные руководящие указания по вопросу о характеристиках политической культуры в тех незападных странах, которые в процессе модернизации и демократизации проходят через похожие испытания.

В этом кратком сравнительном очерке политико-исторического опыта исследуемых нами пяти стран мы сформулировали ряд гипотез о тех различиях в политической культуре, которые можем рассчитывать найти среди них. Но те умозаключения и выводы по поводу политической культуры, которые опираются на историю, оставляют без ответа вопрос о том, насколько значительная часть исторического опыта страны продолжает жить в воспоминаниях, чувствах и ожиданиях ее населения, в какой форме их можно

---

¹ Robert E. Scott, *Mexican Government in Transition*, Urbana, Ill., 1959, p. 56 ff.

считать по-прежнему живыми, какие элементы населения являются носителями исторической памяти и исторических воспоминаний, что именно они помнят и с какой интенсивностью. Здесь в нашем поиске отражений живой истории, присутствующих в политической культуре народов, новейшие научные методы могут сочетаться с более традиционными подходами. Наше исследование будет преобразовывать извлеченные из истории довольно простые и массовые ожидания в количественные показатели, в демографические распределения, а также в различные закономерности, зависимости или соотношения. Не существует никакого неотвратимого конфликта между методами, применяемыми в истории, и методами бихевиористических наук; на самом деле они дополняют и взаимно подкрепляют друг друга.

Опрос в пяти странах

В настоящей работе предпринимается попытка применить к изучению сравнительной политики некоторые из методов, разработанных в области систематических исследований с помощью опросов. В отличие от большинства других исследований политических установок наше является межстрановым. Преобладающая часть исследований электорального поведения или других политических установок на основе опросных методов проводилась внутри какой-то одной страны, причем основная их масса — в Соединенных Штатах¹. Наше исследование является мультиконтекстным — это исследование пяти стран. Повсюду в этой книге мы будем концентрироваться на указанных странах — на их сходстве и различиях. Ввиду нашего сравнительного подхода нам придется, к сожалению, оставить без внимания интересные проблемы внутри тех или иных отдельных стран.

---

¹ Некоторыми исключениями являются следующие работы: William Buchanan and Hadley Cantril, *How Nations See Each Other*, Urbana, Ill., 1953; исследование «The International Teacher's Study», о котором сообщается в сборнике: Eugene Jacobson and Stanley Schachter (eds.), «Cross-National Research: A Case Study», *Journal of Social Issues*, X (1954). См. также: Stein Rokkan, «Comparative Cross National Research: II Bibliography», *International Social Science Bulletin*, VII (1955), p. 622–641.

В основе настоящей книги лежит приблизительно по одной тысяче интервью, проводившихся в каждой из пяти стран (в общей сложности примерно пять тысяч интервью). В каждом случае предпринималась попытка получить представительную общенациональную выборку опрашиваемых¹. По длительности эти интервью варьировались от приблизительно 40 минут до часа с небольшим, хотя в некоторых случаях они продолжались намного дольше. Интервью были в значительной степени структурированы, причем около 10% вопросов были открытыми по форме, т.е. нерегламентированными и допускающими произвольные ответы. В каждой из стран у небольшой доли респондентов, которые интервьюировались как часть представительной общенациональной выборки, брали повторные, более длительные и менее структурированные интервью, где предпринимались попытки выявить больше материала того типа, с которым имеют дело при интервьюировании в рамках представительной выборки опрашиваемых, а также получить описание того, что мы называем «историей политической жизни» индивида².

Во всех странах, кроме Соединенных Штатов, интервью в рамках представительной общенациональной выборки проводились в июне и июле 1959 г.; в Соединенных Штатах интервью проходили в марте 1960 г. В большинстве случаев повторные или дополнительные интервью имели место в интервале примерно от шести месяцев до года после первых интервью³.

---

¹ В Мексике выборка сделана по городам с населением 10 000 человек и более.

² Первоначальный план состоял в том, чтобы получить 125 таких интервью в каждой из стран. По самым разным причинам оказалось невозможным повторно проинтервьюировать такое большое количество респондентов. Число лиц, у которых фактически были взяты законченные повторные или дополнительные интервью, составило: в Соединенных Штатах — 49; в Соединенном Королевстве — 114; в Германии — 135; в Италии — 121 и в Мексике — 120.

³ Мы не в состоянии погружаться здесь в многочисленные технические проблемы, связанные с проектированием данного исследования и анализом его результатов. Более полный отчет обо всем читатель может найти в несокращенной версии этой книги, опубликованной издательством Принстонского университета (Princeton University Press). См. в особенности главу 2 этой версии и приложение А.

Материалы опросов и политические системы

Настоящая работа частично представляет собой исследование того, что получило название «микрполитика». Она имеет дело с политическими ориентациями и поведением представительных общенациональных выборок. Их составили около одной тысячи респондентов в каждой из стран, которые рассматривались в первую очередь как отдельные индивиды. Эти люди не имеют никакого отношения друг к другу; ни один из респондентов ничего не знает о других респондентах и никак не взаимодействует с ними — разумеется, это касается всякого, кто изучался в нашем исследовании. Тем не менее респонденты интересуют нас не как индивиды, а как члены сложных социальных систем. На основании этих отдельных интервью мы хотим формулировать утверждения по поводу общего состояния дел с установками в этих странах. Кроме того, мы хотим формулировать утверждения о взаимоотношениях и зависимостях между этими установками и способами функционирования политических систем. В частности, нас интересует более глубокое понимание демократических политических систем. Ведь эти системы содержат в себе намного больше, чем индивидуальные или коллективные установки своих членов. Наряду с ними указанные системы включают также формальные структуры правительства и органов власти, политические партии, властные структуры и структуры влияния, а также разделяемые всеми нормы и модели политической жизни, коммуникации, взаимодействия и проч. Следовательно, основная проблема анализа состоит в том, как использовать отклики и реакции одной тысячи индивидов, которые никогда не встречались друг с другом, чтобы отвечать на вопросы о характеристиках политической системы. Ситуация выглядит таким образом, как если бы эта система была большой картой, висящей на стене в затемненной комнате, и все, что мы знаем о ней, — это та картина, которую открывает одна тысяча отдельных лучиков света размером с острие иголки. Эти яркие лучики (наши интервью) высвечивают те места на карте, куда они падают. Но они позволяют нам видеть только маленькую

часть этой большой карты и оставляют обширные области между освещенными точками в полной темноте. Но ведь мы хотим сказать нечто существенное не просто о точках, на которые падает свет, но обо всей карте в целом.

Есть ряд способов, с помощью которых исследователь может использовать индивидуальные лучики света для освещения пространства между ними. Во-первых, он предполагает, что результаты интервью, проведенных с одной тысячей индивидов, могут быть обобщены и генерализованы на все население — разумеется, с обычными допускками, предусмотренными для погрешностей. Во-вторых, хотя мы только говорим с индивидами и не наблюдаем их взаимодействия с другими лицами или их занятий политической деятельностью, в действительности мы спрашиваем у этих индивидов об их установках по отношению к другим людям, об их взаимоотношениях с окружающими, о проявлениях их социальной активности, об их членстве в различных организациях и их политических действиях. Если мы в состоянии генерализовать ответы респондентов и извлечь из них выводы, то мы способны формулировать утверждения о количестве людей в каждой из стран, которые придерживаются определенных установок и вовлекаются в определенное поведение; мы можем также описать сеть взаимоотношений между людьми: частота такого поведения, как членство в тех или иных организациях, неформальные социальные контакты и политическая деятельность, а также частота таких установок, как межличностное доверие и склонность или способность к кооперированию, которые касаются не просто отдельных индивидов, но и взаимоотношений между индивидами.

Третий и решающий момент — это необходимость предположить, что установки, о которых мы сообщаем, каким-то значимым образом привязаны к способу функционирования данной политической системы — к ее стабильности, эффективности и т.д. Вполне ясно, что и распределение в обществе таких установок, как вера в то, что его политическая система легитимна, что она функционирует эффективно, что она поддается влиянию рядового человека, и частота таких действий, как членство в организациях или политическое участие, — все это оказывает важное и разностороннее воздей-

ствие на способ функционирования данной политической системы. Несколько труднее доподлинно выявить точные зависимости между этими установками и формами поведения обычных граждан, а также способами функционирования политических демократий. Основная проблема состоит в том, что, хотя у нас есть приблизительно пять тысяч индивидуальных респондентов, мы имеем всего лишь пять стран. Таким образом, если мы хотим статистически протестировать значимость зависимости между двумя установками индивидов в нашей выборке — скажем, зависимости между социальным классом и политическим участием, — то у нас имеется большое количество случаев, которые позволяют сделать это. Но если мы хотим протестировать зависимость между общей моделью установок в стране и некоторой характеристикой политической системы — скажем, зависимость между частотой политического отчуждения и стабильностью политической системы, — то мы располагаем лишь немногими случаями, чтобы протестировать эту зависимость. В политическом анализе указанная проблема отнюдь не является новой, и нам фактически в пять раз удобнее решать ее, чем большинству исследований данного типа. При этом мы можем сделать еще и следующее: рассмотреть наши пять стран как примеры разных типов политической демократии — более или менее стабильных демократий, более или менее эффективных, более или менее участнических. То, какая из этих стран занимает самое высокое место в любом из вышеназванных разрезов, можно выяснить на основе либо данных, взятых за пределами нашего исследования (самый беглый взгляд на историю покажет, какая из них более стабильна, или же анализ партийных структур позволит провести классификацию стран в зависимости от типа партийной системы), либо данных, полученных в рамках нашего исследования (можно использовать частоту разнообразных типов политической деятельности, чтобы проранжировать наши пять стран по тому, в какой степени они характеризуются высокими или низкими уровнями участия). Если после этого исследователю удастся показать, например, что в более стабильных демократиях существует вполне конкретный набор политических установок, которые теоретически могут

способствовать шансам стабильной демократии, или же что в тех странах, где участие [в политической жизни] наблюдается наиболее часто, фактически существует конкретный набор межличностных установок, которые теоретически могут способствовать политическому участию, то он проделал длинный кусок пути к тому, чтобы продемонстрировать вероятность некоторой связи между моделями установок и системными качествами. Более того, эти связи между наборами установок и характеристиками политической системы могут быть сделаны более убедительными с помощью внутреннего анализа установок в рамках тех или иных конкретных стран. Предположим, что обнаружено следующее: специфическая установка применительно к межличностным отношениям существует чаще всего в такой системе, где политическое участие некоего определенного типа встречается наиболее часто; если выявлено также, что именно те индивиды, которым присуща такая установка, с наибольшей вероятностью становятся политическими участниками, то в этом случае можно выдвигать или поддерживать гипотезу, что данная конкретная установка связана с конкретной разновидностью участнической системы. Постоянно переходя от характеристик политической системы к частости конкретных установок в этой системе и картинам распределения установок среди индивидуальных членов данной системы, можно надеяться на формулирование правдоподобной и поддающейся проверке (а возможно, уже и протестированной неким предварительным способом) гипотезы о зависимости между тем, что мы назвали политической культурой, и функциональными характеристиками политических систем.

Надеемся, в предшествующем обсуждении мы смогли показать, что та разновидность данных, о которой здесь сообщается, имеет смысл лишь в том случае, если эти данные интерпретируются в терминах других типов материалов об изучаемых нами системах. Тем самым информация, которой мы располагаем о пяти названных политических системах, не ограничивается теми областями, которые непосредственно высвечиваются нашими узкими, точечными лучиками света. В исследование такого рода нужно включить в качестве интегральной части различные сведения об общей форме

данной системы, ее институтах, истории их возникновения и развития и т.д. Как мы отметили, одно из преимуществ межстранового исследования состоит в том, что оно заставляет исследователя смотреть на системные характеристики. Полученные нами результаты предназначены не как замена, а как дополнение других материалов, используемых для анализа политических систем. И мы продвинемся вперед в изучении последних лишь в том случае, если сумеем объединить материалы, которыми располагаем, с различными другими материалами.

ГЛАВА II

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОГНИТИВНОСТИ

В нашей классификации типов политической культуры мы упоминали такой разрез, как когнитивность, или познавательная способность. Предполагается, что участник политической системы осведомлен и проинформирован о ней как в ее властном, так и в политическом аспекте. Подданный склонен быть когнитивно ориентированным прежде всего на ту сторону властных структур, которая образует «выход», — на исполнительную власть, бюрократию и судебные органы. У парохиаля есть тенденция вообще ничего не знать о политической системе во всех ее аспектах или же обладать только смутными представлениями о ней. В пяти странах, охваченных нашим исследованием, чистые парохиалялы и подданные редки. Даже мексиканский индеец, проживающий где-нибудь в глухой деревне, подвергался некоторому воздействию специализированной правящей власти; да и сельская домохозяйка из Италии может располагать какими-то знаниями о политических партиях. В тех пяти демократиях, которые мы изучаем, парохияльная и подданническая ориентации, как правило, основываются прежде всего на эмоциональных и оценочных тенденциях. Мексиканский деревенский житель может не испытывать никаких чувств лояльности или причастности к мексиканскому народу, стране и правительству. Он может смотреть на них как на чуждую силу, которой следует избегать. Его лояльность и чувство долга направлены на свою деревню, а также на ее нормы и структуры. Тем не менее у таких эмоциональных и оценочных парохияльных и подданнических моделей имеются когнитивные последствия. Когда эмоции и нормы отсутствуют, мотивация на приобретение информации слаба и, следовательно, хотя когнитивная способность может присутствовать, она имеет тенденцию быть невнятно выраженной.

Мы не утверждаем, что в нашем нынешнем анализе когнитивных моделей представлено исчерпывающее описание политических «когнитивных карт» американцев, британцев, немцев, итальянцев и мексиканцев. То, что мы намерены предложить, — это скорее ограниченное число измерений когнитивного содержания и процессов, которых тем не менее достаточно для выявления целого ряда существенных различий между нашими странами. Четыре результата таких измерений представлены в данной главе.

Первое из них — это попытка выяснить, насколько важными в каждой из наших пяти стран считаются национальное правительство и местные органы власти. Второе замечает, в какой степени жители осведомлены о политической жизни и публичных делах, а также подвергаются их воздействию. Третье измерение представляет собой тестирование политической информированности, предназначенное для установления различий между странами в объемах политической информации, которой обладает их взрослое население.

Таблица II.1

Оцениваемая степень воздействия национального правительства на повседневную жизнь; по странам^а

	США	Велико- британия	Герма- ния	Ита- лия	Мек- сика
Большое воздействие	41	33	38	23	7
Некоторое воздействие	44	40	32	91	23
Нулевое воздействие	11	23	17	19	66
Прочее	0	—	—	3	
Не знаю	4	4	12	24	3
Суммарная процентная доля ^б	100	100	99	100	99
Общее количество случаев	970	963	955	995	1007

^а Фактический текст задававшегося вопроса таков: «Подумайте теперь о национальном правительстве [в Вашингтоне, Лондоне, Бонне, Риме, Мехико] и о том, насколько, по вашему мнению, велико воздействие, которое оказывают его акции, принимаемые законы и так далее на вашу повседневную жизнь? Оказывают ли они большое воздействие, некоторое воздействие или нулевое воздействие?»

^б В этой и последующих таблицах отклонения суммарной процентной доли от 100% являются результатом округлений.

И наконец, четвертое измеряет готовность взрослого населения этих стран делать выбор между разными политическими суждениями и проблемами или же высказывать мнения о них. Само собой разумеется, указанные измерения являются не более чем самым поверхностным прощупыванием такого важного разреза [политической культуры], как политическая когнитивная способность. Но даже оно реально показывает некоторые, можно сказать, поразительные различия между нашими странами по целям политического познания, по интенсивности познания и объему знаний, а также по ощущению когнитивной компетентности.

Воздействие правительства и органов власти

Первый аспект когнитивного разреза, который мы подвергнем изучению, — это знания о том, что именно правящая власть дает на «выходе». До какой степени люди в указанных странах воспринимают властные структуры в качестве органов, оказывающих воздействие на них как индивидов? До какой степени они реально видят, что их жизнь связана с действиями правящих властей или зависит от них? Один из вопросов, который задавался всем респондентам, предназначался для обнаружения того, насколько велико, на их взгляд, влияние действий национальных правительств на их повседневную жизнь. Полученные результаты приводятся в табл. II.1.

Преобладающее большинство американцев, англичан и немцев считают свое национальное правительство оказывающим некоторое воздействие на их жизнь. Мексиканцы, 66% которых не приписывают своему национальному правительству никакого воздействия на них, образуют противоположный полюс. Итальянцы, из числа которых лишь немногим больше половины приписывает своему национальному правительству некоторую или большую важность и несколько меньше половины не приписывают национальному правительству никакой важности или же заявляют, что ничего не знают о том, насколько важно для них национальное правительство, оказались где-то посередине. Табл. II.2 содержит

ответы на похожий вопрос, касающийся воздействия местных органов власти. Картина оказывается почти такой же, как и для национального правительства, за исключением того, что чуть более существенные доли американских, итальянских и немецких респондентов считают свои местные органы власти более важными.

Таблица П.2

Оцениваемая степень воздействия местных органов власти на повседневную жизнь; по странам*

	США	Велико- британия	Герма- ния	Ита- лия	Мек- сика
Большое воздействие	55	23	33	19	6
Некоторое воздействие	53	51	41	39	23
Нулевое воздействие	10	23	18	22	67
Прочее	—	—	—	2	—
Не знаю	2	3	8	18	3
Суммарная процентная доля	100	100	100	99	100
Общее количество случаев	970	963	995	995	1007

* Фактический текст задававшегося вопроса таков: «Возьмем теперь местные органы власти. Какое воздействие, по вашему мнению, оказывают их акции на вашу повседневную жизнь? Оказывают ли они большое воздействие, некоторое воздействие или нулевое воздействие?»

Эти числовые показатели говорят о том, что значительное большинство американцев, англичан и немцев когнитивно ориентированы на правительственные и вообще на властные действия. Это означает, что они воспринимают правящие власти как влияющие на их жизнь. Итальянцы и мексиканцы — особенно последние — либо менее часто осознают воздействие правящих властей, либо осознают его, но отвергают как не имеющее для них ни малейшего значения.

У нас есть также возможность установить, действительно ли воздействие правительства и вообще властей считается в этих странах благотворным. Для этого задавался дополнительный вопрос: «Если говорить в целом, то присуща ли действиям национального правительства тенденция улуч-

шать ситуацию в этой стране или же без них нам жилось бы лучше?» Таблица II.3 показывает, что преобладающее большинство тех жителей Соединенных Штатах, Великобритании, Германии и Италии, которые говорили о реальном воздействии национального правительства на их повседневную жизнь, рассматривали также это воздействие в качестве полезного. Мексиканцы продемонстрировали самую низкую частоту благоприятных ответов; они больше представителей всех других стран говорили о том, что без деятельности национального правительства им жилось бы лучше. Такая же картина получилась в результате дополнительного вопроса о воздействии местных органов власти.

Таблица II.3

Характер воздействия национального правительства; по странам*

	США	Велико- британия	Герма- ния	Ита- лия	Мек- сика
Национальное пра- вительство улучшает ситуацию	76	77	61	66	58
Иногда оно улучшает ситуацию, иногда нет	19	15	30	20	18
Лучше обходиться без национального правительства	3	3	3	5	19
Национальное прави- тельство никак не влияет	1	1	1	1	2
Прочее	0	1	0	2	1
Не знаю	1	2	4	5	2
Суммарная процентная доля	100	99	99	99	100
Общее количество	821	707	676	534	301

* Как оно указывается теми респондентами, которые приписывают национальному правительству некоторое воздействие.

Если мы объединим результаты ответов на эти два вопроса о воздействии общенационального правительства и местных органов власти, а также о характере указанного воздействия, то напрашиваются следующие основные выводы. Преобладающее большинство американских и британских респондентов ощущают воздействие своих национальных

и местных органов власти и рассматривают это воздействие как благотворное. Немецкие респонденты напоминают американских и британских, за исключением того, что больший их процент занимает скептическую позицию, считая, что национальные и местные органы власти иногда улучшают ситуацию, а иногда не улучшают. Те итальянцы, которые действительно приписывают своим общенациональным и местным органам власти определенное значение (таких немногим более половины), также считают это воздействие благоприятным для себя. С другой стороны, только меньшинство мексиканцев (менее одной трети) характеризуют органы власти как значимые, но даже среди этой трети существенная доля респондентов либо занимает в вопросе о достоинствах органов власти скептическую позицию, либо вообще отвергает какие-либо их достоинства, считая плоды их воздействия в значительной степени вредными.

Представленная до сих пор широкая картина говорит о том, что в Соединенных Штатах, Великобритании и Германии основная масса населения — «лоялисты» в смысле их отношения к «выходу»; это означает, что они знают о результатах деятельности своих органов власти и оценивают указанные результаты благоприятно. В Италии и особенно в Мексике наблюдается высокая встречаемость таких подданных и парохалов, которые испытывают отчужденность. Наши обычные интервью позволили нам просто сказать, что примерно две трети мексиканцев и немногим менее половины итальянцев либо не приписывают своим органам власти никакого значения, либо говорят, что не знают, имеют ли эти органы какое-нибудь значение. Наши биографические интервью с историями из жизни помогут нам разобраться в истинном смысле полученных нами количественных данных.

В каждой из пяти стран мы еще раз взяли интервью приблизительно у 10% наших респондентов, повторяя некоторые из тех же самых вопросов, но зондируя ситуацию более глубоко и записывая их ответы дословно. В этих более свободных, открытых и нерегламентированных материалах мы обнаружили, что в составе тех респондентов из Мексики и Италии, которые сказали, что органы власти не оказывали на них никакого воздействия или что они не знают, насколько

ко это воздействие сильно, присутствуют как «парохиалы», так и «отчужденные». Некоторые из заявлений парохиалов приводятся далее.

На вопрос, необходимо ли правительство и вообще органы власти, мексиканская домашняя прислуга, которая вместе со своей семьей живет в доме хозяйки в Мехико, ответила: «Я не буду отвечать на этот вопрос, потому как не знаю, что мне сказать». Она считала, что органы власти не имеют никакого значения для нее и членов ее семьи. Когда у нее спросили, для чего используются налоги, она ответила: «А что это такое? Я не знаю». Она не умела ни читать, ни писать и никогда не голосовала. Мексиканская домохозяйка из города Сан-Луис-Потоси ответила на вопрос о воздействии правительства такими словами: «Его деятельность не оказывает на меня никакого воздействия, потому что я не имею к правительству никакого отношения и не веду с ним никаких дел». Эта женщина заявила, что у нее слишком много детей, чтобы она была в состоянии думать о чем-нибудь еще. У нее мало друзей или подруг, и она не питает ни малейшего доверия к людям, не принадлежащим к ее семье. Единственная ситуация, когда она подумала бы насчет обращения к правительственному чиновнику или другому представителю властей, — это если бы имелась хотя бы небольшая возможность таким путем получить работу для кого-либо из ее родственников. В той мере, в какой парохиал осведомлен о правительстве и органах власти, он склонен смотреть на них под углом семейных интересов. Так, бедный мексиканский портной, живущий в Оахаке, выразился о правительстве следующим образом: «Оно никак не влияет. У меня нет с правительством никаких связей — ни через семью, ни по работе».

Среди мексиканских и итальянских случаев намного чаще встречаются явно отчужденные респонденты. Большинство из них были «отчужденцами» применительно к «выходу»: они питали убеждение, что правительство и вообще власти должны делать разные вещи конкретно для них и для людей вроде них, но власть проявляла безразличие к интересам бедняков или же оказывалась насквозь коррумпированной и реагировала только на взятки либо на родственные связи.

Далее приводится несколько примеров ответов наших мексиканских респондентов на тему о коррупции во власти.

Мексиканская домохозяйка о воздействии местных органов власти на ее жизнь: «Они очень даже оказывают воздействие. Забирают все деньги себе».

Мексиканская секретарша о том, для чего используются налоги: «Публичные должностные лица, всякие государственные чиновники говорят, что они трудятся для города, для улучшения дел в нем, но это выглядит невероятным: ведь каждый новый губернатор увеличивает налоги, однако для города не делает ничего — только для своих карманов».

Другая тема, порождающая отчуждение, это пренебрежение интересами людей.

Мексиканский каменщик о воздействии на него местных органов власти: «В доме у меня совсем нет воды, и моя жена должна ходить куда-то в другое место, чтобы добыть ее».

Мексиканская женщина, белый воротничок, о воздействии местных органов власти: «Они игнорируют продовольственные магазины и рынки, где все продаваемые товары низкого качества и страшно дороги. Иногда попадают гнилые овощи, но их все равно продают, и из-за этого у людей случаются болезни».

Точно такие же темы коррупции [властей] и пренебрежительного игнорирования [ими нужд населения] присутствуют и среди тех итальянских респондентов, которые испытывают отчуждение. Так, итальянский водитель такси из Бари на вопрос о воздействии национального правительства на людей вроде него раздраженно ответил: «Конечно, у него-то есть влияние, но у нас никакого влияния нет. У правительственных чиновников есть влияние, чтобы набивать собственные карманы. Но какое воздействие они могут оказывать на нас? Простой человек ничего не в силах сделать. Моя семья держится за свое место и ничем не интересуется». На заданный далее вопрос о местных органах власти он ответил: «Все местные действия предназначены для заинтересованных сторон и всяких партий. Власти запускают множество пропагандистских материалов; они обещают кучу вещей, но для народа никто ничего не делает. Как я могу

пробиться к мэру или вступить в какую-нибудь партию, если о нас никто не думает?»

Однако парохиализм и отчуждение отнюдь не специфичны для Италии и Мексики. Мы столкнулись с обоими этими явлениями также в Германии, Великобритании и Соединенных Штатах. Правда, табл. II.1 и II.2 говорят о том, что в последних трех странах такие установки встречаются гораздо реже. Но несколько примеров могут помочь нам сделать вывод, что различия относительны, а вовсе не абсолютны.

Английская женщина, работница фабрики готовой одежды, о воздействии национального правительства на нее: «Не знаю. Меня оно не волнует. Они вообще никак на нас не влияют. Если у нас нет работы, они нам ничего не дают».

Английский повар о воздействии национального правительства: «Должен сказать, оно вполне большое... ну, хорошо, я не знаю, как они там влияют конкретно на меня. Единственная вещь, против которой я выступаю, — это что тем, кто всю свою жизнь экономил, они позволяют заниматься этим и дальше, но тем, кто ничего такого не делал, они помогают. Вот это мне совсем не нравится».

Немецкий неквалифицированный рабочий о влиянии национального правительства: «Влияние есть, но маленькое. Основное влияние — это что каждый должен заплатить налоги. И это малость мешает моей жизни. А в остальном — вряд ли».

Немецкая домохозяйка, беженка, о воздействии правительства на жизнь ее семьи: «Когда муж приносит домой свой конверт с зарплатой и мы видим удержания — вот тогда мы и видим, что правительство где-то близко, прямо под рукой».

До сих пор мы анализировали вопросы о деятельности правительства и вообще властей на «выходе». Те респонденты, которые считают общенациональные и местные органы власти имеющими значение и которые способны привести примеры их существенного воздействия, являются как минимум подданными. Если они осознают влияние властных структур, но не удовлетворены им, мы можем назвать их отчужденными подданными. Если они вообще ничего о них не знают или же знают лишь нечто туманное, мы можем назвать таких людей парохиалами. Любопытно, что многие респон-

денты, особенно из числа британцев, отвечая на заданные им вопросы о «выходе», добровольно вкладывали в свои ответы содержание, касающееся «входа». Другими словами, их «демократическая» ориентация перетекала в подданнический контекст. Например, шотландский рабочий-сталелитейщик приписывал местным органам власти большое значение, а когда от него потребовали привести пример, отметил: «Знаете, людей интересуют разные такие вещи, которые они хотят видеть сделанными, и они без долгих ожиданий готовы довести их до местного муниципалитета либо до совета графства или же опубликовать о них что-нибудь в местной газете».

Понимание того, сколь значимо воздействие правительства и местных властей, резко меняется вместе с уровнем образования. Так, в Соединенных Штатах 89% из числа тех, кто хотя бы недолго посещал полную среднюю школу, осознавали значимость национального правительства — по сравнению с 73% из числа тех, чье образование ограничивалось только начальной школой. В Англии соответствующие процентные доли составили 76 для лиц с университетским образованием, снижаясь до 70 для тех, кто закончил лишь начальную школу, а в Германии эти цифры составили 83 и 66%.

Хотя различия между указанными тремя странами велики, важно подчеркнуть, что даже среди минимально образованных американцев, англичан и немцев понимание того, что властные структуры играют значительную роль в их повседневной жизни, чрезвычайно широко распространено.

Напротив, среди необразованных итальянцев и мексиканцев встречаемость понимания истинной значимости национального правительства и местных органов власти оказалась чрезвычайно низкой: 24% для Италии и 25% для Мексики. У итальянцев, окончивших среднюю школу, эта встречаемость понимания составила 72%, а у лиц с университетским образованием — 85%. А вот в результатах, полученных для Мексики, поразительно то, что даже лица со средним и университетским образованием продемонстрировали относительно низкую встречаемость понимания подлинной значимости властных органов и правительства: среди мексиканцев со средним образованием она составила 35%, а среди тех мексиканцев, которые окончили университет, — 57%.

Осведомленность о политике

Наша первая серия вопросов была предназначена для установления картин когнитивной способности на «выходе». Нас интересовало, воспринимались ли людьми местные органы власти и центральное правительство как воздействующие на них самих, на их семьи и родственников, а также на их сообщества. Во второй серии вопросов мы стремились установить, следят ли люди за политическими, властными и правительственными событиями (включая политические кампании) и обращают ли они внимание на них¹. Эти вопросы сильнее приближаются к тестированию частоты участнических ориентаций в этих пяти странах, поскольку они имеют в виду такой разрез, как внимательность к политическому «входу». Мы можем предположить, что если люди следят за политическими и властно-правительственными событиями, то они в некотором смысле вовлечены в процесс, посредством которого принимаются решения. По правде говоря, это минимальная степень вовлеченности. Гражданская культура в том смысле, в каком мы используем данный термин, включает чувство долга, обязывающее участвовать в политических действиях на «входе», равно как включает и ощущение своей компетентности, позволяющей участвовать. На самом деле отслеживание властно-правительственных и политических событий и внимательность к политической жизни есть ограниченная часть гражданских обязанностей, и более того — без них никакая гражданская культура невозможна. Они представляют собой когнитивный компонент гражданской ориентации.

Таблица II.4 кое-что говорит нам о встречаемости гражданской когнитивности в наших пяти странах. В целом картина, изображенная в табл. II.4, совпадает с той, о которой говорилось при обсуждении подданнической когнитивности, или когнитивности на «выходе». В Соединенных Штатах, Великобритании и Германии имеют место высокие показатели по отслеживанию политических и властно-

¹ В дальнейшем этот аспект будет называться «подверженностью» (exposure) политической жизни, политическим компаниям или политической коммуникации. — *Прим. перев.*

правительственных событий, а в Италии и Мексике — низкие. Но к этой общей картине есть два интересных уточнения. Во-первых, немцы отслеживают политические события чаще, чем это делают англичане. И во-вторых, итальянцы отслеживают политические события намного реже, чем этим занимаются мексиканцы. Причем аналогичная картина наблюдается и в том случае, если рассмотреть ответы на вопрос «Уделяете ли вы внимание избирательным кампаниям?».

Относительно высокая частота, с которой немецкие респонденты сообщают, что они когнитивно ориентированы на властный процесс на «входе» — а этот показатель здесь столь же велик, как в Великобритании, или даже несколько выше, — говорит о том, что в Германии, по крайней мере в когнитивном разрезе, вполне могут иметься гражданские тенденции. Если в германском обществе не кажется, что демократия пустила глубокие корни, это происходит отнюдь не из-за интереса к политической жизни или из-за нехватки политической информации.

Таблица II.4

Отслеживание сообщений о политических и властно-правительственных событиях; по странам*

Процентная доля тех, кто следит за сообщениями...	США	Великобритания	Германия	Италия	Мексика
Регулярно	27	23	34	11	15
Время от времени	53	45	38	26	40
Никогда	19	32	25	62	44
Прочие ответы и не знают	1	1	3	1	1
Суммарная процентная доля	100	100	100	100	100
Общее количество	970	963	955	995	1007

* Фактический текст этого вопроса таков: «Отслеживаете ли вы сообщения о политических и властных или правительственных событиях? Могли бы вы сказать, что следите за ними регулярно, или время от времени, или не следите никогда?»

Итальянские и мексиканские данные образуют любопытный контраст. В ответах на вопросы о когнитивной способности на «выходе» и когнитивной способности на «вхо-

де» показатели для этих двух стран ниже, чем у трех других. Но в терминах их когнитивной способности применительно к властно-правительственному «выходу» итальянцы намного чаще мексиканцев выражали осведомленность о таких действиях. Однако если говорить о функции их когнитивной способности применительно к властно-правительственному «входу» — об их подверженности политическим событиям и политическим кампаниям, — то итальянцы намного реже мексиканцев указывали на подобную подверженность. Так, больше половины итальянских респондентов сказали, что властные структуры оказывают влияние на их жизнь; но почти две трети заявили, что они никогда не следят за политической жизнью или властно-правительственными делами, и больше половины сообщили, что они не обращают внимания на избирательные кампании. В Мексике, с другой стороны, доля респондентов, которые уделяют внимание таким кампаниям и следят за политической жизнью, намного больше чем доля тех, кто придает значение властно-правительственной деятельности¹.

Эта мексиканская особенность выражается еще яснее, если мы сравниваем мексиканцев, которые сообщают о высокой подверженности политической коммуникации, с теми, кто и в других странах проявляет такое же равнодушие к ней. В остальных четырех странах менее 10% лиц с высокой подверженностью коммуникации сообщают, что ни национальные правительства, ни местные органы власти никак не воздействуют на их жизнь. В Мексике, с другой стороны, 56% тех, у кого эта подверженность высока, не придают своему правительству и иным властям ни малейшего значения.

Несколько комментариев, позаимствованных из наших биографических интервью, которые посвящены историям из жизни респондентов, могут проиллюстрировать разницу

---

¹ В главе I мы указали, что мексиканская выборка не включала ту часть мексиканского населения, которая живет в городах с числом жителей менее 10 000. Поскольку это обстоятельство может повлиять на мексиканские результаты, особенно в таком их разрезе, как подверженность политической коммуникации, и тем самым сделать наше сравнение Мексики и Италии недействительным, мы сравнили мексиканскую выборку с той частью итальянской выборки, которая проживает в городах с численностью населения не менее 10 000 человек. Результаты различались лишь на небольшое число процентных пунктов и подтвердили обсуждаемый здесь вывод.

между мексиканской и итальянской картинами. Когда у мексиканского водителя грузовика спросили, интересуется ли он политическими и властно-правительственными делами, тот ответил: «Очень даже, потому что правительство и власти могут помочь улучшению условий жизни всех мексиканцев. По крайней мере, именно этого мне бы хотелось». На вопрос, когда он впервые заинтересовался политикой и политической жизнью, этот человек сказал: «Приблизительно лет десять назад, когда я начал понимать, что в экономическом смысле правящие нами люди склонны приносить пользу только себе, не обращая внимания на нужды других граждан». А вот что ответил на тот же самый вопрос один мексиканский сапожник: «Да, мне нравится политика. Я очень интересуюсь ею, потому что хочу видеть улучшения [в нашей стране], а еще по той причине, что хочу видеть, как у нас все идет хорошо, а то многие из политических боссов вместо того, чтобы помогать рабочему человеку, вредят ему». И мексиканская стенографистка прокомментировала [тот же вопрос] следующим образом: «У меня-то есть интерес к моему городу, а вот наш губернатор не обращает на него внимания. Я сравнивала свой город с другими городами, которые когда-то были на том же самом уровне, что и мое Пуэбло, а теперь и по культуре, и по красоте ушли далеко вперед». Она впервые стала интересоваться политической жизнью, когда съездила в Гвадалахару «и увидела, насколько там все сделалось лучше. Я помню, что в прошлом году Пуэбло занимал второе место в республике по красоте, а теперь город потерял эту позицию, потому что городское начальство пренебрегает им».

Хотя встречались и итальянские респонденты, которые описывали себя как людей, интересующихся политической жизнью, в этой стране более типичные ответы подчеркивали совсем другое – опасность и тщетность всякой заинтересованности политикой.

Итальянский пенсионер, бывший рабочий, о своем интересе к политической жизни: «Максимум, что я делаю для этого, – читаю газеты, и когда я занимаюсь таким делом, то чтение идет у меня очень медленно. Уходит целый день, чтобы прочитать всего одну газету. Мне не нравится принимать участие в разных обсуждениях. Как я уже говорил вам раньше, они бывают слишком оживленными, а временами даже опасными».

Итальянский механик о тех, кто интересуется политикой: «Всекие фанатики, которые верят в то, что делают, и в разные свои устремления, или же темные невежи, которые вечно плетутся в хвосте, а первые их подталкивают».

Итальянская домохозяйка, которая поджидает клиентов в семейном продуктовом магазинчике, [в ответ на тот же вопрос]: «Никто! У меня к ней полное отвращение, потому как я чувствую, что ничего там не делается по справедливости».

Когда мы используем другие измерители политической когнитивной способности, в разных странах повторяются одни и те же картины. Так, например, когда мы сравниваем подверженность людей политической коммуникации в различных средствах массовой информации (табл. II.5), немцы опережают британцев, а мексиканцы выглядят лучше, чем итальянцы.

Мы уже видели, что когнитивная способность применительно к «выходу» тесно связана с достигнутым уровнем образования и социально-экономическим положением. Кроме того, очень похоже, что образование сильно коррелирует с гражданской когнитивной способностью (см. табл. II.6). На университетском уровне почти все респонденты в каждой из стран следят за политической жизнью. На уровне тех, кто получил среднее образование, во всех странах, за исключением Италии, доля тех, кто следит за политикой, одинаково велика; и даже применительно к Италии разница между итальянцами, окончившими среднюю школу, и респондентами со средним образованием в других странах намного меньше, нежели разница между итальянцами, остановившимися на начальной школе, и респондентами из других стран, которые тоже имеют лишь начальное образование. Таким образом, на более высоких уровнях образования во всех странах обнаруживается одинаково большая доля тех, кто следит за политической жизнью. Среди тех, у кого образовательный уровень ниже, различия между странами выражены сильнее. В Соединенных Штатах, Великобритании и Германии, а также — в меньшей степени — в Мексике менее образованные лица все-таки следят за политической жизнью; но в Италии лишь немногие из респондентов с более низким уровнем образованности интересуются политической коммуникацией.

Таблица II.5

Слежение за сообщениями о публичной деятельности в различных средствах массовой информации; по странам*

Процентная доля тех, кто следит за сообщениями...	США	Великобритания	Германия	Италия	Мексика
В газетах, по меньшей мере еженедельно	49	43	53	16	31
По радио или телевидению, по меньшей мере еженедельно	58	36	52	20	28
В журнале (когда-либо)	57	21	45	26	25
Суммарное количество	970	963	955	995	1007

* Фактический текст вопросов таков: «Что вы скажете о газетах (радио или телевидении, о журналах)? Следите ли вы (слушаете, читаете) за публичными событиями в газетах (по радио или телевидению, в журналах) почти каждый день, примерно один раз в неделю, время от времени или никогда?» Процентные показатели указываются здесь только для тех, кто сообщает о своей подверженности воздействию этой информации.

Таблица II.6

Люди, следящие за политической жизнью регулярно или время от времени; по странам и уровню образования

Страна	Всего		Начальное или ниже		Близкое к среднему		Близкое к университетскому	
	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	80	(970)*	67	(339)	84	(442)	96	(168)
Великобритания	60	(963)	60	(595)	77	(322)	92	(24)
Германия	72	(955)	69	(790)	89	(124)	100	(26)
Италия	36	(995)	24	(692)	58	(245)	87	(54)
Мексика	55	(1007)	51	(877)	76	(103)	92	(24)

* Числа в круглых скобках указывают, на основании каких значений вычислялись процентные доли.

Информированность и наличие точек зрения

До сих пор нашими измерителями знаний о политической системе или когнитивного интереса к ней были субъективные оценки значимости властных структур и субъективные оценки подверженности политическим и властно-правительственным делам. Мы пока еще не пробовали установить, каким именно количеством информации о правительстве, властных структурах и политической жизни фактически владеют респонденты. Демократическая компетентность тесно связана с наличием достоверной информации о политических проблемах и процессах, а также со способностью использовать эту информацию для анализа существующих проблем и изыскания стратегий влияния на них. В нашем опросе применялись два измерителя информированности: один из них базировался на способности опознавать национальных лидеров основных политических партий в каждой из стран, а второй основывался на способности идентифицировать ведомства в составе кабинета министров или же департаменты на уровне национального правительства.

Оба эти показателя представляет собой простые измерители количества информации определенного вида. Они улавливают только один ограниченный аспект такого разреза, как имеющиеся знания, и ничего не говорят нам о способности использовать эти знания разумным образом. Кроме того, поскольку властно-правительственные структуры и партийные структуры в наших пяти странах отличаются, мы не вправе предположить, что указанные количественные измерители политической информированности сопоставимы в строгом смысле этого слова. Способность идентифицировать лидеров меньших партий в Италии и Мексике может свидетельствовать о более высокой степени когнитивной способности, чем способность идентифицировать большее количество лидеров в ситуации американской двухпартийной системы. Однако, когда мы сравниваем доли осведомленных на двух крайних полюсах — тех, кто вообще не располагает никакой правильной информацией, и, напротив, лиц, обладающих очень большим объемом информации, — ука-

занные структурные различия становятся менее значимыми и наши сравнения — более надежными.

Результаты, приведенные в табл. II.7, показывают, что с точки зрения данного измерителя политической информированности у немцев, англичан и американцев наблюдается наибольшая доля хорошо осведомленных респондентов. Высокая частота неинформированных итальянских респондентов вполне коррелирует с высоким процентом жителей этой страны, которые описывают себя как не следящих за политической жизнью и политическими кампаниями. С другой стороны, мексиканские показатели опять представляют большой интерес. Хотя мексиканцы с относительно высокой частотой сообщают, что следят за политикой и политическими кампаниями, они проявляют себя хуже всего информированными по сравнению с жителями всех наших пяти стран. Примерно половина мексиканских респондентов — включая многих из числа говорящих, что они следят за политической жизнью, — не смогли правильно назвать ни одного политического лидера в своей стране или хоть какое-нибудь правительственное ведомство либо департамент.

Таблица II.7

Способность назвать партийных лидеров и министерства, входящие в состав правительства; по странам^а

Страна	Процентная доля тех из полной выборки, кто: ^б			
	способен назвать не менее четырех партийных лидеров	не способен назвать ни одного партийного лидера	способен назвать не менее четырех министров	не способен назвать ни одного министра
США	65	16	34	28
Великобритания	42	20	34	23
Германия	69	12	40	20
Италия	36	40	23	53
Мексика	5	53	21	47

^а Респонденты со средними уровнями информированности (т.е. те, кто в каждой из категорий смог назвать от одного до трех лиц) не были отражены в данной таблице.

^б Процентные доли в каждом из случаев вычислялись по отношению к полной выборке.

Если мы сумеем не только продемонстрировать, но и объяснить такую мексиканскую картину, то тем самым добавим еще один существенный элемент к нашей характеристике мексиканской политической культуры. Нами выдвинута гипотеза, что в мексиканской политической культуре высокая когнитивная самооценка сочетается с низкими показателями качества реальной когнитивной способности. Один из способов протестировать ее состоит в том, чтобы установить, в какой степени плохо информированные респонденты из наших пяти стран готовы выражать политические мнения. Как измеритель готовности высказывать политические мнения мы будем использовать индекс «диапазона (range) политических мнений». Данный индекс основывается на частоте, с которой респонденты, не уклоняясь и не говоря о своем незнании, выражали собственные мнения в ответах на серию из шести вопросов по поводу общих политических установок. Эти вопросы касаются таких вещей, как сущность и содержание гражданских обязанностей, суждения о группах интересов и политических партиях, а также о том, есть ли необходимость в проведении политических кампаний¹.

---

¹ Эти шесть вопросов, использовавшиеся для вычисления индекса «диапазона политических мнений», звучали следующим образом:

«1) Иногда приходится слышать, что некоторые люди или группы оказывают настолько сильное влияние на работу правительства, что интересы большинства игнорируются. Согласны ли вы с тем, что такие группы существуют, или же не согласны?»

2) Мы знаем, что у обычного человека есть множество проблем, которые занимают его время. В свете этого какую роль должен, по вашему мнению, играть простой человек в общественных делах своего города или района?»

3) Люди говорят о чувстве долга и о различных своих обязанностях перед страной. Каковы, по вашему мнению, те обязанности перед своей страной, которые имеются у каждого человека?»

4) Некоторые люди говорят, что проведение избирательных кампаний необходимо, потому что таким способом широкая публика может высказывать суждения о кандидатах и существующих проблемах, а также оценивать их. Другие говорят, что эти кампании вызывают так много горечи и настолько ненадежны, что нам было бы лучше обходиться без них. Как вы думаете — действительно ли такие кампании необходимы или же нам было бы лучше без них?»

5) В настоящий момент (такая-то) партия контролирует правительство. Считаете ли вы, что ее политические решения и деятельность способны при каких-либо обстоятельствах серьезно угрожать благосостоянию этой

Табл. II.8, где сообщается, насколько часто респонденты отвечали на указанные вопросы о наличии у них политических мнений, действительно свидетельствует, что для Мексики особенно характерно такое сочетание высокой когнитивной самооценки с низкой информированностью.

Оказывается, что мексиканцы почти столь же часто изъявляют желание выразить свои мнения по всем шести вышеуказанным вопросам, как и немцы, хотя в Германии наблюдается наибольшая доля лиц с высоким уровнем информированности, а среди мексиканцев — наименьшая. Но для дальнейшего подтверждения того, что в Мексике существует ощутимо бóльшая доля респондентов типа «низкая информированность — высокое самомнение», чем в любой другой из наших стран, мы должны установить, какой процент респондентов в каждой из стран *сочетает* в себе качества низкой информированности и высокой готовности выразить свои мнения. Этот анализ, нашедший отражение в табл. II.9, делает наглядно видимыми несколько важных соображений. Во-первых, складывается впечатление, что во всех странах, за исключением Италии, лица с низкими показателями информированности занимают высокие места там, где дело касается выражения своих мнений. Так, двое из трех плохо информированных мексиканцев и почти все плохо информированные американцы, британцы и немцы давали какой-то ответ на четыре или более из поставленных перед ними шести оценочных вопросов. С другой стороны, только один из трех плохо информированных итальянцев высказывал мнения по четырем или более вопросам. Это, как представляется, говорит о том, что во всех странах, кроме Италии, готовность выразить политические мнения широко распространена, присутствуя даже у неинформированных лиц. Поразительно то, что плохо информированные мексиканцы в этом отношении похожи на американцев, британцев и немцев, но отличаются от итальянцев. В Италии почти столько же плохо информированных респондентов, как и в Мексике, но большинство из

страны? Думаете ли вы, что так оно, *вероятно*, и случится, что такое *могло бы* случиться или же что этого, *вероятно, никогда не случится*?

б) То же самое, что и в вопросе 5, но по отношению к ведущей оппозиционной партии».

них воздержалось от высказывания каких-то мнений по политическим вопросам. Отсюда напрашиваются два вывода: во-первых, Мексика напоминает более «развитые демократии», поскольку даже те ее жители, которые когнитивно некомпетентны, не стесняются выражать свои мнения, и, во-вторых, в Мексике намного больше такого рода «честолюбивых граждан», чем в любой из других наших стран. Такие мексиканцы (приблизительно одна четверть выборки) почти во всех случаях являются людьми с начальным или вообще отсутствующим

Таблица II.8

Индекс диапазона политических мнений; по странам

Процентная доля тех, кто...	США	Велико- британия	Герма- ния	Италия	Мекси- ка
Отвечил на все шесть политических вопросов	63	56	47	26	46
Сказал «Не знаю» в ответ на один или два вопроса	29	37	46	37	35
Сказал «Не знаю» в ответ на три или более вопросов	7	7	7	36	19
Суммарная процентная доля	99	100	100	99	100
Общее количество	970	963	955	995	1007

образованием; это лица, обладающие весьма ограниченным объемом информации о более широком мире общественных дел, но тем не менее очень желающие занять свою позицию по общим политическим вопросам и изложить ее¹. Такие люди встречаются во всех наших странах, но в Мексике они появляются в два раза чаще, нежели в любой другой из стран. Существование такой большой доли подобных лиц в Мексике лишний раз подтверждает нашу интерпретацию, что поли-

¹ Важно отметить, что мы имеем дело со степенью, с которой респонденты чувствуют себя свободными выражать свои мнения, а вовсе не с тем, в какой степени они фактически имели подобные мнения. В свете этого одной из причин, по которой итальянские респонденты нечасто выражали свои мнения, может выступать их сильная обеспокоенность и неловкость в ситуации интервью. Этот момент обсуждается далее в главе III.

тическая культура этой страны содержит наряду с бедностью знаний и низкой информированностью еще и большой честолюбивый компонент статусной устремленности — тенденцию с готовностью выражать свои мнения.

Таблица II.9

Готовность выразить политические мнения среди респондентов с невысокой политической информированностью; по странам^а

Страна	Процентная доля лиц с низкой политической информированностью от полной выборки ^б	Процентная доля от полной выборки лиц с низкой информированностью, которые, однако, ответили на четыре или больше вопроса
США	13	11
Великобритания	13	10
Германия	8	8
Италия	33	11
Мексика	36	23

^а В каждом случае процентные доли относятся к полной выборке.

^б Низкая политическая информированность означает, что респондент не смог назвать и никого из партийных лидеров, и ни одного из тех, кто занимает в правительстве министерский пост.

В целом полученные нами данные о политической осведомленности показывают, что среди британцев, американцев и немцев преобладает ориентация на их собственные политические системы, причем как в политическом, так и во властном смысле. Или, если воспользоваться нашим жаргоном, они когнитивно ориентированы на свою политическую систему в обоих ее аспектах — на «выходе» и «входе». С другой стороны, среди мексиканцев и итальянцев имеется много тех, кто отчужден или пароксиален. Таблица II.10 содержит удобную сводку значительной части тех аргументов, которые были изложены в данной главе. Она показывает, что больше одной трети итальянцев и мексиканцев полностью отчуждены или пароксиальны, в то время для других трех стран процентная доля таких людей намного меньше. Помимо этого, указанная таблица весьма отчет-

ливо демонстрирует также несбалансированности в итальянской и мексиканской моделях [политической] ориентации, а также сводит воедино все представленные нами ранее свидетельства явного преобладания тенденций к честолюбивой статусной устремленности среди мексиканцев и тенденций к отчужденности — среди итальянцев. Если к свидетельствам, резюмированным в табл. II.10, мы добавим продемонстрированный нами низкий уровень политической информированности в Мексике, сочетающийся там с необычайно частой готовностью выражать политические мнения, наша теория о честолюбивых гражданских устремлениях мексиканцев начинает приобретать структурно проработанную форму.

Таблица II.10

Сводка моделей политической когнитивности; по странам^а

Страна	Процентная доля отчужденных или парохияльных по отношению к действиям властей на «выходе» ^б	Процентная доля отчужденных или парохияльных по отношению к действиям властей на «входе» ^в	Процентная доля отчужденных или парохияльных по отношению к действиям властей и на «входе», и на «выходе» ^г
США	12	20	7
Великобритания	26	33	14
Германия	26	28	13
Италия	42	63	38
Мексика	71	45	35

^а В каждом случае процентные доли относятся к полной выборке по стране.

^б Негативные ответы или ответы «Не знаю» на вопрос о воздействии местных органов власти.

^в Негативные ответы или ответы «Не знаю» на вопрос о слежении за политической жизнью.

^г Негативные ответы или ответы «не знаю» на вопросы как о воздействии местных органов власти, так и о слежении за политической жизнью.

Однако к политической культуре принадлежит нечто намного большее, чем знания, осведомленность или когнитивная способность. Важным компонентом политической культуры является то, каковы *чувства* людей по отношению к своим политическим системам. Состояние чувств или политических эмоций в стране — это, возможно, самый важный тест легитимности ее политической системы. Оно также представляет собой самый важный измеритель политического отчуждения и устремленности. Именно к этому аспекту политической культуры мы теперь и обращаемся.

ГЛАВА III

ЧУВСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ВЛАСТЯМ, ПРАВИТЕЛЬСТВУ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Хотя в предыдущей главе нами делался упор на такой разрез, как знания, осведомленность или когнитивная способность, мы включили туда данные о состоянии чувств по отношению к властям, правительству и политической жизни в наших пяти странах, а также извлекли из них определенные выводы. Таким образом, когда мы говорили об Италии и Мексике как о странах с большой долей тех, кто ощущает себя отчужденными, то подразумевали, что граждане этих стран когнитивно ориентированы на свои политические системы, однако отвергают их — полностью либо в некоторых их аспектах. В этой и последующих главах мы рассмотрим эмоциональный разрез этой проблематики более непосредственным образом.

В данной главе мы будем иметь дело с обобщенными установками по отношению к системе как целому: к «стране», ее достоинствам, достижениям и т.п. Мы называем это «эмоцией по отношению к системе», или «системной эмоцией». Мы будем также иметь дело с «эмоцией по отношению к “выходу”» («“выходной” эмоцией»), т.е. с теми видами ожиданий, которые имеются у людей по поводу того, как их трактуют правительственные и иные властные чиновники. Здесь мы будем описывать установки, которые есть у людей по отношению к исполнительным или административным органам, проводящим законы в жизнь, а также по отношению к касающимся их инструктивным материалам — иными словами, к той части политической системы, применительно к которой они играют главным образом пассивную роль. Наконец, мы рассмотрим «эмоции по отношению к “входу”» («“входные” эмоции»), иначе говоря чувства, испытываемые людьми к тем органам и процессам, которые привлекаются к выборам публичных должностных лиц и к введению в силу публичных политических решений общего вида. В настоя-

щей главе мы познакомимся с таким разрезом, как «входные» эмоции, сопровождая это знакомство еще и анализом установок по отношению к коммуницированию по поводу политической жизни. В последующей главе мы будем детально разбираться с установками применительно к поддержке тех или иных партий и с чувствами в ходе избирательных кампаний.

Но вначале рассмотрим такой универсальный разрез, как «системная эмоция», используя в качестве нашего измерителя различные проявления национальной гордости в отобранных нами пяти странах.

Системная эмоция: национальная гордость

Одним из первых в нашем интервью мы задавали респондентам следующий вопрос: «Говоря самым общим образом, какими вещами применительно к этой стране вы больше всего гордитесь?» При ответе на него респонденты были совершенно свободны и их никоим образом не подталкивали к выбору политических характеристик. Поэтому, когда они давали политические ответы, мы можем предполагать, что такое выражение политической гордости носило спонтанный характер. Полученные результаты сведены в таблицу III.1. При этом 85% американских респондентов отмечали какую-либо особенность американской властно-правительственной или политической традиции: конституцию, политическую свободу, демократию и т.п. — по сравнению с 46% британцев, 7% немцев, 3% итальянцев и 30% мексиканцев. Кроме того, американцы и британцы упоминали о достижениях в публичной политике чаще, чем это делали респонденты в других странах. На противоположном полюсе оказались итальянские респонденты, среди которых было меньше всего тех, кто гордился своей политической системой, а также наибольшее количество респондентов, сообщивших, что они не гордятся ничем (8%) или «не знают», что вызывает у них гордость (19%). Итальянцы продемонстрировали также наибольшую долю «прочих» ответов (21%), и почти все такие ответы были общими утверждениями о гордости самим фактом того, что они родились итальянцами.

Таблица III.1

Различные аспекты страны, которые респонденты указывали в качестве предметов своей гордости; по странам

	США	Велико- британия	Герма- ния	Ита- лия	Мек- сика
Властные, правительст- венные и политические институты	85	46	7	3	30
Социальное законодательство	13	18	6	1	2
Позиция в международных делах	5	11	5	2	3
Экономическая система	23	10	33	3	24
Качества народа	7	18	36	11	15
Духовные достоинства и религия	3	1	3	6	8
Вклад в различные жанры искусства	1	6	11	16	9
Вклад в науку	3	7	18	3	1
Физические характери- стики страны	5	10	17	25	22
Ничего или не знают	4	10	15	27	16
Прочие	9	11	3	21	14
Суммарный процент ответов*	158	149	148	118	144
Суммарный процент респондентов	100	100	100	100	100
Общее количество случаев	970	963	955	995	1007

* Суммарные процентные доли превышают 100 из-за множественных ответов.

Таблица III.1 рассказывает также о различных неполитических атрибутах стран, которыми гордятся представители этих пяти народов. Среди немецких респондентов, которые нечасто гордились своей политической системой, оказалась наибольшая доля тех, кто гордился своими национальными экономическими достижениями. Кроме того, самый большой процент жителей Германии выражал гордость характеристиками немцев как народа (бережливость, чистоплотность, большое трудолюбие и эффективность). Итальянцы

чаще всего упоминали вклад своей страны в разные жанры искусства, физическую красоту страны и наличие культурных сокровищ. Гордость мексиканцев была более или менее поровну распределена между политической системой, экономической системой, достоинствами народа и физической красотой страны.

В целом результаты, представленные в табл. III.1, подтверждают те характеристики политической культуры наших пяти стран, о которых говорилось в предыдущей главе. Так, американцы и британцы с самой высокой частотой выражали гордость своими политическими системами, социальным законодательством и международным престижем. Итальянцы в подавляющем большинстве не испытывают никакой гордости, говоря о своей политической системе, равно как и о своей экономике или обществе. В той степени, в какой представители Италии вообще питают национальную гордость, это чувство вызывает история их страны, ее физическая красота или попросту тот факт, что они итальянцы. Тем самым картина итальянского отчуждения еще более усугубляется.

Вызывает большой интерес, что Германия расходится во мнениях с американской и британской демократиями в разрезе национальной гордости. Немцы видят значимость властно-правительственной деятельности на «выходе» и с готовностью знакомятся с информацией о политическом «входе», но они не выражают сколько-нибудь заметной гордости своей политической системой в целом и сосредоточивают свою национальную гордость на германской экономике, на личных достоинствах немцев, а также на их научных и художественных достижениях.

Мексиканские результаты с поразительной отчетливостью подтверждают картину, представленную в предыдущей главе. Хотя подавляющая часть мексиканцев отчуждена от властно-правительственной деятельности на «выходе» или относится к ней парохиально, жители этой страны манифестируют относительно высокую частоту интереса к политической жизни. Таблица III.1 показывает также, что по сравнению с итальянцами и немцами у мексиканцев с относительно высокой частотой присутствует политическая гор-

дость. Мы утверждаем, что именно такую картину высокого уровня системной эмоции, сосуществующего с отрицанием фактического качества функционирования властей или правительства, и можно было бы ожидать в стране, которая характеризуется по-прежнему неугасающей привязанностью к разнообразным революционным идеалам. Подобная модель установок — это как раз то, чего можно ожидать от народа, внезапно втянутого революционным переворотом в политическую жизнь. Разумеется, невозможно проследить истоки этой совокупности установок и привязать их исключительно к мексиканской революции, поскольку у подобных установок, вероятно, много корней. Но существуют некоторые свидетельства того, что тот тип привязанности к своей политической системе, который манифестируют мексиканские респонденты, частично объясняется продолжающимся воздействием революции как перманентно длящегося процесса. У тамошних респондентов спрашивали, в состоянии ли они назвать некоторые из идеалов и целей мексиканской революции¹. 35% не смогли назвать ни одной из ее целей, в то время как остающиеся 65% упоминали демократию, политическую свободу и равенство, экономическое благосостояние, аграрную реформу, социальное равенство и национальное освобождение. И вот что представляет интерес: когда респондентам задавали вопрос, чем они гордятся как мексиканцы, 34% из числа тех, кто мог назвать некоторые из целей или идеалов революции, гордились одним из политических аспектов своей страны — в отличие от всего лишь 19% из числа тех, кто не сумел назвать никаких идеалов революции или ее целей.

Но еще более интересны результаты дополнительного вопроса, которым сопровождался вопрос о целях мексиканской революции. У тех респондентов, которые называли какую-нибудь из целей революции, спрашивали после этого, что произошло с этими целями: были ли они реализованы, или же позабыты, или же народ по-прежнему продолжал

---

¹ Текст данного вопроса звучал следующим образом: «Наша мексиканская революция — это очень важное событие, которое всегда много обсуждается. Можете ли вы сказать мне, каковы, по вашему мнению, основные идеалы и цели мексиканской революции?»

работать над их достижением. Из числа тех респондентов, которые были способны назвать цель революции (их количество — 614), 25% думали, что цели были реализованы, 61% думали, что работа над их достижением продолжается, и 14% думали, что об этих целях забыли. Как и можно было ожидать, те респонденты, которые считали, что о целях революции позабыли, с наименьшей вероятностью среди трех названных групп выражали гордость своей политической системой. 31% членов этой группы (их количество — 84) сказали, что они гордятся мексиканской политической системой. Но в связи с нашей гипотезой о продолжающихся воздействиях мексиканской революции как перманентного процесса любопытно, что чаще гордятся политической системой — хотя разница незначительна — не те, кто верит, что цели революции уже реализованы, а те, кто полагает, что народ продолжает работать над достижением этих целей: 39% первых (их количество — 379) выражают такую политическую гордость по сравнению с 34% из числа тех, кто не видит революцию как продолжающийся процесс (их количество — 151). Таким образом, мексиканская гордость своей страной действительно кажется до некоторой степени зависящей от продолжающейся символической идентификации с мексиканской революцией.

В Соединенных Штатах и Великобритании, где очень большая доля респондентов выражает гордость политическими характеристиками своей страны, эта доля выше всего среди лучше образованных респондентов. В Соединенных Штатах 92% из числа тех, кто хотя бы немного учился в университетах, с гордостью реагировали на политические атрибуты — по сравнению с 81% тех, кто не пошел дальше начальной школы. В Великобритании 75% лиц, получивших университетское образование, гордились политическими характеристиками [своей страны] — по сравнению с 41% из числа имевших только начальное образование. Аналогично в Мексике политическую гордость выражали 22% из тех, кто не получил никакого образования, по сравнению с 38% из числа окончивших университет. В Германии и Италии, с другой стороны, уровень образования, как представляется, сла-

бо связан с тем, насколько часто респонденты выражали политическую гордость.

Аналогично в Великобритании, Соединенных Штатах и Мексике чаще гордились своими политическими системами более квалифицированные лица, занимавшие лучше оплачиваемые должности, тогда как в Германии и Италии род занятий играл в этом отношении сравнительно небольшую роль. Основное различие между объектами гордости в каждой из последних двух стран состояло в том, что лучше образованные респонденты, обладавшие более высокой квалификацией, а также владевшие организаторскими и профессиональными навыками, чаще выражали гордость достижениями своей страны в области искусства и науки, чем это делали лица с относительно невысоким уровнем образования или же занятые ручным трудом.

Тот факт, что в Германии и Италии образование и профессиональный или должностной уровень оказывают столь ограниченное воздействие на национальную гордость, говорит скорее об отчужденности от политической системы, чем о парохизме или недостаточной осведомленности о действующей системе. Вместе с ростом образованности умы людей делаются более открытыми для восприятия надстроечных структур своего общества, для понятий, связанных с исторической глубиной, и для более широкого взгляда на всю мировую сцену. Если более высокообразованные немцы и итальянцы оказываются не в состоянии проявлять значительно большую политизированность в своем выборе объектов гордости, чем их хуже образованные соотечественники, то мы должны прийти к заключению, что в каждой из этих стран среди тех социальных группировок, которые осведомлены о своей политической системе и следят за ее действиями, указанная система наделяется низким уровнем предпочтения или же вообще оценивается негативно. Кроме того, наше теперешнее положение дает нам возможность указать, в чем политическое отчуждение в Германии отличается от итальянского. Отчуждение в Италии означает полное отсутствие внимания [к политической системе], равно как и отсутствие политической гордости. В Германии имеет место любопытное сочетание высокой подверженности дей-

ствиям политической системы и внимательности к ней с отсутствием гордости за эту систему.

«Выходная» эмоция: ожидаемое отношение со стороны правительства и полиции

О чувствах, которые люди питают к властям, можно судить на основании их ожиданий в вопросе о том, как эти власти будут к ним относиться. При конструировании нашего интервью мы исходили из предположения, что большинство людей предпочитают, чтобы в их контактах с чиновниками и прочими официальными лицами к ним относились справедливо, внимательно и тактично. И если они ожидают справедливого, внимательного и тактичного отношения, то мы, не рискуя ошибиться, вправе предположить, что по меньшей мере в этих смыслах они расположены к представителям органов власти вполне благосклонно. А в противоположном случае мы могли бы предположить, что к властям они расположены неблагосклонно. Таким образом, наши вопросы были нацелены на выявление того, какие качества наши респонденты приписывали исполнительным органам разных уровней государственной власти.

Мы ставили наших респондентов перед двумя гипотетическими ситуациями. В первой их просили вообразить себя в каком-либо органе власти или правительственном учреждении с проблемой, которая требует официальных действий. На какое отношение к себе они в таком случае рассчитывают? Будут ли к ним относиться непредубежденно и точно так же, как ко всем остальным? Потом мы просили их вообразить, что они объясняют свою точку зрения одному или нескольким чиновникам. Ожидают ли они, что их выслушают внимательно и вежливо? В еще одной ситуации их просили вообразить себя вступившими в какой-то мелкий конфликт с полицией. Ожидают ли они, что полиция отнесется к ним непредубежденно и вежливо? Результаты ответов на эти вопросы о справедливом и равном отношении сведены в табл. III.2.

Вырисовывающаяся при этом картина представляет большой интерес. Американцы и британцы, которые в пре-

Ожидаемое отношение со стороны властно-правительственной
бюрократии и полиции; по странам*

Процентная доля говорящих, что...	США		Великобритания		Германия		Италия		Мексика	
	Бюрокр.	Пол.	Бюрокр.	Пол.	Бюрокр.	Пол.	Бюрокр.	Пол.	Бюрокр.	Пол.
Они ожидают равного отношения	83	85	83	89	65	72	53	56	42	32
Они не ожидают равного отношения	9	8	7	6	9	5	13	10	50	57
Смотря когда	4	5	6	4	19	15	17	15	5	5
Другие ответы	—	—	—	—	—	—	6	6	—	—
Не знают	4	2	2	0	7	8	11	13	3	5
Суммарная процентная доля	<u>100</u>	<u>100</u>	<u>98</u>	<u>99</u>	<u>100</u>	<u>100</u>	<u>100</u>	<u>100</u>	<u>100</u>	<u>99</u>
Общее количество	970	970	963	963	955	955	995	995	1007	1007

* Фактическая формулировка вопросов такова: «Предположим, что имелся какой-то вопрос, который вы должны решить в правительственном учреждении или в органе власти, — например, связанный с налогами или с жилищным законодательством. Думаете ли вы, что к вам отнеслись бы непредвзято, — я имею в виду, таким же образом, как к любому другому человеку?»; «Если бы у вас возникли небольшие неприятности с полицией — скажем, вы нарушили правила движения или вас обвинили в мелком проступке, — то думаете ли вы, что к вам отнеслись бы непредвзято? Иными словами, отнеслись бы так же, как к любому другому человеку?».

обладающем большинстве чувствуют значимость национального правительства и местных органов власти для своей повседневной жизни, которые говорят, что они следят за политической жизнью и политическими кампаниями и которые чаще всего спонтанно выражают гордость политическими системами в своих странах, ожидают также в значительном своем большинстве равного и непредвзятого отношения со стороны исполнительных органов власти. В теоретических терминах мы можем сказать, что у британцев и американцев высокий уровень когнитивной способности применительно к «выходу» и «входу», высокий уровень системной эмоции и высокий уровень эмоции по отношению к «выходу» («выходной» эмоции). Немцы вновь соответствуют британской и американской картине, хотя среди них доля тех, кто ожидает равного и объективного, непредубежденного отношения, несколько меньше. Далее, хотя у них и низкий уровень системной эмоции, уровень «выходной» эмоции высок — так же, как высок у них и уровень когнитивной способности применительно к «выходу» и «входу».

Ответы, полученные в Италии и Мексике, подтверждают высокую встречаемость отчуждения на «выходе» в этих странах. Их жители испытывают отчужденность в своих ожиданиях того, каким будет отношение к ним со стороны правящих властей и полиции. Опять-таки на стороне «выхода» мексиканцы проявляют отчужденность чаще, чем итальянцы, — тут мы имеем повторение картины, наблюдавшейся в разрезе когнитивной способности применительно к «выходу».

Таблица III.3 сообщает о частоте ожидания внимательного и тактичного отношения со стороны правительственных чиновников и полиции. Здесь нас интересовало, действительно ли наши респонденты приписывают правительственным официальным лицам отзывчивость и способность реагировать или же нет, а также чувствуют ли они, что к ним будут относиться с уважением и без унижения их достоинства, в духе готовности к взаимным уступкам. Хотя между нашими пятью странами есть структурные различия в организации их бюрократического и полицейского аппарата, наши вопросы были направлены на те бюрократические и полицей-

ские власти, с которыми респонденты могли бы войти в контакт в гипотетических ситуациях, создававшихся с помощью наших вопросов. (Более тонко дифференцирующая серия вопросов, которые улавливали бы различия в ожидаемом отношении со стороны различных уровней бюрократической власти и различных типов бюрократических или полицейских органов, несомненно, дала бы более сложную картину и более надежный комплекс информации.) Учитывая проблему длительности интервью, мы стремились добиться сравнимости, сразу задавая тип проблемы (например, налогообложение, жилищное законодательство) или тип нарушения (несоблюдение правил дорожного движения, наказуемый проступок), которые стали причиной столкновения с бюрократией или полицией.

Во всех наших странах, за исключением Мексики, полиция часто рассматривалась настолько же благосклонно, как и административные органы власти, — если не более благосклонно. Мексиканский цинизм особенно заметен при взаимодействии с полицией, в то время как в Великобритании то общее доверие к внимательности и тактичности полиции, а также к ее способности реагировать и отзывчивости, о котором сообщают многие, документировано с поразительной четкостью. Большой интерес представляет тот факт, что немцы выглядят несколько лучше американцев в своих ожиданиях внимательного, тактичного отношения со стороны правительства, административных учреждений и полиции. Интригующим выглядит вопрос о том, почему подавляющее большинство американцев ожидают равного и непредвзятого отношения, а затем, когда речь заходит об ожиданиях внимательного и тактичного отношения, показатель ожидания падает всего лишь до приблизительно 50%. Мы склонны считать — хотя этот вопрос будет во всех деталях рассматриваться ниже, — что американцы не столь полно усвоили роль подданного применительно к административным властям, как немцы и британцы. На наш взгляд, эти данные выглядят безусловно подкрепляющими популярные впечатления об американцах как о людях, чувствующих себя в бюрократических ситуациях неуютно и легко закипающих при виде неэффективности и бюрократической волокиты.

Степень внимательности к выражаемой точке зрения,
ожидаемая со стороны властно-правительственной бюрократии и полиции; по странам*

Процентная доля говорящих, что они ожидают...	США		Великобритания		Германия		Италия		Мексика	
	Бюрокр.	Пол.	Бюрокр.	Пол.	Бюрокр.	Пол.	Бюрокр.	Пол.	Бюрокр.	Пол.
Серьезного рассмотрения выражаемой точки зрения	48	56	59	74	53	59	35	35	14	12
Минимума внимания	31	22	22	13	18	11	15	13	48	46
Игнорирования	6	11	5	5	5	4	11	12	27	29
Смотря когда	11	9	10	6	15	13	21	20	6	7
Другие ответы	0	—	—	—	1	2	6	6	—	1
Не знают	4	2	2	1	8	11	12	14	3	4
Суммарная процентная доля	<u>100</u>	<u>100</u>	<u>98</u>	<u>99</u>	<u>100</u>	<u>100</u>	<u>100</u>	<u>100</u>	<u>98</u>	<u>99</u>
Общее количество	970	970	965	963	955	955	995	995	1007	1007

* Фактическая формулировка вопросов такова: «Если вы объяснили свою точку зрения официальным лицам, то как вам кажется, какое воздействие она окажет на них? Подвергнут ли они вашу точку зрения серьезному рассмотрению, или уделят ей лишь минимум внимания, или же вообще проигнорируют все, что вы говорите и собираетесь сказать?»; «Если вы объяснили свою точку зрения полиции, то как вам кажется, какое воздействие она окажет на них? Подвергнут ли они... [далее те же самые варианты выбора, что и ранее]?».

Различие между Соединенными Штатами, Великобританией и Германией, с одной стороны, и Италией и Мексикой — с другой, по-прежнему сохраняется. Только 35% итальянцев и от 12 до 14% мексиканцев ожидают от правительственной и полицейской власти серьезного, внимательного и тактичного рассмотрения, если они попробуют объяснить свою точку зрения, в отличие от 48 или более процентов для респондентов в других трех странах.

Ожидаемое отношение со стороны правительства, местных органов власти и полиции изменяется также в зависимости от образовательного уровня. В табл. III.4 показаны эти различия для Соединенных Штатов, Великобритании и Германии. В Соединенных Штатах доля респондентов с университетским или близким к нему образованием, ожидающих от правительства и полиции равного и внимательного отношения, выше на величину от 8 до 12 процентных пунктов, чем у респондентов, имеющих образование не более чем в объеме начальной школы. В Англии разница [между этими двумя группами] примерно так же невелика, а в случае ожидаемой отзывчивости со стороны полиции плохо образованные респонденты выглядят даже лучше, чем хорошо образованные. Это склоняет нас к мнению, что в этих двух странах ожидание равного и внимательного отношения не только широко распространено вообще, но у менее образованных лиц такие ожидания встречаются почти столь же часто, как и у более образованных. Таблица III.4 показывает также, что в Германии, которая по суммарной общенациональной процентной доле ожидания благосклонного отношения стоит на высоком уровне, имеют место более резкие различия в ожиданиях в зависимости от образовательного уровня. Кроме того, эти различия более заметны в разрезе уровня внимательности отношения, чем в равенстве и непредубежденности отношения. Хотя между немцами с начальной школой и с университетским образованием за плечами существует разница в 13—18 процентных пунктов применительно к ожиданиям равного отношения, все равно около двух третей менее образованных немцев ожидают от правительства, местных органов власти и полиции равного отношения. Но только 51% менее образованных немцев ожидают от властей

Таблица III.4

Ожидаемое отношение со стороны представителей органов власти
и полиции в Соединенных Штатах, Великобритании и Германии; в зависимости от образования

Процентная доля тех, кто ожидает...	США			Великобритания			Германия		
	Нач. или ниже	Неок. сред.	Неокон. высш.	Нач. или ниже	Неок. сред.	Неокон. высш.	Нач. или ниже	Неок. сред.	Неокон. высш.
Равного отношения в правительственном учреждении	80	84	88	81	87	88	64	73	77
Равного отношения со стороны полиции	81	87	89	88	90	96	70	81	88
Внимательности в правительственном учреждении	44	46	58	60	58	75	51	62	81
Внимательности со стороны полиции	50	59	60	75	72	71	58	65	81
Общее количество	338	443	188	593	321	24	788	123	26

внимательного и тактичного отношения — по сравнению с 81% из числа тех, кто получил университетское образование. Разница между этими двумя группами применительно к уровню внимательности со стороны полиции тоже велика — 23%. Британские показатели образуют разительный контраст. Хотя почти три четверти всех британских респондентов ожидают от полиции внимательного отношения, похоже, что среди плохо образованных англичан эти ожидания распределены в несколько более широком диапазоне, чем среди лиц с университетским образованием.

Приведенные результаты показывают, что в Соединенных Штатах и Великобритании большие и приблизительно равные доли как хорошо образованных, так и менее образованных жителей склонны ожидать от представителей органов власти «хорошего» отношения. В Германии менее образованные ожидают одинаково беспристрастного отношения со стороны властей, но ожидание внимательного и тактичного отношения чаще сосредоточивается среди образованной части населения.

Как указывает табл. III.5, в Италии и Мексике суммарная процентная доля тех, кто ожидает справедливого и внимательного отношения, незначительна, но различия между образованными и малообразованными группами сравнительно велики. Так, в Италии 30% тех, у кого нет формального образования, ожидают от полиции равного и беспристрастного отношения, по сравнению с 74% тех, кто имеет хотя бы неполное университетское образование, — разница в 44 процентных пункта. В Мексике только 19% лиц без образования ожидают равного и непредубежденного отношения со стороны властей, по сравнению с 68% для окончивших университет — разброс в процентных долях составляет 49 пунктов. Разница среди образовательных групп в их ожиданиях равного и беспристрастного отношения со стороны полиции в обеих странах почти одинаково велика. Даже на самых высоких уровнях образования существующие ожидания внимательного отношения низки в обеих странах, но особенно в Мексике, где только 20% лиц с университетским образованием ожидают внимательного, тактичного отношения со стороны правительства, местных чиновников и полиции.

Из проведенного нами до сих пор анализа мы видим, что американские и британские респонденты в целом склонны питать сравнительно благоприятные ожидания по поводу властных структур; при этом различия в образовании оказывают в этих двух странах относительно малое воздействие на такие ожидания. В Германии суммарные ожидания оказались сравнительно высокими, но классовые различия в ожиданиях внимательного отношения тоже относительно велики. В Мексике и Италии — особенно в первой из этих стран — суммарные ожидания благожелательного отношения находятся на сравнительно низком уровне, а образовательные различия в ожиданиях имеют тенденцию быть довольно-таки сильно выраженными.

Таблица III.5

Ожидаемое отношение со стороны представителей органов власти и полиции в Италии и Мексике; в зависимости от образования

Процентная доля тех, кто ожидает...	Италия				Мексика			
	Без образ.	Неок. начал.	Неок. сред.	Неокон. высш.	Без образ.	Неок. начал.	Неок. сред.	Неокон. высш.
Равного отношения в правительственном учреждении	30	51	65	59	19	45	58	68
Равного отношения со стороны полиции	27	53	68	74	14	33	54	51
Внимательности в правительственном учреждении	20	34	38	44	5	16	18	22
Внимательности со стороны полиции	<u>17</u>	<u>34</u>	<u>43</u>	<u>48</u>	<u>8</u>	<u>13</u>	<u>17</u>	<u>22</u>
Общее количество	88	604	245	54	221	656	103	24

В наших биографических интервью, посвященных истории жизни и историям из жизни, мы придерживались похожей линии опрашивания, но в этих случаях мы выясняли у наших респондентов, доводилось ли им когда-либо иметь какой-нибудь прямой контакт с правительственными и иными официальными лицами. Затем мы настоятельно просили

их описать свой опыт такого рода и указать, были ли они удовлетворены отношением, с которым столкнулись. Следовательно, биографический материал, извлеченный из житейских историй, мог предоставить нам сведения о личном опыте взаимодействия с правительственной и иной властью.

Картина, имеющая место в Великобритании, иллюстрируется опытом британского домашнего маляра, который пришел на прием к чиновнику из Управления налоговых сборов. Маляр задал ему вопрос «о запуске нашего бизнеса. Тот был очень честен и справедлив. Я спрашивал его о ставках обложения при покупке дома и о тарифах в случае ссуды». Когда у этого маляра спросили, был ли он удовлетворен и чувствовал ли справедливое отношение к себе, тот ответил: «Весьма удовлетворен. Это выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой, — весь этот разговор о ссудах на приобретение дома». Автомобильный механик рассказал об опыте общения с полицией, связанном с нарушением запрета на стоянку. Когда ему задали вопрос, был ли он удовлетворен отношением к нему, он ответил: «Все хорошо, все по-честному, я удовлетворен. Когда я туда шел, мне все это не нравилось». В ответ на вопрос, эффективно ли рассмотрели его дело, он ответил: «Да, более чем». Впрочем, среди британских респондентов встречались и случаи неудовлетворенности. Возможно, самое сильное чувство неудовлетворенности испытал один мелкий бизнесмен. Он рассказал о своем контакте с чиновниками, которые ведали подоходным налогом: «Единственный способ [общения с ними] состоял в том, чтобы нагнать на них побольше страха. Вежливость не срабатывала вообще. В конечном счете я оказался вполне удовлетворенным, но только благодаря моим собственным усилиям. Я нахожу, что чем более незначителен чиновник, с которым тебе приходится иметь дело, тем меньше удовлетворения ты испытаешь». Когда у него спросили, отнеслись ли к нему по справедливости, он ответил: «Да, я не думаю, что они проводят какие-то различия между теми или иными людьми. Разве что в случае личной дружбы, но так поступают не только в правительственных учреждениях».

Аналогично американские респонденты тоже сообщали о благоприятных в целом контактах, но с уточнениями. Так,

один торговый агент, вспоминая о своих перипетиях с железнодорожными билетами, сказал, что у него бывал разный опыт. «В некоторых случаях все шло идеально, в других отношение ко мне было бесчестным и просто постыдным. Один парень надеялся надуть меня с билетом, и ему это почти удалось. Но полицейский персонал вел себя адекватно, как и можно было ожидать. Некоторые типы могут вести себя очень уж нагло». Представитель одной фирмы-изготовителя упоминал о разных контактах — например, с олдерменом¹ и с начальником отдела, отвечающего за канализацию. Вот что он рассказал: «Олдермен обошелся со мной прекрасно. Что касается второго — и да и нет. Да, если говорить о полученном мною объяснении. Нет, когда мне говорили, что позаботиться о моей проблеме должен муниципалитет, — это привело меня к дополнительной большой беготне». Когда его стали настойчиво просить все-таки определиться, справедливо ли к нему подошли либо нет, он ответил: «Да. Ко мне отнеслись так же, как и к любому другому». Опыт чернокожего населения южных штатов США по общению с окологovernmentальными чиновниками иллюстрируется случаем одной негритянки, которая сообщила о своих усилиях зарегистрироваться в качестве избирателя. «Мужчины были настолько резки и грубы, что я прямо не знаю, как это назвать. Я имею в виду их манеру разговора со мной — таким тоном, что я сразу услышала в нем попытку запугать меня, но я только улыбнулась сама себе и продолжала действовать так, словно не замечала всего этого». Когда ее спросили, была ли она удовлетворена, она ответила: «Нет, они могли бы вести себя поприятнее».

Образчики случаев, имевших место в Италии и Мексике, воспроизводят общую картину, характеризующуюся коррупцией, дискриминацией, безразличием и невосприимчивостью к чужим бедам.

Итальянская домохозяйка: «Я очень часто разговаривала с муниципальными чиновниками, но они не проявляют никакого интереса к этому городу. Мой муж пробовал добиться пенсии для

---

¹ В США это либо член местного законодательного собрания в некоторых штатах, либо член верхней палаты двухпалатного городского совета. — *Прим. перев.*

своего отца, но потратил такую кучу денег, что был вынужден остановиться. Они вообще не принимают нас в расчет. Здесь нам удастся что-либо пробить только по рекомендации или по знакомству».

Итальянский специалист по обрезке деревьев: «Мою жену фактически прогнали из налогового управления. В бюро по трудоустройству все делается неправильно... Уже месяц, как я сижу без работы, но меня нет в списке нуждающихся, поскольку кругом фаворитизм, все делается по знакомству. Своих друзей чиновники впишут туда первыми, и им достанутся первые освободившиеся рабочие места. А нас вносят в этот список с полуторамесячной задержкой».

Итальянский инструктор по гимнастике (коммунист): «Ради бога! Когда я в последний раз заходил в контору нашего муниципалитета, там был какой-то бедняк с бумагой, которую требовалось заполнить. Он спрашивал у чиновника, как ему это сделать, а эта канцелярская крыса не обращала на него ни малейшего внимания, только сказала ему: “Заполните эту бумагу, потом вон ту бумагу и возвращайтесь завтра”. Тот бедолага не знал, что ему делать. Тогда я сказал этому чинуше, что он там сидит, поскольку это я ему плачу; каждый ему платит, чтобы он тут был и давал людям объяснения. Этот тип даже рта не открыл и сразу заполнил бумагу для того человека».

Схожие темы возникают и среди мексиканцев.

Мелкий мексиканский бизнесмен: «Обычно чиновники не больно компетентны. В муниципалитете не очень-то увидишь людей с приличным образованием. И свою работу они делают далеко не эффективно. А в местных органах власти чиновники готовы выполнить свои обязанности, но за деньги...»

Мексиканский кузнец: «У людей, которые работают в таких местах, нет ни капли заботливости или вежливости. Они делают свое дело без всякой охоты. Ведут себя как деспоты и умеют быстро разозлиться».

Мексиканский школьный учитель: «Судьи работают за деньги. Что касается государственных служащих, они в целом неподвзяты и справедливы, хотя и принимают во внимание ваш внешний вид, а также поведение».

Мексиканская домохозяйка сказала, что обратится к правительственным властям только в том случае, если кого-то из

ее родственников арестуют. «Я бы пошла к судье или адвокату. Если он [член ее семьи] будет виновен, эти люди дали бы ему возможность выйти на свободу, коль я заплатила бы им большую сумму. А уж если он невиновен, они бы точно мне помогли».

Модели политической коммуникации

Теперь мы обращаемся к другому разрезу — чувствам, которые испытывают люди применительно к политической жизни, иными словами к «входной» эмоции. В этой и следующей главах мы представим ряд результатов разнообразных измерений, в том числе касающихся установок по отношению к политической коммуникации, интенсивности поддержки политических партий, а также чувств, испытываемых применительно к голосованию и избирательным кампаниям. В данной главе мы имеем дело с моделями коммуникации в отобранных нами пяти странах. Наше рассмотрение политической коммуникации охватывает нечто большее, чем просто сферу эмоций по отношению к «входу»; нас интересует выявление различий между взятыми нами пятью странами в процессе прямых (лицом к лицу) политических коммуникаций. Наши вопросы направлены на постижение как самого коммуникационного поведения, так и чувств применительно к политической коммуникации.

Если обычные мужчины и женщины намерены участвовать в демократическом политическом процессе, у них должно иметься чувство, что действовать таким путем безопасно, что они не подвергают себя большим рискам, когда выражают политические мнения, и что они могут относительно свободно высказываться при человеке, с которым сейчас разговаривают. В той степени, в какой подобные ожидания отсутствуют, импульсы к политическому общению оказываются подавленными, и все, что трактуется здесь как политическая коммуникация, имеет тенденцию становиться чем-то ограниченным, завуалированным, не выходящим за рамки семьи или групп, которые «заслуживают идеологического доверия». Сталкиваясь с кем-либо,

люди считают, что знают этого человека не настолько хорошо, чтобы беседовать с ним на политические темы. Ведут ли люди политические разговоры или же уклоняются от них, существует ли откровенный и относительно неограниченный процесс коммуникаций или таковой отсутствует — все это будет, в свою очередь, определяться степенью развитости средств массовой коммуникации, а также их свободой и автономией, сравнительной независимостью различных групп интересов от правительственного, властного и партийного контроля, характеристиками и особенностями партийной системы, а также взаимоотношениями между партиями.

Первый измеритель свободы политической коммуникации, который мы станем употреблять, — это сообщения жителей наших пяти стран о том, в какой степени они дискутируют о политике и политической жизни. Мы уже исследовали подверженность политическим коммуникациям в прессе, по радио и телевидению. Та же самая картина, которую мы нашли там, обнаруживается и в нашем исследовании неформальной коммуникации, осуществляемой путем непосредственного личного общения (см. табл. III.6). Основное отличие состоит в том, что Германия, где сообщается о самой высокой частоте отслеживания сообщений о публичных делах в средствах массовой информации, демонстрирует более низкую частоту политических разговоров, чем Соединенные Штаты или Англия. Этот результат представляет некоторый интерес. Разговоры о политической жизни с другими людьми отличаются от подверженности политическим коммуникациям в средствах массовой информации в двух отношениях. Во-первых, разговоры о политике — это активная форма политического участия, тогда как подверженность средствам массовой информации относительно пассивна. Таким образом, уровень германского политического участия, который необычайно высок в разрезе пассивной подверженности, похоже, существенно снижается, когда дело доходит до активной политической коммуникации. Во-вторых, политические разговоры с другими людьми подразумевают некое чувство безопасности при политической коммуникации. Никто не в состоя-

нии сказать, какие мысли бродят в умах телевизионных зрителей или читателей газет. Разговаривать о политике — означает рисковать, в тоталитарных странах — рисковать сильно. В демократических странах риски, возможно, не настолько высоки, но все-таки некоторые риски в любом случае существуют. Более высокая частота политических разговоров в Соединенных Штатах и Великобритании по сравнению с Германией говорит о том, что в первых двух странах существует более ощущение безопасности при политической коммуникации, более выраженная тенденция вовлекать семью, друзей, соседей и группы сослуживцев в процесс политических коммуникаций. Но к этой теме мы возвратимся позже.

Таблица III.6

Частота политических разговоров с другими людьми; по странам*

Процентная доля сообщающих, что они...	США	Велико- британия	Герма- ния	Италия	Мексика
Никогда не разговаривают о политике	24	29	39	66	61
Иногда разговарива- ют о политике	76	70	60	32	38
Другие ответы и не знают	0	—	1	2	—
Суммарная процентная доля	100	99	100	100	99
Общее количество	970	963	955	995	1007

* Фактический текст данного вопроса таков: «Как насчет разговоров о публичных делах с другими людьми? Ведете ли вы их почти каждый день, один раз в неделю, время от времени или никогда?»

Мексиканская и итальянская картины прямого личного коммуницирования по поводу политики и подверженности политическим коммуникациям в средствах массовой информации совпадают. Грубо говоря, две трети респондентов в каждой из этих стран сообщают, что они не ведут разговоров о политической жизни, и две трети заявляют, что не

следят за политическими делами через средства массовой информации. Мексиканские респонденты сообщают о несколько более высоких процентных долях инертности или полного бездействия.

Однако нас интересует здесь не только частота политических разговоров, но и то, какие чувства испытывают люди в связи с обсуждением политических и властно-правительственных дел. У нас имеется целый ряд измерителей для этого разреза политических чувств. Один из них — то, каким образом жители реагировали на наших интервьюеров. Во всех пяти наших странах мы интересовались партийной принадлежностью своих респондентов. Не все они соглашались раскрывать, за какую партию или партии они голосовали на последних выборах (см. табл. III.7). Во всех наших странах задавались одни и те же вопросы, причем интервьюеры были во всех случаях уроженцами тех стран, где они проводили интервьюирование. В Соединенных Штатах, Великобритании и Мексике практически все респонденты сообщали о том, за какую партию они голосовали на последних общенациональных выборах и за какую партию они обычно голосуют на выборах в местные органы власти. В Италии 32% отказались назвать свой общенациональный партийный выбор и еще 6% сказали, что не знают, за какую партию они голосовали. Похожие процентные показатели были там зафиксированы для голосования за партии на местных выборах. В Германии приблизительно 20% респондентов или отказывались говорить о том, за какую партию они проголосовали на общенациональных и местных выборах, или отвечали, что не знают. Те итальянцы и немцы, которые отказывались указать партию, за которую они голосовали на последних национальных выборах, были относительно одинаково распределены по всем социальным слоям и не особенно концентрировались среди сравнительно более бедных жителей. Низкая процентная доля таких «молчунов» в Мексике объясняется, вне сомнения, тем фактом, что подавляющее большинство мексиканцев голосует за революционную партию, которая является в этой стране доминирующей. Другими словами, мексиканцам в отличие от итальянцев, в том числе и крайне левого толка, нечего скрывать.

Таблица III.7

Лица, отказывающиеся сообщать интервьюеру
о своем электоральном решении; по странам*

Страна	Национальные выборы		Местные выборы	
	Отказавшиеся сообщать о последнем общенациональном голосовании	Ответившие «Не знаю»	Отказавшиеся сообщать о последнем местном голосовании	Ответившие «Не знаю»
США	2	2	1	1
Великобритания	2	1	1	1
Германия	16	5	14	6
Италия	32	6	31	6
Мексика	1	3	1	6

* Во всех случаях проценты относятся к полной выборке.

Таким образом, похоже, что в этих двух странах политическая подозрительность довольно широко распространена среди всех социальных слоев.

Во всех пяти странах нашим респондентам задавались следующие вопросы: «Если бы вам хотелось обсудить политические и властно-правительственные дела, то существуют ли такие люди, к которым вы бы наверняка не обратились, — т.е. те, с которыми, как вы чувствуете, было бы лучше не обсуждать подобные темы? Как вам кажется, сколько ориентировочно вокруг вас таких людей, с которыми вы избегали бы обсуждать политическую жизнь?»

Табл. III.8 показывает, что, хотя почти двое из каждых трех респондентов в Соединенных Штатах и Великобритании чувствуют себя относительно или полностью свободными обсуждать политические и властно-правительственные дела, только приблизительно один из трех немцев и итальянцев констатировал такую степень свободы применительно к политической коммуникации. Мексиканское распределение попадает куда-то между двумя указанными крайностями — в этой стране количества лиц, сообщающих об ощущениях свободы и, напротив, ограниченности политических коммуникаций, почти равны. Тот факт, что и в Германии, и в

Италии присутствуют одинаково большие доли респондентов, которые чувствуют себя весьма ограниченными в политической коммуникации, говорит о том, что данный вид установки может сочетаться с совершенно разными видами политических структур. В Италии существует фрагментированная партийная система с революционными партиями на обоих флангах — правом и левом. Понятно, что в такой ситуации острого межпартийного антагонизма многие люди стремятся скрывать свои партийные предпочтения и будут бояться обсуждать политическую проблематику с большинством своих сограждан. В Германии наблюдался тренд к формированию умеренной двухпартийной системы и к развитию автономных групп интересов и средств массовой коммуникации. Но это и другие свидетельства показывают, что данные институты пока прочно не укоренены в чувствах германского населения по отношению к политической жизни и поддержке тех или иных политических партий; похоже, что в народе здесь продолжают сохраняться ранее сложившиеся модели установок. Таким образом, нынешняя германская модель — это модель с отсутствием гармонизированности между политическими структурами и политической культурой, в то время как итальянская модель партийной фрагментации и глубокого взаимного проникновения партий, групп интересов и средств массовой коммуникации находится в полном соответствии с местной культурной моделью, характеризующейся интенсивностью антагонизма из-за поддержки разных политических партий, заметным, уклонением от политической коммуникации и сдержанностью чувств. Столь же важно, что и немцы и итальянцы в недавние десятилетия жили под гнетом тоталитарных систем, в которых политическая коммуникация подвергалась жесткому контролю и даже умеренная критика режима приводила к суровым санкциям. Поэтому следовало ожидать, что привычки и чувства, выработавшиеся во времена этого предшествующего нацистского или фашистского периода, должны сохраняться и в настоящее время, несмотря на наличие формальных свобод в современных политических системах Германии и Италии.

Вопрос, об ответах на который сообщается в табл. III.8, ставил респондентов перед лицом следующей гипотетической ситуации: «Если бы вам захотелось обсудить политическую жизнь, то насколько свободным или не знающим ограничений вы бы себя чувствовали?» Мы уже видели (в табл. III.6), как около двух третей итальянцев и мексиканцев сообщили, что они никогда не говорят о политической жизни. Другими словами, в ответе на вопрос, рассматривающийся в табл. III.8, большая доля тех итальянцев и мексиканцев, которые, как нам уже известно, никогда не говорят о политике и политической жизни, оценивали, насколько свободными они себя чувствовали бы при обсуждении политических проблем, «если бы им захотелось» этим заняться.

Таблица III.8

Чувство ограниченности при обсуждении политических и властно-правительственных дел; по странам

Процентная доля сообщающих, что они...	США	Велико- британия	Герма- ния	Италия	Мексика
Не чувствуют себя свободными обсуж- дать политическую жизнь с кем бы то ни было	18	12	32	34	21
Не чувствуют себя свободными обсуж- дать ее со многими людьми	19	20	23	17	22
Чувствуют себя сво- бодными обсуждать ее с немногими	54	35	14	15	22
Чувствуют себя сво- бодными обсуждать ее со всеми	29	29	23	22	19
Другие ответы	0	0	—	1	3
Не знают	0	4	8	11	13
Суммарная процентная доля	100	100	100	100	100
Общее количество	970	963	955	995	1007

Но если мы выбираем только тех респондентов, которые реально говорят о политике с другими людьми, то обнаруживаем, что приблизительно половина американских и британских респондентов и ведут политические разговоры, и чувствуют себя относительно свободными вступать в них с большинством окружающих. Меньше одной трети немцев продемонстрировали подобное сочетание: одновременно и коммуницировать по поводу политики, и чувствовать себя свободными так поступать. Что же касается итальянцев и мексиканцев, то такое сочетание присуще лишь примерно одной пятой из них.

Эти цифры представляют большой интерес, поскольку они указывают, какова степень открытости процессов политической коммуникации в наших пяти странах. Так, в Соединенных Штатах и Великобритании около трех четвертей респондентов утверждают, что они принимают участие в процессе политической коммуникации, и только одна пятая жителей каждой из этих стран одновременно и принимают участие в указанном процессе, и вместе с тем чувствуют себя серьезно ограниченными в обсуждении политической жизни. Хотя в Германии 60% респондентов заявляют, что принимают участие в политической коммуникации, почти половина этих «активистов» коммуникации чувствуют себя серьезно ограниченными и избегают общения на политические темы со многими или даже с большинством людей. В Италии меньше одной трети респондентов активны в политической коммуникации и двое из трех таких активистов чувствуют себя свободными без всяких опасений обсуждать политическую жизнь с большинством людей. В Мексике картина напоминает итальянскую: лишь 38% ее жителей ведут политические разговоры и они поровну разделены на тех, кто чувствует себя относительно свободным, и тех, кто ощущает себя ограниченным. В Мексике имеется также исторический фон насилия и революции, а свобода политических организаций и коммуникаций начала там развиваться только в последние десятилетия. Таким образом, мексиканская картина в вопросе о свободе коммуникации похожа на итальянскую и германскую.

Как разговоры о политической жизни, так и ощущение относительного отсутствия ограничений в том, с кем мож-

но без опасений дискутировать о политике, тесно связаны с уровнем образования. Во всех пяти странах частота политических разговоров резко повышается по мере перехода от начального образования к среднему и далее — к университетскому уровню. Но в США и Великобритании различия между образовательными уровнями выражены не столь резко, как в трех других свободных странах. Кроме того, вполне очевидно, что в Мексике участие в политических дискуссиях на уровне лиц со средним образованием имеет место чаще, чем в Италии. Таким образом, среди мексиканцев доля участников политических дискуссий повышается от одной трети респондентов с начальным образованием до двух третей из числа тех, кто имеет среднее образование. У итальянцев прирост между этими уровнями образования не столь велик. Только четверо из десяти итальянцев с образованием, близким к среднему, сообщают, что они ведут разговоры на политические темы, — по сравнению со значительным большинством респондентов со средним образованием в других четырех странах.

Похожую картину более высокой частоты ощущения свободной возможности общаться на политические темы мы находим среди лучше образованных респондентов во всех пяти странах. Хотя в Соединенных Штатах и Великобритании тоже существуют образовательные различия, примерно половина американцев и британцев с начальным образованием сообщают, что чувствуют себя относительно не испытывающими ограничений в своих политических коммуникациях, в то время как в трех других странах только около одной трети лиц с таким уровнем образования сообщают об указанном ощущении свободы. Но это такое чувство, применительно к которому мексиканская картина несколько больше похожа на британскую и американскую, чем на германскую и итальянскую. Разброс процентных долей между разными уровнями образования в Мексике меньше, чем в Германии и Италии. Эта более высокая встречаемость свободы коммуникаций среди плохо образованных жителей Мексики служит еще одним индикатором прочности сохраняющейся тенденции революционной устремленности в мексиканской политической культуре.

ГЛАВА IV

МОДЕЛИ ПРИВЕРЖЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ

Теоретики политологии часто обсуждают вопрос о том, какой вид приверженности политическим партиям совместим с эффективным функционированием стабильной демократии. Для большинства этих дискуссий обычна точка зрения, что крупные партии в общем и целом принимают правила политической конкуренции, изложенные в конституции, законах и традиции; при этом их цели и методы таковы, что любая из крупных партий трактует пребывание в меньшинстве либо в оппозиции как вполне приемлемый риск. Эта формальная концепция о характере большинства и оппозиции в эффективных демократиях подразумевает специфическое состояние общенародных чувств: она предполагает существование чувства приверженности политическим партиям. Такое чувство подразумевает занятие той или иной позиции, наличие убеждений и чувств по поводу надлежащего курса политической деятельности, поддержку отдельных групп и противостояние другим. Но оно предполагает также ограниченную приверженность политическим партиям. Приверженность одним политическим партиям, сочетающаяся с чрезмерной враждебностью по отношению к другим партиям, могла бы подвергнуть опасности готовность принимать оппозицию, а также способна привести к тому, что электоральные решения станут отвергаться или вообще будет решено обходиться без них.

Демократическая приверженность политическим партиям подразумевает наличие политических чувств и небезразличие. Она подразумевает также особое качество чувств. Чувства должны допускать открытое выражение. И политическая атмосфера должна быть способна принимать и одобрять выражение чувств приверженности политическим партиям. В тех ситуациях, где либо тональность политической жизни носит настолько угрожающий характер, что она требует по соображениям безопасности подавлять чувство

приверженности политическим партиям, либо импульсы к поддержке партий столь негативны и враждебны, что требуют подавления (либо выражения только в ограниченных и тесно связанных между собой кругах), там условия, способствующие выражению открытой и умеренной приверженности политическим партиям, отсутствуют.

Следовательно, для стабильной демократии существенно необходима открытая и умеренная приверженность политическим партиям. Эти качества являются «эмоциональными коррелятами» ответственного большинства и лояльной оппозиции. Мы уже видели, что существуют явно выраженные различия между странами (и между группами внутри каждой из стран) в чувствах респондентов применительно к свободе коммуницирования с другими людьми по политическим вопросам. Мы также видели, что в Великобритании и Соединенных Штатах доля респондентов, которые чувствовали себя относительно не испытывающими ограничений в обсуждении политической жизни, была сравнительно большой, тогда как в Германии, Италии и Мексике она оказалась значительно меньше.

Теперь мы обращаемся к другому разрезу — к чувству приверженности политическим партиям как таковому; к установкам людей по отношению к своей собственной партии и к другим партиям. Мы предлагаем два измерителя чувства приверженности политическим партиям в наших пяти демократиях. Первый из них — это сравнение имиджей «я» и «другие», т.е. сравнение представлений о собственной партии и противостоящих ей партиях. Второй — это мера глубины и серьезности расхождений по вопросу о приверженности политическим партиям, отражающихся в установках по отношению к браку, который пренебрегает линиями водораздела между партиями.

Имиджи сторонников разных партий

Всем нашим респондентам говорилось: «Нас интересует, какого рода люди поддерживают различные партии и голосуют за них». Затем им предъявляли перечень всевозможных утверждений и просили выбрать те, которые лучше всего

подходят для описания сторонников конкурирующих партий в их странах. В приводимых далее таблицах наши респонденты разделены согласно их приверженности политическим партиям. Следовательно, мы имеем возможность сравнивать представления людей об их собственных и противостоящих партиях, а также измерять пересечения или противопоставления, имеющиеся в указанных представлениях. Сам этот перечень явился продуктом экспериментирования. Чтобы предъявлять респондентам такие варианты выбора, которые выглядят для них осмысленными, в ходе предварительных испытаний вопросы ставились в открытой форме, а затем на основании полученных суждений и оценок был построен окончательный перечень. Этот список суждений включает благоприятные, неблагоприятные и нейтральные суждения¹.

По своему фактическому содержанию данный вопрос является когнитивным. Респондентов просили выбрать такие утверждения, которые *описывают* сторонников основных политических партий, действующих в их странах. В то же время большинство этих утверждений ясно отражало тот или иной эмоциональный настрой респондентов по отношению к этим партиям. Когда мы интерпретируем полученные ответы как позитивные, негативные и нейтральные, то, конечно же, делаем выводы о чувствах респондентов.

Табл. IV.1 содержит анализ американских ответов на этот вопрос. Любопытно, что все высокие процентные показатели присутствуют в позитивных или благоприятных клетках. Хотя республиканские избиратели чаще приписывают республиканцам патриотизм, ум и человеколюбие (заинтересованность гуманитарными вопросами), они в значительной степени приписывают эти же качества и демократам. Та же самая картина имеет место при оценке демократами самих себя и республиканцев. Самое сильное негативное утверждение, сделанное сторонниками любой из партий

---

¹ Фактические инструкции по интервьюированию предоставляли респондентам возможность самим выбирать столько утверждений, сколько они считали нужным. Для каждой из партий кодировались и фиксировались только первые два выбора.

Таблица IV.1.

Качества, приписываемые в Соединенных Штатах сторонникам республиканцев и демократов теми избирателями, которые голосуют за Республиканскую и Демократическую партии^а

Процентная доля тех, кто описывает сторонников партии как людей, которые...	Взгляд респ. на респ.	Взгляд респ. на дем.	Взгляд дем. на респ.	Взгляд дем. на дем.
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА				
Заинтересованы оборонной и независимостью	65	49	44	52
Умные люди	35	25	27	31
Заинтересованы гуманитарными вопросами	46	41	27	49
ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА				
Эгоистичные люди	3	14	23	4
Предатели дела свободы и процветания	1	4	4	2
Невежественны и заблуждаются	0	8	6	1
Фашисты, империалисты и т.д.	0	1	2	0
Атеисты	0	1	0	0
НЕЙТРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА				
Религиозные люди	11	6	8	13
Разные	13	15	15	13
Другие ответы	0	0	4	2
Суммарная процентная доля ^б	172	164	160	167
Общее количество случаев	309	309	464	464

^а Для Англии, Германии, Италии и Мексики партийная принадлежность определялась заявлением респондентов о том, за какую партию они голосовали на последних национальных выборах. В США партийная принадлежность основывалась на ответах респондентов на вопрос о том, являются ли они «членами», или «сторонниками», или «склоняющимся к» республиканской либо демократической партии. Это относится ко всем таблицам в данной главе.

^б Процентные доли в большинстве случаев превышают 100 из-за множественных ответов. Ответы респондентов «Не знаю» опущены.

о сторонниках другой партии, — это «эгоистичные люди». 23% демократов выбрали данное утверждение для описания республиканцев; 14% республиканцев выбрали его для описания демократов.

В Великобритании поляризация между двумя основными партиями оказывается несколько более резкой, чем описываемая для Соединенных Штатов (см. табл. IV.2). Так, процентные доли респондентов, которые рассматривают своих политических оппонентов в благоприятных терминах, здесь намного меньше, чем в Соединенных Штатах. Точно так же в Великобритании негативные оценки оппонентов встречаются несколько чаще, чем в Соединенных Штатах. Так, 28% консервативных британских респондентов говорят, что Лейбористскую партию поддерживают эгоистичные люди, и 29% лейбористов возвращают консерваторам этот комплимент. Почти четверть консервативных респондентов рассматривают лейбористов как людей, которые «невежественны и заблуждаются», в то время как у лейбористов их негативные характеристики более разбросаны: утверждение «милитаристы и империалисты» они выбирали в 10% случаев¹, а «невежественны и заблуждаются» — в 6% случаев².

Аналогичная картина для Германии (табл. IV.3) показывает примерно такую же степень поляризации, как и в Велико-

---

¹ В табл. IV.1 формулировка этой характеристики несколько иная, а именно: «Фашисты, империалисты и т.д.». — *Прим. перев.*

² Ср.: Mark Abrams and Richard Rose. *Must Labour Lose?* London. 1960, p. 19. В их опросе использовался похожий перечень вопросов с различными утверждениями, и он показал несколько большее пересечение между сторонниками двух основных британских партий. Марк Абрамс комментирует это следующим образом: «Опрос дал поразительное свидетельство терпимости британского электората к своим политическим оппонентам и того согласия, которое связывает сторонников обеих ведущих партий. Например, от 40 до 50% сторонников Лейбористской партии думают, что по таким вопросам, как справедливое отношение ко всем расам, уважение британских традиций и работа в пользу мира и против ядерной войны, консерваторы способны действовать на благо всей страны так же успешно, как их собственная партия. Из числа тех, кто выступал против Лейбористской партии, по крайней мере 40% были готовы описать лейбористов как ничем не уступающих консерваторам в справедливом отношении ко всем расам, а также в работе за мир и против ядерной войны».

Качества, приписываемые в Великобритании сторонникам консерваторов и лейбористов теми избирателями, которые голосуют за Консервативную и Лейбористскую партии

Процентная доля тех, кто описывает сторонников партии как людей, которые...	Взгляд конс. на конс.	Взгляд конс. на лейб.	Взгляд лейб. на конс.	Взгляд лейб. на лейб.
Положительные качества				
Заинтересованы обороной и независимостью	47	8	22	27
Умные люди	33	6	12	18
Заинтересованы гуманитарными вопросами	25	17	9	49
Отрицательные качества				
Эгоистичные люди	2	28	29	3
Предатели дела свободы и процветания	1	3	3	1
Невежественны и заблуждаются	0	23	6	1
Фашисты, империалисты и т.д.	1	0	10	0
Атеисты	0	1	1	0
Нейтральные качества				
Религиозные люди	2	1	4	3
Всякие и разные	6	13	9	8
Другие ответы	1	3	2	1
Суммарная процентная доля*	118	103	107	111
Общее количество случаев	358	358	376	376

* Процентные доли в большинстве случаев превышают 100 из-за множественных ответов. Ответы респондентов «Не знаю» опущены.

Таблица IV.3

Качества, приписываемые в Германии сторонникам Христианско-демократического союза (ХДС) и Социал-демократической партии (СДП) теми избирателями, которые голосуют за ХДС и СДП

Процентная доля тех, кто описывает сторонников партии как людей, которые...	Взгляд ХДС на ХДС	Взгляд ХДС на СДП	Взгляд СДП на ХДС	Взгляд СДП на СДП
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА				
Заинтересованы обороной и независимостью	35	16	15	40
Умные люди	20	8	10	29
Заинтересованы гуманитарными вопросами	33	253	9	57
ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА				
Эгоистичные люди	1	19	25	2
Предатели дела свободы и процветания	0	3	1	0
Невежественны и заблуждаются	0	10	10	0
Фашисты, империалисты и т.д.	0	0	4	0
Атеисты	0	8	0	2
НЕЙТРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА				
Религиозные люди	57	1	55	5
Разные	12	20	13	14
Другие ответы	0	35	0	1
Суммарная процентная доля*	158	111	142	148
Общее количество случаев	533	333	235	235

* Процентные доли в большинстве случаев превышают 100 из-за множественных ответов. Ответы респондентов «Не знаю» опущены.

британии. Только одну позитивную характеристику приписывают сторонникам противостоящей партии более одной пятой избирателей любой из партий: 23% христианских демократов приписывают сторонникам социал-демократов человеколюбие (заинтересованность гуманитарными вопросами). Негативные характеристики встречаются примерно столь же часто, как в Великобритании, и несколько чаще, чем в Соединенных Штатах. Впечатляющее различие между германской картиной, с одной стороны, и британской и американской — с другой, состоит в том, что большая процентная доля немцев — почти идентичная для христианских демократов и социалистов — описывает сторонников христианско-демократической партии как «религиозных людей». Это ясно указывает, что в Германии сторонники обеих основных партий согласны в том, что ХДС получает поддержку по религиозным соображениям, хотя от партии к партии оценка этой поддержки может меняться.

Как мы и могли ожидать, итальянские респонденты показывают намного более резкую поляризацию между правыми и левыми, чем американцы, британцы и немцы (см. табл. IV.4). Если мы проанализируем эту таблицу, двигаясь справа налево, то отметим, что большие процентные показатели в «благоприятных» клетках и маленькие в «неблагоприятных» клетках появляются в тех столбцах, где зафиксированы утверждения, выбранные избирателями христианских демократов (ХДП), социалистов Пьетро Ненни¹ (ИСП) и коммунистов (ИКП) для описания самих себя; то же самое справедливо для утверждений, выбираемых социалистами Ненни при описании своих коммунистических союзников, и наоборот. Оценки христианских демократов двумя левыми партиями и оценки христианскими демократами двух левых партий (это второй, третий, четвертый и седьмой столбцы) чрезвычайно низки в благоприятных клетках таблицы и высоки в неблагоприятных. Снова, как и в Германии, все пар-

---

¹ Пьетро Ненни (1891–1980) — один из лидеров Итальянской социалистической партии и Социалистического Интернационала. Участник гражданской войны в Испании. В 1945–1947 и 1963–1968 гг. входил в правительство Италии. В 1950–1955 гг. — вице-президент Всемирного Совета мира. Международная Ленинская премия мира (1951). — *Прим. перев.*

Таблица IV.4

Качества, приписываемые в Италии сторонникам христианских демократов (ХДП), социалистов Ненни (ИСП) и коммунистов (ИКП) теми избирателями, которые голосуют за ХДП, ИСП и ИКП

Процентная доля тех, кто описывает сторонников партии как людей, которые...	Взгляды христианских демократов на			Взгляды социалистов Ненни на			Взгляды коммунистов на		
	ХДП	ИКП	ИСП	ХДП	ИКП	ИСП	ХДП	ИКП	ИСП
Положительные качества									
Заинтересованы обороной и независимостью	16	2	4	4	13	5	0	14	16
Умные люди	30	2	5	0	9	31	0	32	23
Заинтересованы гуманитарными вопросами	20	1	4	2	20	29	0	27	32
Отрицательные качества									
Эгоистичные люди	0	21	17	18	4	2	25	0	0
Предатели дела свободы и процветания	0	18	11	6	2	2	9	0	0
Невежественны и заблуждаются	1	24	20	9	7	0	18	0	0
Фашисты, империалисты и т. д.	1	2	1	2	0	2	2	0	0
Атеисты	0	24	18	0	9	0	0	5	2
Нейтральные качества									
Религиозные люди	52	0	1	35	4	4	25	0	0
Разные	11	9	18	27	26	29	7	14	20
Другие ответы	<u>3</u>	<u>5</u>	<u>5</u>	<u>11</u>	<u>15</u>	<u>13</u>	<u>11</u>	<u>11</u>	<u>14</u>
Суммарная процентная доля*	134	108	104	114	109	117	97	103	107
Общее количество случаев	353	353	353	55	55	55	44	44	44

* Процентные доли в большинстве случаев превышают 100 из-за множественных ответов. Ответы респондентов «Не знаю» опущены.

тии согласны в том, что ассоциируют с христианскими демократами религиозные характеристики, хотя опять-таки от партии к партии оценочная коннотация может меняться.

Социалисты Ненни занимают в этой картине поляризации промежуточное место. Так что христианско-демократическая оценка коммунистов более негативна и менее нейтральна, чем их оценка социалистов ИСП. Оценка «демохристиан» социалистами Ненни менее негативна и более нейтральна, чем у коммунистов. Наконец, некоторый интерес представляет взаимная оценка друг друга двумя левыми партиями. Если мы сравним пятый столбец с девятым, то увидим, что респонденты из числа социалистов Ненни чаще выбирают для описания коммунистов негативные и нейтральные утверждения, чем это делают коммунисты, когда описывают социалистов. Кроме того, две левые партии отличаются одна от другой по частоте неблагоприятных ответов в отношении христианских демократов (столбцы 4 и 7). Так, ответы коммунистов сильнее тяготеют к негативной окрашенности, тогда как утверждения социалистов Ненни в намного большей степени сосредоточены в нейтральных категориях. Далее, социалисты Ненни чаще заявляют, что среди сторонников различных партий можно найти людей самых разных видов. Более одной четверти сторонников этой партии говорят, что невозможно высказывать общие утверждения о сторонниках как их собственной партии, так и двух других партий. Это такая двусмысленность позиции, которую как раз и можно было бы ожидать от срединной партии (мы не говорим, что социалисты Ненни — это центристская партия среднего пути или партия, склонная останавливаться где-то посередине, на полпути, но они в любом случае находятся между двумя другими партиями, рассматриваемыми в данной таблице).

Эти полученные нами результаты говорят о том, что на уровне массового голосования существуют значительные различия между левыми социалистами и коммунистами, а также что ИСП тяготеет к большей открытости для правой и левой точек зрения и по-настоящему резкая поляризация имеет место между «демохристианами» и коммунистами.

Мексиканская картина особенно интересна. Она более сбалансирована между положительными и негативными оценками, чем итальянская, и, если мы исключаем неоднозначную категорию «религиозных людей», она менее нейтральна (см. табл. IV,5). Мексиканские респонденты левой ориентации выражают позитивные взгляды на правых чаще, чем итальянские левые; это может частично объясняться тем фактом, что Мексиканская революционная партия (МРП) находится в Мексике у власти и, следовательно, может себе позволить проявление большего благородства в оценке правых сил, чем коммунисты и левые социалисты в Италии. Но, вероятно, данное явление в значительной степени объясняется еще и тем, что мексиканская революционная партия на самом деле не очень-то и революционна. Она включает подавляющее большинство избирателей и, следовательно, более разнородна по своему социальному и идеологическому составу. Аналогично тот факт, что мексиканские правые круги настроены по отношению к левым силам более антагонистически, чем левые по отношению к правым, может объясняться тем, что партия PAN (ПНД)¹ пользуется относительно малой поддержкой, и эта поддержка по своему характеру в очень большой степени связана с высшим классом и клерикальными кругами.

Имиджи оппонентов в нашем исследовании пяти стран могут быть в итоге резюмированы следующим образом: американские ответы показывают минимум антагонизма или поляризации между двумя основными партиями. Республиканцы кажутся несколько более благожелательно расположенными к демократам, чем наоборот. Антагонизм между британскими партиями сильнее, чем между германскими. Принимая во внимание другие результаты, полученные нами о германской картине (см. главу VIII), это, возможно, не означает, что германская политическая система носит более консенсусный характер, нежели британская, а скорее говорит о наличии в Германии общего воздержания от сильных эмоций в связи с политической системой — воздержания,

---

¹ Это *Partido de Accion Nacional* (Партия национального действия) — вторая по величине партия в Мексике.

Таблица IV.5

Качества, приписываемые в Мексике сторонникам Мексиканской революционной партии (МРП) и Партии национального действия (ПНД) теми избирателями, которые голосуют за МРП и ПНД

Процентная доля тех, кто описывает сторонников партии как людей, которые...	Взгляд МРП на МРП	Взгляд МРП на ПНД	Взгляд ПНД на МРП	Взгляд ПНД на ПНД
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА				
Заинтересованы обороной и независимостью	44	14	24	23
Умные люди	38	14	16	26
Заинтересованы гуманитарными вопросами	31	19	15	50
ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА				
Эгоистичные люди	17	20	52	3
Предатели дела свободы и процветания	4	9	17	2
Невежественны и заблуждаются	7	17	24	12
Фашисты, империалисты и т.д.	4	3	7	4
Атеисты	1	5	8	1
НЕЙТРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА				
Религиозные люди	17	36	7	52
Разные	8	8	2	3
Другие ответы	2	2	5	0
Суммарная процентная доля*	173	147	177	176
Общее количество случаев	514	514	75	75

* Процентные доли в большинстве случаев превышают 100 из-за множественных ответов. Ответы респондентов «Не знаю» опущены.

которое оказывает влияние как на установки применительно к приверженности политическим партиям, так и на более общие установки по отношению к политической системе и к стране. Заслуживает также быть отмеченным и то обстоятельство, что в Великобритании правые круги более антагонистичны по отношению к левым, чем левые по отношению к правым, тогда как американская картина полностью противоположна.

Италия являет собой наглядный образчик наиболее поляризованной картины. Ввиду чрезвычайно малых пропор-

ций позитивных утверждений итальянские показатели говорят о ситуации, приближающейся к «полному психологическому разрыву» между правыми и левыми. Для Мексики ее картина демонстрирует несколько меньше антагонизма, чем в случае Италии, но больше, нежели американские, британские и немецкие показатели. Также интересно, что левые в Мексике менее антагонистичны по отношению к правым, чем наоборот. Это, как нам кажется, является результатом того факта, что мексиканская партия ПНД сочетает консервативную социальную политику с проклерикальной позицией, в то время как избиратели МРП — это более смешанная группа, включающая некоторых представителей среднего класса наряду с рабочими и фермерами, а также верующих католиков наряду с антиклерикалами.

Во всех пяти странах межпартийный антагонизм значительно уменьшается по мере роста образования. Так, в Соединенных Штатах приблизительно на 14% больше респондентов со средним образованием, чем с начальным, выбирают для описания противостоящей партии благосклонные утверждения. В Великобритании эта разница меньше (6%), но тренд для обеих партий одинаков. В Германии среднее увеличение [частоты благоприятных мнений] при переходе от начального образования к среднему составило 7%, тогда как в Мексике это среднее увеличение равняется 13%. Та же самая картина наблюдалась и в Италии, за исключением того, что здесь в категории позитивных мнений увеличение было относительно малым. При этом отмечалось уменьшение доли негативных утверждений и прирост в таких категориях, как «нейтральные качества» и «религиозные люди».

Психологическая дистанция между партиями: брак в соответствии с политической принадлежностью и вопреки ей

В обществах крупных стран граждане оказываются связанными со многими группами и ассоциациями. В дополнение к своему общенациональному гражданству у них могут иметься партийная принадлежность или связи, членство в груп-

пах интересов, религиозные связи, региональная идентификация, членство в профессиональных и отраслевых сообществах, участие в рекреационных и компанейских ассоциациях, а также семейные и родственные узы. Шаттшнайдер утверждал, что в политической системе фрагментирующее воздействие групп интересов смягчается тем фактом, что индивиды являются членами многих групп; эти членства не являются политически кумулятивными, а напротив, часто конфликтуют между собой, так что индивиды склонны умерять и объединять в своих головах разные интересы, дабы ослабить такие конфликты¹. Лэйн, резюмируя литературу по «множественному членству в группах» и проявлениям «перекрестного давления», приходит к заключению, что людей склоняет к отказу от тех или иных вариантов политического выбора скорее конфликт по существенным и бросающимся в глаза проблемам между членством в первичных и в более узких «интимных» группах², а не между категориальным членством (класс, этническое происхождение и т.п.). Он также подчеркивает, что политический отказ — это только одно из средств, доступных для лиц, которые сталкиваются с такой ситуацией. В числе других перечисляемых им решений — отождествление с одной из конфликтующих групп, смягчение своей точки зрения посредством синтеза или диффузии, минимизирование проблемы и тому подобные приемы³. Трумэн, заимствующий ключевые воззрения от Бентли⁴, Херринга⁵ и целого ряда американских социологов и антропологов, подчеркивает, что ситуации множественного членства и соответствующие конфликты воздействуют на варианты политического выбора, причем не только у индивидов, но также и у групп; иными словами, группам присуща тенденция смягчать жесткие варианты выбора, основанные на конкретном интересе, избегать или отклады-

¹ E. E. Schattschneider, *Party Government*, New York, 1942, p. 33 ff.

² Авторы довольно широко используют в этой книге понятие *intimate group*, которое чаще всего переводится здесь как «узкая (иногда — тесная) группа». — *Прим. перев.*

³ Robert E. Lane, *Political Life*, Glencoe, Ill., 1959, p. 197 ff.

⁴ A. F. Bentley, *The Process of Government*, Chicago, 1908.

⁵ Pendleton Herring, *Group Representation Before Congress*, Baltimore, 1929.

вать их, когда существует ожидание того, что при наличии множественного членства можно столкнуться с конфликтами¹. Анализ Трумэна важен, поскольку он сочетает политико-структурные соображения с психологическими, в то время как чисто психологическим трактовкам свойственна тенденция предполагать статичную структуру, которая порождает находящуюся под «перекрестным давлением» индивидуальную психологию. В реальности там, где существуют пересекающиеся и конкурирующие структуры, сами эти структуры чувствительны к явлению множественного членства и имеют тенденцию избегать такого давления, которое добивается экстремальных позиций и эксклюзивной лояльности.

Теория группового членства и перекрестных давлений в значительной степени основана на американском опыте. Трумэн является здесь исключением в том смысле, что он стремился включать неамериканский опыт, но обнаружил очень немного данных, с которыми можно работать. В реальности модели членства отличаются от страны к стране. В европейских католических странах, например, эта модель проявляет тенденцию к идеологической кумулятивности. Семья, церковь, группа интересов и партийное членство имеют тенденцию совпадать по своим идеологическим и политическим характеристикам и подкреплять друг друга в своих воздействиях на мнение людей. Однако в Соединенных Штатах и Великобритании более распространенной кажется перекрывающаяся модель. Как указывает Шатшнайдер, там, где множественное членство имеет тенденцию быть политически кумулятивными, воздействие группового членства склонно приводить к фрагментированию; там, где членство в разных организациях пересекается и налагается, политическая поляризация обычно встречается реже.

В главе X мы детально рассмотрим модели добровольного членства в различных ассоциациях. Здесь нас интересует способность семьи терпимо относиться к приверженности разным политическим партиям. Один из наших вопросов ставил респондентов перед лицом гипотетической ситуации брака их сына или дочери. Затем у респондента спрашивали:

¹ David B. Truman, *The Governmental Process*, New York, 1951. Ch. VI.

«Какие чувства вы будете испытывать, если он или она вступают в брак со сторонником такой-то партии? [Этот вопрос повторялся для каждой из крупных партий.] Вас это обрадует, вы будете рассержены или же вам это было бы совершенно безразлично?»

Из-за своего гипотетического характера такой вопрос не измеряет поведение, т.е. фактическую частоту, с которой среди наших респондентов или среди их детей происходили межпартийные браки. Скорее он измеряет оценки респондентами того, каким образом брак, пренебрегающий принадлежностью к разным политическим партиям, воздействует на родственные узы. Поскольку мы можем с уверенностью предположить, что родители предпочитают поддерживать со своими детьми близкие отношения, их ответ на наш вопрос будет оценкой того, в какой степени брак вне «правильной» партии вредил бы их родственным узам или же в какой степени брак внутри партии ограждал бы и укреплял эти узы. А это, в свою очередь, отражает интенсивность межпартийного антагонизма. Кроме того, данный ответ отражает также характеристики семьи как части политической системы. Если семья способна перенести политическую разнородность, мы можем брать в расчет гипотезу, что семья имеет тенденцию периодически вовлекаться в те процессы артикулирования интересов и агрегирования, которые происходят в политике, т.е. семья становится частью групп интересов и партийных систем. (В главе XI мы покажем, что американским и британским семьям присуща тенденция вовлекаться в процесс политической коммуникации.)

Можно выразить все это и другим способом, а именно указать, что там, где политические чувства относительно прохладны, крупные безличные структуры политики могут сцепляться с личными и узкими («интимными») структурами, не причиняя им вреда. Если это может быть проделано, то семья в состоянии обеспечить относительно гладкую и непрерывную политическую социализацию детей в такую политическую систему, которая характеризуется наличием конкурирующих политических партий. Она может прививать не только гордость за страну, но и такую форму приверженности политическим партиям, которая терпима к оппо-

зиции, неоднозначности и непредвиденным обстоятельствам. Однако там, где партийная приверженность слишком категорична, семья или остается вне политической системы, или просто увеличивает воздействие такой формы партийной приверженности. Кроме того, если атмосфера партийной приверженности характеризуется умеренностью, то мы можем предполагать, что в ситуациях особой потребности или напряженности становится возможным включение семьи и других форм тесных и глубоко личных отношений дружбы и общности в политическую систему как неформальных групп. Указанный вопрос во всех подробностях рассматривается в главе VI. Здесь мы должны только указать, что способность политически сотрудничать (кооперироваться) со своими согражданами ассоциируется с таким видом приверженности политическим партиям, который не угрожает тесным личным узам.

Таблица IV.6

Каким образом в США сторонники основных партий смотрели бы на брак сына либо дочери, заключаемый в рамках партийных взглядов или же наперекор им

Процентная доля тех, кто будет...	Брак респ. с респ.	Брак респ. с дем.	Брак дем. с дем.	Брак дем. с респ.
Обрадован	16	3	11	3
Рассержен	0	4	0	4
Безразличен	84	93	89	92
Другие ответы и не знают	0	0	0	1
Суммарная процентная доля	100	100	100	100
Общее количество	309	309	464	464

Таблица IV.6 показывает нам, каким образом сторонники Республиканской и Демократической партий в Соединенных Штатах смотрят на возможный брак своих детей, который заключен наперекор партийным различиям. Подавляющее большинство респондентов обеих партий выразило безразличие к партийной принадлежности будущих жен и мужей своих детей. Невысокие процентные доли респондентов из обеих партий выражали радость при мысли, что их сын или

дочь заключит брак в рамках той партии, которую поддерживают они сами, и очень немногие из респондентов выражали недовольство браком вне «своей» партии.

Среди британских респондентов процентная доля заявивших, что партийная принадлежность партнеров их детей по браку имеет для них некоторое значение, оказалась выше, чем среди американцев (см. табл. IV.7). Но эта проблема больше беспокоила приверженцев Консервативной партии, чем Лейбористской. 23% консервативных респондентов заявили, что будут рады браку сына или дочери с консерватором. Преобладающее большинство респондентов из лейбористской партии выражали безразличие.

Таблица IV.7

Каким образом в Великобритании сторонники основных партий смотрели бы на брак сына либо дочери, заключаемый в рамках партийных взглядов или же наперекор им

Процентная доля тех, кто будет...	Брак конс. с конс.	Брак конс. с лейб.	Брак лейб. с лейб.	Брак лейб. с конс.
Обрадован	23	0	7	0
Рассержен	0	12	0	3
Безразличен	77	87	92	97
Другие ответы и не знают	0	1	1	0
Суммарная процентная доля	100	100	100	100
Общее количество	358	358	376	375

Немецкие респонденты выражали по поводу брака, противоречащего партийной приверженности, больше беспокойства, чем британцы, и гораздо больше беспокойства, нежели американцы (см. табл. IV.8). Так, 42% респондентов, поддерживающих ХДС, выражали удовольствие при мысли о христианско-демократическом браке, и 19% выражали недовольство браком с социал-демократом. Точно так же процент социалистических респондентов, одобряющих социалистический брак, был относительно высок по сравнению с установками британских и американских левых. Здесь мы сталкиваемся с кумулятивным воздействием групповых принадлежностей. В Германии зависимость между религией

и партийной принадлежностью сильнее, нежели в Великобритании или в Соединенных Штатах. Следовательно, брак вне ХДС и с приверженцем СДП может рассматриваться как двойная нагрузка на семейные узы — религиозная и партийная. Однако в Германии эта реакция чаще выражается позитивно — как радость в связи с браком *в рамках* своей партии, а не как раздраженность из-за брака *вне рамок* своей партии.

Таблица IV.8

Каким образом в Германии сторонники основных партий смотрели бы на брак сына либо дочери, заключаемый в рамках партийных взглядов или же наперекор им

Процентная доля тех, кто будет...	Брак сторон. ХДС со сторон. ХДС	Брак сторон. ХДС со сторон. СДП	Брак сторон. СДП со сторон. СДП	Брак сторон. СДП со сторон. ХДС
Обрадован	42	1	25	3
Рассержен	0	19	0	8
Безразличен	48	61	62	74
Другие ответы и не знают	10	19	13	15
Суммарная процентная доля	100	100	100	100
Общее количество	333	333	235	235

Таблица IV.9 показывает, что среди избирателей итальянской Христианско-демократической партии реакция по отношению к внутрипартийному браку является решительно положительной, а к браку с коммунистом — решительно негативной; по отношению к браку с левым социалистом реакция не так уж сильно негативна. Причины такой картины в Италии — революционный и антиклерикальный характер левых и близость Христианско-демократической партии к католической церкви. Поскольку Ватикан и итальянские церковные иерархи объявили голосование за Коммунистическую и Левую социалистическую партии смертным грехом и угрожали лишить тех, кто голосовал за эти партии, права на Святое причастие, то неудивительно, что брак представителя христианско-демократической семьи с коммунистом угрожал бы родственным узам. Однако не все христианские демократы враждебно относятся к такому браку: почти одна

треть респондентов, поддерживающих ХДП, выражала по отношению к нему безразличие. Но опять-таки подобные люди из числа тех христианских демократов, которые менее преданы католичеству, если судить по частоте посещений церкви, служащей измерителем этого чувства (см. табл. IV.11). С другой стороны, коммунистические респонденты выражают большее безразличие к «смешанному» браку с «демохристианами» (см. табл. IV.9).

Таблица IV.9

Каким образом в Италии сторонники основных партий смотрели бы на брак сына либо дочери, заключаемый в рамках партийных взглядов или же наперекор им

Процентная доля тех, кто будет...	Брак сторон. ХДП со сторон. ХД	Брак сторон. ХДП со сторон. ИКП	Брак сторон. ХДП со сторон. ИСП	Брак сторон. ИКП со сторон. ИКП	Брак сторон. ИКП со сторон. ХД	Брак сторон. ИКП со сторон. ИСП	Брак сторон. ИСП со сторон. ИСП	Брак сторон. ИСП со сторон. ХДП	Брак сторон. ИСП со сторон. ИКП
Обрадован	59	1	1	27	2	23	16	6	4
Рассержен	1	58	46	0	14	2	0	6	7
Безразличен	29	28	39	59	73	64	67	71	71
Другие ответы и не знают	11	13	14	14	11	12	16	17	18
Суммарная процентная доля	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Общее количество	353	353	353	44	44	44	55	55	55

В Мексике приблизительно от одной пятой до четверти сторонников основных партий выражают враждебность по отношению к межпартийному браку — этот показатель выше, чем в Соединенных Штатах, Великобритании или Германии, но не столь велик, как доля итальянских христианских демократов, которые выступают против межпартийного брака. Тем не менее в Мексике самая частая ответная реакция — это безразличие, что может отражать недавнее ослабление напряженности в отношениях между церковью и государством. Между правящим режимом и церковной иерархией было до-

стигнуто нечто приближающееся к *modus vivendi**¹. Похоже, это находит отражение в высокой степени безразличия по отношению к межпартийному браку среди избирателей как ПНД, так и МРП.

Таблица IV.10

Каким образом в Мексике сторонники основных партий смотрели бы на брак сына либо дочери, заключаемый в рамках партийных взглядов или же наперекор им

Процентная доля тех, кто будет...	Брак сторон. ПНД со сторон. ПНД	Брак сторон. ПНД со сторон. МРП	Брак сторон. МРП со сторон. МРП	Брак сторон. МРП со сторон. ПНД
Обрадован	23	2	22	8
Рассержен	7	22	11	24
Безразличен	65	70	61	63
Другие ответы и не знают	5	6	6	5
Суммарная процентная доля	100	100	100	100
Общее количество	75	75	514	514

В целом эта серия таблиц так или иначе поддерживает высказанные выше основные соображения. В Соединенных Штатах и Великобритании партийная приверженность выглядит достаточно умеренной для того, чтобы сочетаться с тесными семейными узами, не угрожая им сколько-нибудь серьезно. Это в меньшей степени справедливо для Германии, Мексики и Италии. Более детальный анализ говорит о том, что во всех наших странах, кроме Соединенных Штатов, на эти установки влияет взаимодействие трех типов членства: политического, религиозного и семейного. Так, если мы проконтролируем частоту посещения церкви (табл. IV.11), то станет очевидным, что в Великобритании, Германии, Италии и Мексике консервативные избиратели, которые ходят в церковь каждую неделю или чаще, в большей мере возражают против межпартийных браков, чем те, кто ходит в церковь не столь часто или вообще не посещает ее.

* Способ сосуществования (лат.). — Прим. перев.

¹ Robert E. Scott, *Mexican Government in Transition*, p. 174.

Представляет интерес, что эта зависимость между частотой посещения церкви и возражениями против межпартийного брака почти столь же сильна в Великобритании, как и в Германии. Однако наши данные показывают также, что в составе консервативных избирателей в Германии, Италии и Мексике доля частых посетителей церкви намного выше, чем в Великобритании; таким образом, в этих трех странах встречаемость брачного парохиализма намного шире, чем в Великобритании.

Интерес вызывает также тот факт, что во всех пяти странах — даже в Соединенных Штатах — левые, как представляется, более открыты для брака с правыми, чем наоборот, хотя разница в этом отношении между партиями незначительна. Такая несбалансированность в партийных установках по отношению к «смешанным» бракам увеличивается в Великобритании, становится еще большей в Германии и Мексике, а экстремального уровня достигает в Италии. Эту общую модель большей открытости левых для брака с правыми можно объяснить их идеологической и социальной мобильностью. Вообще говоря, консервативным движениям присуща большая ориентация на традиции, чем движениям левого толка. Традиционность подразумевает религиозную или статусную эксклюзивность. Следовательно, мы могли бы ожидать, что сторонники консервативных партий будут чаще, чем сторонники левых партий, испытывать к межпартийному браку чувства, свойственные их кругу (ин-группе¹). Но такая установка со стороны приверженцев консервативных партий может также вызываться различиями в статусе. Так как сторонники левых партий обычно чаще принадлежат к низшим классам, по социальным и экономическим соображениям они могут рассматривать брак своего сына или дочери с сыном или дочерью одного из членов консервативной партии как проявление собственной социальной мобильности, которая направлена вверх. Противоположная установка со стороны правых также может быть статусной

¹ Ин-группой называется группа лиц с общими интересами и сильными внутренними связями. — *Прим. перев.*

реакцией, т.е. они могут смотреть на такой межпартийный брак как на шаг вниз по социальной лестнице.

Таблица IV.11

Частота посещения церкви и недовольство межпартийными браками (правых с левыми), по странам^а

Страна	Процентная доля правых, недовольных браком со сторонником или сторонницей левой партии			
	Ходят в церковь еженедельно или чаще		Ходят в церковь реже, чем еженедельно, или же никогда	
	%	Кол-во ^б	%	Кол-во
США (республиканцы, недовольные браком с демократами)	3	(143)	4	(156)
Великобритания (консерваторы, недовольные браком с лейбористами)	23	(74)	10	(246)
Германия (члены ХДС, недовольные браком со сторонниками СДП)	25	(166)	13	(163)
Италия (члены ХДП, недовольные браком со сторонниками ИКП или ИСП)	60	(296)	44	(55)
Мексика (члены ПНД, недовольные браком со сторонниками МРП)	24	(48)	[18	(13)]

^а Данные только для респондентов, которые сообщили о какой-либо религиозной принадлежности.

^б В круглых скобках количество респондентов, на основании которого вычислялись процентные доли.

Различия между странами по чувствам, испытываемым к другим партиям, могут быть проиллюстрированы имеющимися у нас биографическими материалами — историями из жизни наших респондентов. Им задавали вопрос не о межпартийных «смешанных» браках, а о том, какие у них возникнут чувства, если их сын или дочь вступят в ту пар-

тию, к которой принадлежит сам респондент, или в одну из других основных политических партий. Ответы британцев и американцев о противоположной партии отражают их терпимость к свободе партийного выбора для своих детей.

Американская домохозяйка (демократ): «Знаете ли, я так думаю, что это было бы ее дело. Она должна сделать свой собственный выбор. Тот факт, что я демократ, вовсе не означает, что она тоже должна быть такой же».

Американский служащий фирмы, которая занимается грузовыми автоперевозками (демократ): [Если бы его дети решили стать республиканцами.] «Такое решение может иметь свои достоинства, о которых мне неизвестно. Я хотел бы обсудить это дело с ними, чтобы увидеть, какую роль они сами играют в нем. Все это, вероятно, послужило бы для меня стимулом, чтобы заинтересовать их политикой».

Английская домохозяйка (консерватор): [Если ее дети вступят в Лейбористскую партию.] «Если они ответственные люди, это их выбор. Если они безответственны, мне понадобилось бы протянуть им направляющую руку помощи».

Английский чертежник (консерватор): «Я буду рад, что они заинтересовались политической жизнью — независимо от того, какой именно партией».

Озабоченность выразили больше английских респондентов, чем американских, но это была умеренная озабоченность.

Английский водитель грузовика (консерватор): [Если бы его дети стали консерваторами], «я бы посоветовал им поступать именно так, но, помимо этого, я бы несколько не волновался». [Если бы его дети стали лейбористами]: «В таком возрасте у них есть право на свой выбор. Я бы не возражал против любого из этих вариантов».

Английский квалифицированный рабочий (лейборист): [Если бы его сын стал консерватором], «я должен был бы сказать, что растил и воспитывал его чертовски здорово, коль он смог спутаться с ними, но меня бы это разочаровало».

Распространенный немецкий ответ или отражал бы сопротивление вступлению в любую партию, или реко-

мендовал бы чистейшую разновидность целесообразного поведения.

Немецкий почтовый служащий: «Мне пришлось бы предупредить их о вреде любых партийных уз, но ХДС все-таки оставался бы для меня самым терпимым вариантом».

Немецкая домохозяйка: «Для него было бы лучше держаться от этого подальше. Под Гитлером мы уже прошли через всю эту грязь. С трудом поверю, что сегодня она была бы хоть чуточку чище».

Немецкий владелец магазина готовой одежды: «Мой сын противник всяких партий. Ему нет до них абсолютно никакого дела. Будучи бизнесменом, вы вообще не имеете права ввязываться в нечто такое».

Немецкий бизнесмен: «Отталкиваясь от моего опыта, должен сказать так: если вы мудрый человек, вступайте к тем, у которых максимум власти, — но только не действуйте из идеалистических соображений. Я в них больше ничуть не верю».

Более радикальные комментарии встречались среди итальянских респондентов, особенно, если речь заходила о Коммунистической партии:

Мелкий итальянский муниципальный чиновник (христианский демократ): «Если бы я узнал об этом, то велел бы им выбирать партию правых, но ни в коем случае не идти к левым. Если бы они стали коммунистами, то я лупил бы их как собак и возненавидел».

Итальянский пекарь (христианский демократ): [Если бы его дети надумали примкнуть к христианским демократам], «я попробовал бы вести их этим правильным путем. Если они официально вступят в эту партию, я буду рад». [Если бы они стали коммунистами]: «Если бы они захотели вступить туда, я бы от них отрекся и лишил наследства».

Итальянский плотник (христианский демократ): [Если бы его сын стал коммунистом.] «Что ж, я бы пытался помешать ему, потому как эти люди говорят очень много всякого и разного, и каждый видит, что они никогда не ходят на мессу».

Левые итальянские респонденты были в своих утверждениях не столь радикальными.

Итальянская домохозяйка с левыми симпатиями: [Если бы ее сын примкнул к христианским демократам], «я бы сказала: “Бедный мой сын!” Я не очень-то симпатизирую демохристианам. Считаю их лицемерами».

Итальянский фермер (коммунист): [Если его дети примкнут к христианским демократам.] «Пока все делается правильно, не имеет значения, кем оно делается — коммунистами, социалистами или христианскими демократами».

Среди мексиканских респондентов, как и среди немцев, присутствует существенная доля тех, кто в принципе выступает против партийной принадлежности.

Мексиканский рабочий: [О любом виде партийной принадлежности.] «Ничего хорошего в этом нет. Думаю, что если мы хотим спокойствия, то необходимо держаться подальше от партий, потому как в политике каждый должен быть очень квалифицированным и к тому же большим везунчиком, чтобы более или менее удачно выходить из любого трудного положения».

Мексиканская домохозяйка: «Мне бы не понравилось, если бы мои дети пошли в политику, потому что это всегда приводит к проблемам. Если ты честный, то остальные не соглашаются с тобой; если ты мошенник, люди это понимают и не любят тебя».

Мексиканский кузнец: «Мне было бы не по душе, если мои дети пойдут в политику. Я бы хотел, чтобы один из моих детей изучал законы. Если они попадут в политику, то должны быть очень честными в этом деле и не извлекать для себя никаких личных выгод».

Поток чувств от сообщества к политике

К этому моменту мы продемонстрировали, что в Соединенных Штатах и Великобритании люди чаще чувствуют себя свободными открыто выражать свои политические мнения и что в этих странах партийная приверженность менее категорична, чем это имеет место в Германии, Италии и Мексике. В то же самое время наши данные показывают, что такие различия между странами — это не качественные различия, а количественные, причем Соединенные Штаты и Велико-

британия располагаются на одном полюсе, итальянцы — на другом, противоположном, а Германия и Мексика — где-то посередине.

Стадия, на которой мы сейчас находимся, — это процесс раскрытия «капиллярной» структуры демократии и той эмоциональной культуры, которая ассоциируется с ней. Такая аналогия полезна, если только мы не станем продавливать ее слишком далеко. Крупные вторичные компоненты демократической инфраструктуры: политические партии, группы интересов и средства массовой коммуникации — аналогичны венам и артериям некой системы «циркуляции чувств», или, если угодно, «чувствообращения». Если они не связаны эффективным образом с первичной структурой сообщества — с семьей, друзьями, районом своего проживания, религиозными группами, производственными или рабочими группами (тех, кто занят совместным трудом) и т.д., — то не может быть никакого эффективного потока индивидуальных импульсов, нужд, требований и предпочтений, идущего от индивида и его первичных групп в политическую систему. Подавляющее большинство членов всех политических систем живет своими жизнями, что-то открывает, разрабатывает, развивает и выражает свои чувства и устремления в тесных «интимных» группах данного сообщества. Редко найдется такой индивид, который полностью погружен в политическую систему и становится политическим человеком¹. В тех обществах, где вторичные политические структуры эффективно сцеплены с «интимными» первичными структурами, существует градация от «публичного» к «приватному» — от профессионального политика, полностью занятого только этой деятельностью, до эпизодически активного гражданина, [который занимается политикой время от времени, с паузами]. Там, где первичные структуры остаются вне политики или являются пассивными объектами политики, а вовсе не активными участниками внутри нее, у индивида имеются только три варианта выбора: полностью вовлечься

---

¹ Это понятие, скорее всего, отсылка к известной книге С. Липсета «Политический человек», которая вышла незадолго до «нашей» книги, в 1960 г. (пересмотренное издание — в 1981 г.). Эта книга выйдет в настоящей серии в 2014 г. — *Прим. перев.*

в политическую жизнь, уйти из нее или же стать ее пассивным объектом.

Другими словами, подразумевается, что в эффективно функционирующей демократии существенная доля ее членов вовлечена в политическую систему через сцепление более размытых, диффузных структур сообщества с более дифференцированными структурами политики. Только через такое ангажирование семьи и сообщества политией различные импульсы, нужды, потребности, жалобы и устремления среднего человека вливаются в политику и воздействуют на форму и содержание политических разногласий и реализации политики. Поток требований и притязаний получает поддержку в потоке чувств — удовольствия от достижения каких-то целей или от возбужденности политическим состязанием, гнева после политического поражения, фрустрации из-за уловок политиканов, презрения к демагогии, непорядочности или коррупции. Ткань такой демократии, в которой первичные структуры хорошо сочленяются с вторичными, характеризуется приливом здоровья, «тональностью» хорошего «чувствообращения».

В тех случаях, когда по той или иной причине политическая система не в состоянии интегрироваться с тесными «интимными» структурами сообщества, там поток требований и чувств не в состоянии легко и быстро поступать в политическую систему и политика может утратить контакт с глубоко личными настроениями и нуждами своих членов. Люди могут эмоционально отдаляться либо уходить от политической системы или же соотносить себя с ней путем пассивного принятия различных сублимаций, мысленных представлений, проекций¹ и других иррациональностей экстремистских движений. Успех коммунистических движений в таких странах может быть приписан коммунистической методике создания собственной инфраструктуры, особенно своей первичной инфраструктуры (ячеек), которая подключается к этим имеющимся негативным чувствам и канализирует их,

---

¹ Имеется в виду одно из понятий психологии, впервые введенное в психоанализе: приписывание собственных черт кому-то другому; неосознанное наделение другого индивида собственными чертами. — *Прим. перев.*

направляя *против* легитимных структур политики, а не *внутри* этих структур.

Дабы со всем этим не возникало никаких двусмысленностей, следует осознать, что такая политическая система, как итальянская, которая содержит в себе крупные экстремистские движения левого и правого толка, вряд ли может быть описана как испытывающая недостаток политических чувств. Решающее из высказанных здесь соображений должно иметь дело с *потоком* эмоций от индивида и сообщества в легитимные политические институты. Не вызывает сомнений, что активисты и часть сторонников Коммунистической и Левої социалистической партий, а также Итальянского социального движения (MSI)¹ питают и выражают сильные негативные чувства по поводу властных и социальных институтов, равно как и позитивные чувства применительно к альтернативным формам политической и социальной организации. Пресса, парламентские дебаты, партийные митинги и демонстрации документируют высокую встречаемость негативных эмоций и оценок на уровне элитных коммуникаций. Наши данные покажут, что эта элитная модель партийного антагонизма связана с настроениями отстраненности и, возможно, мятежа среди большого количества обычных людей, с существующей тенденцией отказываться политической системе в лояльности (которую мы уже обсуждали) и избегать эмоционального вовлечения в электоральные состязания.

Несколько вопросов в нашем обследовании были нацелены на изучение потока эмоций, поступающих в политику, и из нее. В демократии крупным актом массового участия являются выборы. Вследствие этого наши вопросы имели дело с чувствами во время избирательных кампаний. Первый из серии четырех таких вопросов был нацелен на чувства по отношению к голосованию. У респондентов спрашивали: «Какое из нижеследующих утверждений ближе всего к описанию ваших чувств, когда вы идете на избирательный участок, чтобы опустить свой бюллетень для голосования?» После это-

---

¹ Итальянское социальное движение — партия неофашистского и монархического толка, за которую в 1960-х — начале 1970-х гг. голосовало от 5 до 10% избирателей. Давно сошла с политической сцены. — *Прим. перев.*

го им предлагали список утверждений, среди которых были следующие: «Я испытываю чувство удовлетворения этим; я делаю это только потому, что таков мой долг; я чувствую раздражение, это пустая трата времени; я не испытываю никаких особенных чувств».

Позже респондентам задавали следующие три вопроса о конкретных чувствах, которые возникали у них в ходе избирательных кампаний: «Испытываете ли вы когда-нибудь злость или гнев из-за некоторых вещей, которые происходят во время избирательных кампаний? Находите ли вы когда-нибудь избирательные кампании приятными и доставляющими удовольствие? Находите ли вы когда-нибудь избирательные кампании глупыми или смешными?» По каждому из перечисленных вопросов респондент мог указать, испытывал ли он данные конкретные чувства часто, иногда или не испытывал никогда. Таблица IV.12 показывает для каждой из пяти стран процентные доли лиц, которые сообщают, что в процессе голосования они чувствовали удовлетворение, а также иногда или часто испытывали гнев, удовольствие либо презрение.

В этой таблице виден целый ряд важных различий между странами. Соединенным Штатам свойственна высокая степень выражения всех чувств. Почти три четверти американских респондентов сообщили о чувстве удовлетворения, которое они испытывают, направляясь на избирательный участок. Две трети американцев сообщили об удовольствии, которое им доставляют избирательные кампании, и больше половины сообщили о том, что иногда испытывали злость либо воспринимали происходящее как нечто глупое или смешное. Только 12% американских респондентов сообщили о том, что в ходе избирательных кампаний не испытывали ни одного из указанных чувств. Англия находится на втором месте по интенсивности выражения испытываемой там удовлетворенности голосованием и избирательными кампаниями. Германия занимает третье место, но там имеет место любопытная противоположность чувств. Если в Соединенных Штатах и Великобритании более высокая процентная доля респондентов испытывает от избирательных кампаний удовольствие, а не гнев и презрение, то в Германии процентная

Таблица IV.12

Установки и чувства по отношению к голосованию
и избирательным кампаниям в пяти странах

Процентная доля сообщающих, что они...	США	Великобритания	Германия	Италия	Мексика
Испытывают удовлетворение, когда идут на избирательный участок*	71	43	35	30	34
Иногда находят избирательные кампании приятными и доставляющими удовольствие	66	52	28	18	34
Иногда испытывают во время избирательных кампаний злость	57	41	46	20	26
Иногда находят избирательные кампании глупыми или смешными	58	57	46	15	32
Во время избирательных кампаний <i>никогда</i> не получают удовольствия, <i>никогда</i> не испытывают злости и <i>никогда</i> не чувствуют презрения	12	26	35	54	41
Общее количество респондентов, отвечавших на каждый из вопросов	970	963	955	995	1007

* Этот вопрос задавали только тем, кто голосовал на одних или нескольких из трех последних национальных выборов или же на недавних выборах в местные органы власти. Количество случаев для данного вопроса таково: США — 693; Великобритания — 959; Германия — 869; Италия — 923 и Мексика — 652.

доля тех, кто сообщает о негативных эмоциях, больше, чем лиц, которые сообщают об удовольствии. В Италии наблюдается низкий уровень проявления всех названных эмоций, и 54% респондентов сообщили, что применительно к избирательным кампаниям у них никогда не возникало ни одного из указанных чувств. В Мексике уровень тех чувств по поводу голосования и выборов, о которых сообщают респонденты, тоже невысок, но не настолько низок, как в Италии.

Итальянская картина низкого уровня эмоций на избирательных кампаниях представляет несомненный интерес,

когда мы сравниваем ее с нашими более ранними измерениями партийной приверженности. По степени раскола между правыми и левыми партиями — она измеряется взаимными имиджами разных партий и встречаемостью негативных установок по отношению к браку со сторонником противоположной партии — итальянцы занимают очень высокое место. Каким образом мы можем объяснить сочетание низкой частоты выражения эмоциональной вовлеченности в избирательные кампании с высокой частотой резкого межпартийного антагонизма? Объяснение, как нам кажется, заключается в том факте, что итальянцы в общем и целом не ориентированы на избирательные кампании как на состязание. Они не рассматривают избирательные кампании как нечто необходимое, и доля лиц, сообщающих, что они не обращают никакого внимания на избирательные кампании, в Италии намного больше, чем в любой другой стране (см. табл. IV.13).

Таблица IV.13

Необходимость в проведении избирательных кампаний и степень внимательности к выборам, по странам^а

Страна	Процентная доля тех, кто говорит о необходимости избирательных кампаний ^б	Процентная доля тех, кто не обращает внимания на избирательные кампании ^в
США	74	12
Великобритания	63	29
Германия	42	27
Италия	29	54
Мексика	61	45

^а Проценты в каждом из случаев относятся к полной выборке.

^б Фактический текст данного вопроса таков: «Некоторые люди считают, что проведение избирательных кампаний необходимо, поскольку публика может таким образом оценивать кандидатов и существующие проблемы. Другие говорят, что выборы вызывают такую большую горечь и настолько ненадежны, что нам было бы лучше обходиться без них. Что думаете вы? Действительно ли они необходимы или же нам было бы лучше обходиться без них?»

^в Фактический текст данного вопроса таков: «Что вы скажете по поводу той избирательной кампании, которая проводится во время общенациональных выборов? Обращаете ли вы на происходящее много внимания, совсем мало или не обращаете вообще никакого?»

Другими словами, итальянцы склонны отстраняться от избирательного процесса — так же как они склонны отстраняться от правительства, властей и страны. Можно было бы даже рассматривать интенсивность их приверженности собственной партии как отрицание *системы* партий, отрицание других партий как элементов системы взаимодействия; кроме того, они и свою собственную партию тоже рассматривают не как участника электорального состязания, а как церковь или «образ жизни». Партийная приверженность является для итальянцев полной и интенсивной преданностью — интенсивно негативной, потому что противостоящие движения находятся в совершенно другом, причем угрожающем моральном измерении; интенсивно позитивной, потому что собственная партия — это в действительности церковь или ее светский эквивалент на левом крыле.

В наших интервью с историями из жизни мы спрашивали у респондентов, когда они голосовали в последний раз и какие мысли возникали у них в тот момент, когда они опустили свои избирательные бюллетени в урны. Итальянские респонденты редко сообщали о позитивных реакциях. Более обычными были выражения беспокойства или безразличия.

Итальянская домохозяйка (христианский демократ): «Я думала, что должна проголосовать, но считала, что, пожалуй, желания голосовать у меня нет, потому как зачастую можно одним единственным голосованием разрушить семью. К власти может прийти такое правительство, которое захочет вести войну, и моего мужа призовут в армию».

Итальянский бухгалтер (христианский демократ): «Я думал о том, что произойдет, если я не проголосую за христианских демократов. У меня не было уверенности, как голосовать. Я боялся, что поступаю неправильно».

Итальянская домохозяйка (христианский демократ): «Я боялась. Я всегда беспокоюсь насчет голосования и что я могла бы сделать какие-нибудь плохие вещи».

Итальянский школьный чиновник (беспартийный): «В последний раз я ходил на избирательный участок с чувством почти унижения, а также безразличия».

Итальянский рабочий (коммунист): «Я чувствовал, что исполнял свой долг, даже если это было бесполезно».

Среди немецких и мексиканских респондентов тоже доводится сталкиваться применительно к выборам с чувствами недоверия или тщетности, хотя и несколько реже. В Соединенных Штатах и Великобритании подобные чувства тоже время от времени высказывались, но преобладали такие комментарии, как выражения удовольствия или удовлетворенности.

В Соединенных Штатах и Великобритании доля респондентов, сообщающих, что они испытывают какие-то чувства по отношению к голосованию и выборам, увеличивается вместе с образованием (см. табл. IV.14). Вызывает некоторый интерес, что выражение политического гнева наиболее резко зависит от образования, причем не только в Соединенных Штатах и Великобритании, но также в Германии, Италии и Мексике (см. табл. IV.15). Однако важный момент, на который следует обратить внимание в табл. IV.16, состоит в том, что в Соединенных Штатах и Великобритании весь уровень «эмоций» существенно повышается вместе с ростом образования. В Германии большое значение имеет тот факт, что вместе с повышением уровня образования существенно растет только чувство гнева: от 43% для тех, чье образование не выше начального, до 73% для тех, кто хотя бы немного обучался в университете. Доля респондентов, выражающих удовлетворение в связи с опусканием избирательного бюллетеня, находящихся выборы приятными или же иногда глупыми либо смешными, несколько увеличивается в случае среднего образования и уменьшается в случае университетского. Поэтому похоже, что германская картина высокого уровня негативных эмоций наиболее ярко выражена среди лучше образованных немцев, принадлежащих к «высшему классу». Их политический гнев представляет собой характеристику класса, равно как и образования, что проявляется в тех случаях, когда мы осуществляем контроль за профессиональными занятиями. Так, частота гнева удваивается от 34% среди немецких неквалифицированных рабочих до 68% среди профессионального и административно-управленческого персонала.

Рост частоты других эмоций среди германских профессиональных групп выражен намного менее отчетливо.

Таблица IV.14

Установки и чувства по отношению к голосованию и избирательным кампаниям в Соединенных Штатах, Великобритании и Германии, по образованию

Процентная доля сообщающих, что они...	США			Велико- британия			Германия		
	Н/н ^а	Н/с	Н/в	Н/н	Н/с	Н/в	Н/н	Н/с	Н/в
Испытывают удовлетворение, когда идут на избирательный участок ^б	58	75	82	41	47	57	35	37	26
Иногда находят избирательные кампании приятными и доставляющими удовольствие	60	67	77	52	54	62	57	47	27
Иногда во время избирательных кампаний испытывают злость	43	63	71	37	47	62	43	63	73
Иногда находят избирательные кампании глупыми или смешными	53	56	73	37	37	54	44	51	42
Общее количество респондентов	338	443	188	595	322	24	790	124	26

^а Н/н – неполное начальное; Н/с – неполное среднее; Н/в – неполное высшее.

^б В соответствии с порядком столбцов, указанным выше, количество случаев для данного вопроса (задававшегося только избирателям) таково: США – 226, 309 и 151; Великобритания – 552, 264 и 23; и Германия – 729, 102 и 23.

Таблица IV.15

Установки и чувства по отношению к голосованию и избирательным кампаниям в Италии и Мексике, по образованию

Процентная доля сообщающих, что они...	Италия					Мексика			
	Б/о ^а	Н/н	М/с	С/с	Н/в	Б/о	Н/н	Н/с	Н/в
Испытывают удовлетворение, когда идут на избирательный участок ^б	10	28	29	26	25	12	24	28	49
Иногда находят избирательные кампании приятными и доставляющими удовольствие	9	16	24	51	35	26	36	37	46
Иногда во время избирательных кампаний испытывают злость	12	19	25	26	39	18	25	40	65
Иногда находят избирательные кампании глупыми или смешными	9	17	29	23	39	24	31	31	55
Общее количество респондентов	88	604	148	97	54	221	656	103	24

^а Б/о — без образования; Н/н — неполное начальное; М/с — младшие классы средней школы; С/с — старшие классы средней школы; Н/с — неполное среднее; Н/в — неполное высшее.

^б В соответствии с порядком столбцов, указанным выше, количество случаев для данного вопроса (задававшегося только избирателям) таково: *Италия* — 85, 583, 129, 93 и 50; *Мексика* — 103, 456, 75 и 18.

Теперь мы можем добавить к германскому политико-культурному профилю еще одну особенность. Мы уже видели, что немецкая национальная гордость опирается на экономические и характерологические качества, а не на политические. В то же время мы видели, что немцы оценивают воздействие правительства на собственную жизнь и ожидают от своей бюрократии и полиции равного и отзывчивого отношения. Теперь мы обнаруживаем, что чувства немцев по поводу несомненно политических аспектов германской системы

правления являются скорее негативными и что этот негативизм отчетливее всего проявляется, пожалуй, среди образованных слоев среднего и верхнего среднего классов. Другими словами, современная германская демократия пользуется, как представляется, наименьшей поддержкой именно среди тех кругов, которые в большинстве демократических стран склонны поддерживать демократические процессы.

Политико-культурные характеристики образованных немцев отражают некую амбивалентность. С одной стороны, политическая когнитивная способность с ростом образования повышается. Таким образом, у образованных немцев более высокие показатели политической информированности, они чаще следят за дискуссиями по политической проблематике в средствах массовой коммуникации и чаще говорят о политической жизни с другими людьми. Да и демократические ценности они тоже принимают чаще, чем их менее образованные соотечественники; но везде, где дело касается политических чувств, хорошо образованные немцы демонстрируют большую отчужденность и негативизм, чем хуже образованные. Так что и гордость политическими аспектами своей страны, и чувство удовлетворенности участием в голосовании там вместе с ростом образования уменьшаются. А теперь мы обнаруживаем, что только такие эмоции, как злость и гнев по отношению к избирательным кампаниям, резко усиливаются вместе с ростом образованности.

Для этого германского феномена можно предложить два возможных объяснения. Во-первых, образованный средний класс в Германии полностью не развил в себе демократическую культуру. То, что мы можем наблюдать в наших данных, — это устойчивая неизменность той авторитарной подданнической культуры, которая наделяет легитимностью только власти и бюрократию, но не политические партии и конкурентные выборы.

Но есть и другое объяснение подобных тенденций. В Германии образованные средние классы были глубоко скомпрометированы национал-социализмом, а во многих случаях еще и наказаны (хорошо, если это продолжалось недолго) на ранних стадиях послевоенной оккупации. Их сдержанность в чувствах по отношению к своей стране и к полити-

ческому процессу в Германии может быть выражением беспокойности тем, чтобы не оказаться еще раз вовлеченными в рискованную историю. Возможно, присутствуют оба названных фактора: как ощущение дискомфорта в связи с неупорядоченностью демократической политической жизни и отсутствием в ней должного достоинства, так и тревога при мысли о любом проявлении политической причастности, в основе которой лежит нацистская травма.

Табл. IV.15, показывая зависимость между образованием и электоральными чувствами в Италии и Мексике, выявляет те же самые тенденции, которые манифестировались в Соединенных Штатах и Великобритании, хотя все процентные показатели здесь существенно ниже. Так, в Италии на университетском уровне частота всех эмоций на 40% меньше — по сравнению с группой лиц без образования, в которой она меньше на 15%. В Мексике имеет место та же самая тенденция, причем в целом диапазон значений оказывается существенно шире, нежели в Италии, но ниже, чем в других странах. На университетском уровне мексиканские респонденты располагаются в диапазоне от 46% тех, кому выборы доставляют удовольствие, до 65% таких лиц, кто сообщает о злости, испытываемой ими иногда от событий, которые происходят в течение избирательных кампаний.

Наш анализ различий между странами в чувствах по поводу политической жизни и приверженности разным партиям привел к следующим моделям. В Соединенных Штатах и Великобритании существует широко распространенное ощущение свободы и безопасности при политической коммуникации; чувства приверженности политическим партиям относительно прохладны, и поток всевозможных видов чувств в политической системе относительно свободен. В Германии люди, как кажется, чувствуют себя более ограниченными в этих коммуникациях, приверженность различным партиям представляется более интенсивной, а к числу тех эмоций, которые, пожалуй, чаще всего находят выражение в ходе избирательных кампаний, принадлежат гнев и презрение. В Италии доля того населения, которое чувствует себя свободным в коммуникациях о политике и признается в наличии чувств по отношению к выборам, чрезвычайно

мала. В то же самое время интенсивность приверженности тем или иным политическим партиям чрезвычайно высока. В Мексике политическая коммуникация ограничена, но не до такой степени, как в Италии. Готовность к выражению чувств о выборах тоже низка, но не настолько, как в Италии, и уровень партийной приверженности высок, но опять-таки не настолько, как в Италии.

Типы партийных приверженцев

В начале этой главы мы высказали утверждение, что эффективно функционирующая демократия требует такой формы приверженности политическим партиям, которая избегает обеих крайностей: и интенсивного антагонизма на одном полюсе, и политического безразличия на другом. На предыдущих страницах мы описали встречаемость в наших пяти странах чрезмерного партийного раскола, измеряемого установками по отношению к межпартийному браку и теми разновидностями чувств, которые приверженцы разных партий испытывают к электоральным состязаниям.

Теперь у нас есть возможность представить типологию приверженности политическим партиям, основанную на таком показателе, в котором сочетаются оба названных выше измерителя установок. Если мы дихотомизируем, т.е. разделим надвое ответы на оба набора вопросов, то получаем четырехчастную типологию, состоящую из следующих классов:

1. *Открытый приверженец.* Это респондент, который выражает безразличие по отношению к межпартийному браку, однако все же описывает себя как эмоционально вовлеченного в избирательные кампании. Этот «открытый приверженец» эмоционально вовлечен в электоральные состязания, но его приверженность не настолько сильна, чтобы он отсекал себя от взаимоотношений с членами противостоящей партии. Табл. IV.16 показывает, что 82% американцев, 61% британцев, 44% немцев и 42% мексиканцев манифестируют именно этот вид приверженности, в то вре-

мя как из числа итальянцев в эту категорию попадают только 14%.

2. *Апатичный приверженец*. Сам разговор об «апатичном приверженце» может показаться внутренне противоречивым, но это такой респондент, который голосовал за одну из основных партий, который выражал безразличие по поводу межпартийного брака и который отрицал наличие у него любого из трех чувств, испытываемых в связи с выборами, охваченных в нашем интервью (гнев, удовольствие или презрение). Это тот безразличный избиратель, которого можно найти в любой политике, — тот, кто опускает свой избирательный бюллетень, но не чувствует сколько-нибудь большой вовлеченности в электоральное состязание. Мы видим, что в Италии доля апатичных приверженцев самая высокая, а в Соединенных Штатах — самая низкая, тогда как другие страны находятся между ними.
3. *Интенсивный приверженец*. Это респондент, который озабочен браком, нарушающим партийную принадлежность, и который, кроме того, эмоционально вовлечен в выборы. Он одновременно и резко отделен от своих партийных оппонентов, и эмоционально вовлечен в электоральные состязания. В табл. IV.16 мы видим, что с таким типом приверженцев чаще всего можно столкнуться в Германии и Мексике, а за этими странами следуют Италия, Великобритания и Соединенные Штаты — в указанном порядке.
4. *Парохиальный приверженец*. Это респондент, который хотя и озабочен межпартийным браком, но безразличен в отношении избирательных кампаний. Эта категория приверженцев сравнительно не вовлечена в политическую жизнь; мы говорим о них как о «парохиальных приверженцах». Как будет показано ниже, среди них преобладают религиозные женщины. Их партийная приверженность — не политическое, а культурно-религиозное явление. В большом количестве мы сталкиваемся с этим типом приверженцев только в Италии, где в данную категорию попадают 36% респондентов.

Таблица IV.16

Типы партийной приверженности, по странам

Процентная доля...	США	Велико- британия	Герма- ния	Италия	Мек- сика
Открытые сторонники	82	61	44	14	42
Апатичные сторонники	8	22	18	30	24
Интенсивные сторонники	10	14	25	20	25
Парохиальные сторонники	0	3	13	36	9
Суммарная процентная доля	100	100	100	100	100
Общее количество*	736	719	485	300	489

* Все, кто признал себя сторонником или избирателем основных партий, опуская тех, у кого нет никакого мнения о межпартийных браках или об эмоциях, испытываемых ими во время избирательных кампаний

Что бросается в глаза при взгляде на табл. IV.16, так это резкое различие между Италией и всеми другими странами. Такое чрезвычайное отклонение в итальянской картине может быть частично объяснено весьма высокой встречаемостью отказов итальянских избирателей левых партий раскрыть свои партийные симпатии. Из результатов выборов мы знаем, что приблизительно четыре из десяти итальянских избирателей поддерживают христианско-демократическую партию, в то время как левые партии (коммунисты и социалисты Ненни) пользуются поддержкой приблизительно одной трети голосующих. В нашей выборке 35% респондентов идентифицировали себя как избиратели христианских демократов и 10% — как избиратели левых партий. Следовательно, итальянская картина, представленная в табл. IV.16, в сильной степени смещена в направлении христианских демократов.

Действительно, если мы посмотрим на социальный состав различных групп партийных приверженцев, то обнаружим, что в Италии парохиальные приверженцы имеют тенденцию быть женщинами, регулярными посетителями церкви и сторонниками христианских демократов. Сторон-

ники левых партий с большей вероятностью будут открытыми приверженцами. Таким образом, Италия дает нам любопытную аномалию политической системы, где формально демократическую конституцию поддерживают в значительной степени традиционно-клерикальные элементы, которые, вообще говоря, вовсе не являются демократическими и даже не являются политическими в узко специализированном смысле. Противостоит конституции левое крыло, которое — по крайней мере частично и на уровне заурядного, ничем не примечательного избирателя, а не среди партийной элиты — манифестирует некую форму открытой приверженности, совместимую с демократической системой.

ГЛАВА V

ОБЯЗАННОСТЬ УЧАСТВОВАТЬ

Гражданин — в отличие от подданного — является активным участником политического процесса на «входе» — того процесса, посредством которого принимаются политические решения. Но роль гражданина, как мы сказали, не заменяет подданническую роль или парохияльную роль — она добавляется к ним. Только редкий индивид считает свою роль как гражданина более важной и существенной, чем свою роль в качестве подданного или парохияла, для которого политика и политическая жизнь является вопросом первоприоритетной значимости. Это было подтверждено во многих опросах политического мнения. Когда людям задают общие вопросы о том, что их беспокоит или что они считают важным, они обычно называют семейные проблемы, проблемы с работой, экономические проблемы, но редко упоминают о проблемах политических¹. Кроме того, если уж обычный человек и станет проявлять интерес к политическими делами, то его скорее будут интересовать процессы на «выходе», нежели на «входе». Его беспокоит, кто выигрывает выборы, а не то, как они проводятся; он озабочен тем, кто извлекает выгоду из законодательства, а вовсе не тем, как это законодательство принимают. Даже применительно к своему голосованию — акту, который предназначен сделать его активным участником процессов принятия решений в его стране, — он может вести себя рутинным образом, голосуя за некую партию по соображениям традиционной лояльности или по другим причинам, не связанным с желанием определять курс политики.

---

¹ Когда в нашем опросе у респондентов спрашивали, на что они тратят свое свободное время, то не больше 3% в любой из привлеченных нами пяти стран упоминали хоть что-либо, связанное с политикой, а в большинстве случаев этот процент был еще меньше. Результаты других опросов почти повсеместно показывают, что политика и политическая жизнь отнюдь не занимают главное место в умах людей.

То обстоятельство, что большинство людей ориентируют себя в большей степени как подданных, чем как граждан, — знакомая тема. Есть очень много работ, которые описывают данный факт, иногда горько сожалея о нем. Интерес к роли обычного человека в существующей политической системе и критика этой роли особенно характерны для тех авторов и мыслителей, которые озабочены проблемами демократии — от древних греков до тех, кто пишет текущие публикации об американских общественных делах, поскольку именно в демократии роль обычного человека как участника политических дел в его стране по-настоящему существенна. Человек, отношение которого к своим властям и правительству есть отношение подданного — пассивного бенефициария или жертвы рутинных властных действий, в традиционном, недемократическом обществе не был бы найден очень легким¹. Более того, это отношение исчерпало бы все, что от него ожидается. Все, что делают власти и правительство, воздействует на него, но почему или как правительство и власти решают сделать именно то, что они делают, находится вне сферы его компетентности. У него есть обязанности, но эти обязанности пассивны — он должен быть лояльным и почтительным по отношению к власти. «Все, что необходимо для спасения, содержится в двух добродетелях: в *вере* во Христа и в *повиновении* законам»². Как подданный он может быть более или менее компетентным, но его компетентность будет «подданнической компетентностью». Он не станет пытаться влиять на решения своего правительства и властей, но попробует убедиться, что после того, как решение принято, к нему относятся должным образом. Сказать, какие налоги должны взиматься, — это не принадлежит к сфере его компетентности; но, как только решение на сей счет принято, компетентный подданный будет видеть, что в границах указанного решения к нему относятся по справедливости. Закон есть нечто такое, чему он повинует, а не то, что он по-

¹ Здесь почти наверняка сделана отсылка к известной библейской фразе «ты взвешен на весах и найден очень легким» (Дан 5, 27). — *Прим. перев.*

² Thomas Hobbes, *Leviathan*, London, 1945, Book III, p. 385 (см.: *Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского* // *Гоббс Т. Соч.* в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 449).

могает формировать. Если он компетентен, то знает закон, а также знает, что должен сделать он и что должно быть сделано для него.

С другой стороны, в демократических обществах его роль как подданного не исчерпывается тем, что от него ожидается. А ожидается, что он будет обладать достоинствами подданного: повиноваться закону, проявлять лояльность, но от него ожидают также некоторого участия в формировании решений. Общая идея, красной нитью проходящая через многие определения демократии, состоит в том, что демократия — это общество, в котором «обычные граждане проявляют относительно высокую степень контроля над лидерами»¹. Таким образом, демократия характеризуется тем, что власть над значимыми и авторитетными решениями в обществе распределена среди населения. От рядового человека ожидают, что он принимает активное участие во властно-правительственных делах, осознает, каким образом принимаются решения, и делает свои взгляды известными, доводя их до сведения других.

Тот факт, что в жизни рядовой человек не соответствует идеалу, установленному в соответствии с нормативной теорией демократии, привел к масштабной критике его пассивности и безразличия. Наша цель состоит, однако, в том, чтобы описывать и анализировать, а не воздавать хвалу или хулу. В любом случае нормативные вопросы о роли индивида в существующей при нем политической системе ни в коем случае нельзя трактовать как не связанные с более дескриптивными и аналитическими вопросами. Конечно, политический моралист, описывая, что *должен* делать индивид, вероятно, не останется безучастным к тому, что индивиды *делают* фактически, и наверняка примет во внимание все, что они, на его взгляд, *могут* сделать. Эти три типа вопросов не идентичны, но они воздействуют друг на друга, особенно если мы переключим наше представление о ситуации на то, которое присуще самому рядовому человеку. До сих пор мы рассуждали о разрыве между тем, как, по мнению разных ученых, философов и наставников, *должен* действовать обычный чело-

¹ Robert A. Dahl, *A Preface to Democratic Theory*, Chicago, 1956, p. 3.

век в условиях демократии, и тем, что он делает фактически. Но как насчет самого обычного человека? Каковы *его* мысли о том, что он *должен* делать? И как это выглядит по сравнению с тем, что, по его мнению, он *может* сделать, и с тем, что он делает на самом деле?

Эта глава будет посвящена первому из указанных вопросов: каковы мысли и соображения обычного человека по поводу того, что он должен делать? Философы и демократические идеологи много и подробно писали об обязанностях гражданина, но каковы представления самого рядового человека о его роли в политической жизни? Если модельный демократический гражданин активен, настроен на участие и оказывает влияние, то действительно ли именно таким стремится быть обычный человек? И — что, быть может, еще важнее — думает ли он о себе как о способном влиять на решения своих властей и правительства, а также участвовать в них? В этой главе мы повнимательнее присмотримся к представлениям обычного человека о той роли, которую он должен играть, а в следующей главе — к представлениям о той роли, которую, как ему думается, он может играть.

Что такое хороший гражданин?

Хороший гражданин не равен хорошему человеку. Никакой самый рьяный защитник хороших граждан не стал бы утверждать, что политическое участие должно доводиться до такой степени, когда пренебрегают всеми другими обязанностями. Активный влиятельный гражданин, описываемый в нормативной политической теории, не освобождается от обязанностей подданного. Если он участвует в создании закона, от него также ожидают, что он будет повиноваться этому закону. Фактически утверждалось, что вследствие своего участия у него бóльшая обязанность повиноваться. Точно так же никто бы не хотел, чтобы его активная гражданская деятельность осуществлялась в ущерб его личным обязанностям как частного лица. Разумеется, описанная Рисменом дама, которая оставила собственных плачущих детей закрытыми в детской на то время, пока она участвовала в собрании ассоциации по благоустройству своего района, отнюдь

не является тем идеалом, к которому стремятся защитники хорошей гражданственности¹. Конечно же, всегда будут существовать конфликты между требованиями различных ролей, но обязанности, проистекающие из одной роли, не заменяют таковых из другой.

Это соображение подчеркнуто здесь, потому что оно вносит элемент сложности в нашу попытку измерить ту степень, в которой идеал участвующего гражданина существует в умах людей. Поскольку человек, который убежден, что в своей личной жизни должен быть честным и справедливым — работать для блага своей семьи или, если процитировать одного из наших респондентов: «Коль он плотник, то должен быть хорошим плотником», — может также верить, что он должен быть участвующим и активным гражданином. Точно так же человек, который убежден, что должен платить налоги и повиноваться законам, — это «хороший подданный». Тот же самый человек может вместе с тем быть «хорошим гражданином». Лишь в том случае, когда индивид думает о благе и выгодах своей семьи как о единственной цели, к которой он должен стремиться, или же представляет себе собственную роль в политической системе в терминах главенствующей значимости семьи, он только парохиял и не является одновременно гражданином. И только в том случае, когда индивид думает о собственном отношении к своему государству как о чем-то таком, что исчерпывается его ролью в качестве подданного, это означает, что он подданный и не является одновременно гражданином.

Пытаясь понять, насколько заметно роль участника добавлялась в наших пяти странах к ролям парохияла и подданного, мы исследовали взаимоотношения наших респондентов с их местным сообществом. Нас интересовало, в какой степени респонденты рассматривали себя как лиц, на которых возложена некая разновидность ответственности проявлять активность в своем сообществе — либо формальным, либо неформальным способом, либо в отношении местной власти, либо в отношении сограждан. Местное сообщество кажется той исходной точкой, где хорошо начинать, по-

¹ David Riesman. *Faces in the Crowd*, New Haven, 1952, p. 82—83.

скольку политические и властно-управленческие проблемы представляются здесь более поддающимися пониманию, органы власти менее удалены, а для отдельного гражданина шансы эффективного участия на местном уровне выше, чем на уровне национального правительства. И, как факт, часто утверждалось, что эффективная демократия опирается на способность индивида участвовать в местных масштабах, ибо только здесь он способен развить в себе какое-то ощущение полноценного владения политической проблематикой. Как выразился на сей счет Брайс (и как постоянно доказывали защитники местной автономии), «существенным ингредиентом удовлетворительной демократии является то, что значительная доля жителей должна обладать опытом активного участия в работе малых самоуправляющихся групп, будь то в связи с местными органами власти, профсоюзами, кооперативами или другими формами деятельности»¹.

Различие между странами в характеристиках местной власти

В этой главе и в значительной части следующей мы будем иметь дело с установками по отношению к местным органам власти. В интерпретации ответов на вопросы о местных властях мы оказываемся перед лицом следующей проблемы: структуры местных органов власти различаются не только от страны к стране, но и внутри стран тоже. И те различия в установках, которые обнаружены между странами, частично объясняются именно этими различиями в структурах. Важно не забывать об указанных различиях. И, хотя было бы невозможно полностью описать структуры местной власти в наших пяти странах — ведь во всех пяти странах имеются многочисленные уровни местных органов власти и существенные вариации при переходе от региона к региону, — есть несомненная возможность установить определенное сходство и различия между ними.

Во-первых, все пять стран обладают теми или иными формами местной власти. (Здесь важно отметить, что мы

---

¹ James Bryce, *Modern Democracies*, New York, 1921, I, p. 132. (См. ниже, гл. VI.)

имеем дело с наиболее локальными властными органами — органами, которые действуют ниже уровня отдельного штата, или *land* [земли], или провинции.) И как бы ни назывался этот местный орган: коммуна, *municipio* (муниципалитет), *Gemeinde* (община; муниципалитет; местный орган власти¹), тауншип (муниципалитет, городская община²) или такая административная единица, как бороу (*borough*)³, не являющаяся ни округом, ни графством, — в нем почти неизменно имеется какая-то разновидность совета или иного состоящего из чиновников административного органа, который избирается на местном уровне. Таким образом, в каждой стране существует совокупность выбираемых на местном уровне органов, на которых мы можем сосредоточиться.

Но, несмотря на такое сходство, местные органы власти в наших пяти странах резко различаются. С точки зрения установок респондентов по отношению к участию в деятель-

---

¹ Федеративное устройство Германии позволяет иметь в разных землях разную структуру, функции и названия местных властей. Вообще-то, в коммунах всех земель есть два органа: 1) муниципальное народное представительство (совет общины, собрание депутатов общины, городское собрание депутатов, районное собрание и др.), непосредственно избираемое жителями общины на срок от 4 до 6 лет, принимающее решения по всем важным вопросам, которые касаются данной общины, и контролирующее деятельность того административного органа, который ею управляет; 2) муниципальный административный орган управления (исполнительная власть), подготавливающий решения народного представительства и осуществляющий их. Их руководители именуются обербурггомистр, бургомистр, магистрат, директор общинного управления; на районном уровне — обекрайсдиректор или ландрат и т.д., причем в некоторых землях функции председателя представительного органа и главы администрации совпадают, тогда как в других их выполняют разные лица. — *Прим. перев.*

² Административно-территориальная единица в 16 штатах США, составляющая часть округа (графства) [county] и имеющая свою структуру управления, различную в разных поселках и штатах. В нее часто входят местная полиция, пожарная охрана, налоговый оценщик, казначей, санитарно-медицинский работник, шериф и мэр. — *Прим. перев.*

³ В США это: 1) самоуправляемая административная единица, городок или поселок в некоторых штатах, а также округ в штате Аляска; 2) городской округ — одно из подразделений крупного муниципалитета, например в Нью-Йорке. В Великобритании это: 1) небольшой город, поселок городского типа, имеющий свой муниципальный совет; 2) город, представленный в парламенте; 3) один из 32 административных районов Лондона и вообще район крупного города. — *Прим. перев.*

ности местного сообщества есть два типа структурных различий, которые особенно существенны: степень местной автономии и степень, в которой местные структуры способствуют участию гражданина. Трудно сколько-нибудь точно измерить степень автономии местных властных органов внутри той или иной страны; в каждой из стран существуют те или иные разновидности автономии, ее критерии неясны, и данные зачастую недостаточны или вообще отсутствуют. Однако в любом случае выбранные нами пять стран действительно различаются в этом отношении столь существенно — и разброс вариантов среди стран в целом больше, чем разброс вариантов внутри каждой страны, — что можно с некоторой уверенностью (или самоуверенностью) проранжировать наши страны согласно уровню местной автономии. Ясно, что на одном из полюсов находятся структуры местной власти в Соединенных Штатах, где уровень местной автономии наиболее высок. В Соединенных Штатах диапазон тем и вопросов, которые находятся под контролем местных сообществ, гораздо шире — два важных примера составляют полиция и школы, причем локальные сообщества не только назначают администрацию школ и руководят ею, но и во многих случаях фактически формулируют образовательную политику, — равно как и степень свободы местных органов власти от внешнего контроля и управления кажется в США намного большей, чем в любой другой стране.

Казалось бы, по степени местной автономии Великобритания занимает место рядом с Соединенными Штатами. На самом деле диапазон проблематики, которая находится под контролем местных органов власти, здесь уже — например, образовательной политикой в гораздо большей степени управляют центральные правительственные ведомства, — и в рамках унитарной британской системы правления местная автономия, согласно положениям законодательства о местном самоуправлении, формально не предусмотрена в том виде и объеме, в каких она присутствует в конституциях целого ряда американских штатов. Однако у британцев существует давняя традиция местного самоуправления. И местные советы проявляют активность как в административной работе, так и в некоторых ограниченных сферах за-

конодательства, где центральное правительство дает на это разрешение¹.

Трудно сколько-нибудь точно оценить и проранжировать три другие страны. Однако если говорить о формальной структуре местных органов власти, то относительно легко установить, какая из них занимает самое последнее место. В Италии существование системы префектов (*prefetto*) существенно ограничивает любую возможность местного самоуправления. Коммуны в Италии располагают избранными на местном уровне советами, но у них мало свободы действий. Все их документы и акты должны быть представлены централизованно назначенному префекту данной области, который выносит решение об их легитимности; кроме того, постановления по определенным существенным вопросам, таким как муниципальный бюджет, а также обложение налогами и их взимание, должны быть одобрены административным комитетом области (*Giunta Provinciate Amministrativa* — администрацией области, или джунтой), которая выносит решения как об их легитимности, так и по существу каждого данного документа. Весьма маловероятно, что такого рода структура местной власти, в которой есть централизованно назначенный чиновник с полномочиями надзирать за действиями местного сообщества, может и будет способствовать высокому уровню автономной местной активности. И, хотя существуют некоторые свидетельства большей местной автономии, чем можно было бы ожидать при такой формальной структуре, все равно в Италии степень автономии, вероятно, наименьшая среди всех наших пяти стран².

---

¹ См., например: W. Eric Jackson, *Local Government in England and Wales*, London, 1960. И никто не утверждает, что в Соединенных Штатах и Великобритании нет никакого внешнего контроля над местными органами власти и ими никто не управляет. Разумеется, существует большой объем внешнего контроля и указанный контроль постоянно растет — это важное обстоятельство, последствия которого будут обсуждены ниже. Но, вообще-то, если говорить в сравнительном смысле, то местным властям в этих двух странах присущи сила и энергия, которые отсутствуют в трех других.

² См.: Samuel Humes, Eileen M. Martin, *The Structure of Local Governments Throughout the World*, The Hague, 1961, p. 319—324; Harold Zink et al., *Rural Local Government in Sweden, Italy and India*, London, 1957; Edward Banfield, *The Moral Basis of a Backward Society*, Glencoe, Ill., 1958. См. также: Robert C. Fried, *The Italian Prefects*, unpublished Ph.D. dissertation, Yale University, 1961.

Как и в большинстве случаев, когда пытаются упорядочить серию объектов в рамках какой-то шкалы, самые трудные проблемы для классификации создают объекты, располагающиеся близ середины этой шкалы. В терминах степени автономии местного самоуправления будет, вероятно, правильным поместить Германию и Мексику между Соединенными Штатами и Великобританией на одном краю этой шкалы и Италией — на другом. Но нужно подходить к описанию характера этих двух стран с несколько большей осторожностью. Одна из причин — широкий диапазон варибельности, возможный в рамках федеративной системы, причем в Германии эта ситуация усугублялась наличием различающихся региональных традиций и несколько различающимся наследием, доставшимся ее землям от трех западных оккупационных держав. Во многих областях Германии существует сильная традиция местной автономии, точно так же как и присущая местным общинам тенденция подключаться к широкому кругу действий, особенно среди многих из старейших северогерманских городов, обладающих долгой историей местного самоуправления¹. Однако же трудно оценить сколько-нибудь точно, до какой степени твердо закрепилось местное самоуправление в других областях Германии.

Мексика, в отличие от Италии, но наподобие других трех стран, располагает правовым обеспечением для относительно автономных местных органов власти на уровне *municipio* (муниципального совета). В реальной практике, однако, у этих местных властных структур относительно мало влияния и они относительно неавтономны — в значительной степени из-за осуществляемого центром контроля над местными финансами, а также из-за всепроникающего влияния МРП, единственной в Мексике важной политической партии. Местные органы власти редко обладали в Мексике большим значением².

¹ См., например: Lorenz Fischer and Peter Van Hauten, «Cologne», in William A. Robson (ed.), *Great Cities of the World*, London, 1957, p. 645–682.

² Для рассмотрения влияния МРП на политическую жизнь одного из мексиканских городов см.: Scott, *Mexican Government in Transition*, p. 44–55; William H. Form and William V. d'Antonio, «Integration and Cleavage Among Community Influential in Two Border Cities», *American Sociological Review*, XXIV

Страны различаются также по степени, в которой местный аппарат принятия решений доступен для участия в нем местных жителей. В некоторых общинах — и снова эта ситуация варьируется внутри стран, но, возможно, еще более резко варьируется между странами — для индивида будет иметься больше возможностей участвовать в принятии решений. Сравнить страны в этом отношении несколько труднее, чем было сравнивать применительно к местной автономии. Заметно меньше исследований посвящено тому, в какой степени индивиды фактически участвуют в местных делах, поскольку такое участие в значительной степени зависит как от неформальных, так и от формальных каналов участия. Для такой классификации окажутся полезными некоторые данные из нашего собственного исследования, которые будут представлены в следующей главе. Вообще можно было бы ожидать, что степень, в которой местная власть открыта для участия гражданина в принятии решений, должна быть тесно связана со степенью местной автономии. И, надо сказать, впечатления от жизни сообществ и общин в этих пяти странах, равно как и данные, которые будут представлены в следующей главе, подкрепляют это суждение¹.

Следовательно, при интерпретации данных, представленных в этой и следующей главах, мы должны будем иметь в виду, что одна из причин, из-за которой индивиды различаются по частоте соблюдения ими норм участия, состоит в том, что организационная структура локальной власти и местного сообщества изменяется от одной страны к другой. Это не делает данные об установках хоть сколько-нибудь менее значи-

---

(1959), p. 804–814. Если бы наши знания и способность проводить измерения в этой сфере были точнее, мы, возможно, сумели бы проранжировать Мексику неподалеку от Италии или даже ниже нее. Однако более точные описания будут зависеть от более точных исследований.

¹ Но степень автономности местного самоуправления и степень, в которой индивиды способны участвовать в его деятельности, могут не зависеть одна от другой. Например, из исследования John Gimbel, *A German Community Under American Occupation; Marburg, 1945–1952*, Stanford, 1961 можно сделать вывод, что попытка американской оккупационной администрации внедрять местную демократию потерпела неудачу по той простой причине, что, хотя американцы и предоставляли власть местным элитам, эти элиты не были привержены идее о необходимости способствовать участию граждан.

мыми. Как мы уже говорили ранее, даже если описываемые нами установки частично определяются структурой правящей власти и социальной системы в каждой из стран, это не отменяет того факта, что указанные установки, в свою очередь, воздействуют на эти же структуры. Нормы, которых придерживается индивид, в значительной степени определяются той ролью, которую система позволяет ему играть (хотя соответствие между нормами и структурой редко бывает идеальным). Но эти нормы, в свою очередь, обладают эффектом обратной связи и воздействуют на структуру, дополнительно укрепляя ее, если соответствие между принятыми нормами и структурой хорошее, и внося в систему напряженность, если взаимное соответствие имеющихся норм и структуры не настолько хорошее. И наконец, как мы попытаемся продемонстрировать ниже, установки по отношению к местной власти нельзя объяснить исключительно зависимостью между индивидом и местной властной структурой (причем точно такой же вывод может быть и будет сделан и о национальном правительстве). Мы попытаемся показать, например, что степень уверенности индивидов в том, что они способны влиять на власти и правительство, а в особенности способы, к которым они будут прибегать в попытках оказать такое влияние, зависят не только от системы правления, но и от определенных социальных и установочных характеристик индивидов.

Различие между странами в чувстве гражданского долга и гражданских обязанностей

Наш вопрос респондентам касался участия в местных делах. Мы интересовались не только политическим участием, но также любым видом активной исходящей деятельности, которую только индивид был в состоянии упомянуть. Мы хотели знать, в какой степени индивиды убеждены, что у них есть какой-то вариант обязательств перед сообществом — обязательств, беспокоящих их больше, нежели личные проблемы семейной жизни и работы¹.

---

¹ Соответствующий вопрос звучал так: «Мы знаем, что у обычного человека есть много проблем, которые занимают его время. В свете этого какую роль, на ваш взгляд, должен играть обычный человек в местных де-

Таблица V.1 сводит воедино полученные нами ответы о той роли, которую индивиды должны играть в рамках своего местного сообщества. Мы расклассифицировали наших респондентов на следующие группы: 1) лица, убежденные в том,

Таблица V.1

Насколько активным должен быть рядовой человек в своем местном сообществе; по странам

Процентная доля говорящих, что рядовой человек должен...	США	Великобритания	Германия	Италия	Мексика
Быть активным в своем сообществе	51	39	22	10	26
Участвовать <i>только</i> пассивно*	27	31	38	22	33
Участвовать <i>только</i> в церковных делах*	5	2	1	*	—
Общее количество тех, кто упоминает какую-то исходящую деятельность	83	72	61	32	59
<i>Только</i> быть честным в личной жизни*	1	1	11	15	2
Ничего не делать в местном сообществе	3	6	1	11	2
Не знают	11	17	21	35	30
Другие ответы	2	5	1	7	7
Суммарная процентная доля	100	100	100	100	100
Общее количество случаев	970	963	955	995	1007

* Множественные ответы были возможны, но мы устранили их из этой таблицы, внося в нее только *самый активный* ответ респондентов (т.е. ответ, который попал бы в эту таблицу на самое высокое место). Так, индивид, который упоминал и активное, и пассивное участие, будет внесен в таблицу только в строку активного участия; тот, кто назвал церковные дела, а также честную и порядочную личную жизнь, попадет в ту строку таблицы, которая соответствует первому, а не последнему из ответов.

лах своего города или района?» Интервьюер пытался выяснить настолько точно и подробно, насколько это возможно, мнение данного конкретного респондента о том, что нужно делать в своем сообществе.

что рядовой человек должен принимать какое-то активное участие в деятельности своего сообщества (сюда включаются и лица, заявляющие, что рядовой человек должен посещать собрания, вступать в организации, вовлеченные в дела сообщества, и т.п.); 2) лица, полагающие, что в действиях сообщества надлежит участвовать более пассивно (например, следует интересоваться местными делами, пытаться понять их и оставаться информированным, голосовать); 3) лица, считающие, что рядовой человек должен участвовать только в церковной и религиозной деятельности; 4) лица, не думающие, что на рядовом человеке лежит хоть какая-то ответственность, которая требует его вовлечения в дела своего сообщества (сюда мы включаем тех респондентов, которые придерживаются мнения, что рядовой человек должен вести честную и порядочную личную жизнь, которые говорят, что он не должен принимать никакого участия в делах своего сообщества, и которые не знают, какую роль должен играть индивид в своем сообществе).

Из этой таблицы ясно, что в некоторых странах образ гражданина-как-участника распространен более широко, чем в других. В Соединенных Штатах и Великобритании большое количество респондентов убеждено, что индивид должен активно участвовать в делах своего сообщества. Половина проинтервьюированных американцев и 39% британцев упоминали какую-то из активных ролей, которую индивид обязательно должен играть. В Италии, находящейся на противоположном полюсе, мало тех, кто представляет себе гражданина в качестве активного участника. Только один итальянец из десяти полагает, что у рядового человека есть обязанность брать на себя активную роль в своем сообществе. Доли германских и мексиканских респондентов, у которых имеется некоторый образ активного гражданина, лежат между американским и британским показателями, с одной стороны, и итальянским — с другой. Один из пяти наших немецких респондентов и один из четырех мексиканцев представляют себе обычного человека как имеющего некоторую обязанность участвовать¹.

---

¹ Здесь интересна мексиканская картина, и позднее мы еще возвратимся к ней. Мексиканские респонденты упоминают обязанность участвовать чаще, чем это делают немецкие респонденты, и намного более часто, чем итальянские респонденты. Этот относительно высокий уровень чувства долга, сопря-

Если мы посчитаем нижеследующие утверждения: «Человек должен по меньшей мере интересоваться тем, что происходит в его сообществе» или «Нужно проявлять активность в церковных и религиозных делах» — индикатором (пусть даже довольно слабым) существования некоторой общепринятой нормы участия, то контрасты среди стран по-прежнему остаются поразительными. В Соединенных Штатах 83% респондентов говорят о рядовом человеке как об имеющем перед своим сообществом некоторые обязательства, которые отрывают его от исключительной вовлеченности в чисто личные дела, — даже если такая его ответственность минимальна. Доля подобных людей в Великобритании несколько меньше и составляет 72%; в Мексике и Германии приблизительно 60% респондентов говорят о некоторой отзывчивой и направленной вовне роли для индивида, тогда как в Италии это делают только 32% респондентов.

Какого рода действия своего сообщества имеют в виду наши респонденты, когда говорят, что рядовой человек должен играть какую-то роль в своем местном сообществе? Как показывает табл. V.2, лишь небольшое число респондентов в каждой стране упоминают партийную деятельность как ответственность индивида перед своим сообществом. В Соединенных Штатах и Великобритании респонденты часто упоминают участие в органах местной власти, посещение собраний и т.п. В Германии и Мексике эти действия упоминаются реже, но все-таки чаще, чем в Италии. В Соединенных Штатах весьма часто упоминается активное участие в жизни сообщества в невластном смысле — участие в гражданских группах и организациях или неформальная деятельность с целью помочь сообществу. Такая неправительственная деятельность опять-таки меньше всего упоминается в Италии, а Германия и Мексика идут вслед за Великобританией. Таким образом, применительно к активному участию наши пять стран могут быть ориентировочно сгруппированы следующим образом: Соединенные Штаты и Великобритания представляют собой страны, где в качестве нормативного идеала чаще всего выступает

женный, как мы обсудим ниже, с более низкой активностью и информированностью, является ощутимым аспектом наблюдающейся среди мексиканцев тенденции к гражданской устремленности вверх по социальной лестнице.

образ активно участвующего гражданина; в Германии и Мексике такой идеал тоже упоминается, но не столь часто; наконец, в Италии этот идеал распространен наименее широко.

Таблица V.2

Какую роль должен играть рядовой человек в своем местном сообществе; по странам

Процентная доля тех, кто выбирает...	США	Велико- британия	Герма- ния	Ита- лия	Мек- сика
Активное участие в местном сообществе ^а					
Принимать участие в деятельности местных органов власти	21	22	13	5	11
Принимать участие в деятельности политических партий	6	4	4	1	5
Принимать участие в неправительственной деятельности и в организациях, которые заинтересованы местными делами	32	17	9	5	10
Относительно пассивное участие в действиях сообщества ^а					
Пытаться понимать и оставаться информированным	21	11	24	6	29
Голосовать	40	18	15	2	1
Интересоваться тем, что происходит	3	13	6	15	4
Участие в церковных и религиозных действиях ^а	12	2	2	—	—
Суммарная процентная доля респондентов, упоминающих какую-либо исходящую деятельность ^б	83	72	61	32	59
Общее количество респондентов	970	963	955	995	1007

^а Процентные доли в этих категориях несколько выше, чем в табл. V.1, так как данная таблица содержит все ответы индивидов, а не только их самые активные ответы.

^б Суммарные процентные доли меньше, чем сумма по отдельным клеткам, поскольку последние охватывают множественные ответы.

Чтобы явно указать, какие конкретные области деятельности имели в виду респонденты, могут оказаться полезными некоторые иллюстративные материалы.

Британская домохозяйка: «Человек должен принимать какое-либо участие в общественной жизни и иметь мнение по вопросам городского планирования, образования и религии».

Американская домохозяйка: «Каждый должен принимать участие в церковных делах и в делах сообщества... Нам необходимо сыграть активную роль в том, чтобы наши школы стали лучше».

Мексиканская домохозяйка: «У людей должна иметься возможность для развлечения, но надо, кроме того, иметь достаточно свободного времени, чтобы заниматься политическими и социальными делами».

Немецкий рабочий: «Должны быть сформированы такие организации, чтобы они позволили [людям] вместе обсуждать их проблемы, — например, консультативные родительские советы [*Elternbeiräte*] в школах».

Итальянский учитель: «Каждому индивиду следует активным образом интересоваться общественными делами, и, когда это необходимо, он должен выступать со справедливой и строгой критикой».

Американский глава почтового отделения: «Гражданин должен играть активную роль... Он мог бы занять какую-то местную должность. Есть и другая гражданская работа, скажем, типа разных общественных кампаний или вроде Красного Креста. Здесь у нас есть волонтерская пожарная команда; любой человек мог бы помочь нам, подключившись к ней».

Последняя цитата, принадлежащая американскому руководителю почтового отделения, говорит о том, как существование структур, где можно участвовать, воздействует на те нормы участия, которых придерживаются индивиды. Наверняка никто не ожидает от индивида, что тот будет чувствовать обязанность участвовать в такой деятельности, как всяческие «общественные кампании», Красный Крест и добровольные пожарные команды, — причем в тех обществах, где на подобные действия смотрят как на нечто несуществующее.

Одна тема, проходящая через многие ответы, делающие акцент на активном участии в местном сообществе, — кстати говоря, это тема особенно широко представлена среди активистов в Соединенных Штатах и Великобритании, — состоит в том, что индивид должен быть активен как участник действий по принятию решений, что он обязан, действуя скорее независимым образом, принимать участие в управлении своим сообществом.

Английская женщина-работница: «Каждый должен принимать участие... Все должны собираться вместе и высказывать мнения насчет того, почему и как должно делаться то или это».

Американская домохозяйка: «Думаю, что человек должен голосовать. Если устраиваются какие-нибудь городские встречи, собрания или митинги, он должен их посещать... Если бы каждый делал потихоньку какие-то маленькие вещи, но по-своему, собственным способом, то в целом это маленькое сложилось бы во что-то большое. Многие люди сидят сложа руки и предоставляют другим делать всякие вещи за них, а потом жалуются».

Немецкий крестьянин: «Человеку непременно следует обсуждать политическую жизнь, но только он не должен со всем соглашаться и поддакивать — ему [надо] и самому тоже говорить».

С другой стороны, для некоторых респондентов деятельность на местном уровне означает какое-то менее формальное социальное участие — возможно, готовность выручать соседей.

Немецкий водитель: «Человек не должен только говорить и говорить, ему надо и действовать тоже. Например, во время уборки и заготовки сена человек не имеет права просто засунуть руки в карманы и наблюдать, как крестьяне вкалывают, — он должен засучить рукава и сам энергично браться за дело. В конце концов, это же вопрос благосостояния всей общины».

Английский бизнесмен: «Человек должен помогать в местных организациях — в детских клубах, бойскаутских отрядах. Необходимо помогать своим соседям и быть хорошим человеком».

Целый ряд респондентов, как это показано в табл. V.2, считали, что обязанность человека участвовать в жизни своего сообщества носит более пассивный характер; это обыч-

но означает некоторую обязанность быть информированным о происходящем или интересоваться этим.

Мексиканская домохозяйка: «[Человек должен] интересоваться тем, как сформировано правительство и всякие другие власти, а также проявлять активность, изучая книжки и газеты».

Английская домохозяйка: «Человек должен знать, что происходит кругом. А чтобы разбираться во всем этом — ходить на всякие митинги и собрания, которые устраиваются время от времени».

Итальянский рабочий: «Надо просто интересоваться».

Хотя степень автономии местных органов власти от страны к стране различна, во всех пяти странах проходят выборы в какой-то вид местного или коммунального совета. Как показывает табл. V.2, голосование на этих выборах рассматривается многими респондентами как ответственное дело и обязанность индивида перед своим сообществом. Но в том случае, если индивид считает, что его ответственность на местном уровне исчерпывается подобным актом голосования, мы регистрируем данный акт как относительно пассивную форму участия в жизни сообщества — хотя все-таки как форму участия, каковой этот акт наверняка является. В некоторых случаях, особенно среди тех немецких респондентов, которые упоминают голосование как обязанность, такая интерпретация сделана явной. Обязанность голосовать явным образом декларируется как исчерпывающая всякую ответственность индивида и фактически трактуется в качестве такого акта, который освобождает человека из любых других обязанностей в сообществе.

Американский инвалид, бывший рабочий: «Думаю, они должны вносить свой вклад. Кроме голосования, найдется не слишком много такого, что может сделать средний мужик... Ты должен проголосовать, а потом поддерживать любую стоящую вещь, которую пытается сделать твое сообщество».

Итальянский ветеринар: «Что должен делать человек? Выбрать своих представителей. И это все».

Немецкий рабочий на пенсии: «Выбирать мэра во время избирательной кампании. Это все, что человеку требуется сделать. А дальше обо всем заботится мэр».

Немецкий маляр: «Он должен голосовать, это самая важная вещь. Но от него самого не требуется быть политически активным».

Немецкая домохозяйка: «Не понимаю я этого. Мы должны работать. В конце концов, люди в совете просто поумнее нас. Они смогут хорошенько поработать. А ты должен только голосовать за правильных людей».

Как указывалось ранее, не все респонденты считают, что индивид несет какую-то «исходящую» ответственность перед своим местным сообществом. Как указывается в табл. V.1, значительная часть респондентов в Германии и Мексике, а особенно в Италии не сообщают о наличии у них какого-либо чувства местного гражданского долга. В этом смысле те нормы, которые они принимают в отношениях со своим сообществом, — это наверняка не нормы поведения участвующего гражданина. Весьма вероятно, что эти люди ориентированы на свои сообщества как подданные или parroхиалы. Таких можно найти во всех пяти странах, но чаще всего они встречаются в Италии (где 15% респондентов признают именно parroхиальные ценности, — это более многочисленная группа, нежели люди, думающие, что индивид должен быть активным участником) и в Германии (где 11% респондентов говорят о подобного рода parroхиальных ценностях). Далее мы приводит отдельные примеры интерпретации собственной ответственности перед сообществом как по существу parroхиальной или подданнической ответственности перед своей личной жизнью.

Английская домохозяйка: «Самое большее, что мой муж может сделать, — это ходить на работу и трудиться, не забывая себе голову никаким участием в местных делах. Мы одобряем назначение членов совета и предоставляем все это дело им».

Немецкий механик: «Надо, честно работая, заботиться о своей семье. Превращать своих детей в приличных людей».

Немецкий крестьянин: «Я плачу свои налоги, хожу в свою церковь и делаю свою работу как крестьянин».

Немецкий механик: «Работайте и прилично содержите свою семью. Если бы каждый так делал, то у государства было бы меньше проблем, неприятностей и расходов».

Немецкая домохозяйка: «Каждый должен делать свою работу».

Итальянский рабочий: «[Человек] должен уделять внимание своей работе... быть хорошим гражданином и заботиться о [своей] семье».

Итальянский ремесленник: «[Человек должен быть] честным и беспокоиться о своей работе».

Данные, содержащиеся в табл. V.2, говорят об одном важном соображении по поводу зависимости между гражданскими, подданническими и парохияльными нормами поведения. Если в какой-либо стране широко распространены ценности, связанные с активным участием, это не означает, что в ней отсутствует высокая оценка более пассивного участия или что отсутствуют подданнические и парохияльные ценности. В Соединенных Штатах, например, где активное участие называется чаще всего, достаточно часто упоминается и более пассивное политическое участие путем голосования, равно как и участие только в церковной и религиозной деятельности. И многие из тех респондентов, которые указывают на важность активного участия, упоминают также более парохияльные нормы. Это согласуется с нашим замечанием о том, что роль гражданина продолжает строиться, но она не заменяет ролей подданного и парохияла.

Наши данные ясно говорят о резких различиях между странами по поводу того, какие роли должны, по мнению респондентов, играть индивиды в своих местных сообществах. Однако наши данные не говорят о том, будто все, кто считает индивида обязанным принимать активное участие, в реальности сами возложили на себя такие активные роли. Как мы все знаем, разрыв между гражданскими нормами и гражданским поведением велик. Вот как высказался на сей счет один американский бизнесмен, который подчеркивал обязанность активно участвовать: «Я говорю, что нужно делать, а не что делаю я сам». Мы не утверждаем, что один из двух американцев активно участвует в делах своего местного сообщества или что таковы четыре из десяти англичан. Скорее мы формулируем, что в этих странах норма активного гражданского поведения широко распространена. И это гармонично увязано со структурой правительства и других властей.

Фактические возможности участвовать и нормы, обязывающие человека участвовать, взаимно подкрепляют друг друга, тем самым способствуя высокому уровню гражданского участия. В Италии, с другой стороны, относительная нехватка или даже отсутствие возможностей участвовать в автономном местном сообществе сопровождается отсутствием совокупности норм, благоприятствующих такому участию.

Таблица V.3

Процентная доля говорящих о том, что рядовой человек должен быть активным в своем местном сообществе; по странам и образованию

Страна	Общее количество		Начальное или ниже		Неполное среднее		Неполное высшее	
	%	Кол-во*	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	51	(970)	35	(339)	56	(443)	66	(188)
Великобритания	39	(963)	37	(593)	42	(322)	42	(24)
Германия	22	(955)	21	(792)	32	(123)	38	(26)
Италия	10	(995)	7	(692)	17	(245)	22	(54)
Мексика	26	(1007)	24	(877)	37	(103)	38	(24)

* Числа в скобках указывают базовые величины, на основании которых вычислялись процентные доли.

Картины демографического распределения

Кто в каждой из стран придерживается мнения об идеале гражданина как участника? Средний класс? Или же люди с более высоким образованием? Как указывает табл. V.3, в каждой из наших пяти стран с наибольшей вероятностью выражают свою приверженность нормам участия те, кто получил высшее или близкое к нему образование; и наименее правдоподобно услышать заявление о наличии у индивида какой-то обязанности активно участвовать в делах своего местного сообщества от людей с образованием на уровне начальной школы или ниже. Однако, несмотря на тот факт, что в этих пяти странах общие картины распределения на-

блюдаемой приверженности нормам участия похожи между собой, различия в абсолютных уровнях такой явно выраженной приверженности все равно велики — даже внутри схожих образовательных групп. А вот внутри каждой образовательной группы соотношения между странами, грубо говоря, одинаковы — чаще всего склонны выражать приверженность таким нормам американские респонденты, а за ними следуют британские, мексиканские, немецкие и итальянские респонденты в названном порядке. Кроме того, в отличие от некоторых других переменных, где различия между странами имеют тенденцию исчезать, когда все по-настоящему важные характеристики образования находятся под контролем, различия в частоте приверженности демократическим нормам участия даже в случае такого контроля все равно остаются. Фактически в Германии или Мексике вероятность того, что человек с университетским образованием выразит приверженность этим нормам, не выше, чем у человека с начальным образованием в Соединенных Штатах или Великобритании; что же касается итальянского респондента с университетским образованием, то для него такая приверженность даже менее вероятна.

Если демократическая политическая система — это такая система, где обычный гражданин участвует в политических решениях, то демократическая политическая культура должна состоять из совокупности таких убеждений, установок, норм, восприятий и т.п., которые поддерживают участие. Конечно, на частоту приверженности данной норме будут влиять структуры местного сообщества. Но если нормы участия не стали широко распространенными, то институциональные изменения в направлении, способствующем участию, не будут сами по себе создавать участническую демократию.

Невозможно сказать, каков обязательный уровень норм участия, а также уровень реального участия в политических делах, которые необходимы для эффективной демократии. Американцы чаще признают нормы участия, чем это делают индивиды в четырех других странах, и все-таки даже их часто обвиняют в том, что они не действуют в достаточной степени по-граждански. Но, если полученные нами результаты не могут четко сказать нам, что уровень участия в Соединенных

Штатах или Великобритании «достаточно хороший», они наверняка говорят нам о том, что в названных двух странах этот уровень безусловно выше, нежели в Германии, Мексике или Италии. И, как подсказывают эти и другие данные относительно участия, там, где нормы участия, воспринимаемая способность участвовать и фактическое участие высоки, подлинное процветание эффективной демократии более правдоподобно.

Наличие у индивида убежденности в том, что необходимо участвовать в политической жизни своего сообщества или страны, вовсе не означает, что он действительно станет так поступать. Прежде чем норма, гласящая, что человек должен участвовать, сможет оказаться претворенной в само такое действие, индивид, вероятно, должен будет почувствовать, что он способен действовать. Причем, хотя два этих условия взаимосвязаны, они ни в коем случае не идентичны. Человек может считать, что он должен участвовать, но воспринимать себя как неспособного поступать таким образом. Или же можно воспринимать себя как способного участвовать, но не чувствовать ни малейшей обязанности действовать именно так. Несомненно, приятие норм участия, сочетающееся у человека с убеждением, что фактически он не в состоянии участвовать, является крупным источником его политической неудовлетворенности. Как уже говорилось, существует опасность некой чрезмерной оценки значимости норм политической демократии в школах и даже их навязывания. Когда миф о демократии вступает в серьезный конфликт с реалиями политической жизни, результатом становится цинизм. Общество, в котором индивиды на самом деле реально участвуют в решениях, т.е. демократическое общество, скорее всего будет таким обществом, где индивиды убеждены, что они должны участвовать. Это, вероятно, будет также такое общество, где люди думают, что способны участвовать, и знают, как к этому приступить. Именно к этим вопросам субъективной гражданской компетентности мы теперь и обратимся.

ГЛАВА VI

ЧУВСТВО ГРАЖДАНСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Демократия — это такая политическая система, где обычные граждане осуществляют контроль над элитами, и такой контроль легитимен; т.е. он поддерживается нормами, которые приветствуются как элитами, так и неэлитами. Во всех обществах принятие конкретных решений, разумеется, сосредоточено в руках очень немногих людей. Ни рядовой гражданин, ни «общественное мнение» не могут реализовать политику. Если дело обстоит именно так, то проблема оценивания реальной степени демократии в стране становится проблемой измерения того, в какой степени обычные граждане контролируют людей, принимающих существенные для данного общества решения, — в большинстве случаев это правительственные и властные элиты.

Недавние работы по теории влияния говорят о том, что есть многообразные средства, с помощью которых можно оказывать межличностное влияние, и что многое зависит от того, какие именно из этих средств применяются. В данной главе нас будет интересовать специфический тип влияния, которое неэлиты могут оказывать на элиты, — тип, маркируемый нами как *политическое* влияние. Грубо мы определим политическое влияние группы или индивида на решение органов власти как соответствующее той степени, в которой чиновники действуют с целью принести пользу этой группе или индивиду, поскольку указанные должностные лица считают, что они рискуют некоторыми неприятностями (рискуют утратить должность, подвергнуться критике, потерять голоса), если не станут действовать именно таким образом. Следовательно, мы определяем политическое влияние и как результат определенного решения, и как мотивы тех, кто это решение принимал. Указанный результат принесет влиятельным группам или индивидам больше пользы, чем ее было бы в том случае, если бы влияние не оказывалось.

И лица, принимающие решения, действуют в пользу этих групп или индивидов, ибо они считают, что пострадают от каких-то неприятностей или, что сводится к тому же самому, не смогут получить вознаграждение. Последний критерий важен. Чиновники могут действовать на благо специфической группы по самым разнообразным причинам, например из чувства патернализма. Но только в том случае, когда чиновники действуют, потому что боятся последствий бездействия, группа может рассматриваться как политически влиятельная, а также как участник принимаемого решения¹. Если индивид в состоянии оказать такое влияние, мы будем рассматривать его как *политически компетентного*; с другой стороны, если он *верит*, что способен оказать такое влияние, то мы будем рассматривать его в качестве субъективно компетентного.

До сих пор мы определяли политическое влияние как способ, которым правительственные и властные элиты принимают решения. Наше исследование, однако, концентрируется на формах восприятия и поведения, причем не правящих элит, а обычного гражданина. Нас интересует восприятие рядовым человеком его собственного влияния. Думать, что ты в состоянии влиять на правительство и власти или даже пытаться влиять на них — это совсем не то же самое, что фактически оказывать на них влияние. Гражданин может думать, что он обладает влиянием на решения, или же он может пытаться оказать влияние на решения, а чиновник может при этом оставаться равнодушным или даже непреклонным. И наоборот, гражданин может считать, что все

---

¹ Эта модель, конечно же, представляет собой очень большое упрощение. Если бы требовалось изучать «реальную» ситуацию влияния, а не восприятие этой ситуации обычным человеком, то пришлось бы чуть-чуть усложнить подход. Правительственные и властные чиновники реагируют на многие различные группы по многим различным причинам. Кроме того, даже там, где существует демократическое политическое влияние со стороны простого народа, властное официальное лицо будет обладать обоюдным влиянием, а это приводит к ситуации сложного торга. Однако, поскольку мы не изучаем «реальную» ситуацию влияния, то в таких усложнениях нет необходимости и ничто не заставляет нас задаваться вопросом, какие граждане оказывают влияние, на каких именно чиновников и применительно к какой проблеме.

решения органов власти принимаются без какого бы то ни было учета его собственных потребностей и желаний или же потребностей и желаний его сограждан, тогда как на самом деле чиновники всех уровней постоянно пытаются предугадать и просчитать, каким образом разные группы будут реагировать на их действия.

Если степень убежденности граждан в том, что они в силах влиять на принятие решений органами власти, не обязательно соотносится с фактическим уровнем их влияния, то зачем исследовать их субъективные представления относительно своей компетентности? Во-первых, нас интересует состояние психологических установок в той или иной стране. Если демократия означает высокие уровни фактического участия в решениях, то установки демократического гражданского населения должны включать и восприятие того, что они реально могут участвовать. Демократический гражданин говорит на языке требований. Правительственные и прочие чиновники соглашаются с его требованиями, поскольку в противном случае они боятся какой-либо неприятности или потери — возможно, потери его голоса — или считают выдвижение им таких требований законным. Подданный тоже может хотеть и ожидать от властных структур выгодных для себя результатов. Но он не ожидает, что они будут пожалованы ему, поскольку он их требует. Чиновник, который действует на пользу подданному, реагирует вовсе не на его требования, а на некую совсем другую силу. В традиционном обществе с высокоразвитым набором норм того, что полагается делать каждому его члену и что ему причитается, официальное лицо, действуя в пользу индивида, может на самом деле реагировать на эти традиционные правила. Или же в авторитарно-легалистской политической системе, где поведение представителей органов власти определяется явно сформулированными правилами, каждый из чиновников может действовать так, как он действует, по той причине, что данный индивид попадает в некую специфическую категорию, к которой, согласно правилам, надлежит относиться четко определенным образом. В таких ситуациях чиновник действует, отнюдь не руководствуясь своими ка-

призами. Его решение помочь данному индивиду определяется имеющимся набором социальных или юридических правил. И указанные правила могут, конечно же, принудительно проводиться в жизнь какой-то административной иерархией, к которой этот подданный может обратиться. Такой вид подданнического влияния, или, иначе говоря, административной компетентности, более ограничен и более пассивен, чем компетентность гражданская. Она может запустить некое действие, которое окажет влияние на то, каким путем некое правило интерпретируется или проводится в жизнь для того или иного индивида. Но это вовсе не творческий акт влияния, который может воздействовать на содержание самих решений — разве что косвенным способом.

Во-вторых, само восприятие способности оказывать политическое влияние существенно — даже в том случае, если индивиды редко пытаются использовать это влияние или же часто терпят неудачу, когда действительно предпринимают такие попытки. Значительная часть того влияния на правительство и властные структуры, которым, по убеждению наших респондентов, они располагают, представляет собой, вероятно, их несколько нереалистичную веру в свои возможности участвовать. Скорее всего, многие из тех, кто говорит о своей способности влиять на правительство и местные власти, никогда не станут пытаться оказать такое влияние, и, скорее всего, если бы они и попытались, то не преуспели бы в этом. Тем не менее такая вера в способность рядового человека участвовать может иметь существенные последствия для политической системы. Хотя восприятие индивидами их собственной политической способности, возможно, и не отражает объективную ситуацию, оно не может быть полностью оторванным от этой ситуации. Если индивид верит, что он оказывает влияние, то он с большей вероятностью попытается использовать его¹. Следовательно, субъективно компетентный гражданин с более высокой вероятностью будет активным гражд-

---

¹ Свидетельства того, что у лиц, верящих в свою возможность влиять, с большей вероятностью обнаруживается опыт реальных попыток оказать влияние, будут представлены ниже, в табл. VI.2.

данином. И если государственные чиновники необязательно отреагируют на активные попытки влияния, то на них они все-таки отреагируют с большей вероятностью, чем на пассивное гражданское население, которое вообще никаких требований не выдвигает. Если, с другой стороны, обычный гражданин будет ощущать, что политика правительства и любых властей лежит далеко за пределами его сферы влияния, то он вряд ли попытается влиять на эту политику, а государственные чиновники вряд ли станут беспокоиться по поводу того потенциального давления, которое может быть результативно оказано на них. Таким образом, степень, в которой граждане какой-либо страны воспринимают себя как лиц, компетентных и правомочных влиять на властные структуры, воздействует на их политическое поведение.

Кроме того, существование у граждан веры в потенциал своего влияния может оказать воздействие на политическую систему, даже если оно не воздействует на активную политическую деятельность рядового человека. Если лица, принимающие решения, верят, что рядовой человек *мог бы* участвовать — а они наверняка не до конца отрезаны от доминирующих социальных убеждений, — то они, скорее всего, станут вести себя совершенно по-другому, чем если бы такой веры у них не существовало. Даже если рядовые индивиды не действуют согласно этой вере, те лица, которые принимают решения, могут действовать, исходя из предположения, что люди способны на такие действия, и тем самым проявлять больше отзывчивости к гражданскому населению, чем они проявляли бы, если бы миф об участии вообще не существовал. Но, будь то миф или реальность (а утверждения, о которых мы станем говорить в этой связи, окажутся, вероятно, сочетанием того и другого), степень того влияния, которое, по мнению индивидов, они в состоянии оказывать на властные структуры, и способы, с помощью которых они, по их убеждению, могут в таких случаях действовать, представляют собой важные элементы гражданской культуры.

В этой главе нас интересуют имеющиеся у индивидов представления о степени того влияния, которое они в со-

стоянии оказать на решения органов государственной власти. В связи с их попытками оказывать влияние на властные структуры может быть поставлено несколько вопросов.

1. При каких обстоятельствах индивид предпримет некоторое сознательное усилие с целью повлиять на властные структуры? Попытки прямого политического влияния редки. Для обычного гражданина всякие действия властей — даже местного ее органа — могут казаться весьма удаленными. В тот момент, когда решение принимается, гражданин не осознает, что именно сейчас делается или каковы будут для него правдоподобные последствия этого. Таким образом, вполне вероятно, что только в ситуациях какого-то напряжения или стресса, когда деятельность органов государственной власти воспринимается как оказывающая прямое и серьезное воздействие на индивида, это стимулирует его на попытку прямого влияния.
2. Какой метод будет использоваться при попытке повлиять? К числу некоторых основных сторон этого вопроса относятся следующие: разновидности тех каналов влияния, которые используются, является ли данная попытка насильственной либо ненасильственной и пытается ли данный индивид влиять на власти в одиночку или же он пробует завербовать в поддержку себе других людей.
3. Каково конкретное воздействие предпринятой попытки повлиять? Степень, в какой государственный чиновник меняет свое поведение, реагируя на некую попытку граждан оказать влияние, — это проблема, выходящая за пределы нашего исследования. Однако, поскольку мы концентрируемся на перспективе, открывающейся с точки зрения гражданина, рассмотрим его взгляд на правдоподобность того, что предпринятая им попытка повлиять на властные структуры даст какой-нибудь результат.

Распределение субъективной компетентности

При разработке нашего опросного инструментария мы приняли во внимание тот факт, что возникновение прямых попыток влиять на властные структуры более правдоподобно в ситуациях какого-то стресса, когда индивид ощущает, что деятельность этих структур угрожает ему вредом или несправедливостью. Наши вопросы пытались поместить индивида в подобную гипотетическую ситуацию стресса таким образом, чтобы мы могли установить, как, по его мнению, он станет реагировать. Мы просили респондента предположить, что его местный орган власти или национальный законодательный орган его страны рассматривали закон, который, как ему казалось, был очень несправедливым и вредным. Что, на его взгляд, он мог бы предпринять в этой связи? Если респондент думал, что мог бы совершить какие-то действия, то мы пробовали установить, какие именно. Затем мы спрашивали у него, насколько большой эффект принесет, на его взгляд, любое из тех действий, которые он предпримет, и насколько правдоподобно, что он действительно осуществит какие-нибудь действия. Аналогичный набор вопросов мы предлагали по поводу несправедливого и вредного постановления, которое рассматривалось местным органом власти самого нижнего уровня¹. Эти вопросы

---

¹ Точная формулировка этих вопросов такова:

«По поводу национального правительства

Предположим, что в ... [для каждой из стран указывался подходящий национальный законодательный орган] рассматривается закон, который вы считаете несправедливым или вредным. Что, по вашему мнению, вы могли бы предпринять?

Если бы вы предприняли усилие с целью изменить этот закон, то насколько правдоподобно, что вы преуспели бы?

Если бы такая ситуация возникла, то насколько правдоподобно, что вы фактически попробовали бы предпринять в этой связи какие-нибудь действия?»

По поводу местного органа власти

«Предположим, что в ... [указывался ближайший местный орган власти для города, деревни и т. д.] рассматривается постановление, которое вы считаете несправедливым или вредным. Что, по вашему мнению, вы могли бы предпринять?»

ставились о политических ветвях государственной власти, о выборных органах власти на национальном и местном уровнях. Посредством указанных вопросов мы надеялись получить некоторое представление о взглядах самого респондента на степень его политической компетентности и, что более важно, на ту стратегию влияния, которая для него открыта.

Результаты по местной и общенациональной субъективной компетентности, полученные с помощью этих вопросов, сообщаются в табл. VI.1. Два ее аспекта требуют комментария. Во-первых, чувство субъективной компетентности встречается во всех пяти странах применительно к местному органу власти чаще, чем к национальному правительству. Это подтверждает широко распространенные взгляды о более тесной связи граждан со своими местными властями — из-за их большей территориальной близости, доступности и хорошего знакомства с ними. Американские и британские респонденты чаще всех прочих говорят, что они способны кое-что сделать именно с несправедливым местным постановлением. Больше трех четвертей тех, у кого мы брали интервью в каждой из двух названных стран, выражали мнение, что найдут какое-то спасительное средство, если будут убеждены, что местный орган власти рассматривает закон, который они считают несправедливым; только 17% говорят, что ничего не смогут сделать. В трех других странах более 30% интервьюируемых сообщают, что в такой ситуации они не смогут ничего предпринять¹.

Если бы вы предприняли усилие с целью изменить это постановление, то насколько правдоподобно, что вы преуспели бы?

Если бы такая ситуация возникла, то насколько правдоподобно, что вы *фактически* попробовали бы предпринять в этой связи какие-нибудь действия?»

¹ Многие из респондентов совершенно ясно и недвусмысленно заявляли о своей убежденности в том, что они ничего не в состоянии сделать — либо потому что считают себя слишком бессильными, либо по той причине, что считают действия властных структур находящимися вне сферы их личной компетентности. Далее приводится несколько примеров таких ответных реакций.

Немецкая домохозяйка: «Вообще ничего. Местный совет принимает свое решение, а человек ничего не может с этим поделать».

Таблица VI.1

Процентная доля заявляющих, что они в состоянии что-либо сделать в случае несправедливого местного или общенационального постановления; по странам*

Страна	• Может что-либо сделать в случае местного постановления	Может что-либо сделать в случае общенационального постановления
США	77	75
Великобритания	78	62
Германия	62	38
Италия	51	28
Мексика	52	38

* В каждом случае процентные доли относятся к полной выборке.

Второе соображение, которое можно извлечь из табл. VI.1, таково. Хотя во всех пяти странах доля заявляющих о своей способности повлиять на местный орган власти выше, чем доля выражающих общенациональную компетентность, в американской, британской и мексиканской выборках эта разница относительно мала, а в Германии и Италии — сравнительно велика. Если быть краткими, то три четверти американских респондентов выражают местную и общенациональную компетентность; в случае британских респондентов больше трех четвертей и немного меньше двух третей выражают соответственно местную и общена-

Немецкая домохозяйка: «Мне совсем нечего сказать, потому что я ничего в этом не смыслю, да и в любом случае я не смогла бы сделать это так, как надо».

Американский полупенсионер: «Ничего. Это все потому, что мы возлагаем свое доверие на избранных нами людей и теперь нам остается только считать, что они разбираются во всяких таких делах лучше нашего — даже при том, что мы не всегда с ними соглашаемся».

Американская домохозяйка: «Ничегошеньки. Не надо мне никаких ваших “мамаши”, ничего не надо. Вообще ничего».

Британский офисный служащий на пенсии: «У меня было бы немного шансов что-нибудь сделать, потому что я человек маленький».

Итальянская домохозяйка: «А что бы вам хотелось, чтоб я сделала? Я же ничего не значу и ни на что не гожусь».

Мексиканская домохозяйка: «Ничего. У меня нет никого такого, с кем я могла бы переговорить. Понятия не имею, как надо действовать в таком случае».

циональную компетентность. В Германии почти две трети респондентов выражают местную компетентность, тогда как про общенациональную компетентность говорит лишь немногим более одной трети. В Италии доля таких респондентов сокращается — от половины до менее чем одной трети. И в Мексике их доля тоже уменьшается — от немногим более половины до немногим более одной трети. Тем самым полученные нами результаты подтверждают обобщенное суждение о наличии большего чувства компетентности применительно к местным органам власти, причем наиболее очевидным образом это проявляется в Италии и Германии.

То обстоятельство, что индивид субъективно компетентен, не означает, что он будет фактически пробовать изменить закон, который считает несправедливым. Наша ситуация была гипотетической, и на самом деле мы не знаем, как в действительности поступили бы наши респонденты, если бы им когда-либо довелось фактически столкнуться с ситуацией такого непростого вызова. Но все-таки мы действительно выяснили их мнения о том, думают ли они, что станут действовать, или же это не так. Во всех странах многие из говоривших, что в случае несправедливого постановления они могут предпринять какие-то действия, тут же сообщали, что фактически они, скорее всего, не сделали бы ничего. Однако число сообщающих о наличии по меньшей мере некоторой вероятности того, что они предприняли бы какое-то реальное усилие, отражает ту же самую картину по странам, о которой говорилось выше. Если мы рассматриваем реакции на вопрос о местном органе власти (ответы о национальном правительстве образуют такую же картину), то находим, что 58% американских респондентов и 50% таких в Великобритании говорят о некоторой правдоподобности того, что они на самом деле предприняли бы усилие повлиять на несправедливое постановление. В Германии такое утверждение высказывают 44% респондентов и в Италии — 41%. (К сожалению, в Мексике такой вопрос в сопоставимой форме не задавался.)

И последнее. Существует некоторое свидетельство того, что субъективная оценка склонности действовать в этой непростой и бросающей вызов политической ситуации тесно свя-

зана с реальными попытками влиять на властные структуры. Во всех пяти странах существенно бóльшая доля тех респондентов, которые говорят, что смогут предпринять кое-какие действия в случае несправедливого местного постановления (позвольте нам для удобства называть их здесь и далее «местно компетентными»), сообщают о наличии у них какого-то реального опыта попыток влиять на местные органы власти. (Мы обнаруживаем такую же картину в данных по отдельным странам.) Эти данные приводятся в табл. VI.2. Если во всех странах сравнить лиц, говорящих, что они могли бы повлиять на местные органы власти, с теми, кто говорит о своей неспособности проделать это, то окажется, что первые будут предпринимать попытку оказать такое влияние с вероятностью, которая, по крайней мере, в три раза выше, чем у вторых.

Таким образом, среди американского и британского населения чувство местной и общенациональной гражданской компетентности широко распространено. В Германии и Италии широко распространена местная компетентность, тогда как распространенность общенациональной компетентности существенно меньше. Что касается Мексики, то, хотя общий уровень гражданской компетентности там ниже, чем в Соединенных Штатах и Великобритании, расхождение между местным и общенациональным уровнями (как о нем сообщается в табл. VI.1) в этой стране меньше, нежели

Таблица VI.2

Процентная доля говорящих, что они предпринимали попытки повлиять на местные органы власти; для местно компетентных и местно некомпетентных

Страна	Местно компетентные		Местно некомпетентные	
	%	Кол-во*	%	Кол-во
США	33	(745)	10	(225)
Великобритания	16	(748)	3	(215)
Германия	21	(590)	2	(365)
Италия	13	(508)	4	(487)
Мексика	9	(531)	2	(476)

* Числа в скобках указывают базовое количество, на основании которого вычислялись процентные доли.

в Германии и Италии. Представляется также, что в ней существует зависимость между субъективной компетентностью и политическим действием.

Как и можно было ожидать, местная компетентность и общенациональная компетентность довольно тесно связаны между собой. Человек, который верит в свою способность повлиять на национальное правительство, с большей вероятностью будет думать и о том, что сможет оказать влияние на местные органы власти, чем человек, не чувствующий себя компетентным на общенациональном уровне. И наоборот, человек, который чувствует себя компетентным в местном масштабе, будет также с большей вероятностью считать, что сможет повлиять на национальное правительство, нежели человек, не обладающий ощущением местной компетентности. Ранее указывалось, что местная компетентность распространена более широко, чем общенациональная. Кроме того, местная компетентность наиболее широко распространена в тех странах, где автономия местных органов власти и доступность чиновников этих местных органов для обычных граждан наиболее прочно институционализированы (см. главу V). Объединяя вместе эти три факта: местная и общенациональная компетентность взаимосвязаны, местная компетентность распространена шире, чем общенациональная, и местная компетентность связана с институциональной доступностью возможностей для участия на местном уровне, мы получаем аргумент в пользу классического положения, гласящего, что в создании и развитии компетентного гражданского населения основную роль играет политическое участие на местном уровне. Как утверждали многие авторы, местные органы власти могут действовать в качестве тренировочной площадки для оттачивания политической компетентности. Там, где местные органы власти допускают участие, это может способствовать ощущению компетентности, которое затем распространяется и на общенациональный уровень, — тому самому ощущению компетентности, которому было бы гораздо труднее развиваться, если бы для индивида имелась единственная возможность вовлечения во взаимодействие с властными органами — общение с более отдаленными и труднодоступными структурами национального правительства. Обсуждать ука-

занный вопрос — значит предполагать и теоретизировать за пределами наших данных об общенациональной и местной компетентности. Но в одной из последующих глав мы представим данные, свидетельствующие о том, что вера индивида в свою способность воздействовать на властные структуры вытекает — по крайней мере частично — из возможностей проявлять свое влияние в рамках не столь крупных структур власти, принадлежащих к более низким ее уровням — вроде семьи, школы и места работы¹.

Стратегия влияния

Еще один аспект политической компетентности — это стратегия, которую индивид использовал бы в своих попытках влиять на властные структуры. *Способ*, к которому, по их словам, намерены прибегнуть для проявления своего воздействия на власти наши респонденты, сообщающие о наличии у них потенциальной возможности повлиять на властные структуры, разумеется, важен. Есть разница между тем, имеет ли некто лишь самое смутное и неопределенное понятие о том, что он в состоянии сделать, или же у него есть ясное представление о каналах, открытых ему при возникновении у него желания выразить свою точку зрения. Столь же существенно и то, чтобы человек четко осознавал, какие ресурсы, на его взгляд, доступны ему для использования. Кроме того, стратегия, которую индивид стал бы применять, окажет, естественно, воздействие на то, в какой степени его субъективное мнение о собственной способности влиять на власти отображает реальный потенциал его влияния, — т.е. представляет собой такой род деятельности, у которой есть некоторый шанс изменить поведение официальных лиц из властных структур. Мы будем иметь дело в первую очередь с теми, кто думает о наличии у них влияния, — с теми, кого мы назвали компетентными, — и станем спрашивать у них, каким образом они проявили бы это свое влияние.

Те стратегии влияния, к которым, по сообщению индивидов, они прибегли бы в связи с местными органами вла-

¹ См. ниже, главу XI.

сти, сведены в таблицу VI.3. (Сопоставимые данные по поводу национального правительства будут представлены ниже.) Позвольте нам сначала рассмотреть вопрос о том, какими социальными ресурсами, по его собственным ощущениям, располагает индивид. Весьма важно понимать природу его ощущаемого отношения к властным структурам своей страны. Любые органы власти являются огромными и могучими, особенно по сравнению с отдельным индивидом. Это тем более справедливо применительно к национальному правительству, но даже местные власти представляет собой институт, ресурсы которого намного превосходят все, чем располагает рядовой человек. При взгляде на индивида и окружающие его властные структуры возникает искушение смотреть не него как на одинокого, бессильного и несколько напуганного необъятностью тех возможностей и полномочий, перед лицом которых он стоит. Фактически именно таково одно из самых частых описаний среднего человека в современных политических обществах. В теории «массового общества» индивид описывается как напрямую привязанный в качестве индивида к государству и зависящий от него. У индивида нет никаких других социальных ресурсов, которые поддержали бы его в этих зависимых отношениях, и он, естественно, чувствует себя неэффективным и встревоженным¹. Однако, какой бы обоснованной ни выглядела эта теория, касающаяся фактического объема властных полномочий, которыми обладает средний человек, и социальных ресурсов, которые ему доступны, наши данные говорят о том, что большое число наших респондентов не рассматривают себя такими, какими их описывает модель массового общества. В своих отношениях с властными структурами собственной страны они не думают о себе ни как о бессильных, ни, что гораздо важнее, как об одиноких².

---

¹ Об этой общей теме см.: William Kornhauser, *The Politics of Mass Society*, Glencoe, Ill., 1959. (У нас эта книга известна под названием «Политика массового общества», под которым был опубликован отрывок из нее, см.: Политологические чтения, 1992, №1. — *Перев.*)

² Со времени написания данной книги прошло немало времени, и эта модель «массового общества» уже давно не рассматривается всерьез. Кроме того, она и тогда применялась в первую очередь к тоталитарным и близким к ним обществам. — *Прим. перев.*

Этот факт отражается в данных, которые приведены в табл. VI.3. Целый ряд наших респондентов убеждены, что в своих попытках воздействовать на властные структуры они могут рассчитывать на поддержку других людей и привлекать их. Самое поразительное в этих данных — вариабельность от страны к стране в сведениях о количестве тех людей, которые считают, что могут обратиться к окружающим с просьбой помочь им. В Соединенных Штатах 59% наших респондентов указали, что могли бы попробовать заручиться поддержкой других людей, если бы хотели изменить какое-то постановление, которое считали несправедливым. Существует и противоположный полюс: только 9% итальянцев упоминали о возможности использования данного социального ресурса. В других странах пропорции сообщавших, что они пытались бы для поддержки привлечь на свою сторону других лиц, колебались от 36% в Великобритании до 28% в Мексике и 21% в Германии¹.

Кого граждане пытались бы привлечь на свою сторону, чтобы те их поддержали? Как мы знаем, все индивиды являются членами большого количества социальных групп. Они не просто граждане своих стран, они еще и члены семей, местных сообществ, церковных общин, добровольных ассоциаций, профсоюзов и большого числа самых разнообразных иных групп и организаций. В принципе эти ассоциации могут быть разделены на два класса: формальные организации и неформальные группы личного общения.

Много было написано о важной роли формальных организаций в политическом процессе — особенно о роли политических партий и ассоциационных групп интересов. И те и другие играют важные промежуточные роли во взаимодействиях между индивидом и властными структурами. Они агрегируют требования граждан и сообщают их властным чиновникам. С недавних пор наблюдается растущий интерес к неформальной

---

¹ Так как словесная формулировка вопроса может серьезно повлиять на получаемый ответ, здесь важно отметить, что ни вопросы наших интервьюеров, ни сопровождавшее их дополнительное зондирование никоим образом не подсказывали возможность заручиться поддержкой других людей. Интервьюеров тщательно проинструктировали не задавать таких вопросов, как, например: «Есть ли кто-либо, к кому вы могли бы обратиться за помощью?» или «Как бы вы попытались сделать это — в одиночку или же с привлечением других людей?».

Таблица VI.3

Что стали бы делать граждане при попытках повлиять на свои местные органы власти; по странам

Что стали бы делать граждане...	США	Велико-британия	Германия	Италия	Мексика
Пробовать заручиться помощью других					
Организовать неформальную группу; поднять друзей и соседей, призывать их к отправке писем протеста или к подписанию петиции	56	34	13	7	26
Работать через политическую партию	1	1	3	1	—
Работать через формальную группу (профсоюзную, церковную, профессиональную), к которой они принадлежат	4	3	5	1	2
Суммарная процентная доля тех, кто пытался бы заручиться помощью других ^a	59	36	21	9	28
Действовать в одиночку					
Напрямую контактировать с политическими лидерами (выборными официальными лицами) или с прессой; написать письмо местному политическому лидеру или посетить его	20	45	15	12	15
Напрямую контактировать с административными (неизбираемыми) чиновниками	1	3	31	12	18
Консультироваться с адвокатом; обращаться через суды	2	1	3	2	2
На следующих выборах голосовать против официальных лиц, вызывающих неприязнь	14	4	1	1	—
Предпринять некоторую насильственную акцию	1	1	1	1	1
Просто протестовать	—	—	—	12	—
Прочее	1	2	—	3	5

Окончание табл. VI.3

Что стали бы делать граждане...	США	Велико- британия	Герма- ния	Ита- лия	Мек- сика
Суммарная процентная доля тех, кто действовал бы в одиночку ^б	18	41	41	43	24
Суммарная процентная доля тех, кто действовал бы вместе с другими или в одиночку	77	78	62	51	53
Общее количество респондентов	970	963	955	995	1007

^а Суммарные процентные доли меньше, чем итог по всем индивидуальным клеткам, так как некоторые респонденты давали больше одного ответа.

^б Эта строка включает только тех респондентов, которые ответили, что могли бы кое-что осуществить, но не упоминали о работе вместе с другими людьми. Следовательно, это суммарное количество меньше, чем сумма по всем индивидуальным клеткам, содержащим тех респондентов, которые могли упомянуть как групповую, так и индивидуальную деятельность.

сети тех социальных групп личного общения, к которым принадлежит индивид, — это семья, друзья, рабочая группа и соседи. Здесь основной акцент делался на воздействии таких групп на политические установки своих членов и на процесс нисходящей коммуникации, т.е. коммуникации, ведущей к индивидам из таких формальных институтов, как властные структуры, политические партии и средства массовой информации¹. Мало говорилось о роли таких неформальных ассоциаций в том, что мы могли бы назвать процессом «восходящего влияния», — процессом, посредством которого граждане в условиях демократии влияют на установки и поведение официальных лиц из властных структур. Но полученные нами результаты показывают следующий поразительный факт: когда дело доходит до той поддержки, на которую индивиды, по их мнению, могли бы рассчитывать в трудной и требующей вмешательства политической ситуации, они гораздо чаще думают о привлечении поддержки от неформальных групп личного общения, членами которых являются, чем от формальных организаций, к которым они принадлежат или с которыми аффилированы.

¹ На тему политических функций различных неофициальных групп см. Sidney Verba, *Small Groups and Political Behavior*, Princeton, N. J., 1961. Ch. 2.

Во всех странах, за исключением Германии, менее 1% респондентов указывает, что если бы они пытались противодействовать некоему несправедливому постановлению, рассматриваемому местным органом власти, то действовали бы через свою политическую партию; германский показатель — около 3%. Ясно, что независимо от того, насколько важной может быть роль политических партий в демократических обществах, относительно немногие граждане думают о них в первую очередь как о месте, где они могут рассчитывать на поддержку своих попыток влиять на властные структуры¹.

Во всех странах большее количество респондентов сообщало, что они пытались бы работать через другие формальные организованные группы, нежели через политические партии. Но если рассмотреть весь диапазон формальных организаций, к которым могут принадлежать люди, то число тех, кто сообщает о намерении заручиться их поддержкой, очень невелико — не больше 3% респондентов в любой из стран. Конечно, не все респонденты имеют в своем распоряжении какую-то формальную организацию; в некоторых странах подобные организации встречаются чаще, нежели в других. И процентная доля тех, кто сообщает о своем членстве в подобных организациях, от страны к стране существенно меняется. Кроме того, не все формальные организации одинаково важны в политическом смысле.

Но даже среди респондентов, принадлежащих к такой формальной организации, которая, по их словам, сообщает о вовлеченности в политическую жизнь, число тех, кто в напряженной ситуации прибег бы к такому членству, намного меньше общего количества лиц, числящихся членами. В Соединенных Штатах, где такое членство встречается

---

¹ Нечастое упоминание политических партий в этом контексте, вероятно, до некоторой степени преуменьшает роль партий в этом процессе влияния. Намного больше респондентов упоминало о контактировании с чиновниками из правительственных и иных властных структур. Если они явным образом указывали, что партийная принадлежность такого чиновника сыграла для них немаловажную роль в получении доступа к нему, то при обработке интервью подобных лиц кодировали как работающих через партию. Но многие могли считать такую принадлежность релевантной, даже если и не упоминали о ней.

чаще всего, 228 респондентов сообщают о членстве в организации подобного типа, но только 35 из этих американцев сообщают, что если бы они пробовали влиять на какое-либо местное постановление, то работали бы через эту организацию. В Италии, где случаи такого членства наименее часты, мы обнаруживаем ту же самую картину. Пятьдесят шесть итальянцев принадлежат к какой-то организации, которая, по их мнению, вовлечена в политические дела, но только 13 таких членов работали бы через эту организацию, если пробовали бы влиять на некое местное постановление. Чаще всего к помощи формальной организации прибегли бы в Германии, но и там это сделала бы только половина всей совокупности членов любой политически важной организации.

Тот факт, что формальные организации редко призывались бы на помощь индивидами, предпринимающими попытки влиять на властные структуры, не означает, однако, что эти организации политически малозначимы. Они по-прежнему могут воздействовать на политическую влиятельность индивида, поскольку тот может оказывать большее влияние на чиновников из властных структур просто благодаря членству в такой группе — даже если он не предпринимает никаких откровенных попыток влиять на органы власти. И этот вид влияния имеет большое значение — вероятно, в итоге он более значим, чем те откровенные попытки влияния, которые время от времени предпринимаются обычными гражданами. Кроме того, хотя индивид и не стал бы использовать свою формальную организацию как средство влиять на властные структуры напрямую, его членство в ней само по себе увеличивает перспективы того, что он сам поверит в собственную способность влиять на органы власти и фактически осуществит какую-либо подобную попытку. Таким образом, по целому ряду самых разных причин, которые подвергнутся обсуждению ниже, он сможет выработать в себе большую уверенность в собственной политической компетентности¹.

---

¹ Обсуждение воздействия добровольных ассоциаций см. ниже, в главе X.

Кооперативное политическое поведение. Как показывает табл. VI.3, во всех странах респонденты реже упоминают о привлечении на свою сторону формальных групп, чем неформальных, — о пробуждении чувств у своих соседей, об обращениях к друзьям и знакомым с просьбой о поддержке своей позиции, о распространении какой-нибудь петиции. Это само по себе поразительно, хотя по приведенным выше причинам такая ситуация не должна считаться неявным подтверждением того, что эти неформальные группы играют в политическом процессе более значительную роль, чем формальные организации. Но самой удивительной является не частота, с которой во всех странах упоминаются неформальные группы, а резкие различия между странами в значениях этой частоты.

Так, табл. VI.4 показывает, что 56% американских респондентов, 34% британцев и 26% мексиканцев сообщали о своем намерении использовать именно стратегию неформальных групп — по сравнению с 13% немцев и 7% итальянцев. Если мы рассмотрим долю местно компетентных лиц, которые говорят, что в попытках влиять на властные структуры они будут сотрудничать со своими согражданами¹, то обнаружим, что 74% американских местно компетентных лиц использовали бы неформальные группы, тогда как из числа итальянских местно компетентных так поступили бы всего 13%, а из числа немцев — только 22%. Хотя в Мексике доля местно компетентных лиц относительно мала, доля тех местно компетентных, кто работал бы через неформальные

---

¹ Процентная доля респондентов, упоминающих о какой-то конкретной стратегии влияния, может быть вычислена либо как процентная доля во всем населении, либо как процентная доля только в количестве местно компетентных лиц. Важны оба показателя. Первый из них отражает склонность к определенным типам политического поведения в данной стране. Но если нас интересует, как страны различаются по стратегиям, к которым прибегнут их граждане, то мы должны воспользоваться вторым показателем, поскольку, если этого не сделать, различия между странами в процентной доле выбирающих конкретную стратегию могли бы отражать попросту то обстоятельство, что в одной стране больше сообщающих о своей неспособности осуществить хоть какие-нибудь действия, чем в другой. В последующих таблицах все процентные доли будут приводиться в обеих формах.

группы, весьма существенна — 50%. И в Великобритании доля местно компетентных, говорящих, что они стремились

Таблица VI.4

Те, кто стал бы влиять на несправедливое местное постановление, заручившись помощью неформальной группы

Страна	Процентная доля в суммарной выборке		Процентная доля местно компетентных лиц	
	%	Кол-во*	%	Кол-во
США	56	(970)	74	(745)
Великобритания	34	(963)	43	(748)
Германия	13	(955)	22	(590)
Италия	7	(995)	13	(508)
Мексика	26	(1007)	50	(531)

* Числа в скобках указывают базовое количество, на основании которого вычислялись процентные доли.

бы привлечь к сотрудничеству других лиц, почти столь же значительна — 43%.

Представления о том, что в попытках влиять на властные структуры можно кооперироваться со своими согражданами и что такое кооперирование является эффективным средством увеличения собственного влияния, доминируют в основной массе ответов местно компетентных лиц в Соединенных Штатах и играют важную роль в ответах, даваемых в Великобритании и Мексике. Однако индивиды, которые в своих попытках влиять на властные структуры работали бы вместе с другими людьми, встречаются во всех пяти странах. Несколько иллюстраций могут помочь в отражении этой установки.

Американский офисный работник: «Ничего нельзя сделать в индивидуальном порядке. Необходимо обзавестись группой, потом собраться всем вместе и идти к надлежащим властям, чтобы пожаловаться».

Американский торговый агент: «Подготовьте петицию. Соберитесь вместе с такими людьми, у которых есть то же самое возращение. Обсудите данный вопрос с ответственным лицом, скажем с мэром или с тем членом городской или окружной комиссии, который ведает полицией».

Американская горничная: «Я могла бы обсудить это дело с разными знакомыми и посмотреть, сколько других людей думают о нем точно так же, как я. После этого каждый из нас мог бы отправить письмо какому-нибудь ответственному лицу или начальнику и сообщить ему, что мы думаем, или же мы могли бы составить одно письмо и попросить много всяких людей подписать его».

Английский диспетчер: «Надо связаться с соседями и друзьями, после чего направить протест членам местного совета города или графства».

Английский бригадир садовников: «Первым делом надо организовать петицию. Довести ее до отделов местного совета и сделать себя выразителем мнения группы. Можно попробовать обратиться к местному депутату парламента».

Английский маляр: «Можно бы составить нечто вроде петиции и показать в ней свои чувства. Можно было бы обсудить ее со своими товарищами по работе и с женой».

Мексиканский сапожник: «Протестовать, собрать группу граждан и лично отправиться в ту контору, где составили такую бумагу, и там поговорить о ней с властями».

Мексиканская домохозяйка: «Я бы собрала всех, кого только можно, и послала подписанную всеми петицию президенту или губернатору штата».

В демократической политической системе убежденность, что сотрудничество (кооперирование) с согражданами — это и возможное, и эффективное политическое действие, представляет собой, по нашему мнению, весьма существенную ориентацию. Диффузия влияния на политические решения, посредством которой мы определяем демократию, подразумевает наличие у гражданского населения некоторой способности кооперироваться. Такое кооперирование кажется необходимым в терминах как той степени влияния, на которую может рассчитывать рядовой человек, так и результатов его влияния на решения властных органов. По определению влияние отдельного «среднего» человека на властные структуры должно быть небольшим. По сравнению с силами и возможностями властных структур — и это применимо

к местным органам власти в такой же мере, как и к национальному правительству, — он являет собой действительно хилое создание. Если рядовой человек хочет обладать каким-нибудь политическим влиянием, оно должно достигаться совместными усилиями с привлечением его друзей, коллег и т.д. Во-вторых, с точки зрения «выхода» демократического правительства некооперативные и полностью индивидуалистические попытки влияния могут привести только к дисфункциональным результатам. Всякое индивидуальное требование не может удовлетворяться — иначе итогом станет хаос. Если властные структуры должны быть отзывчивыми к требованиям рядового человека, эти требования надлежит агрегировать, а агрегирование интересов подразумевает кооперирование людей, сотрудничество между ними. Агрегирование интересов, имеющее место при кооперировании групп сходным образом мыслящих индивидов, — это агрегирование на довольно низком уровне, но и оно предполагает реальную склонность работать вместе со своими коллегами, которая важна и для более крупных политических структур. В любом случае мы можем утверждать, что если гражданин, который верит в собственную способность работать в сотрудничестве с другими людьми из своего окружения, захочет участвовать в политической деятельности, то у такого человека совершенно другой взгляд на политическую жизнь и другие перспективы в ней, чем у индивида, который думает о себе как об одиноком политическом акторе.

Далее, идея о том, что человек может воздействовать на властные решения, вовлекая в спор с властью других людей, равных себе по положению, — это сугубо политическая идея. Она представляет собой достаточно ясную попытку воспользоваться политическим влиянием в отношениях с чиновниками из властных структур. Угроза, которую порождают *многие*, — является ли она угрозой потери голосов либо поддержки или же угрозой публичной критики, — сильнее, при прочих равных условиях, чем угроза, которую способен породить *одиночка*. Тем самым индивид, который заявляет, что в своем споре с органом власти сможет сделать так, чтобы к нему присоединились другие, с большей вероятностью будет видеть себя как гражданина, способного влиять на свои

властные структуры, чем как подданного, у которого недостаточно или вообще нет подобного влияния. И варьирование показателей частоты, с которой такие группы упоминаются в наших пяти странах, отражает варьирование степени подобной гражданской компетентности.

Особенно важно отметить, какого рода группы вовлечены. Те неформальные группы, о формировании которых говорят наши респонденты, не существуют — по крайней мере в политически релевантном смысле — до того момента, когда возникает ситуация политической напряженности. Индивид воспринимает себя способным создавать структуры, имеющие целью оказывать влияние на власти. Эти структуры представляют собой форму влияния, которая не начинала активно подключаться к политической жизни прежде, чем возникала политически трудная ситуация, стимулирующая к действиям. В этом смысле способность индивида создавать структуры, которые должны помочь ему в его спорах с властными структурами, представляет собой некий резервный запас влияния с его стороны. Он не передоверил всю свою поддержку какой-то более крупной социальной системе, как это делает индивид в так называемом массовом обществе, и вместе с тем не отрезал себя от контактов с властными структурами, как поступает парохиял.

Когда большая доля жителей той или иной страны испытывает такое чувство, что неформальные группы личного общения, членами которых они являются, могут быть привлечены, чтобы поддержать их в периоды политической напряженности, это представляет собой существенный аспект политической культуры данной страны. Такое явление означает, что некоторые из основополагающих конструктивных «кирпичиков» социальной структуры оказались встроенными в политическую систему. Роль индивида как гражданина, особенно как гражданина демократического и влияющего, срастается с другими его социальными ролями. Тип активной политической деятельности, побуждающей к такому срастанию членства в неформальной группе и политической гражданственности, также весьма существенен. Такое срастание имеет место из-за политических требований, предъявляемых гражданами к своим властным структурам. В попытке повли-

ять на органы власти эти граждане призывают поучаствовать своих друзей и соседей. Таким образом, это срастание происходит в самой сердцевине демократического процесса — процесса, посредством которого обычный гражданин осуществляет некоторый контроль над своими органами власти. Это глубоко отличается от срастания между группами личного общения и властными структурами, попытки которого предпринимались в рамках тоталитарных государств. Там правительство и власти пробовали влиять на индивида: государство проникало в семейные группы и группы, базирующиеся на дружеских отношениях, с целью поддерживать свои попытки вести пропаганду и осуществлять контроль. Государство пытается там держать эти неформальные группы под контролем и управлять ими. В изучавшихся нами странах обращение к неформальным группам имеет противоположный смысл. Оно является попыткой проникнуть во властные структуры и контролировать их. Оно представляет собой сцепливание политики и сообщества воедино, а не ассимиляцию сообщества в политику.

Наконец, мы подчеркивали важность этой склонности к кооперированию с согражданами не просто потому, что считаем ее имеющей существенные последствия для всей политической системы, а потому, что ощущаем эту склонность в качестве такого типа поведения, которое можно лучше всего понять и объяснить с помощью как раз исследовательского подхода, используемого в данной книге. Во-первых, частота, с которой индивиды говорят о кооперировании со своими согражданами ради влияния на властные структуры, зависит не столько от структуры органов власти, сколько от частоты, с которой они говорят об имеющейся у них возможности влиять на власть. Разумеется, ответ на вопрос о том, действительно ли кто-то чувствует или же не чувствует, что он может воздействовать на ход и направленность действий властных органов, в большой степени зависит от структуры этих органов — от того, в какой мере они обеспечивают доступ гражданина к ним. Но разницу между одним индивидом, который реагирует на происходящее словами о том, что он отправит письмо в местный совет, и другим, заявляющим, что отправит письмо в местный совет *и попробует побудить своих друзей про-*

делать то же самое, невозможно объяснить страновыми различиями в структуре и полномочиях соответствующих местных советов¹. Несмотря на то что эти различающиеся уровни социального и экономического развития могут, как мы вскоре увидим, объяснить многие из политических различий между странами, они не в состоянии объяснить склонность к политическому кооперированию. Истоки этой склонности надлежит искать где-то в другом месте. В одной из последующих глав мы попробуем проследить эти истоки и привязать их к социальным ценностям и установкам, а также к степени партийной фрагментации, существующей в обществе².

---

¹ Это не до конца верно. В некоторых странах структура органов власти может сильнее поддаваться влиянию групп. Но это скорее произойдет из-за прошлого опыта общения органов власти с такими группами, чем из-за формальной структуры указанных органов. С другой стороны, не вызывает сомнения, что определенные структуры властных органов способствуют таким «дружно объединенным» протестам в большей мере, чем какие-то другие. Структуры, где власть и полномочия диффузно распределены между большим количеством автономных или полуавтономных правлений, советов и подобных органов (особенно выборных правлений и советов), с большей вероятностью будут способствовать такому протесту, чем структуры, в которых доминирующую роль играет централизованно назначенное официальное лицо, чья сфера власти простирается на более обширную область (как это обстоит с итальянской системой префектов). Но это пример общего суждения, что взаимодействие будет иметь место между политической ориентацией и политической структурой. В данном случае, однако, попытки объяснить истоки этой установки на формирование групп в соответствии с одной только формальной политической структурой были бы неубедительными. Нужно смотреть дальше и шире структуры местных органов власти.

Структура органов власти может способствовать или же препятствовать склонности населения к формированию групп и другим способом. Правовые системы разных стран различаются по степени, в которой они воспрепятствуют, регулируют или другими способами затрудняют формирование неправительственных ассоциаций. На европейском континенте правовые системы более враждебны к таким группам, чем англо-американская правовая система. И, хотя эти регуляторные механизмы касаются главным образом формальных организаций (которые будут обсуждаться ниже, в главе X), они могут также оказывать воздействие и на неофициальные группы. См. об этом в: Arnold Rose, «On Individualism and Social Responsibility», *Archives Européennes de Sociologie*, II (1961), p. 163–169.

² Зависимость между социальным и экономическим развитием, с одной стороны, и склонностью к формированию групп — с другой, будет обсуждаться в конце данной главы. Попытка объяснить эту склонность к формированию групп в терминах социальных ценностей и партийной фрагментации будет предпринята в главе IX.

Хотя использование первичных групп как ресурса для влияния сильнее всего распространено в Соединенных Штатах, Великобритании и Мексике, существует несколько интересных различий между Соединенными Штатами и Великобританией, с одной стороны, и Мексикой — с другой. Идея, что можно мобилизовать неформальную группу как средство помощи в попытке повлиять на властные структуры, представляется имеющей большее значение для фактического оказания влияния в первых двух странах. Ранее подчеркивалось, что если сравнить лиц, сообщающих, что они могут предпринять какие-то шаги в связи с несправедливым местным законом (местно компетентных лиц), с теми, кто заявляет о противоположном, то намного более правдоподобно рассчитывать на сообщение первых о наличии у них некоторого реального опыта попыток влиять на органы власти. Если мы посмотрим только на местно компетентных лиц и зададимся вопросом, как те из них, кто работал бы через группы, и те, кто предполагает действовать в одиночку, различаются по степени их опыта в попытках оказывать влияние на местном уровне, то увидим, что в Соединенных Штатах и Великобритании те, кто работал бы через группы, будут с большей вероятностью располагать реальным опытом подобных усилий. В Соединенных Штатах 36% лиц, сообщающих, что они действовали бы через неформальные группы (их количество — 547), сообщают также, что в какой-то момент они предпринимали фактическую попытку повлиять на властные структуры, тогда как из числа тех местно компетентных лиц, кто намеревался использовать некую другую стратегию (их количество — 198), только 25% сообщают о наличии такого реального опыта. В Великобритании параллельные показатели — 23% для тех, кто упоминает неформальные группы (их количество — 315), и 15% для других местно компетентных лиц (их количество — 414). В Мексике, с другой стороны, немного менее правдоподобно, что респонденты, упоминающие о неформальных группах, будут лицами с реальным опытом: 7% из числа тех, кто упоминает неформальные группы (их количество — 264), сообщали о таком опыте по

сравнению с 10% других местно компетентных лиц (их количество — 267)¹.

Кроме того, в первых двух странах использование неформальных групп как средства влияния на властные структуры рассматривается не только как средство для протестных выступлений, но и как ключ к эффективному протесту. Дабы протестировать, в какой степени индивиды чувствуют наличие у них способности влиять на свой местный орган власти, мы, после выяснения того, что, по мнению респондентов, они могли бы сделать в связи с несправедливым местным законом, задавали им еще один вопрос: «Если бы вы предприняли усилие изменить данное постановление, то насколько правдоподобно, что вы преуспели бы в этом?» Интерес для нас здесь представляет то обстоятельство, что большое количество американских и британских местно компетентных лиц заявляли по своей инициативе, что их протест будет иметь некоторые шансы на успех только в том случае, если к ним присоединились бы другие. (Их процентные доли составили 30 в Соединенных Штатах и 20 — в Великобритании.) Хотя в Мексике ощутимая процентная доля респондентов считали, что если бы они попытались повлиять на свой местный орган власти, то с определенной вероятностью добились бы успеха, лишь менее 1% респондентов утверждали, что это имело бы место только в том случае, если бы они располагали поддержкой окружающих. Таким образом, хотя в Мексике использование неформальных групп воспринимается как средство влияния, оно пока еще не воспринимается как ключ к эффективному влиянию².

---

¹ В Германии те местно компетентные лица, кто упоминает о неофициальных группах, с несколько меньшей вероятностью обладают фактическим опытом влияния. 17% из тех, кто упоминает о неформальных группах (их количество — 126), сообщают о прошлом опыте по сравнению с 23% местно компетентных лиц, не упоминающих о них (их количество — 460). В Италии те местно компетентные лица, кто упоминает о группах, с несколько большей вероятностью располагают фактическим опытом: это 16% (их количество — 67) по сравнению с 13% тех, кто не упоминает о группах (их количество — 438).

² В Германии процентная доля местно компетентных лиц, говоривших, что они добьются успеха, лишь если к ним присоединятся другие, составила 12; в Италии она равнялась 5.

Заслуживает упоминания и еще одно различие. В Соединенных Штатах и Великобритании использование неформальных групп как средства влияния на решения властных структур считается намного более приемлемым на местном уровне, чем на общенациональном. В Мексике, с другой стороны, пропорция тех, кто воспользовался бы неформальными группами, примерно одинакова и на местном, и на общенациональном уровне. Тот факт, что в Великобритании и Соединенных Штатах использование таких групп более тесно, чем в Мексике, связано и с опытом успеха, и с его ожиданием, в сочетании с другим фактом, когда в первых двух странах такую стратегию считают более приемлемой применительно к местным органам власти, позволяет утверждать, что стратегия неформальных групп базируется на более реалистической оценке потенциальных возможностей такой стратегии – реалистической оценке, проистекающей из фактического опыта работы с указанными группами на местном уровне. В Мексике подобная стратегия влияния менее прочно основана на фактическом местном опыте. Все это выглядит еще одним случаем, подтверждающим аспирационный, статусно устремленный характер мексиканской политической культуры.

Индивидуальное действие. Респонденты, которые говорили о себе как о действующих в одиночку в своих попытках влиять на властные структуры, проявляют, как на то указывает табл. VI.4, некоторую вариабельность в упоминаемых ими стратегиях. В Соединенных Штатах и Великобритании респонденты с большим правдоподобием говорят о том, что в органах власти они обратились бы к выборному официальному лицу, а не к назначенному чиновнику-бюрократу. В Мексике и Италии респонденты с равной вероятностью скажут, что они направили бы свой протест чиновникам как одного, так и другого из названных типов. В Германии, однако, большее количество респондентов называют в качестве цели своих протестов назначенных чиновников, а не избранных официальных персон. Это порождает искушение рассматривать такие результаты как отражение более высокоразвитой политической компетентности в Соединенных Штатах и Великобритании. Протест, обращенный к выборному офици-

альному лицу, кажется по своей сути в большей степени политическим протестом — в смысле подразумеваемой угрозы лишить это лицо чего-то существенного, если оно не пойдет на уступки. Потому что потеря голосов — это самое обычное из «лишений», которым индивид может угрожать раздражающему его выборному официальному лицу. Это может частично объяснить различия между странами в том, какие мишени выбираются там для попыток оказать влияние; однако более правдоподобно, что указанные различия просто отражают различия между странами по относительному положению и важности избираемых и назначаемых официальных лиц в структурах местных органов власти.

Наконец, далеко не все из говорящих, что они могли бы предпринять какие-то действия в связи с несправедливым местным постановлением, имеют в виду и держат в голове некую ясную стратегию. Как указывает табл. VI.3, 12% итальянских респондентов сказали, что они могли бы выступить с протестом, если бы столкнулись с постановлением, которое считают несправедливым, но, когда у них спрашивали, каким образом или в чей адрес они могли бы протестовать, они не давали никакого более внятного ответа. 12% тех, кто выступил бы с протестом, представляют собой приблизительно четверть всех местно компетентных лиц в Италии. И, хотя этот ответ показывает более высокий уровень субъективной компетентности, чем ответ «Не могу ничего сделать», он отражает недостаточное понимание того, через какие политические каналы можно было бы на самом деле эффективно обратиться к органам власти.

Общенациональная компетентность

В табл. VI.1 мы видели, что во всех странах меньше респондентов говорят об имеющейся у них возможности влиять на общенациональный законодательный орган по сравнению с местным органом власти, причем многие из них говорят, что ничего не смогли бы сделать. В табл. VI.5 мы сообщаем о тех стратегиях, про которые респонденты говорят, что они использовали бы их во взаимоотношениях

с национальным правительством. Во всех странах формальные организации несколько чаще упоминаются в качестве ресурса для влияния на национальное правительство, а не на местные органы власти. (И если бы процентные показатели вычислялись как доля «общенационально компетентных», а не как доля во всей выборке, то разница была бы еще более резко выраженной.) Наоборот, во всех странах меньшее количество респондентов упоминает об использовании неформальных групп в связи с национальным правительством, чем упоминают их в связи с местными органами власти, хотя общая картина аналогична: чаще всего такие группы называют в Соединенных Штатах, за ними следуют Великобритания и Мексика, а далее — Германия и Италия. Вообще, страновым стратегиям влияния присуща тенденция в большей мере полагаться на организованные структуры политической жизни вроде групп интересов, политических партий и прессы или же на индивидуальные подходы к выборным политическим лидерам. Как мы уже указывали, это, вероятно, отражает реалистические расчеты. Чтобы оказать реальное влияние на национальное правительство, нужна более крупная группа и более развитые политические навыки, чем для влияния на местные органы власти. Однако полученные нами свидетельства говорят о том, что в Соединенных Штатах и Великобритании компетентность неформальных групп на общенациональном уровне продолжает оставаться значительной, даже если она не достигает таких внушительных масштабов, как это происходит на местном уровне.

Социальные группы и субъективная компетентность

Ясно, что наши пять стран различаются по степени, в которой их граждане верят в свою способность что-нибудь сделать, если властные структуры станут угрожать их интересам; различаются также и стратегии, которыми воспользовались бы их граждане. Возникает вопрос, почему существуют такие различия? Причины этого многочисленны, и мы не утверждаем, что в данном исследовании имеем

Таблица VI.5

Что стали бы делать граждане в попытках оказать влияние на свое национальное правительство; по странам

Что стали бы делать граждане	США	Великобритания	Германия	Италия	Мексика
Пробовать заручиться помощью других					
Организовать неформальную группу; поднять друзей и соседей, призывать их к отправке писем протеста или к подписанию петиции	29	18	7	6	18
Работать через политическую партию	1	2	6	2	—
Работать через формальную группу (профсоюзную, церковную, профессиональную), к которой они принадлежат	4	3	7	2	3
Суммарная процентная доля тех, кто пытался бы заручиться помощью других ^a	— 32	— 22	— 19	— 10	— 20
Действовать в одиночку					
Напрямую контактировать с политическими лидерами (выборными официальными лицами) или с прессой; написать письмо местному политическому лидеру или посетить его	57	44	12	7	8
Напрямую контактировать с административными (неизбираемыми) чиновниками	—	1	4	4	6
Консультироваться с адвокатом; обращаться через суды	—	—	1	1	4
На следующих выборах голосовать против официальных лиц, вызывающих неприязнь	7	3	4	1	

Окончание табл. VI.5

Что стали бы делать граждане	США	Великобритания	Германия	Италия	Мексика
Предпринять некоторую насильственную акцию	—	—	2	1	4
Только протестовать	—	—	—	3	—
Прочее	—	2	—	2	3
Суммарная процентная доля тех, кто действовал бы в одиночку ^б	—	—	—	—	—
	42	40	18	18	18
Ничего не делал бы	21	32	56	50	50
Не знают	4	6	7	22	12
Суммарная процентная доля ^в	—	—	—	—	—
	123	111	106	101	108
Общее число респондентов	970	963	955	995	1007

^а Суммарные процентные доли меньше, чем итог по всем индивидуальным клеткам, так как некоторые респонденты дали более одного ответа.

^б Эта строка включает только тех респондентов, которые ответили, что могли бы кое-что сделать, но не упоминали о совместной работе с другими. Следовательно, это суммарное количество меньше, чем сумма по всем индивидуальным клеткам, содержащим тех респондентов, которые могли упомянуть как групповую, так и индивидуальную деятельность.

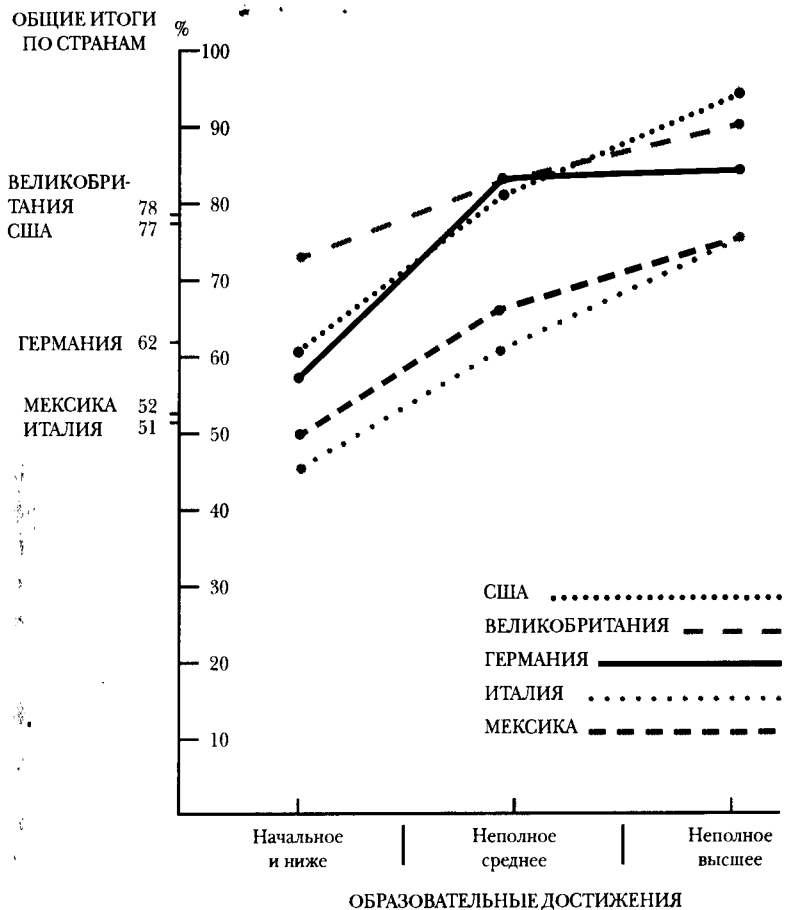
^в Процентные доли превышают 100 из-за множественных ответов.

дело со всеми ними. Нас будет интересовать более узкий вопрос о том, являются ли наблюдаемые различия общими различиями между политическими культурами наших пяти стран или же это такие различия, которые изменяются резко и аналогичным образом между какими-то конкретными подгруппами независимо от страны. Если справедливо первое из этих толкований, то можно было бы ожидать, что большинство итальянцев будут реагировать аналогичным образом независимо от своего социального положения и окажутся отличающимися от американцев из всех социальных групп. Если верно второе из приведенных выше объяснений, то можно было бы ожидать, что итальянцы с высоким общественным статусом значительно отличаются от итальянцев с более низким статусом и напоминают

американцев аналогичного статуса. При проведении таких сравнений существует много трудностей, причем далеко не последняя среди них — это трудность получения эквивалентных замеров статуса в разных обществах; но мы попытаемся произвести такие замеры, используя для сравнений примерно эквивалентные подгруппы. Кроме того, благодаря использованию различных измерителей для сравнения полученных результатов можно начать различать те модели, которые кажутся в большей степени зависящими от распределения других социальных характеристик внутри общества. Если при рассмотрении только таких социальных групп, которые, грубо говоря, эквивалентны, различия между странами исчезают, то, стало быть, мы выделили некий аспект политической культуры, который менее специфичен для данной конкретной культуры. С другой стороны, если соотечественники в конкретной социальной группировке одной страны продолжают значительно отличаться от таковых из подобной социальной группы в других странах, хотя они сильно напоминают своих соотечественников из совсем иных социальных слоев и с иным социальным багажом, то мы, видимо, имеем дело с таким аспектом политической культуры, корни которого уходят в уникальный опыт данной страны, а не в опыт и события, общие для всех наших стран.

Позвольте нам вначале посмотреть на зависимость между компетентностью гражданина и его образованием. Мы выбираем образование в качестве первой переменной, подлежащей рассмотрению, из-за его тесной взаимосвязи с факторами, склонными вызывать у человека чувство субъективной компетентности (более полно мы обсудим эту взаимосвязь в главе XII). Как это ясно показывает рис. VI.1, во всех странах чем выше образование индивида, тем более правдоподобно, что он должен считать себя способным влиять на местные органы власти, т.е. быть тем, кого мы называли местно компетентным. (Процентная доля индивидов, говорящих, что они могли бы повлиять на местное законодательство, откладывается по вертикальной оси, уровень образования — по горизонтальной.) В Соединенных Штатах

Процентная доля респондентов, говорящих,
 что они могут предпринять какие-то действия в связи
 с местным постановлением, которое считают
 несправедливым или нечестным
 (по странам и образованию)

США	60% (339)	82% (443)	95% (188)
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	74% (593)	83% (332)	88% (24)
ГЕРМАНИЯ	58% (792)	83% (123)	85% (26)
ИТАЛИЯ	45% (692)	62% (245)	76% (54)
МЕКСИКА	49% (877)	67% (103)	76% (24)

(Числа в скобках означают базу, относительно которой вычислялись процентные доли.)

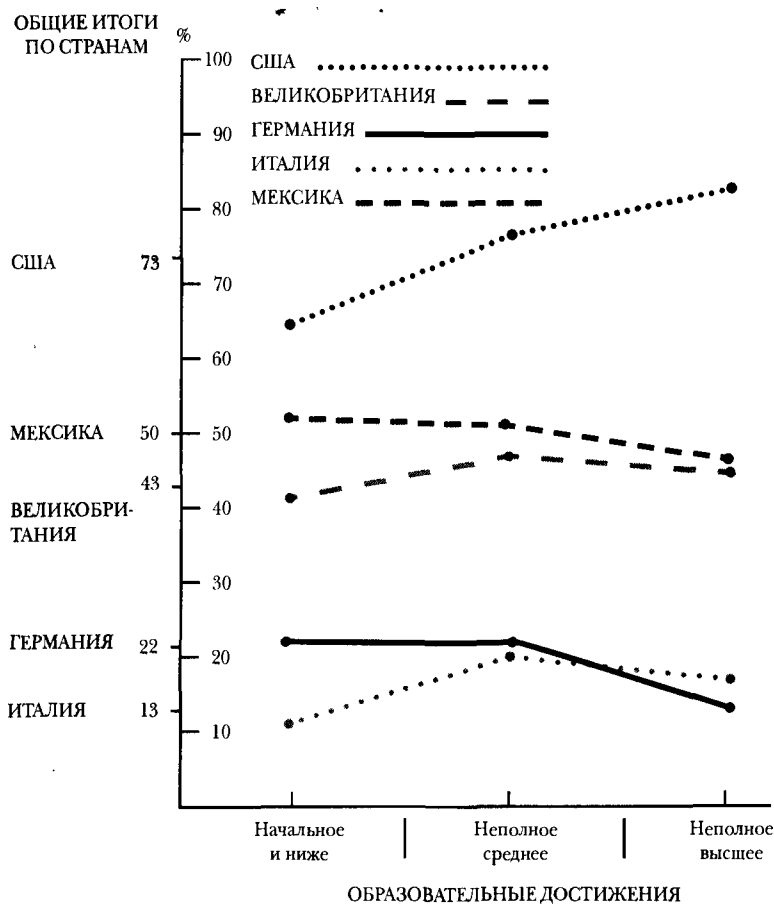
Рис. VI.1

60% из числа тех, чье образование не пошло дальше начальной школы, и 95% из тех, кто хотя бы некоторое время учился в колледже, являются местно компетентными. И такая картина повторяется в каждой стране. Таким образом, ясно, что данная закономерность сохраняется при переходе от одной страны к другой. Независимо от того какова частота местной компетентности в той или иной стране, встречаемость такой компетентности больше среди лиц с более высоким образованием.

Что можно сказать относительно различий между странами и внутри стран? На этот вопрос немного труднее ответить, поскольку различия существуют как между образовательными группами в рамках одной и той же страны (на что указывают наклоны линий), так и в рамках сходных образовательных групп между странами (на что указывает различная высота линий). Некоторые различия между странами значительно уменьшаются внутри сходных образовательных групп. Например, хотя американские и германские общенациональные итоги для местно компетентных лиц сильно различаются, различия между этими двумя странами почти исчезают, когда сравниваются сходные образовательные группы. Самое большое сходство страновых итогов наблюдается между Соединенными Штатами и Великобританией, с одной стороны, и Мексикой и Италией — с другой; однако в каждой из этих пар ее члены несколько больше отличаются друг от друга между сходными образовательными группами, чем они отличаются на общенациональном уровне. Когда сравниваются лица с начальным образованием из Америки и Великобритании, то в Великобритании они демонстрируют более высокую степень гражданской компетентности; а когда сравниваются группы лиц с более низким образованием из Италии и Мексики, то в Мексике такие лица демонстрируют несколько более высокую компетентность на двух более низких образовательных уровнях.

Таким образом, образование оказывает смешанное воздействие на различия между странами. Но на основании рис. VI.1 могут быть сделаны следующие общие умозаключения. На всех уровнях образования мексиканские и итальянские респонденты реже бывают местно компетентными,

**Процентная доля местно компетентных,
готовых заручиться поддержкой неформальной группы
с целью повлиять на местное постановление, которое
они считают несправедливым
(по странам и образованию)**

	ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ		
	Начальное и ниже	Неполное среднее	Неполное высшее
США	60% (202)	76% (365)	82% (178)
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	41% (441)	46% (267)	45% (21)
ГЕРМАНИЯ	22% (460)	22% (102)	14% (22)
ИТАЛИЯ	11% (310)	20% (151)	17% (44)
МЕКСИКА	51% (438)	49% (71)	46% (19)

(Числа в скобках означают базу, относительно которой вычислялись процентные доли.)

Рис. VI.2

чем респонденты на подобных уровнях в трех других странах (хотя на университетском уровне разница становится совсем незначительной). Во-вторых, чем выше образовательный уровень, тем меньше различия между странами. Этот факт становится особенно наглядным, если посмотреть на диапазон значений по странам для каждого из уровней образования. На уровне начальной школы разница между страной с самой высокой частотой местно компетентных (Великобританией) и страной с наименьшей их частотой (Италией) составляет 29 процентных пунктов; на уровне средней школы эта разница между странами с самой большой частотой местно компетентных (Великобританией и Германией) и страной с наименьшей их встречаемостью (Италией) составляет 21 процентный пункт; наконец, на университетском уровне 19 процентных пунктов отделяют Соединенные Штаты, с одной стороны, от Италии и Мексики – с другой.

Какие различия больше – межстрановые или образовательные? Их измеритель довольно груб, но, если сравнивать диапазоны различий внутри каждой из образовательных групп между странами, находящимися на самом высоком и самом низком уровнях (о чем сообщалось в предыдущем абзаце), с диапазонами различий внутри каждой из стран между образовательными группами, находящимися на самом высоком и самом низком уровнях, то результаты показывают, что наверняка существует такая же – если в среднем не большая – вариабельность между образовательными группами внутри отдельной страны, как и между индивидами со сходными образовательными достижениями в разных странах. По значениям частоты, с которой респонденты считают себя компетентными влиять на власти, внутри каждой страны существуют такие же, если не большие, различия между образовательными уровнями, как и между странами на каждом из образовательных уровней. Диапазон различий между образовательной группой, которая чаще всего сообщает о себе как о компетентной влиять на власти (а это в каждой из стран лица хотя бы с небольшим объемом университетского образования), и группой, которая наименее часто сообщает о такой компетентности (это в каждой из стран те, кто имеет только начальное образование или вообще не получил никакого об-

разования), таков: в Соединенных Штатах – 35 процентных пунктов; в Великобритании – 14 процентных пунктов; в Германии – 27 процентных пунктов; в Италии – 31 процентный пункт и в Мексике – 27 процентных пунктов. Эти показатели весьма приблизительны, поскольку они сравнивают экстремальные случаи применительно как к образованию, так и к странам. Но в любом случае они действительно говорят о том, что по степени суммарной местной компетентности сходные образовательные группы при межстрановом сравнении похожи друг на друга, по крайней мере, настолько же – а возможно, и больше, – насколько это реально имеет место для разных образовательных групп внутри одной и той же страны.

До сих пор мы рассматривали степень, до которой индивиды уверены в своей способности повлиять на несправедливое местное постановление. Но стратегия, которой воспользовался бы индивид, может оказаться более важной, чем простое различие между тем, действительно ли он думает или же не думает, что способен предпринять какие-нибудь действия. В частности, важной представляется вера в возможность кооперироваться с согражданами, чтобы использовать это как средство влияния на властные структуры. Зависит ли такая политическая стратегия в столь же большой степени от образовательных достижений, как она зависит от наличия местной компетентности? Данные, представленные на рис. VI.2, говорят о том, что это не так.

Процентная доля тех местно компетентных лиц, которые стали бы работать через неформальные группы, резко изменяется от страны к стране даже в рамках каждой из образовательных групп, но между образовательными группами внутри отдельных стран она варьируется весьма незначительно¹. Только в Соединенных Штатах частота, с которой упоминается такая деятельность, действительно напрямую изменяется вместе с уровнем образовательных достижений, но даже здесь указанная зависимость не столь сильна, как в целом зависимость между образовательными

---

¹ Процентные доли вычислялись как проценты от местно компетентных лиц, а не от суммарного населения. Это должно изолировать политическую стратегию, которую стали бы использовать компетентные лица, от факта, что частота этих лиц меняется от страны к стране.

уровнями и местной компетентностью. Снова рассмотрим контраст между Соединенными Штатами и Германией. В рамках сходных образовательных групп немецкие и американские респонденты мало различаются по частоте, с которой они говорят о том, что могут предпринять кое-какие действия в связи с несправедливым местным постановлением. Но если мы сравним процентную долю тех местно компетентных лиц, кто стал бы кооперироваться со своими согражданами, то увидим, что на каждом из образовательных уровней германские респонденты с гораздо меньшей правдоподобностью могут упомянуть такую деятельность. Кроме того, образованные германские респонденты будут говорить о такой деятельности с никак не большей вероятностью, чем менее образованные. В отличие от ситуации по отношению к итоговой местной компетентности, где диапазон различий между странами был не больше и, возможно, даже немного меньше, чем диапазон вариабельности между образовательными группами внутри одной страны, вариабельность между странами в значениях частоты, с которой упоминается политическое кооперирование, в целом на всех образовательных уровнях намного больше, чем между образовательными группами внутри страны. Таким образом, здесь может иметь место такая модель политической культуры, которая не зависит от образовательных достижений индивида или от образовательного уровня в стране. Как показывают наши данные, образование может приводить индивидов к убеждению, что они в состоянии влиять на свои властные структуры, *независимо от страны, в которой они живут* (разумеется, при условии, что имеется по меньшей мере некая институциональная структура, помогающая поддерживать подобную установку). Наши данные говорят также о том, что по мере повышения общего образовательного уровня стран они станут более похожими в этом отношении. Но образование не обязательно увеличивает потенциальную возможность того, что индивиды будут создавать группы, предназначенные для их поддержки. Способность создавать политические структуры через посредство кооперирования с согражданами во время напряженных или стрессовых ситуаций выглядит типичной для одних стран и нетипичной для других. Это эле-

мент политического стиля, а не результат образовательных достижений.

Наше обсуждение говорит о том, что местная компетентность меняется вместе с социальным группированием, в то время как использование неформальных групп в качестве стратегии влияния намного больше зависит от принятого в стране политического стиля. На рис. VI.1 и VI.2 сравнивались респонденты, находящиеся на различающихся образовательных уровнях, но появляется одна и та же картина, если сравнивать респондентов по профессии и по полу. Но между этими группами существуют небольшие вариации в значениях частоты, с которой выбирается стратегия, ориентированная на группу.

Данные по образовательным, профессиональным и гендерным различиям в субъективной компетентности говорят, что ответ на вопрос о том, считает ли себя человек способным или неспособным оказывать влияние на местные или общенациональные законодательные акты, во многом зависит от того, кем он является внутри собственной страны¹. Если у него шире образование, более высокий статус или же он является мужчиной, то такой человек с большей вероятностью сочтет себя компетентным. Восприятие человеком своей роли как гражданина сильно изменяется в зависимости от его социального положения внутри страны. Но действительно ли местно компетентный житель верит, что его друзья и соседи готовы помочь ему в напряженной ситуации, или же он не верит в это, относительно слабо зависит от его социального положения внутри страны; более важна страна, в которой ему довелось жить. Таким образом, политическая компетентность растет вместе с повышением образования или профессионального статуса, но кооперативная компетентность представляется укорененной в специфической для данной страны политической культуре.

---

¹ Вопросы о «страновой компетентности» дают похожую картину ответов.

ГЛАВА VII

ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ПОДДАННИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Роль гражданина представляет собой в некотором смысле наивысшую форму демократического участия. Именно через такое участие рядовой человек обретает влияние на ход дел во властных структурах. Но люди на самом деле принимают участие в политической жизни не только в роли граждан. Как говорилось во вводной главе, даже после принятия на себя гражданской роли люди все равно остаются также в подданнической зависимости от правительства и иных властных структур. Хотя они и могут принимать участие в создании законов, они все равно продолжают оставаться субъектами законов и подчиняться им. Во многих обществах имеющаяся у индивида возможность возложить на себя роль гражданина может быть очень ограниченной, но во всех обществах с любой формой специализированной политической системы индивиды являются подданными.

И точно так же, как роль гражданина может исполняться с большей или меньшей компетентностью, подданный тоже может быть более или менее компетентным. Но компетентность подданного отличается от компетентности гражданина. Компетентный гражданин играет роль в формировании общей политической линии. Кроме того, он играет *влиятельную* роль в самом процессе принятия решений: участвует в нем путем использования явных или неявных угроз некоторой формы лишения должностного лица чего-то важного, если тот не идет навстречу его требованиям. Подданный не участвует в создании правил, равно как его участие не означает использования политического влияния. Его участие начинается в тот момент, когда общая политика уже разработана и стала применяться. Компетентность подданного представляет собой в большей степени вопрос осведомленности о своих правах в условиях действующих правил, чем вопрос участия в создании этих

правил¹. И, хотя подданный может пытаться сделать наделенного властью чиновника отзывчивым, он скорее обращается или просит, чем требует. Его обращение может касаться набора административных правил, которые, как предполагается, должны управлять действиями должностного лица, или же этот подданный может взывать к его внимательности и тактичности. Если чиновник реагирует, это происходит потому, что он придерживается установленных правил, или же потому, что он внимателен и тактичен, — но никак не по той причине, что на него было оказано влияние. (Конечно же, на административных чиновников можно «влиять» в том смысле, как мы определяем влияние, но тогда у того, кто оказывает влияние, больше нет подданнической зависимости. Мы возвратимся к этому соображению ниже.)

Как мы упоминали выше, гражданская культура — это такая политическая культура, в которой большое количество индивидов компетентны как граждане; мы называем такую компетентность *политической* компетентностью. Но в гражданской культуре индивиды точно так же компетентны и в качестве подданных (это *административная* компетентность). Действительно ли индивиды считают себя компетентными в административном смысле или нет — это зависит от многих факторов, далеко не самыми маловажными из которых являются отзывчивость государственной бюрократии по отношению к индивиду и существование каналов обращения, открытых для рядового человека. Хотя мы не в состоянии измерить степень, в которой властная структура способствует чувству административной компетентности у населения, мы способны измерить степень интенсивности самого этого чувства компетентности.

---

¹ Разумеется, нет никакой жесткой и быстро ощущаемой разграничительной линии между выработкой общих правил и их применением. Общие правила обычно вырабатываются в законодательных органах, но и административные ведомства точно так же зачастую обладают свободой действий для формулирования достаточно общей политики.

Чувство административной компетентности

Наряду с наличием у индивидов возможности ощущать или, напротив, не ощущать, что органы власти, ведающие принятием решений, поддаются политическому влиянию, точно так же они могут вдобавок ощущать или, возможно, не ощущать, что те чиновники, с которыми они состоят в подданных отношениях, отзывчивы к их обращениям. Чтобы протестировать интенсивность чувства административной компетентности, мы попытались выяснить, каковы ожидания респондентов в отношении отзывчивости бюрократов из органов власти. Представленная им ситуация носила административный характер, причем попытки политического влияния были в ней неприемлемыми (хотя в реальном мире они вполне могли бы быть использованы, причем часто так оно и делалось). Мы хотели знать, — на какого рода отношение со стороны административных чиновников из органов власти рассчитывали индивиды. В частности, нас интересовало ощущение индивидов, до какой степени они могли бы рассчитывать на возможность немного высказаться в ходе слушаний, если бы они оказались привлеченными к обсуждению некоего вопроса в одном из органов власти. Мы предложили респондентам две гипотетические ситуации. В одной мы говорили им: «Предположим, что имелся некий вопрос, который вы собирались поставить перед органом власти, например вопрос о налогообложении или постановлении по жилищному вопросу...» В другом случае мы попросили респондентов предположить, что «у вас возникли небольшие неприятности с полицией — скажем, произошло нарушение правил движения или же вас обвинили в мелком проступке...» В обоих случаях мы спрашивали, какой реакции они будут ожидать, если начнут объяснять свою точку зрения должностным лицам какого-либо из органов власти¹.

Относящиеся к этому делу данные приводились в главе III, см. табл. III.3. Как показывает данная таблица, тип ответной реакции, которой ожидают индивиды, варьируется от страны к стране. Хорошо видно, что мексиканские

¹ Эти вопросы обсуждались более подробно в главе III.

респонденты, выражая свою точку зрения, редко ожидают добиться многого. Только 14% из них рассчитывают на серьезное рассмотрение своих соображений и почти вдвое больше предвидят, что их проигнорируют; основная масса остальных ожидает привлечь к себе лишь минимум внимания. Итальянские респонденты идут следом за мексиканцами и по той частоте, с которой они предполагают, что ими пренебрегут, и по тому, насколько редко они рассчитывают на серьезное рассмотрение своей точки зрения. Распределение ответов для других трех стран демонстрирует более высокие показатели, причем чаще всех ожидают серьезного отношения к своим соображениям британцы, за которыми следуют немцы и затем американцы.

Кроме того, данная таблица показала также, что в отношении полиции картина остается такой же. Снова мексиканцы ожидают очень немногого: только 12% из них верят в серьезное разбирательство своей точки зрения, а 29% убеждены, что их попросту проигнорируют. Итальянские респонденты вновь располагаются по уровню своих ожиданий выше мексиканцев, но ниже респондентов из трех других стран. Американские и немецкие респонденты примерно с одинаковой частотой сообщают, что к ним отнеслись бы серьезно, но американцы чаще опасаются, что их проигнорировали бы (11% американских респондентов полагают, что ими пренебрегли бы, по сравнению со всего лишь с 4% немцев). Однако среди британских респондентов надежды на серьезное разбирательство намного выше, чем соответствующий показатель в любой другой стране: 74% британских респондентов рассчитывают именно на такое отношение.

Расхождению между странами, проявляющимся на этой совокупности числовых показателей, вряд ли следует придавать чрезмерное значение. Конечно, британцы живут в совершенно других реалиях государственного управления, чем мир мексиканцев или итальянцев. То, насколько сильно он отличается, можно увидеть, сравнивая Великобританию и Мексику. Скажем, в то время как трое англичан из четырех ожидают, что полиция подвергнет их точку зрения серьезному рассмотрению, и только совсем скромная горстка британцев опасается, что их проигнорируют, лишь немногим боль-

ше одного мексиканца из десяти ожидают столь серьезного отношения и почти каждый третий полагает, что его точку зрения совершенно не примут во внимание.

Гражданская и подданническая компетентность

Таким образом, индивиды могут считать себя компетентными как граждане или как подданные. В качестве компетентных граждан они воспринимают себя как людей, способных воздействовать на решения посредством политического влияния: формируя группы, угрожая отзывом своих голосов или другими репрессалиями. В качестве компетентных подданных они воспринимают себя как способных прибегнуть в своих взаимодействиях с административными чиновниками к целому набору регулярных и упорядоченных правил. Им будет обеспечено справедливое отношение со стороны администрации, и их точку зрения станут внимательно рассматривать, причем не потому что они предпринимают попытку оказать политическое влияние, а по той причине, что данное административное официальное лицо находится под контролем некоего набора правил, которые предназначены для обуздания его капризной и произвольной власти. Британцы, например, воспринимают себя способными рассчитывать на такое отношение; с мексиканцами, понятное дело, все обстоит совсем не так.

Гражданская компетентность и компетентность подданническая различаются, но их нельзя считать полностью независимыми друг от друга. Равно как нельзя считать правдоподобным, что существование одного типа компетентности не окажет никакого воздействия на другой тип. Можно ожидать какого-то переливания политической компетентности в административную компетентность. Чем выше политическая компетентность населения, тем более ограничена — вплоть до полного воспрещения — бюрократия в ее способности действовать произвольно, деспотично и без рассмотрения реальных соображений индивида. Но перелив из политической компетентности в административную может быть двух типов. С одной стороны, население, харак-

теризующееся высокой степенью политической компетентности, может оказывать давление на бюрократов, чтобы те придерживались установленных административных правил. Приверженность таких чинуш правилам административной процедуры будет диктоваться не просто их собственной интернализацией этих правил или управляющим воздействием на них со стороны высоких административных начальников, но угрозой политических репрессалий — протестов граждан через политические ведомства, если чиновники не станут придерживаться действующих правил. Таким путем высокая степень гражданской компетентности поднимает уровень подданнической компетентности, но это не отменяет зависимости индивида от администрации: он по-прежнему приходит к ней в качестве подданного — пусть даже и компетентного, — который взывает к правилам бюрократии.

Второй тип переливания политической компетентности во взаимоотношения между индивидами и администрацией состоит в том, что политическое влияние (и здесь наше техническое использование данного термина совпадает с повседневным пейоративным употреблением этих слов) применяется с целью воздействовать на административных чиновников, причем не заставлять их следовать бюрократическим правилам, а заставлять принимать конкретное решение в пользу конкретного индивида или группы. Политическое влияние используется непосредственно для принуждения к реализации индивидуальных требований, а во все не косвенно, чтобы принуждать к соблюдению бюрократических правил. Тем самым политическая компетентность не подкрепляет и не увеличивает административную компетентность; скорее она помогает конвертировать последнюю в политическую компетентность. Роль гражданина фактически сводит на нет роль подданного.

На наш взгляд, зависимость между этими двумя типами компетентности представляет собой существенный аспект общей модели политической ориентации в стране. Позвольте нам сначала посмотреть на количество тех респондентов в каждой из стран, которые считают себя компетентными в политическом и административном смысле. В качестве индикатора тех, кто считает себя политически компетент-

ными, мы возьмем ответы на вопрос, верит ли индивид в свою способность предпринять какие-то действия в связи с несправедливым актом, который обдумывается местными властями или национальным правительством. Политически компетентными являются лица, верящие, что они в состоянии осуществить какие-то действия по отношению к обоим названным уровням властных структур. С другой стороны, административно компетентные лица ожидают как от полиции, так и от органов власти серьезного рассмотрения своих соображений.

На рис. VII.1 сообщается о количестве политически компетентных и административно компетентных лиц в каждой из стран. При сравнении стран в терминах числа индивидов, которые манифестируют вышеуказанные два типа субъективной компетентности, выявляются некоторые интересные различия. В Соединенных Штатах количество политически компетентных респондентов лишь чуть-чуть больше количества административно компетентных. 66% американцев убеждены в своей способности оказать некоторое политическое влияние на национальное правительство и местные органы власти, тогда как только 37% ожидают серьезного отношения к себе и своим аргументам в обеих административных ситуациях. В Великобритании, с другой стороны, разность между процентными долями политически и административно компетентных относительно невелика и, хотя административно компетентные лица встречаются несколько реже, оба эти типа широко распространены. В Германии зависимость между количествами политически и административно компетентных противоположна той, которая имеет место в Соединенных Штатах и Великобритании: административно компетентные лица встречаются чаще политически компетентных. В Италии встречается примерно столько же политически компетентных, сколько и административно компетентных, но оба эти типа относительно редки. Что же касается Мексики, то там, как и в Соединенных Штатах, политически компетентных лиц больше, нежели административно компетентных. Однако оба эти типа компетентности встречаются в Мексике не настолько часто, как в Соединенных Штатах, и отношение

**Гражданская компетентность
и подданническая компетентность
(по странам, образованию и полу)**

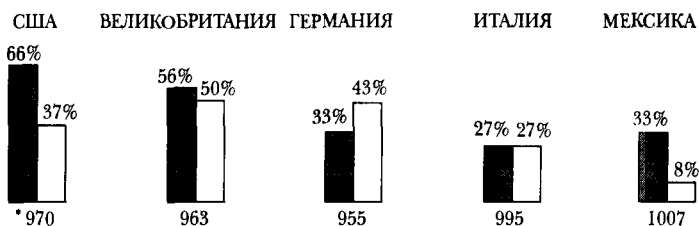
**ГРАЖДАНСКАЯ
КОМПЕТЕНТНОСТЬ** ■

Процентная доля респондентов, которые говорят, что они в состоянии осуществить какие-то действия в связи с несправедливым законом и на общенациональном, и на местном уровне.

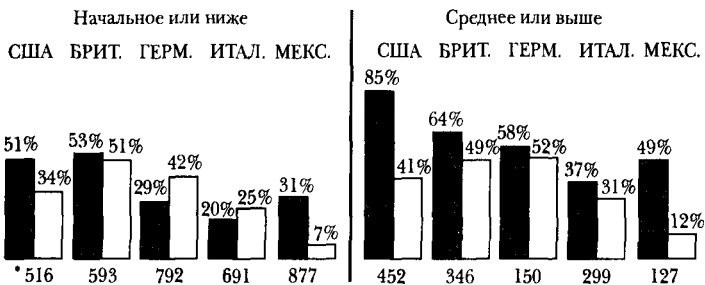
**ПОДДАННИЧЕСКАЯ
КОМПЕТЕНТНОСТЬ** □

Процентная доля респондентов, которые ожидают серьезного рассмотрения своих соображений и от органов власти, и от полиции.

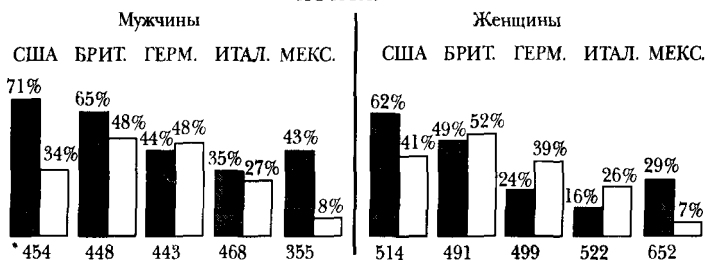
ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО

ПО ОБРАЗОВАНИЮ

ПО ПОЛУ

* Количество случаев.

Рис. VII.1

численности политически компетентных к численности административно компетентных намного выше: политически компетентных в четыре с лишним раза больше, чем административно компетентных.

Такая картина распределения двух указанных типов компетентности, как правило, обнаруживается в разных странах и при рассмотрении подгрупп — мужчин и женщин, лиц с высоким и низким образованием. Вообще, внутри всех подгрупп в Соединенных Штатах и Мексике доля респондентов, которые политически компетентны, больше доли тех, кто административно компетентен; при этом в Мексике уровни обоих типов компетентности остаются ниже. В Великобритании и Италии доли политически и административно компетентных примерно эквивалентны, но в Италии частота встречаемости обоих типов намного ниже. И в Германии частота административно компетентных превышает частоту политически компетентных.

Из рис. VII.1 следует еще один любопытный вывод. Похоже, что среди тех респондентов, от которых в целом можно было бы ожидать более высокой компетентности, наблюдается более сильный акцент на политической компетентности. Сравним лиц, имеющих как минимум среднее образование, с теми респондентами, у которых уровень образования ниже. Как и можно было ожидать, лица с более высоким уровнем образования чаще проявляют компетентность и в административном, и в политическом смысле. Но увеличение компетентности по мере роста образования от более низких уровней к более высоким гораздо отчетливее манифестируется в терминах политической компетентности, чем административной. В Соединенных Штатах, например, административно компетентны 35% респондентов с образованием не выше начального по сравнению с 41% для лиц со средним или более высоким образованием, т.е. увеличение частоты составляет 7 процентных пунктов. Но политически компетентен 51% из числа лиц с начальным образованием или ниже в противоположность 85% среди тех, у кого образование выше, т.е. здесь имеет место увеличение на 34 процентных пункта. В Италии параллельный прирост компетентности вместе с увеличением образовательного

уровня составляет 6 процентных пунктов для административной компетентности и 17 процентных пунктов для политической компетентности. И, хотя в Германии, вообще говоря, административно компетентных лиц больше, чем политически компетентных, на более высоком образовательном уровне политически компетентных становится несколько больше.

Аналогичная картина наблюдается также при сравнении мужчин и женщин. В каждой из стран мужчины будут политически компетентными с большей вероятностью, чем женщины, и в большинстве случаев различия в частоте этой формы компетентности весьма впечатляющи. Но по степени административной компетентности различия между полами намного меньше. В Мексике и Италии гендерные различия в частоте административной компетентности незначительны, в то время как в Соединенных Штатах и Великобритании женщины считают себя административно компетентными с несколько большей вероятностью, чем мужчины.

Тот факт, что респонденты-женщины и респонденты с более низким образованием намного больше напоминают респондентов-мужчин и респондентов с более высоким образованием по своей административной компетентности, чем по политической компетентности, говорит о том, что политическая компетентность развивается в некотором роде после административной. Как утверждалось в главе I, роль гражданина развивается в дополнение к роли подданного и поверх нее. Те группы, вхождение которых в процесс полноценного политического участия, как правило, отставало — женщины и лица с более низким образованием, — полнее входят в роль компетентного подданного, чем в роль компетентного гражданина. Тем самым наблюдающееся распределение двух указанных типов компетентности, вероятно, отражает исторический процесс, посредством которого различные группы приходили к участию в политической жизни. В каждой из наших пяти стран подданническая роль усваивалась более широко, нежели роль гражданина. Гражданское участие — это более селективный и медленнее развивающийся тип участия. Оно распространяется от более

легко политизируемых лиц к тем, кого труднее привлечь в политическую жизнь.

Эти существующие в каждой из стран различия между подгруппами в распределении двух указанных типов компетентности говорят об исторической картине распространения гражданской и подданнической компетентности. Если сравнивать страны в этих терминах, то вырисовывается похожая историческая картина. Рассмотрим сначала Соединенные Штаты и Великобританию. Обе эти страны занимают высокие места в наших измерениях политической компетентности. Британские и американские респонденты чаще всех говорят, что они способны предпринять какие-то действия в связи с несправедливым местным постановлением и с несправедливым национальным законом. Кроме того, как указывалось в главе VI, они чаще всех говорят о своей готовности к формированию групп в качестве средства для увеличения собственного влияния. Между этими двумя странами есть одно важное различие в моделях политической стратегии: в Соединенных Штатах неформальные группы гораздо чаще называются как средство влияния, поскольку, хотя британцы и занимают второе место по частоте, с которой тамошние респонденты упоминают о таких группах (так делают 34% из них), они называют их намного реже, чем американские респонденты (среди них так поступают 56%). С другой стороны, британцы намного чаще манифестируют то, что мы назвали административной компетентностью. По показателям частоты, с которой они ожидают серьезного отношения от правительственных, местных и полицейских чиновников, они занимают первое место среди всех пяти стран. Американские респонденты, с другой стороны, с меньшей вероятностью будут ожидать серьезного отношения от государственных и полицейских чиновников, чем британские или германские респонденты, и с большей вероятностью, чем любая иная группа, ожидают, что их точку зрения проигнорируют.

Таким образом, в Великобритании высокий уровень политической компетентности сосуществует с высоким уровнем административной компетентности. В Соединенных Штатах первый тип компетентности более широко распро-

странен, чем второй. Это различие между двумя названными странами отражает путь, который прошли в своем развитии политические институты в каждой из стран, и взаимодействие этих институтов с установками индивидов по отношению к ним, чтобы привести к текущему состоянию компетентности. Развитие политической компетентности в Великобритании (развитие, которое можно грубо приравнять к распространению права участвовать в выборах, а также к формированию групп интересов и политических партий, уходящих корнями в массовый электорат) происходило постепенно и в дополнение к ранее существовавшей идее независимого правительства и суверена, чья власть над индивидами была ограничена правовыми нормами. Англичане обладали тем, что мы называем подданнической компетентностью, задолго до того, как стали политически компетентными. У них имелся тщательно продуманный и детально разработанный набор прав, датирующихся по меньшей мере начиная с XVII столетия (их общее право, которое было законодательно обеспечено правовыми санкциями и могло принудительно осуществляться в судебном порядке, восходит к XII в.). Эти законные права проводились в жизнь не политическими средствами, а через независимые суды общей юрисдикции, действующие по нормам статутного и общего права. Для наших целей важная историческая эволюция состояла в том, что политические права, обретенные британцами в XIX столетии, не вступали в конфликт с идеей независимой правительственной власти, ограниченной некоторым более высоким законом. Понятие независимой власти правительства, осуществляемой на основании закона, продолжало существовать бок о бок с понятием политической власти народа. Старые авторитарные институты и символы не заменялись демократизацией, а продолжали сосуществовать с новыми институтами. С точки зрения индивида та политическая компетентность, которую британцы получили в XIX в., не заменяла их компетентности в качестве подданных, подчинявшихся правовым нормам. Пожалуй, если хотите, рост гражданской компетентности повышал уровень подданны-

ческой компетентности путем добавления новой силы для проведения правовых норм в жизнь¹.

В Соединенных Штатах, с другой стороны, развитие политической компетентности через распространение права участвовать в выборах, рост политических партий и последовательное вхождение новых групп в политический процесс в какой-то степени привело к конфликту с подданнической компетентностью американцев. На идею независимой власти, управляемой правовыми нормами, стало воздействовать распространение демократического участия. По мере того как общенародный политический контроль над правящими структурами усиливался, он столкнулся с понятием независимых государственных ведомств, которые контролировались не политическим влиянием широко понимаемого народа, а совокупностью законодательных или административных правил и норм. Например, в эпоху президента Эндрю Джексона [1828—1836] произошло расширение избирательных прав и в политический процесс вступили новые группы американцев. Этот рост политической демократии сопровождался, однако, тенденцией административных ветвей всякой власти подчиняться политическим соображениям. Из-за разрастания системы распределения государственных должностей среди сторонников и друзей победившей на выборах правящей партии, а также из-за народных выборов, по существу, всех административных и судебных должностных лиц народное влияние на процесс осуществления власти стало означать политическое влияние на суды и административные ведомства. И на протяжении преобладающей части американской политической истории распространение общенародного влияния на правительство влекло за собой сужение тех сфер, где индивиды пребывали в подданнических отношениях к властям. По мере того как возможность политического влияния предоставлялась все новым и новым группам, оно означало контроль не столько над законодательными

---

¹ Обсуждение этого развития см.: Harry H. Eckstein, «The British Political System», in Samuel H. Beer and Adam B. Ulam (eds.), *Patterns of Government*, New York, 1958, p. 57—74; T. H. Marshall, *Citizenship and Social Class*, Cambridge, England, 1950, p. 10—27.

решениям через право выбирать представителей, сколько над судами и бюрократией — через выборы, политическое давление и «волосатую руку». Традиционный городской механизм не предлагал этим новым группам благоприятного социального законодательства — он давал им возможность влиять на административные решения. Политический механизм предлагал покровительство при распределении должностей, «защиту» со стороны полиции, помощь перед судами или в получении гражданства, а также покровительство при организации бизнеса. Признаком того, что кто-либо имел голос в делах власти, был не отклик законодательного органа на чьи-то нужды и потребности с помощью социального законодательства, а возможность избежать каких-то неприятностей с помощью «купленной» полиции. Таким образом, по мере того как американец приобретал политическую компетентность, его роль в качестве подданного уменьшалась, поскольку политическая компетентность означала влияние именно на те институты, в отношениях с которыми можно было ожидать, что индивид окажется перед ними подданным.

Возможно, самое крупное различие между Великобританией и Соединенными Штатами в этом аспекте политической истории заключается в существовании революционной традиции в Соединенных Штатах. В то время как британское политическое развитие никогда не сопровождалось вызовом, который был бы брошен существованию независимой правительственной власти, само основание американской республики включало в себя такой вызов. Как указали Оскар и Мэри Хандлин, американские колонисты принесли с собой европейскую концепцию, что правящая власть ведет свою родословную от монаршей короны, но в течение XVIII столетия эта точка зрения изменилась. «Приметами изменений были растущая привычка к пренебрежению королевскими пожеланиями, к открытому неповиновению им или к уклонению от них, стабильная потеря уважения к королевской особе и к символам ее царственного величия, а также исчезновение той харизмы, которой был окутан трон. В канун революции колонисты могли небрежно, без

всякого чувства *lèse-majesté*¹ именовать Георга III коронованным негодяем...

К тому времени американцы думали о власти не как о ниспосланной сверху, от трона, но как об исходящей снизу в результате выбора, осуществленного народом. Согласие управляемых относилось не к абстрактному пакту между правителем и управляемыми, как это было в долгой традиции европейской политической теории, а к тому процессу, посредством которого люди, народ делегировали власть тем, кто ими управляет»².

Здесь особенно уместна ремарка о контрасте между британской и американской установками по отношению к полиции. Как заявляют Хандлины, американцы «так и не обзавелись тем уважением к копам, которое англичане питали к своим бобби. Революционный опыт убедил свободных граждан Соединенных Штатов, что полицейские силы... были угрозой республиканским институтам»³. Таким образом, в Соединенных Штатах революционный опыт приводил к следующей точке зрения: нет никакой должности, которая не берет свое начало от гражданского населения, а следовательно, нет никакого предела для реализации гражданской компетентности. И если в Великобритании компетентный гражданин и компетентный подданный сосуществуют, то в Соединенных Штатах тенденция такова, что компетентный гражданин заменяет компетентного подданного.

Коль это верно, можно было бы ожидать обнаружения в Соединенных Штатах более сильной зависимости между политической и административной компетентностью, чем в Великобритании. Ожидания британцев по поводу их способности воздействовать на административные решения не должны зависеть от того, в какой степени они считают себя политически компетентными. В Соединенных Штатах, с другой стороны, можно было бы ожидать, что индивид, который верит в свою политическую компетентность, генерализует эту политическую компетентность, распространив

¹ Оскорбления величества (франц.). — Прим. перев.

² Oscar and Mary Handlin, *The Dimensions of Liberty*, Cambridge, Mass., 1961, p. 32.

³ Ibid., p. 39.

ее также и на другую компетентность — административную. Тот факт, что такое различие во взаимозависимости между двумя указанными формами компетентности действительно существует, показан в табл. VII.1. Данная таблица соотносит политическую компетентность с административной. На всех уровнях политической компетентности англичане в большей мере административно компетентны. В Соединенных Штатах респонденты с высокой субъективной политической компетентностью (верящие в то, что и общенациональные, и местные органы власти не смогли бы устоять против их влияния) с большей вероятностью будут ожидать от полиции и властей, включая правительство, серьезного рассмотрения своих соображений, чем респонденты со средней политической компетентностью (верящие в то, что их влиянию поддавался бы лишь один уровень власти — обычно местный), и с намного большей вероятностью будут ожидать такого отношения к своим соображениям, чем лица с низкой политической компетентностью (те, кто полагает, что никакой из уровней власти не проявил бы к ним отзывчивости). 44% лиц с высокой политической компетентностью проявляют и высокую административную компетентность в противоположность 31% среднекомпетентных и 19% из числа малокомпетентных. В Великобритании, с другой стороны, взаимозависимость между этими двумя формами компетентности не столь сильна. 53% лиц с высокой политической компетентностью ожидают серьезного отношения к себе и в административных ситуациях — в противоположность 50% лиц со средней политической компетентностью и 38% тех лиц, у кого эта компетентность низка.

Самый резкий контраст между двумя этими странами во взаимозависимости между указанными двумя типами компетентности обнаруживается среди лиц с более высоким уровнем образования. В Великобритании относительная независимость между двумя названными формами компетентности наиболее отчетливо видна именно в этой группе: 50% лиц, обладающих высокой политической компетентностью, характеризуются и высокой степенью административной компетентности по сравнению с 42% у лиц с низкой политической компетентностью. В Соединенных Штатах сильная

Политическая и административная компетентность^а; по странам и образованию

Страна	Всего				Начальное или ниже						Среднее или выше							
	Способен влиять на местном и общенациональном уровне		Способен влиять на местном или общенациональном уровне		Не способен влиять нигде		На обоих		На том или другом		Нигде		На обоих		На том или другом		Нигде	
	%	Кол-во ^б	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	44	(644)	31	(179)	19	(145)	43	(262)	32	(128)	19	(126)	44	(382)	22	(51)	16	(19)
Великобритания	53	(534)	50	(245)	38	(160)	55	(312)	52	(168)	37	(108)	50	(222)	47	(77)	42	(47)
Германия	55	(314)	42	(314)	33	(314)	53	(227)	41	(270)	33	(295)	59	(87)	45	(44)	37	(19)
Италия	29	(250)	28	(277)	25	(463)	30	(138)	25	(185)	23	(368)	28	(112)	33	(92)	35	(95)
Мексика	8	(337)	9	(239)	6	(431)	7	(273)	9	(211)	5	(395)	10	(64)	12	(28)	16	(36)

^а То есть доля респондентов, ожидающих внимательного рассмотрения своей точки зрения в органе власти и в полиции, которая измерена среди трех групп респондентов: верящих, что они способны влиять как на общенациональный, так и на местный орган власти; верящих, что они способны влиять либо на общенациональный, либо на местный орган власти; верящих, что они не способны влиять ни на какой орган власти.

^б Числа в круглых скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

зависимость между этими двумя формами компетентности наиболее очевидна у лиц с более высоким уровнем образования: 44% из тех, кто обладает высокой политической компетентностью, манифестируют также и административную компетентность — в противоположность 16% из числа лиц с низкой политической компетентностью. Эти данные говорят о том, что в Великобритании действительно существует большая независимость друг от друга ролей гражданина и подданного, чем в Соединенных Штатах.

Структура политической и административной компетентности в Германии резко контрастирует с той, которая свойственна Соединенным Штатам. Германия выглядит страной, где подданническая ориентация встречается относительно часто, особенно по сравнению с гражданской ориентацией. Рассмотрим, какого отношения ожидают немцы в органах власти или со стороны полиции. В обоих случаях они (находясь на втором месте после британцев) чаще всего ожидают серьезного рассмотрения своей точки зрения. Противоположный характер носит их реакция на несправедливую законодательную деятельность. В связи с несправедливым местным постановлением они находятся на третьем месте по той частоте, с которой индивиды ощущают себя способными предпринять какие-то действия, чтобы перекрыть такой нормативный акт. Применительно к несправедливым общенациональным законам они занимают четвертое место — немного ниже мексиканцев. Как указывает рис. VII.1, только в Германии большее число респондентов может быть описано как административно компетентные, а не политически компетентные. Однако такая структура компетентности кажется особенно применимой к тем немцам, у кого образовательные достижения невысоки. Не менее важны, чем число говорящих о своей способности влиять на несправедливый закон, и те стратегии влияния, о которых они сообщают. Относительно немногие попытались бы сформировать для этих целей какие-то группы, и немецкие респонденты часто говорят о контактировании с административными должностными лицами.

Такая структура компетентности кажется нам отражающей политическую историю Германии. Как и в Великобрита-

нии, подданническая компетентность выросла здесь раньше компетентности гражданской. Но если в Великобритании развитие политической демократии имело долгую историю и добавило к подданнической компетентности существенную степень гражданской компетентности, то в Германии развитие политической демократии шло намного менее упорядоченно и менее успешно. В то время как в XIX в. британский средний класс, а вслед за ним и рабочий класс требовали и получали политическое влияние на правительство и на местные власти, немецкий средний класс принял законы и порядки германского *Rechtsstaat* (правового государства), при котором этот класс мог процветать, но не имел никакого политического влияния. Власть над правительственными и иными решениями органов власти оставалась в руках компетентных чиновников; она не распределялась среди народных масс. Но хотя немец не был компетентным гражданином, он оставался компетентным подданным. Права, полагающиеся ему согласно закону, были ясно определены и тщательно защищались судебной системой и администрацией, свободными от политических влияний. Тем самым в противоположность Великобритании вера в политическую компетентность не пустила в Германии прочных корней среди населения. Если в Соединенных Штатах существует тенденция, когда компетентный гражданин заменяет компетентного подданного, и если в Великобритании тенденция такова, что эти две роли сосуществуют во взаимной гармонии, то в Германии доминирующей формой компетентности остается компетентный подданный¹.

Если приведенное нами выше описание правильно, то наши данные, похоже, указывают на то, что итальянские граждане не обладают опытом ни *Rechtsstaat*, ни эффективной демократии. По подданнической компетентности итальянцы

---

¹ Но если в Германии роль подданного является доминирующей, а роль гражданина еще не до конца усвоена, то там реально существует тенденция к зависимости между этими двумя ролями — зависимости, которая несколько сильнее, чем в Великобритании, но не столь сильна, как в Соединенных Штатах. 55% тех немцев, у кого высока политическая компетентность, обладают также высокими показателями в наших измерениях административной компетентности — в противоположность 42% из числа лиц с умеренной политической компетентностью и 33% тех, у кого она низка.

занимают четвертое место, находясь значительно ниже Великобритании, Соединенных Штатов и Германии. Только примерно каждый третий из них ожидает серьезного отношения от правительства, властных структур или полиции. В наших измерениях политической компетентности итальянцы располагаются на последнем месте по частоте, с которой респонденты говорят о том, что они способны оказать влияние на несправедливое местное или общенациональное постановление. Да и стратегии, предлагаемые итальянскими местно компетентными лицами, говорят об их низкой политической компетентности. Очень немногие упоминают о такой возможности, как формирование групп. И лишь один из четырех человек, заявляющих, что они способны предпринять какое-то действие в связи с местным законом, который воспринимается ими как несправедливый, говорит, что может «выступить с протестом», и это все. И гражданская компетентность, и подданническая компетентность кажутся в Италии одинаково запоздалыми и отстающими.

Причем эта картина тоже выглядит таким образом, как и можно было бы ожидать в стране с политической историей Италии. Перед объединением Италия испытывала столетия внешней тирании со стороны самых разнообразных правителей, под гнетом которых итальянцы не обладали ни политическими, ни эффективными юридическими правами — они не были компетентны ни как граждане, ни как подданные. В результате такой истории невозможно было бы ожидать развития любой компетентности — ни гражданской, ни подданнической. Как утверждает Спенсер, можно было бы скорее ожидать, что итальянцы станут смотреть на властные структуры не как на социальный институт, поддающийся их влиянию, но как на одну из естественных сил природы — часто катастрофическую, вроде землетрясения, — которую надо терпеть. «Эта тенденция к молчаливым неохотным уступкам и покорности, это ощущение незначительности каждого отдельного индивида, это чувство, что делами людей управляют силы, которые можно вытерпеть, но нельзя отклонить от траектории их движения или организовать для использования человеком, а можно лишь применять в своих интересах, причем украдкой и спорадически, — все это есте-

ственный итог для людей, обладающих разумом, но не обладающих политической традицией»¹. Текущая политическая культура Италии может быть неподходящей для здоровой, успешно функционирующей демократии. Но она поддается пониманию в свете итальянской политической истории.

Наконец, позвольте рассмотреть картину подданнической и гражданской компетентности в Мексике. По той частоте, с которой мексиканцы ожидают серьезного отношения от государственных чиновников или полиции, они, бесспорно, занимают самое низкое место. При сравнении с данными по любой другой стране их показатели по-настоящему поражают. Однако в случае политической компетентности эти показатели не настолько безрадостны. Если говорить о процентной доле тех, кто считает себя способным кое-что сделать в связи с несправедливым постановлением на местном уровне, то мексиканцы стоят чуть выше итальянцев и они чаще, нежели итальянцы или немцы, сообщают, что могут предпринять какие-то действия в связи с несправедливым общенациональным законом. Более важен тот факт, что их стратегия влияния манифестирует некую зачаточную политическую компетентность. Например, ими часто упоминается использование неформальных групп.

Мексиканская картина знаменательна. Как мы указывали, политическую компетентность труднее приобрести, чем компетентность подданническую; исторически у нее есть тенденция развиваться позже и распространяться от политически более продвинутых групп общества к менее продвинутым. Но в Мексике мы, кажется, наблюдаем обратную ситуацию. Объяснение, вероятно, опять-таки лежит в революционной политической культуре Мексики. Параллель мексиканской картине более широкого распространения политической компетентности по сравнению с административной имеется только в Соединенных Штатах — еще одной стране, политическое формирование которой сопровождалось, как и в случае мексиканской революции, отторжением традиционной власти. Мексиканская революция означала

---

¹ H. R. Spencer, *Government and Politics of Italy*, Yonkers, New York, 1932, p. 17.

внезапное вступление индивидов в политическую систему. Внимание было сосредоточено на национальном правительстве как движителе перемен и на национальных героях, которые руководили судьбами страны. У отдельных личностей действительно развивалось субъективное чувство политической компетентности, но она не была компетентностью, основанной на опыте. Как мы уже показали, присутствующая в Мексике кооперационная компетентность не основана на большом объеме реального группового опыта, и только 9% мексиканцев, полагающих, что они способны каким-то образом влиять на местные органы власти, сообщают о наличии у них небольшого опыта по этой части (в отличие от 33% в Соединенных Штатах и 18% в Великобритании). Мексиканская революция создала политическую компетентность, но это была компетентность в честолюбивом, статусно устремленном или же в мифическом смысле. Кроме того, указанная революция состоялась в обществе, где институт независимой и рациональной бюрократии не укоренился; местная бюрократия была инструментом традиционных политических сил. И при этом революция не внесла в эту ситуацию каких-то фундаментальных изменений. Бюрократия оставалась зависимой от политических сил, и сегодня она все еще представляет собой арену политической борьбы. Таким образом, в Мексике подданническая компетентность никогда не развивалась. В отличие от немцев мексиканцы начали становиться компетентными гражданами прежде, чем сделались компетентными подданными.

ГЛАВА VIII

КОМПЕТЕНТНОСТЬ, УЧАСТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ

В предшествующих главах мы показали, что от страны к стране частота различных типов политических установок и поведения неодинакова. В этой главе мы рассматриваем, вероятно, самый существенный и наверняка самый трудный вопрос, возникающий в связи с представленными до сих пор данными: каким образом политическая компетентность и участие воздействуют на политическую систему?

Хотя гражданская компетентность и участие лежат в самой сердцевине определения демократии, те проблемы, с которыми сталкиваются демократические правительства, были бы намного проще, если бы их единственной заботой было достижение максимальной компетентности и участия. Фактически, однако, всякая политическая система, которая попыталась бы достигнуть этой цели за счет всех других, не смогла бы долго существовать. Если политические системы намерены выжить, они должны также быть относительно эффективными и относительно легитимными. Иными словами, те результаты, которых достигают властные структуры, должны как минимум в достаточной степени удовлетворять граждан так, чтобы те не обратились против правительства и иных властей, и любая система, если она собирается иметь рассчитанный на длительное время потенциал выживания, должна быть в общем и целом принятой гражданами в качестве надлежащей формы правления.

Эти утверждения по поводу политической стабильности носят настолько общий характер, что становятся тривиальными. Но они фокусируют наше внимание на тех аспектах политической системы, для которых воздействие политической компетентности и участия наиболее критично. Политическая компетентность и участие будут влиять на эффективность системы, равно как и на ее легитимность, и именно это влияние мы попытаемся проанализировать.

Наши данные позволяют нам изучить эту зависимость только частично. Вопрос, которым мы задаемся, состоит не в том, что случается с политической системой, где существует участие в решениях, а в том, что случается с индивидом, считающим себя компетентным для участия в решениях. Как мы указывали ранее, наши респонденты отличаются по степени, в которой они полагают себя способными участвовать в политических решениях, — иными словами, по тому, что мы назвали их субъективной компетентностью как граждан. Мы можем задать вопрос, что происходит с этой субъективной политической компетентностью. Помимо ощущения своей способности участвовать, каким образом субъективно компетентный индивид отличается от кого-то такого, кто не чувствует, что проблемы политической жизни и правления поддаются его влиянию? Понятное дело, это совсем не тождественно выяснению того, как и в чем политическая система, рассчитанная на участие, будет отличаться от системы, которая предусматривает меньше участия, но эти две вещи тесно связаны. Мы хотим знать, какую совокупность политических ориентаций можно ожидать найти у гражданского населения, которое считает себя способным к участию во властных решениях. А также знать, будут ли эти ориентации иметь последствия для стабильности данной системы, если они сопровождаются верой либо в эффективность, либо в неэффективность системы или же если они сопровождаются лояльностью системе либо отторжением последней.

Чтобы облегчать этот анализ путей, которыми субъективная политическая компетентность воздействует на другие установки, нами была придумана шкала, позволяющая оценить и проранжировать респондентов по степени, в которой они верят в собственную компетентность при своих отношениях с властными структурами. Эта шкала основана на их ответах на пять вопросов, касающихся местных органов власти. Мы спрашивали, верит ли респондент, что он в состоянии понимать местную политическую жизнь; чувствует ли он, что мог бы и стал бы действовать с целью повлиять на местный орган власти; имелись ли у него какие-нибудь ожидания успеха в его усилиях повлиять на местный орган

власти и предпринимал ли он когда-нибудь попытку оказать такое влияние.

Указанная шкала позволяет нам группировать наших респондентов, относя их к одной из шести категорий — в диапазоне от высокого показателя «пять» для лиц с наивысшей степенью субъективной компетентности до низкого показателя «нуль» для тех, кто выражал наименьшую субъективную компетентность. Итоговое распределение набранных баллов по этой шкале для наших пяти стран оказалось именно таким, какого и можно было бы ожидать на основании проведенного нами ранее обсуждения существующего там распределения политических установок. В Соединенных Штатах и Великобритании самые большие доли тех, кто набрал высокие баллы. 65% респондентов в первой из этих стран и 62% во второй попадают в верхние три категории нашей шкалы. За этими странами следует Германия с 46% респондентов в трех верхних категориях, а далее идут Италия с 40% и Мексика с 38%.

Каким образом и в чем уверенный в себе гражданин отличается от индивида, который считает себя относительно бессильным? Респондентов можно сгруппировать в три категории: лица с *высокой* субъективной политической компетентностью (те, кто получает четыре или пять баллов по шкале субъективной компетентности), лица со *средней* компетентностью (набирающие два или три балла по нашей шкале) и лица с *низкой* компетентностью (набирающие нуль или один балл по этой шкале). Является ли субъективно компетентный гражданин более активным в политической жизни; с большей ли вероятностью он считает, что политическая жизнь приносит ему пользу; выше ли вероятность того, что он будет в некотором роде эмоционально привязан к своей политической системе? Короче говоря, как и в чем человек, который рассматривает себя в качестве политического участника, отличается по своим политическим установкам от индивида, не считающего себя компетентным?

Ощущение компетентности и политическая активность. Первый и самый очевидный вопрос, который можно задать по поводу субъективно компетентного гражданина, таков: правдоподобно ли, что он окажется более активным гражда-

нином? Именно этого можно было бы ожидать, и наши данные показывают, что такая зависимость, безусловно, имеет место. Чем более субъективно компетентным считает себя индивид, тем более правдоподобно, что он окажется политически активным.

Таблица VIII.1 показывает, что лица, занимающие высокие места на шкале субъективной компетентности, с большей вероятностью проявляют себя в политических коммуникациях. Например, среди мексиканцев без всякого образования или закончивших только начальную школу 34% тех, у кого высоки показатели субъективной компетентности, сообщают, что они регулярно следят за политической жизнью и избирательными кампаниями, в отличие от 8% среди тех, у кого низкий уровень субъективной компетентности. Или же если выбрать такую образовательную группу, которая достаточно часто следит за политической жизнью, то среди немцев со средним или более высоким образованием 77% лиц с высокой субъективной компетентностью сообщают, что они регулярно следят за политической жизнью, и, напротив, среди лиц с таким же образовательным уровнем, чье ощущение субъективной компетентности ниже, о регулярном слежении за политической жизнью сообщают 50%. Схожую картину можно наблюдать в каждой из стран.

Уверенный в себе гражданин не только с большей вероятностью будет получателем политических коммуникаций — он также с большей вероятностью сам примет некоторое непосредственное участие в процессе политических коммуникаций. Во всех пяти странах те респонденты, которые занимают высокие места на шкале субъективной компетентности, вовлекаются в политические дискуссии с большей вероятностью, чем те, кто располагается на этой шкале ниже. Такая зависимость распространяется и на те группы, в которых подобные дискуссии проходят относительно редко. Примером служат итальянцы с начальным или более низким образованием: политическую жизнь обсуждают 14% тех, у кого низкая субъективная компетентность, в отличие от 36% тех, у кого данный показатель высок. Это справедливо также для групп, где обсуждения проходят чаще. В качестве примера здесь могли бы использоваться американские респонденты,

Таблица VIII.1

Процентная доля тех в составе трех групп субъективно компетентных лиц, кто сообщает о высокой подверженности политическим коммуникациям^а; по странам и образованию

Страна	Всего						Начальное или ниже						Среднее или выше					
	Высокий ^б		Средний		Низкий		Высокий		Средний		Низкий		Высокий		Средний		Низкий	
	%	Кол-во ^в	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	59	(506)	46	(251)	21	(212)	51	(205)	40	(146)	15	(165)	65	(301)	54	(105)	40	(47)
Великобритания	36	(366)	33	(364)	16	(230)	29	(209)	29	(219)	13	(164)	44	(147)	40	(138)	22	(59)
Германия	57	(305)	51	(279)	23	(368)	51	(230)	49	(227)	21	(334)	77	(73)	56	(50)	50	(24)
Италия	26	(243)	25	(234)	5	(514)	13	(149)	14	(138)	3	(402)	46	(93)	41	(94)	12	(111)
Мексика	39	(201)	19	(332)	9	(474)	34	(153)	16	(287)	8	(436)	54	(47)	34	(45)	15	(35)

^а «Высокая» подверженность политической жизни означает следующее: респондент сообщает, что регулярно следит в средствах массовой информации за политической жизнью и обращает внимание на избирательные кампании.

^б Уровень субъективной компетентности.

^в Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

принадлежащие к категориям лиц с более высоким образованием; среди них политическую жизнь обсуждают 64% лиц с низким уровнем субъективной компетентности — по сравнению с 92% тех граждан, у кого субъективная компетентность высока. Таким образом, уверенный в себе гражданин с большей вероятностью будет разбираться в том, что происходит в политической жизни, и действовать таким образом, чтобы его голос был слышен в политических дискуссиях.

Довольно похожие результаты очевидны в отношении партийной приверженности. По сравнению с теми, у кого низкие показатели субъективной компетентности, респонденты, которые располагаются выше на этой шкале, с большей вероятностью будут партийными активистами (или членами какой-либо политической партии, или активными сотрудниками различных партийных кампаний) и с несколько меньшей вероятностью станут сообщать об отсутствии у них какой бы то ни было партийной приверженности. Однако зависимость между активной партийной деятельностью и ощущением собственной компетентности носит не настолько прямой и бесспорный характер, как между показателями измерений непартийной деятельности и ощущением компетентности. Таким образом, субъективная компетентность оказывает несомненное воздействие на уровень и тип политической активности внутри общества.

Тот факт, что субъективно компетентный гражданин будет также, вероятно, и активным гражданином, не является каким-то неожиданным открытием. Это всего лишь начало нашего расследования последствий субъективной компетентности. Для понимания политического участия велика значимость зависимости между ощущением способности участвовать и отражающейся в оценке данным индивидом легитимности и эффективности действующей системы и лояльностью к последней. Одно из преимуществ, которое демократическая политическая система должна, по идее, иметь перед другими системами, состоит в следующем: те, кто в состоянии участвовать в решениях, будут тем самым в большей степени удовлетворены принимаемыми решениями и будут привязаны к системе сильнее тех, кто не может принимать в них участия. Согласно этой гипоте-

зе между индивидом и политической системой происходит взаимовыгодный обмен. В ответ на влияющие «входы» (воздействия) индивида система вырабатывает «выходы» (результаты), которые в некотором роде более выгодны для индивида, чем они были бы без тех его «входов». Выгодные и полезные «выходы»-результаты, в свою очередь, ведут индивида — благодаря его удовлетворенности системой — к более высокому уровню преданности этой системе и привязанности к ней. Таким образом, при прочих равных условиях демократические политические системы окажутся — с точки зрения участников — как более эффективными (участники будут в большей мере удовлетворены результирующим «выходом» системы), так и более легитимными (участники будут в целом рассматривать политическую систему как надлежащую по самой ее сути).

С нашими данными мы располагаем возможностью проверить психологическую форму данной гипотезы. Но мы не в силах протестировать гипотезу, гласящую, что чем больше индивиды участвуют в решениях, тем с большей вероятностью они должны получать выгодные «выходы»-результаты от той системы, в которой они участвуют. Как указывалось ранее, измерения такого рода участия требуют намного более сложного анализа взаимодействия между гражданином и элитой, чем это было возможно в нашем исследовании, да и методы, доступные для измерения качества функционирования систем, довольно-таки грубы. Мы, однако, в состоянии протестировать гипотезу, согласно которой само восприятие кем-либо возможности участвовать связано с большей удовлетворенностью этого человека текущим качеством работы системы и с более высоким уровнем привязанности к этой системе. И такая психологическая форма гипотезы участия существенна для демократической политической системы. Представляется правдоподобным, что сочетание высокого уровня участия и высокого качества функционирования системы приведет к увеличению шансов стабильной демократии только в том случае, если и высокий уровень участия, и высокое качество функционирования системы воспринимаются гражданским населением как именно таковые. Если же население не рассматривает результаты на «выходе» си-

стемы как выгодные и полезные, то трудно понять, каким образом участие может оказать хотя бы минимальное воздействие на стабильность системы. Таким образом, при тестировании психологической формы гипотезы участия — т.е. зависимости между участием и удовлетворенностью политической системой — мы проверяем критически важную форму данной гипотезы.

Удовлетворенность политической системой может принимать несколько форм. Мы имели дело с тремя типами ориентации по отношению к политической системе: (1) к структуре политического влияния (к структуре «на входе»), (2) к структуре государственного «выхода» (к структуре «на выходе») и (3) с более общей, диффузной ориентацией по отношению к политической системе как единому целому. Если есть желание соотнести удовлетворенность с ощущением компетентности участвовать, то полезно присмотреться к этим трем ориентациям. Во-первых, воспринимаемая способность участвовать в решениях должна ассоциироваться с большей удовлетворенностью ролью индивида в рамках политической структуры «на входе»; иными словами, чем больше он думает о наличии у него влияния на властные структуры, тем больше должен быть удовлетворен своей ролью как участника. Во-вторых, можно было бы ожидать, что индивид, который считает себя способным воздействовать на решения, с большей вероятностью стал бы считать результат этих решений благоприятным для себя по сравнению с лицом, полагающим, что у него вообще нет голоса. Таким образом, субъективно компетентное лицо должно быть более позитивно ориентировано как на свою роль «на входе» политической системы, так и на «выход» этой системы. Но воздействие субъективной компетентности на более общую ориентацию индивида по отношению к системе в целом может оказаться самой критичной проблемой в вопросе о зависимости между участием и потенциалом стабильности системы. Удовлетворенность государственным «выходом» может привести индивида к поддержке своей политической системы, и поэтому вполне правдоподобно, что высокие уровни такой удовлетворенности будут способствовать политической стабильности. С другой стороны, для долго-

временной стабильности более существенным может быть более диффузное ощущение привязанности — такой, которая не столь тесно привязана к качеству функционирования. Удовлетворенность политическим «выходом» обычно изменяется вместе с качеством функционирования системы. Может ожидать, что более диффузное ощущение привязанности к системе (или же то, что мы назвали системной эмоцией) — хотя в длительной перспективе его нельзя назвать никак не соотносящимся с конкретным «выходом» — будет более стабильным видом удовлетворенности. Это как раз тот вид привязанности «при любой погоде», что называется «и в дождь, и в зной», который позволит системе успешно переносить кризис в ее работе.

В табл. VIII.2 представлены данные о зависимости между ощущением способности участвовать в политической жизни и удовлетворенностью своей ролью участника. Чтобы измерить удовлетворенность респондентов их участием в политическом процессе, мы задавали вопрос, какие чувства они испытывали, когда шли на избирательные участки с целью голосовать: было ли это чувство удовлетворенности, чувство, что они голосовали просто по обязанности, выполняя свой долг, чувство раздражения из-за усилий, которые требуются, чтобы проголосовать, или же вообще не чувствовали ничего конкретного. Как показывает табл. VIII.2, избиратели, обладающие повышенным ощущением субъективной компетентности, с большей вероятностью сообщают о чувстве удовлетворенности своим голосованием. Например, об удовлетворенности голосованием сообщают 26% мексиканских избирателей, которые ощущают собственную компетентность как низкую, тогда как среди мексиканцев с высоким уровнем субъективной компетентности о своей удовлетворенности сообщают 50%. И эта общая закономерность обнаруживается во всех группах. Кроме того, из числа избирателей, характеризующихся более высокими уровнями субъективной компетентности, меньшая их доля сообщает, что не чувствует ничего конкретного или что не знает, каковы их чувства на избирательных участках. Как показывает данная таблица, уверенный в себе гражданин является также гражданином, который с наибольшей вероятностью извле-

Таблица VIII.2

Процентная доля тех в составе трех групп субъективно компетентных лиц, кто сообщает об удовлетворенности своим участием в голосовании; по странам и образованию

Страна	Всего			Начальное или ниже			Среднее или выше											
	Высокий ^а		Средний	Низкий		Высокий		Средний	Низкий									
	%	Кол-во ^б		%	Кол-во	%	Кол-во		%	Кол-во								
США	78	(400)	72	(183)	44	(109)	68	(164)	67	(111)	42	(85)	84	(237)	79	(72)	50	(24)
Великобритания	51	(330)	43	(330)	30	(198)	49	(195)	43	(205)	30	(149)	54	(126)	45	(119)	30	(44)
Германия	42	(284)	38	(251)	26	(332)	42	(219)	41	(208)	25	(303)	43	(63)	24	(41)	37	(19)
Италия	40	(225)	35	(218)	21	(476)	38	(145)	33	(135)	21	(385)	45	(80)	40	(81)	21	(90)
Мексика	50	(161)	32	(233)	26	(258)	50	(123)	30	(197)	25	(236)	51	(38)	38	(36)	34	(22)

^а Уровень субъективной компетентности.

^б Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

кает удовлетворение из своего участия. Во всех странах субъективно компетентные лица с большей вероятностью, чем другие, сочтут свою роль в структуре «на входе» удовлетворяющей их.

Удовлетворенность политической ролью — это, однако, не единственный вид удовлетворенности, который может быть соотнесен с ощущением способности участвовать. Можно также ожидать, что индивид, который верит в свою способность участвовать в решениях, с большей вероятностью был бы удовлетворен результатом этих решений. Таблица VIII.3 указывает на то, что в общем и целом это действительно имеет место. Как индикатор удовлетворенности государственным «выходом» мы использовали вопрос, присуща ли действиям местного органа власти тенденция в каком-то смысле улучшать ситуацию в данном районе¹. Таким образом, мы сравниваем имеющееся у индивида ощущение компетентности перед лицом местного органа власти с его оценкой действий местной власти «на выходе». В целом, как показывает табл. VIII.3, чем более субъективно компетентным чувствует себя индивид, тем с большей вероятностью он сообщает, что результаты местного органа власти «на выходе» имеет тенденцию улучшать состояние дел в его регионе. Среди итальянских респондентов с низкими уровнями субъективной компетентности 63% уверены, что местный орган власти так или иначе улучшает ситуацию в своей зоне ответственности, тогда как среди лиц с высоким уровнем субъективной компетентности подобного мнения придерживаются 75%. Доли британских респондентов, которые приписывают местному органу власти столь полезное воздействие, составляют 63% среди лиц с низким уровнем местной компетентности и 74% — среди лиц с высоким уровнем такой компетентности. Та же самая картина обнаруживается в Соединенных Штатах и Германии — для лиц с низкими баллами по шкале субъективной компетентности менее вероятно заявление, что местный орган власти улуч-

---

¹ Для целей этого анализа мы рассматриваем только тех респондентов, которые в своем ответе на предыдущий вопрос указали, что деятельность местного органа власти оказывает воздействие на их жизнь. Обсуждение этой тематики можно найти в главе III.

шает локальные условия, чем для лиц с высокими баллами по этой шкале. Когда уровень субъективной компетентности сохраняется постоянным, сходство между нашими четырьмя странами по значениям частоты, с которой там положительно оцениваются действия местного органа власти, весьма впечатляет.

Однако результаты для Мексики образуют резкий контраст с итогами по четырем другим странам. Здесь ощущение способности участвовать очевидным образом никак не соотносится с оценкой индивидом того, что наблюдается на «выходе» органа власти. Продвигаясь вверх по шкале субъективной компетентности, мы не находим увеличивающейся доли респондентов, которые выражают уверенность, что действия местного органа власти имеют тенденцию улучшать ситуацию в данной зоне. И если во всех других странах индивид, который полагает себя способным к участию в решениях, с большей вероятностью оценит результаты властных структур на «выходе» как позитивные, то мексиканец, считающий себя компетентным участвовать, не отличается от других соотечественников своей оценкой результатов властных структур на «выходе». Что же касается степени активности граждан и их удовлетворенности своими ролями в качестве участников, то шкала субъективной компетентности демонстрирует во всех пяти странах сильную зависимость этих факторов друг от друга. Если же говорить об оценке результатов властных структур «на выходе», то теперь мы обнаруживаем в однородной картине явный разрыв. В Мексике компетентному гражданину не присуща более высокая вероятность позитивной оценки фактического качества работы властных структур. Перед тем как обсудить это отклонение от типичной картины, давайте взглянем на зависимость между субъективной компетентностью и системной эмоцией.

Для долгосрочной политической стабильности самой релевантной установкой может оказаться не уровень удовлетворенности индивида полученными на «выходе» результатами работы властных структур или же его ролью как участника. Скорее долговременная политическая стабильность может сильнее зависеть от более диффузного чувства привязанности к политической системе или лояльности по отношению

Процентная доля тех в составе трех групп субъективно компетентных лиц, кто сообщает о своей убежденности в полезности результатов работы местных органов власти^а; по странам и образованию

Страна	Всего						Начальное или ниже						Среднее или выше					
	Высокий ^б		Средний		Низкий		Высокий ^б		Средний		Низкий		Высокий ^б		Средний		Низкий	
	%	Кол-во ^в	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	76	(471)	72	(223)	57	(155)	73	(177)	67	(124)	58	(119)	78	(294)	78	(99)	53	(36)
Великобритания	74	(296)	68	(282)	63	(130)	74	(166)	67	(165)	64	(95)	75	(120)	68	(110)	61	(31)
Германия	75	(244)	61	(225)	62	(233)	72	(181)	62	(181)	61	(211)	84	(62)	57	(42)	76	(17)
Италия	75	(175)	69	(155)	63	(240)	72	(99)	67	(90)	62	(173)	79	(75)	72	(64)	66	(67)
Мексика	46	(79)	52	(109)	44	(122)	38	(61)	45	(91)	41	(112)	71	(17)	79	(18)	[71	(10)]

^а Но только среди тех респондентов, которые в ответе на предыдущий вопрос указали, что местный орган власти оказывает воздействие на их жизнь.

^б Уровень субъективной компетентности.

^в Числа в круглых скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

к ней — лояльности, не основанной конкретно на качестве функционирования системы. Вопрос, который может быть поднят в этой связи, таков: действительно ли способность участвовать в политической системе приводит к подобному виду привязанности? В противоположность, скажем, оценке индивидом текущих результатов системы на «выходе», более диффузное чувство привязанности к политической системе труднее измерить. Чтобы измерить системную эмоцию, мы воспользуемся нашим вопросом о том, чем индивид гордится применительно к своей стране; конкретно мы будем использовать частоту, с которой индивиды сообщают о гордости каким-то аспектом своей политической или властной системы. Преимущество применения данного вопроса состоит в том, что ссылки на политическую систему являются спонтанными. (Более полное обсуждение ответной реакции на этот вопрос см. в главе III.)

О зависимости между субъективной компетентностью и гордостью за свою политическую систему сообщается в табл. VIII.4. Самой интересной в этой зависимости выглядит разница между Соединенными Штатами, Великобританией и Мексикой, с одной стороны, и Германией, а также Италией — с другой. В Соединенных Штатах, Великобритании и Мексике те, кто считает себя компетентным участвовать во властных решениях, с большей вероятностью готовы выражать гордость политическими аспектами своей страны, нежели те, у кого такое чувство собственной компетентности отсутствует. В Великобритании, например, 50% лиц с высоким уровнем субъективной компетентности выражают гордость за свою политическую систему — по сравнению с 36% тех, у кого показатели субъективной компетентности низки. И это, в общем, справедливо для обоих уровней образования. Кроме того, по сравнению с лицами, чей уровень субъективной компетентности низок, у тех, кто характеризуется более высоким ее уровнем, меньше вероятность сказать, что они либо ничем не гордятся в связи со своей страной (это довольно откровенное заявление о собственном отчуждении), либо не знают, гордятся ли они хоть чем-нибудь, либо, наконец, не знают, в связи с чем конкретно они испытывают гордость.

В Германии и Италии картина совершенно иная. Там зависимость между чьим-то ощущением политической компетентности и вероятностью того, что этот человек выразит гордость в связи с существующей политической системой, выражена явно слабее. У лиц с высокими баллами по шкале субъективной компетентности вероятность высказывания, что они гордятся каким-то политическим аспектом своей страны, не больше, чем у людей с низкими баллами по этой шкале. Кроме того, хотя по сравнению с «малокомпетентными» лицами их «высококомпетентные» соотечественники с меньшей вероятностью скажут, что они не знают, чем им гордиться в качестве итальянцев или немцев, для них всех одинаково правдоподобно дать довольно-таки экстремальный отчужденный ответ, что они не гордятся ничем. В обеих этих странах чувство политической компетентности сильно соотносится с удовлетворенностью своей ролью участника и с удовлетворенностью определенными результатами на «выходе» органов власти. Однако в отличие от ситуации в Великобритании, Мексике и Соединенных Штатах это чувство не кажется связанным с более общей системной эмоцией. И все-таки одно различие в этом отношении между Италией и Германией существует. В Италии отсутствие зависимости между чувством компетентности и системной эмоцией обнаруживается на обоих образовательных уровнях. В Германии это отсутствие зависимости кажется ограниченным теми, чье образование не выше уровня начальной школы.

Данные табл. VIII.3 и VIII.4 говорят о значительной обоснованности гипотезы, утверждающей, что степень участия в решениях воздействует на степень удовлетворенности той системой, в функционировании которой человек участвует. Да и вообще степень удовлетворенности в целом увеличивается вместе с ростом участия. В Соединенных Штатах и Великобритании зависимость между удовлетворенностью и ощущением участия обнаруживается для всех трех измерителей удовлетворенности; в трех других странах такая зависимость наблюдается для двух из трех применявшихся измерителей. В этом отношении демократическое правительство или иной орган власти, который способствует ощущению

Таблица VIII.4

Гордость за страну в трех группах субъективно компетентных лиц;
по странам и образованию

Чем респонденты гордятся в связи со своей страной	Всего														
	США			Великобритания			Германия			Италия			Мексика		
	Выс. ^а	Сред.	Низ.	Выс.	Сред.	Низ.	Выс.	Сред.	Низ.	Выс.	Сред.	Низ.	Выс.	Сред.	Низ.
Системой власти и политической системой	92	87	67	50	49	36	9	5	6	3	8	2	38	31	26
Другими асpekтами ^б	7	12	20	46	44	43	81	85	70	80	76	61	60	60	48
Ничем	0	0	4	2	4	8	5	3	9	8	4	11	0	2	5
Не знает	0	0	9	3	4	13	5	6	15	9	12	26	2	7	21
Суммарная процентная доля	99	99	100	101	101	100	100	99	100	100	100	100	100	100	100
Общее ко- личество респондентов	506	251	212	366	364	230	305	279	368	243	234	514	201	332	474

Продолжение табл. VIII.4

Начальное или ниже

Чем респонденты гордятся в связи со своей страной	Начальное или ниже														
	США			Великобритания			Германия			Италия			Мексика		
	Выс. ^а	Сред.	Низ.	Выс.	Сред.	Низ.	Выс.	Сред.	Низ.	Выс.	Сред.	Низ.	Выс.	Сред.	Низ.
Системой власти и политической системой	87	86	64	47	44	34	8	5	7	3	4	2	35	30	25
Другими асpekтами ^б	11	12	21	47	47	44	82	85	69	77	72	56	63	60	48
Ничем	1	0	5	1	5	9	6	4	10	10	5	11	0	3	4
Не знает	1	1	10	4	5	13	5	7	15	10	19	31	2	8	23
Суммарная процентная доля	100	99	100	99	101	100	101	101	101	100	100	100	100	101	100
Общее ко- личество респондентов	205	146	165	209	219	164	230	227	334	149	138	402	153	287	436

СРЕДНЕЕ ИЛИ ВЫШЕ

Чем респонденты гордятся в связи со своей страной	США			Великобритания			Германия			Италия			Мексика		
	Выс. ^a	Сред.	Низ.	Выс.	Сред.	Низ.	Выс.	Сред.	Низ.	Выс.	Сред.	Низ.	Выс.	Сред.	Низ.
Системой власти и политической системой	95	90	74	52	56	42	12	8	0	3	12	2	49	38	37
Другими асpekтами ^б	4	10	15	44	40	41	79	88	96	85	83	80	51	59	50
Ничем	0	0	4	2	2	5	3	0	0	4	2	8	0	1	5
Не знает	0	0	6	2	2	12	5	4	4	8	3	10	0	1	8
Суммарная процентная доля	99	100	99	100	100	100	99	100	100	99	100	100	100	99	100
Общее количество респондентов	301	105	47	147	138	59	73	50	24	93	94	111	47	45	35

^a Уровень субъективной компетентности.

^б «Другие аспекты» относятся к тем респондентам, которые выражали гордость некоторыми аспектами, отличающимися от политической системы. Респонденты, которые сообщали о гордости политической системой, а также чем-либо другим, учтены в верхней строке.

способности участвовать в решениях, похоже, действительно пожинает полезные плоды такого участия.

Но имеющиеся данные не дают однозначного подтверждения гипотезы участия. Скорее они говорят о том, что воздействие имеющегося у индивида чувства компетентности на его чувство удовлетворенности данной политической системой и привязанности к ней может несколько различаться от страны к стране. Во всех пяти наших странах гражданин с сильным ощущением своей способности участвовать в большей мере удовлетворен собственной ролью участника, чем гражданин, у которого ощущение такой способности слабее. С другой стороны, позитивная зависимость между чувством участия и удовлетворенностью качеством работы властных структур обнаружена только в четырех из пяти стран. В Мексике ощущение компетентности никак не связано с удовлетворенностью «выходом». А зависимость между системной эмоцией и ощущением способности участвовать очевидна только в трех из пяти привлекавшихся нами стран. В Германии и Италии участие, как представляется, не приводит к более частой положительной оценке системы в целом.

Эти различия в типах удовлетворенности, ассоциирующейся с участием, порождают важные последствия. Как сообщалось и обсуждалось в главе III, немецкие и итальянские респонденты реже всех указывают, что гордятся политическими аспектами своих стран. Выражение гордости направлено у них на другие общенациональные объекты, но не на политическую систему, и это легко понять в свете последних этапов новейшей политической истории указанных двух стран. Системы власти, существующие там в настоящее время, довольно новы и в некоторой степени были навязаны извне. В отличие от Соединенных Штатов и Великобритании — и даже в отличие от Мексики, властные структуры которой претерпевали в течение последних примерно 40 лет, начиная с мексиканской революции, скорее постепенную эволюцию, чем скачкообразные трансформации, — политическая жизнь в Германии и Италии характеризовалась резкими нарушениями непрерывности.

Но абсолютный *уровень* выражения национальной гордости не является здесь предметом рассмотрения. Прини-

мая во внимание различия в абсолютном уровне, мы хотим найти *зависимость* между ощущением участия и выражением национальной гордости. И здесь выясняется следующее важное обстоятельство: в то время как в трех других странах ощущение способности участвовать в политических решениях, похоже, до некоторой степени претворяется («транслируется») в общую гордость за политическую систему, в Германии и Италии проявления данного процесса малозаметны. В этих двух странах даже индивид, который считает себя в высокой степени способным влиять на власти и правительство, готов выражать гордость политическими аспектами своей страны отнюдь не с большим правдоподобием, чем человек, который не испытывает такого ощущения компетентности, и уверенный в себе гражданин выразит здесь отчужденность от своей страны с такой же вероятностью, как и любой другой гражданин. В Соединенных Штатах, Великобритании и Мексике ощущение способности участвовать, как представляется, влечет за собой общую привязанность к политической системе. Что касается Германии и Италии, то, хотя там существуют определенные возможности участвовать и хотя там есть респонденты, которые считают себя компетентными делать это, такое участие не привело к большему чувству отождествления с политической системой. Таким образом, позитивная зависимость между субъективной компетентностью и системной эмоцией, обнаруженная среди немцев с образованием не ниже среднего, становится важной. Она говорит о том, что у лиц, которые достигли некоторого более высокого уровня образования, способность участвовать начинает претворяться в привязанность к политической системе. В Италии, с другой стороны, разрыв между участием и системной эмоцией заметно шире.

Как говорят данные по Германии и Италии, у любой позитивной привязанности к политической системе, которая берет свое начало из участия в этой системе, есть тенденция носить скорее прагматичный характер. Если сравнить гражданина, верящего в свою способность к участию, с тем, у кого такая вера отсутствует, то первый действительно склонен быть более удовлетворенным действующей в его

стране политической системой, но это удовлетворенность конкретным качеством функционирования данной системы. Если верна наша гипотеза о значимости системной эмоции для долгосрочного успеха политической системы, то складывается впечатление, что ощущение способности участвовать в принятии властных решений — установка, которая развивалась в Германии и Италии с момента формирования там демократических правительств, — будет способствовать стабильности указанных демократических систем до тех пор, пока качество работы системы поддерживается на высоком уровне. Если же качество работы системы станет отставать от желаемого уровня, то факт, что отдельные итальянцы и немцы считают себя способными к участию в этой системе, не сможет сколько-нибудь заметно увеличить шансы на выживание демократии в двух названных странах.

В Мексике зависимость между удовлетворенностью и чувством участия сильно отличается от обнаруживаемой в Германии и Италии. В Мексике, как и во всех других исследуемых странах, субъективная компетентность позитивным образом соотносится с удовлетворенностью своей ролью участника. Кроме того, в Мексике, как и в Соединенных Штатах и Великобритании (но в отличие от Германии и Италии), чувство политической компетентности соотносится с общей системной эмоцией. В Мексике, однако, в отличие от четырех других стран, нет никакой очевидной зависимости между чувством компетентности и удовлетворенностью определенным качеством функционирования политической системы.

Мы не знаем, почему картина мексиканских ответов отклоняется от гипотезы участия именно таким образом, но параллель между этим явлением и некоторыми ранее представленными данными подсказывает объяснение. В Мексике чувство компетентности связано с общей системной эмоцией, но не с более благоприятным взглядом на фактическое качество работы всей системы. Это может быть как раз такая картина, которой и следовало бы ожидать в связи с тамошней революционной или статусно устремленной ориентацией по отношению к политической жизни.

Как мы уже указывали, среди мексиканского народа интерес к политической жизни и вовлеченность в нее не развивались постепенно. Вместо этого осведомленность обычного гражданина о политической жизни, а на самом деле и о своей принадлежности к стране произрастала, вероятно, из драматических подъемов, спадов, поворотов и переворотов мексиканской революции. Участие в политической жизни не распространялось по этой стране постепенно, равно как и не было первым опытом политического участия, связанным с некой конкретной проблемой¹. Скорее первое ощущение участия возникло в очень сильно заряженном эмоциями националистическом восстании. И символическая важность революции сохранилась в мексиканской политике вплоть до сего дня. Тем самым отсутствует тесная связь участия с повседневными действиями мексиканского правительства; в действительности весьма активные чувства участия и патриотизма сосуществуют в Мексике с низкой оценкой фактического качества работы любых властей. Участие существует на уровне честолюбивых статусных устремлений. Мексиканец с сильным чувством участия позитивно ориентирован на свою страну как символ и на свою политическую систему на более общем уровне. Он не ожидает от сегодняшних властей никакого лучшего качества функционирования.

Наиболее глубоко выраженная зависимость между ощущением способности участвовать и удовлетворенностью политической системой существует в Соединенных Штатах и Великобритании. Здесь субъективно компетентные лица с большей вероятностью выразят удовлетворенность своими ролями в качестве участников и конкретным качеством работы системы; кроме того, более вероятно также и выражение ими общей гордости за существующую политическую систему. В Великобритании и Соединенных Штатах не найти

---

¹ Пример пути, на котором мобилизованность в политическую жизнь может развиваться постепенно, через распространение права на участие в выборах и (что может не быть тем же самым) голосование от «центральных» сегментов общества к более «периферийным» см.: Stein Rokkan, «Trends in Political Mobilization» (a paper prepared for a UNESCO Conference on Comparative Political Behavior, Bergen, Norway, June 1961, mimeographed).

ни того разрыва между чувством участия и общей привязанностью к системе, который очевиден в Италии и Германии, ни разрыва между чувством участия и удовлетворенностью качеством функционирования системы, очевидного в Мексике. В Великобритании и Соединенных Штатах участие не находится ни на нереальном уровне честолюбивых статусных устремлений, как в Мексике, ни на прагматическом уровне, как в Италии и Германии. Скорее оно основано на более позитивной ориентации по отношению к государству на самом общем уровне, равно как и на более позитивных специфических ожиданиях применительно к качеству работы системы.

Здесь, таким образом, мы видим впечатляющее свидетельство существования в Соединенных Штатах и Великобритании «сбалансированной» демократической политической ориентации. В этих двух странах участие в политической жизни связано и с эмоциональной ориентацией на существующую политическую систему, и с конкретными прагматическими ожиданиями, связанными с этой системой. Здесь не бывает ни политического участия, которое соотносится только с конкретным качеством функционирования системы, ни политического участия, соотносящегося с политической системой на символическом уровне, а не с актуальной политической жизнью.

Компетентность и демократические ценности

Если наши данные, приведенные в предыдущем разделе, верны, то демократические системы действительно обладают некоторыми из приписываемых им преимуществ. По крайней мере, с точки зрения индивидуального участника сама возможность участия в политических решениях ассоциируется с большей удовлетворенностью такой системой и с большей общей лояльностью по отношению к этой системе. (Данный вывод требует тем не менее всех уточнений, введенных в предшествующем разделе.) Как представляется, ощущение способности участвовать в политической жизни при

прочих равных условиях увеличивает легитимность системы и ведет к политической стабильности¹.

Если в дополнение к удовлетворенности своей политической системой субъективно компетентные лица верят, что система, рассчитанная на участие, — это и есть та система, которую надлежит иметь, то потенциальная стабильность демократической системы увеличится еще больше. Если те, кто считает себя более компетентным для участия, одновременно еще выше ценят также участие в системе своих сограждан — верят в электоральную демократию, верят, что рядовой человек обязательно должен быть участником, — то участие в политической жизни будет наращивать демократический потенциал страны, увеличивая преданность граждан демократическим ценностям.

Наши данные показывают, что дело обстоит именно так. Те, кто считают себя компетентными участвовать, с большей вероятностью убеждены также в том, что демократическая система, обеспечивающая участие, — это действительно хорошая система и ее надлежит иметь. В каждой из пяти стран те респонденты, которые на шкале субъективной компетентности располагаются выше, с большей вероятностью, чем находящиеся ниже, сообщают, что избирательные кампании и участие в них — это хорошая вещь². В Мексике, например, 71% респондентов, занимающих высокие места на указанной шкале, сообщают, что избирательные кампании необходимы, тогда как из числа тех, кто занимает на этой

---

¹ Это соображение нуждается в некотором уточнении. Высокие уровни участия на самом деле могут оказывать дестабилизирующее воздействие на систему. Но *ощущение* компетентности, особенно когда оно сопряжено с несколько пониженной удовлетворенностью от фактической реализации этой компетентности, действительно играет важную роль в политической стабильности. Для дальнейшего обсуждения данного вопроса см. главу XIII.

² Данный вопрос был сформулирован так, чтобы облегчить тем, кто выступал против избирательных кампаний, выражение их возражений. Он звучал так: «Некоторые люди считают избирательные кампании необходимыми, чтобы публика могла высказывать суждения о кандидатах и об имеющихся проблемах. Другие говорят, что эти кампании вызывают такой горький осадок и настолько ненадежны, что нам было бы лучше обходиться без них. Как считаете лично вы — необходимы эти кампании или же нам было бы лучше обходиться без них?»

шкале низкие места, такой точки зрения придерживаются лишь 52%.

Тот факт, что субъективная компетентность выглядит связанной с приверженностью формальным демократическим правилам, пожалуй, яснее всего демонстрируется зависимостью между чувством политической компетентности и частотой, с которой респонденты сообщают о наличии у среднего человека обязанности быть активным участником своего местного сообщества. Как отмечалось в главе VI, существуют различия между странами по той частоте, с которой респонденты сообщают, что гражданин обязательно должен участвовать в делах своего общества. Несмотря на эти различия в оценке данного обстоятельства, во всех странах лица, считающие себя наиболее компетентными участвовать, также с наибольшей вероятностью убеждены, что на рядовом человеке лежит обязанность быть участвующим гражданином. Существует несомненная зависимость между верой в собственные способности к участию и нормой, обязывающей людей участвовать, причем эта зависимость обнаруживается как в тех странах, где приверженность указанной норме широко распространена (например, в Америке), так и там, где она отмечается реже (например, в Италии). Среди американских респондентов, которые чаще всех прочих сообщают, что индивид обязан быть участником своего сообщества, о наличии такой обязанности у рядового человека сообщают 61% лиц с высоким уровнем субъективной компетентности, тогда как из числа лиц с низкими баллами по шкале субъективной компетентности об этом заявляют 23%. Из числа итальянцев с высоким уровнем субъективной компетентности 19% сообщают, что индивид обязан быть активным в своем местном сообществе, — в противоположность 4% среди лиц с низкой субъективной компетентностью, которые придерживаются подобного мнения. Таким образом, индивид, который чувствует себя компетентным участвовать, будет также, как правило, с большей вероятностью придавать высокую ценность и участию рядового человека.

Уверенный в себе гражданин: закключение

Гражданин, как он определяется в этом исследовании, — это человек, способный сыграть некоторую роль в функционировании своей политической системы. Он обладает влиянием на принимаемые в ней решения. В ходе данного исследования мы подчеркивали важность того, в какой степени индивиды рассматривают себя гражданами в этом смысле. Частота, с которой они оценивают себя как компетентных участвовать в своей политической системе, может приниматься в качестве индекса того, до какой степени они сами считают свои страны демократическими. Поскольку эти индивиды могут заблуждаться по поводу потенциала собственного влияния, было бы ошибкой считать частоту положительных самооценок объективным индексом демократии. Тем не менее, ввиду того что мы изучаем политическую ориентацию, ассоциирующуюся с демократией, данные о субъективной компетентности граждан являются критически важными.

Субъективная компетентность не только служит индексом того, до какой степени граждане рассматривают свои политические системы как демократические, — она также представляется тесно соотносящейся со многими другими установками, жизненно важными для понимания природы демократических политических ориентаций.

По сравнению с гражданином, чья субъективная компетентность низка, уверенный в себе гражданин, вероятно, будет вместе с тем и активным гражданином: он станет следить за политической жизнью, обсуждать политическую жизнь, быть достаточно активным приверженцем какой-либо из партий. Он также с большей вероятностью будет удовлетворен своей ролью участника и, с учетом ряда обсуждавшихся выше конкретных исключений, будет, вероятно, более благосклонно оценивать качество функционирования своей политической системы и вообще обладать более позитивной ориентацией применительно к ней.

Наконец, уверенный в себе гражданин с большей вероятностью станет выражать приверженность тем ценностям,

которые ассоциируются с демократической системой. Он с большей вероятностью будет верить в необходимость избирательных кампаний и считать, что у рядового человека есть обязанность участвовать в делах своего сообщества.

Таким образом, вера в свою компетентность представляет собой ключевую политическую установку, причем в самых разных аспектах. Уверенный в себе гражданин должен быть, как представляется, демократическим гражданином. Он не только думает, что способен участвовать, но еще и полагает, что другие тоже обязательно должны участвовать. Более того, он не просто думает, что может играть какую-то роль в политической жизни, — вполне вероятно также, что он *действительно окажется* более активным. И, пожалуй, существеннее всего, что уверенный в себе гражданин будет также, вероятно, более удовлетворенным и лояльным гражданином.

ГЛАВА IX

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ КООПЕРИРОВАНИЕ

В том, что было нами представлено до настоящего момента, нас интересовали специфически политические качества и установки, их распределение в отобранных нами пяти странах и их взаимозависимости в качестве демократического синдрома. Аналитически оправданно выделение из общих культурных характеристик именно политических качеств и установок. Только таким способом мы можем трактовать политическую культуру как отдельную переменную, изучать ее составные части и их взаимозависимости, а также устанавливать, в чем политические культуры тех или иных стран отличаются одна от другой. Однако действовать таким образом не означает подразумевать, что политические установки автономны и никак не соотносятся с другими социальными установками. На самом деле они тесно связаны с другими социальными установками, но только посредством выделения политических установок из общей массы мы сможем затем соотнести эти установки с их более общим социальным контекстом. Чтобы проанализировать зависимость между такими социальными и психологическими переменными, с одной стороны, и политическими установками — с другой, мы сначала опишем некоторые полученные нами результаты, касающиеся различий между нашими пятью странами в общих социальных и межличностных установках. И сконцентрируемся на неполитических взаимоотношениях индивида с другими людьми — на том, в какой степени он вовлечен в социальные взаимоотношения с ними, на его установках применительно к ним. По нашему убеждению, эти установки индивида по отношению к его социальному и межличностному окружению могли бы помочь объяснить его точку зрения на специфически политические аспекты этого окружения. После описания указанных социальных и межличностных установок, а также того, каким образом они распределены в на-

ших пяти странах, мы обратимся к тому, как они соотносятся с политическими установками и зависят от них.

Свободное время и общественная активность

Как можно измерить степень, в которой обществом ценится социальное взаимодействие? Определенные виды социальных отношений являются в некотором смысле непреднамеренными или недобровольными, а заинтересованность акторов в них не служит индикатором той ценности, которую они придают данным социальным взаимодействиям. Например, взаимодействие с членами своей семьи неизбежно. Члены семьи, живущие в одном домовладении, должны взаимодействовать друг с другом, хотя несомненно существуют культурные различия в том, до какой степени ценится семейное взаимодействие либо чувство духовного единения родственников или же до какой степени культура поощряет индивидуализацию среди членов одной семьи. Аналогично во многих — пожалуй, даже в большинстве — производственных и вообще рабочих ситуациях социальное взаимодействие неизбежно. Следовательно, в нашем вопросе, задуманном для выяснения «социабельности», или способности к социальному взаимодействию, мы умышленно направили респондента подальше от этих более или менее обязательных и неизбежных ситуаций, зато ближе к свободному времени в его повседневной жизни; при этом мы стремились обнаружить, какую деятельность он предпочел бы в свободное от работы время — группового или индивидуального типа. Этот вопрос задавался в самом начале интервью, и он был открытым. Следовательно, мы можем рассматривать ответы на него как спонтанные утверждения о предпочтениях и поведении. Фактический текст указанного вопроса вместе с инструкциями интервьюеру был таким: «Мы хотели бы начать с разговора о некоторых из ваших более общих интересов. Если отложить в сторону вашу работу и вашу семью, то что собой представляют те действия, которые интересуют вас больше всего и на которые вы тратите свое свободное время?» [Углубленное зондирование.]

«Есть ли что-нибудь еще?» [Для тех, кто говорит о полном отсутствии у них свободного времени:] «Если бы вы имели больше свободного времени и возможностей, то какими делами вам хотелось бы заниматься?»

Ответы были закодированы в соответствии с категориями, перечисленными в табл. IX.1. Любопытно отметить, что во всех пяти странах процентные доли респондентов, выражающих в свое свободное время интерес к специфически политическим действиям, чрезвычайно малы. Первые три строки таблицы, где регистрируется частота гражданско-политических действий и участия в группах экономических интересов, а также в деятельности других групп интересов, содержат только очень малые процентные показатели. Этим подтверждается суждение, что доля индивидов, для которых гражданская активность весьма существенна, во всех странах имеет тенденцию быть незначительной.

Однако для социальной деятельности ситуация выглядит не так. В Соединенных Штатах и Великобритании процентные доли респондентов, сообщающих об интересе к благотворительной деятельности и работе по улучшению быта неимущих, к деятельности религиозных групп (помимо собственно посещения церкви) и к социальной деятельности, а также об участии в них, заметно больше, чем в Германии, Италии и Мексике. Если рассмотреть всех респондентов, упоминающих о деятельности, которая подключает их к социальному взаимодействию с другими людьми, то их доли изменяются от 40% для Соединенных Штатов до 7% для Италии. Остальные категории активной деятельности в значительной степени составляют индивидуальные занятия вроде того или иного хобби, чтения, просмотра телевидения, прослушивания радио или путешествий.

Эти данные говорят о том, что в стабильных демократиях имеет место гораздо более высокая встречаемость социального взаимодействия вне тех до известной степени обязательных взаимоотношений, которые имеют место в семье и рабочих группах. Такое добровольное социальное взаимодействие преследует «моральные» цели (общественные, религиозные или связанные с социальным обеспечением),

Таблица IX.1

Предпочитаемая деятельность в свободное от работы время; по странам

Процентная доля тех, кого интересуют...	США	Великобритания	Германия	Италия	Мексика
Гражданско-политические действия	2	2	3	1	0
Группы экономических интересов	0	0	1	0	0
Другие группы интересов	3	0	0	0	0
Благотворительная деятельность и улучшение быта неимущих	8	5	2	2	1
Религиозная деятельность	20	7	4	2	4
«Социальные» действия	18	18	8	3	6
Суммарная процентная доля лиц, выбирающих «коммуникабельную» деятельность вовне*	40	50	16	7	11
Хобби, занятия спортом и т.д.	70	73	61	42	51
Культурные действия (чтение, телевидение, радио и т.д.)	33	44	52	35	58
Путешествия	0	3	7	8	13
Только прочие	0	5	15	17	4
Ничего	3	6	6	10	2
Не знают	0	0	1	3	1
Суммарное количество респондентов	970	963	955	995	1007
Суммарная процентная доля респондентов	100	100	100	100	100
Суммарная процентная доля ответов**	157	163	160	121	140

* Процентные доли в этой строке меньше, чем сумма приведенных выше значений, так как некоторые респонденты выбрали больше одного вида подобной деятельности.

** Процентные доли превышают 100% из-за множественных ответов.

равно как и более рекреационные и «светские» (компанийские) цели. Отсюда можно сделать вывод, что в стабильных демократиях модель добровольного социального взаимодей-

ствия относительно хорошо сложилась и что это, в свою очередь, отражает чувства уверенности и безопасности, существующие в социальном окружении. Таким образом, в тех странах, где наблюдается более высокая встречаемость кооперативной гражданской компетентности, похоже, наблюдается также и более высокая встречаемость социального взаимодействия в контекстах, отличающихся от политических. Кроме того, наш анализ показывает, что частота упоминания о коммуникабельных «исходящих» действиях относительно независима от образовательных достижений. Для лиц с более высоким образованием имеет место некоторая тенденция чаще сообщать о таких действиях, но по сравнению с другими образовательными моделями эти различия незначительны.

Оценка коммуникативных качеств характера

Некоторые авторы высказывали предположение, что население стабильных демократий высоко ценит «открытые», или «коммуникативные», качества характера. Логика этой гипотезы такова. Если эффективно функционирующая демократия требует высокой встречаемости гражданской компетентности и если последняя, в свою очередь, основана на способности объединяться с другими людьми для достижения гражданских и политических целей, то мы ожидали бы видеть, что тем качествам характера, которые связаны с кооперированием и работой с окружающими, придается высокая ценность.

В одном из своих вопросов мы предъявляли нашим респондентам список утверждений, описывающих различные черты характера. Респондентов просили выбрать те две характеристики, которые восхищали их больше всего¹. Самое серьезное различие между нашими пятью странами состоит в заметно большей частоте, с которой американские и британские респонденты сообщают о своем восхищении щедростью и внимательностью. Когда их просили назвать характеристи-

---

¹ Фактический текст этого вопроса был таким: «У всех нас имеются представления о том, какими должны быть люди. Вот список характеристик, которые вы можете найти в людях. Сумеете ли вы выбрать такую черту характера, которая восхищает вас сильнее всего?»

ку, которая больше всего покоряет их в людях, 59% американских респондентов и 65% британских упоминали именно эти коммуникативные межличностные достоинства; в Германии указанные характеристики упомянули 42% респондентов, в Италии — 25% и в Мексике — 36%. Кроме того, в Соединенных Штатах, Великобритании, Германии и Италии выбор щедрости и внимательности как замечательных качеств, которые восхищают сильнее всего, резко повышается вместе с ростом образовательного и профессионального статуса.

В Мексике, с другой стороны, более высокое образование, как представляется, слабее воздействует на частоту, с которой отбираются щедрость и внимательность. Аналогичная страновая картина появляется, когда мы контролируем род занятий и профессию. В Соединенных Штатах, Великобритании и Германии по мере продвижения от неквалифицированных рабочих к специалистам, представителям свободных профессий и административно-управленческому персоналу обнаруживается круто поднимающаяся кривая, тогда как в Италии и Мексике соответствующие различия весьма невелики. Эти результаты, похоже, говорят о том, что в Соединенных Штатах, Великобритании, Германии и в меньшей степени в Италии эти «протогражданские» или «предгражданские» качества, связанные с высокой оценкой коммуникабельности, чаще всего свойственны лицам с самыми большими образовательными и профессиональными преимуществами. Но наиболее резкие различия в частоте, с которой высоко оцениваются такие «коммуникативные» достоинства, как щедрость и внимательность, наблюдаются не внутри какой-то страны, а между странами. В Соединенных Штатах и Великобритании они упоминаются чаще всего — даже внутри эквивалентных образовательных и профессиональных групп.

Чувства безопасности и отзывчивость

Частота, с которой индивиды взаимодействуют друг с другом, и разновидности тех черт характера, которыми они восхищаются, связаны, в свою очередь, с качествами, которые они приписывают разным типам своего социального окружения. Можно было бы ожидать, что люди, которые часто

вовлекаются в групповые действия и высоко ценят коммуникативные черты характера, станут также рассматривать человеческое окружение как безопасное и отзывчивое. Чтобы установить, каковы преобладающие чувства и ожидания по поводу социальных отношений в наших пяти странах, мы использовали серию вопросов, разработанных Моррисом Розенбергом с целью замерять «веру в людей»¹. Первые два из них — это утверждения, отражающие недоверие к окружающим; причем первый вопрос из данной пары отражает отчуждение или недоверие, а второй отражает желательность осмотрительности и осторожности во взаимоотношениях с другими людьми. Первое утверждение, говорящее об отчуждении, выявляет резкие различия между американскими и британскими респондентами, с одной стороны, и немца-

---

¹ Rosenberg, «Misanthropy and Political Ideology», *American Sociological Review*, XXI, p. 690–695; «Misanthropy and Attitudes Toward International Affairs», *Journal of Conflict Resolution*, I (1957), p. 340–345.

Пять утверждений в его шкале таковы.

1. Некоторые говорят, что большинству людей можно доверять. Другие говорят, что в своих взаимодействиях с людьми невозможно переборщить и проявить излишнюю осторожность. Каковы ваши ощущения в данном вопросе?

2. Могли бы вы сказать, что преобладающая часть людей больше склонна помогать другим или же больше склонна блюсти собственные интересы?

3. Если вы не будете следить за происходящим вокруг, то люди перехитрят и обманут вас.

4. Никто не собирается особенно заботиться о том, что происходит с вами, когда вы собираетесь приступить к какому-то делу и сразу же берете быка за рога.

5. Человеческая натура фундаментально склонна к сотрудничеству.

Чтобы сформировать шкалу «веры в людей», респондентам начисляли один балл за ответы, что «большинству людей можно доверять», что «люди больше склонны помогать другим», а также за несогласие с утверждениями 3 и 4 и за согласие с утверждением 5. Тем, кто давал противоположные ответы на упомянутые выше утверждения, за каждый из таких ответов начисляли –1 балл. За сомнительные ответы вроде «Как сказать», «Все зависит от обстоятельств», «Смотря по ситуации» или «Некоторым людям можно доверять, а другим нет» давался нуль баллов. Затем респондентов расклассифицировали, разбив на три группы в зависимости от уровня их «веры в людей». В группу с высоким уровнем попадали те, чьи показатели оказывались в диапазоне от +2 до +5 баллов; в среднюю группу — те, показатели которых располагались в диапазоне от –2 до +1 балла, и в «низкую» группу — те, у кого показатели составляли от –3 до –5 баллов. Этот набор оценок отличается от того, который использовал для своей шкалы сам Розенберг.

ми, итальянцами и мексиканцами — с другой. Второе утверждение — о недоверии, — которое гласит, что в отношениях с другими людьми желательно проявлять осторожность, получило, как представляется, почти повсеместную поддержку в каждой из пяти стран.

Более умеренное из двух позитивных утверждений о социальной отзывчивости и доверии (т.е. утверждение о том, что большинству людей можно доверять) выявляет резкие различия между странами: американские и британские респонденты демонстрируют самую высокую частоту доверчивости, итальянцы и немцы — самую низкую, а мексиканцы находятся между ними. С более сильным утверждением о межличностном доверии (что преобладающая часть людей больше склонны помогать другим) соглашаются не столь часто, но опять-таки для американских и британских респондентов процентные доли соглашающихся больше. Пятый вопрос — о том, действительно ли человеческая натура фундаментально склонна к сотрудничеству, — предлагает в действительности «прокатиться на дармовщину» по дороге, ведущей к оптимизму и вере. Он не направляет внимание респондентов на сиюминутную ситуацию и реалистические ожидания. Во всех пяти странах процентные доли «хороших» ответов на него велики, но опять-таки немецкие и итальянские показатели существенно ниже, чем американские, британские и мексиканские.

Если посмотреть на столбцы этой таблицы повнимательнее, то обнаруживаются три страновые модели. Во-первых, американские и британские ответы в целом находятся в нижней части континуума, представляющего измерения социального недоверия, и в верхней — того континуума, который представляет измерения доверия. Во-вторых, немецкие и итальянские ответы демонстрируют относительно высокий уровень недоверия и низкий — доверия. Мексиканская модель носит смешанный характер. С утверждениями, свидетельствующими об отчужденности, соглашается больше мексиканцев, чем итальянцев и немцев. Да и с последними тремя позитивными утверждениями соглашается — за одним исключением — больше мексиканцев, чем итальянцев и немцев. Другими словами, американцы и британцы после-

Таблица IX.2

Социальное доверие и недоверие; по странам

Процентная доля соглашающихся с тем, что...	США	Великобритания	Германия	Италия	Мексика
УТВЕРЖДЕНИЯ О НЕДОВЕРИИ					
Никто не собирается особо заботиться о том, что происходит с вами, когда вы собираетесь приступить к какому-то делу и сразу берете быка за рога	38	45	72	61	78
Если вы не будете следить за происходящим вокруг, то люди перехитрят и обманут вас	68	75	81	73	94
УТВЕРЖДЕНИЯ О ДОВЕРИИ					
Большинству людей можно доверять	55	49	19	7	30
Преобладающая часть людей больше склонна помогать другим, чем блюсти собственные интересы	31	23	15	5	15
Человеческая натура фундаментально склонна к сотрудничеству	80	84	58	55	82
Общее количество респондентов	970	963	955	995	1007

довательно и без колебаний настроены позитивно и склонны проявлять больше всего уверенности в безопасности и отзывчивости своего человеческого окружения, у немцев и итальянцев более негативное расположение духа, а мексиканцы непоследовательны.

Во всех пяти странах уверенность в человеческом окружении имеет тенденцию увеличиваться среди лучше образо-

ванных частей населения, а также среди тех, кто более привилегирован в экономическом отношении.

Социальные установки и политическое кооперирование

Данные, представленные в предыдущем разделе, говорят о том, что выбранные нами пять стран отличаются по общим социальным установкам. Наша следующая задача — понять, каким образом эти социальные установки соотносятся с установками политическими. Конкретная политическая установка, корни которой мы будем искать в социальных установках, — это установка, которую мы промаркировали термином «гражданское кооперирование», иными словами предрасположенность к работе с другими в попытке влиять на правительство и иные органы власти. Почему некоторые индивиды считают, что они могут кооперироваться со своими согражданами в политической деятельности, тогда как другие так не думают? Почему, например, американец, который хочет достигнуть какого-то политического результата, немедленно думает о том, чтобы потолковать о возникшей у него проблеме со своими друзьями и соседями, и старается подтолкнуть их помочь ему, тогда как итальянцу подобная возможность редко приходит в голову?

В последующих главах мы попытаемся найти некоторые из социальных источников политической активности и чувства политической компетентности. В данной главе мы будем иметь дело не с корнями веры в свою способность воздействовать на властные структуры, а скорее с вопросом о том, почему некоторые люди, думающие, что они в состоянии влиять на органы власти, предприняли бы попытку оказать влияние в одиночку, в то время как другие будут кооперироваться со своими согражданами. Таким образом, мы собираемся искать не только социальные корни определенных ориентаций по отношению к властным структурам, но также корни определенных ориентаций по отношению к своим коллегам — политическим акторам.

Зачем концентрироваться на источниках людской предрасположенности к работе над политическими проблемами

не в одиночку, а заодно с другими? На то есть несколько причин. Во-первых, можно ожидать, что политическое кооперирование должно находиться под влиянием точки зрения на социальное окружение. И, кроме того, этот тип политического поведения имеет существенные последствия как для политических перспектив того индивида, который вовлекается в него, так и для политической системы, в которой такая деятельность является обычной. Причины, по которым такое кооперативное политическое поведение важно, довольно подробно обсуждались в главе VI, и здесь о них нужно только упомянуть. Если говорить коротко, то они таковы: (1) кооперирование со своими коллегами-согражданами — это средство для повышения потенциала влияния индивида по отношению к разным органам власти; (2) способность формировать политические группы в период политической напряженности представляет собой для индивида его «резервный запас влияния»; (3) вера в то, что люди, принадлежащие к первичной группе какого-то человека, могут помочь ему политически, представляет собой интеграцию некоторых из самых основополагающих социальных единиц с политической системой — интеграцию, которая очень сильно воздействует на демократический потенциал страны, поскольку она происходит относительно «структуры входа» политической жизни, иными словами того процесса, посредством которого индивиды пытаются влиять на свое правительство и иные властные структуры; и (4) вера в то, что коллеги какого-то человека будут кооперироваться с ним в качестве политических акторов, представляет собой как минимум зарождающуюся тенденцию агрегировать свои требования к органам власти с требованиями своих коллег — а этот процесс необходим для демократического принятия решений.

Степени политического кооперирования в изучаемых нами пяти странах разительно отличаются друг от друга — и это еще одна причина для того, чтобы сконцентрироваться на указанной теме. Как указывают данные, приведенные в главе VI, в некоторых странах пристрастие к формированию политических групп почти отсутствует, тогда как в других странах оно более чем обычно. Фактически складывается впечатление, что это пристрастие, в какой бы степе-

ни оно ни существовало, является одним из самых важных аспектов политической культуры. Это, конечно же, вывод, к которому пришли и другие наблюдатели политической жизни. Один из них, Алексис де Токвиль, со своей стороны подробно комментирует целый ряд политических групп, наблюдавшихся им когда-то в Америке:

Ступив на американскую землю, вы сразу оказываетесь посреди какой-то суматохи: со всех сторон раздаются неясные возгласы, вы слышите сразу множество голосов, каждый из которых говорит о какой-либо общественной проблеме. Все движется вокруг вас: здесь жители квартала собрались для того, чтобы решить, надо ли строить церковь, там идут выборы представителя в органы власти, дальше депутаты какого-то округа спешат в город для того, чтобы принять решение по поводу некоторых улучшений местного значения, где-то еще земледельцы оставляют свою работу и идут обсуждать план строительства дороги или школы. Группа граждан собирается с единственной целью: заявить о своем неодобрении деятельности правительства, в то время как другая группа, собравшись, провозглашает всех должностных лиц отцами отчизны. А вот и еще одна, которая считает, что главным источником всех государственных бед является пьянство, и торжественно обязуется подавать пример трезвости¹...

А огромное различие в тональности политической жизни между той политической системой, где подобная деятельность привычна, и другой системой, где она редка, может быть проиллюстрировано цитированием довольно длинного отрывка из нескольких начальных страниц книги об одной итальянской деревне, которую написал проникательный знаток и исследователь местной политической жизни в Соединенных Штатах:

«Американцы привыкли жужжать о деятельности, имеющей целью — по крайней мере частично — улучшать благосостояние местного сообщества. Например, один-единственный номер еженедельной газеты, издаваемой в городке Сент-Джордж, штат Юта (население — 4562 человека), сообщает о целом наборе разнообразных публичных мероприятий, энергичных

---

¹ Alexis de Tocqueville, *Democracy in America*, ed. Phillips Bradley, New York, 1948, I, p. 249–250. [Токвиль Алексис де. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000. С. 191.]

и бойких. Красный Крест проводит призыв новых членов. “Деловой и профессиональный женский клуб” собирает средства, чтобы построить дополнительную аудиторию для здешнего колледжа с сокращенным двухгодичным курсом обучения, устроив с этой целью цирковое представление, в котором члены клуба будут сразу и клоунами, и “животными”. Организация под названием “Будущие фермеры Америки” (ее предназначение — “развивать сельскохозяйственное лидерство, кооперирование и гражданственность посредством лидерства отдельных людей и целых групп”) проводит банкет отцов и сыновей... Торговая палата обсуждает, можно ли проложить между двумя соседними городками дорогу, которая была бы проезжей в любую погоду. Идет запись волонтеров в воздушный патруль “Skywatch”... В школах проводятся собрания Ассоциации родителей и учителей...

Монтеграно [маленькая итальянская община]... являет собой разительный контраст... Двадцать пять мужчин из здешнего высшего сословия образуют так называемый круг и содержат клубную комнату, где его члены играют в карты и красноразговаривают. Их компания — единственная здешняя ассоциация. Ни одному из ее членов никогда даже в голову не пришло озаботиться какими-нибудь общинными делами или предпринять некий “проект”... В Монтеграно нет никаких организованных кем-либо добровольных благотворительных учреждений...

Для крестьян, многие из которых в отчаянии мечтают, чтобы их дети выбились в люди, одним из самых горьких фактов местной жизни является отсутствие всяких образовательных возможностей. Люди из высшего сословия тоже обеспокоены этим; некоторым из них хотелось бы и дальше жить всем вместе в Монтеграно, но они не могут так сделать, потому что отослать своих детей куда-либо в школу-интернат — это стоило бы слишком дорого. Кто-то мог бы в таком случае подумать, что обустройство местной школы могло бы стать важной проблемой — такой, вокруг которой люди объединятся в политические партии или как-то иначе... Однако такие возможности даже не рассматривались»¹.

Различия между странами по предрасположенности к гражданскому кооперированию приобретают особую важ-

¹ Edward C. Banfield, *The Moral Basis of a Backward Society*, Glencoe, Ill., 1958, p. 15—17, 30—31.

ность в свете того факта, что кооперативное политическое поведение выглядит фактором величайшей значимости в двух самых успешных демократиях: Соединенных Штатах и Великобритании — и относительно мало значит в Германии и Италии. Причем оно в существенной степени проявляется также и в Мексике (стране, которую мы назвали «честолюбивой демократией [статусных устремлений]»), хотя здесь в основе данного явления лежит, кажется, заметно меньший фактический опыт деятельности подобных групп, чем это имеет место в Великобритании и Соединенных Штатах.

Наконец, поиск источников политического кооперирования является особенно интригующим, потому что склонность к формированию политических групп кажется не зависящей от различающихся уровней социальной и экономической модернизации в той или иной стране. Большинство других существенных политических установок и типов поведения: интерес к политической жизни, участие в политических дискуссиях, голосование, знание политических реалий и общее ощущение компетентности и возможности влиять на властные структуры, — как это было установлено, сильно изменяются в зависимости от образовательных достижений индивида или его социально-экономического статуса. Эта зависимость зачастую оказывалась столь ярко выраженной, что можно было ожидать, как по мере все более широкой распространенности образования должна существенно увеличиваться степень политического участия и компетентности. Но в отличие от политических установок и поведения, которые кажутся сильно зависящими от социального положения внутри страны, стратегия использования неформальных групп как средства влияния на правительство и другие органы власти представляется относительно не зависящей от социального положения. Если индивид думает, что способен влиять на свое правительство и иные властные структуры, то вероятность его попытки сформировать с этой целью группу выглядит зависящей от страны, в которой он живет, а не от других социальных характеристик. Если мы ищем причину различий в политическом «стиле» между обществами разных стран, то полезным должен оказаться поиск

корней этого политического стиля — стиля, который нельзя объяснить одним лишь уровнем экономического развития.

Каким образом мы можем объяснить, почему в некоторых странах «неясные возгласы» активной групповой деятельности существуют, тогда как в других они не слышны?¹ Хотя на вопрос такого рода невозможно дать никакого окончательного ответа, наши данные действительно позволяют предположить некоторые из источников убежденности в том, что со своими согражданами можно кооперироваться. В этой главе мы не будем искать источники веры того или иного человека в возможность влиять на властные структуры. Вместо этого мы сконцентрируемся по большей части на тех людях, которые полагают, что у них есть такое потенциальное влияние, и поищем какое-нибудь объяснение тому, отчего они пытаются проявить его посредством формирования групп.

Как мы утверждали в главе VI, неформальные группы, о создании которых говорят наши респонденты, представляют собой социальный ресурс, который они употребляют в попытке влиять на органы власти. Если индивид пытается использовать (или сообщает, что попытался бы использовать) некий конкретный ресурс в своих отношениях с правительством и другими органами власти, то можно ожидать следующего: (1) он верит, что этот ресурс пред-

---

¹ То обстоятельство, что такого рода вопрос *может* быть поднят и что на него можно попытаться ответить, заодно нечаянно иллюстрирует преимущества «обнаружения» склонности формировать группы в рамках исследования такого типа, как наше, а не через посредство резких, порой язвительных, но несистематических наблюдений Токвиля. Мы теперь не только способны узнавать об этой склонности некоторыми новыми способами (тем из нас, кто занимается исследованиями подобного сорта, нравится верить, что нынешние знания более надежны, хоть иногда и менее красочны), но наши знания к тому же еще и более точны. Мы можем сказать, кто именно станет скорее всего вовлекаться в такое поведение — мужчины или женщины, выпускники колледжа или люди с меньшим объемом образования. И, что еще важнее, мы можем пойти дальше в попытке установить, как и в чем те, кто говорит о своем потенциальном намерении работать через группы, отличаются от других людей, которые не говорят ничего такого; иными словами, мы можем изучить, почему такие группы могут быть сформированы. И помимо того что такие знания (как мы надеемся) более надежны, они также более полезны, поскольку способны привести к дальнейшему, более углубленному знанию.

ставляет собой ценную основу для влияния на чиновников, (2) указанный ресурс доступен ему и (3) нет никакой особой причины, воспрепятствующей *политическое* использование данного ресурса. Точно так же индивид, который говорит, что в своих попытках влиять на правительство и вообще на власти он искал бы способы сотрудничать с группами людей, равных ему по положению, должен (если он реагирует разумно) верить, что: (1) чиновники отзывчивы к групповым обращениям (или по меньшей мере более отзывчивы к таким обращениям, чем к индивидуальным), (2) подобные неформальные группы доступны ему (т.е. у него имеются родственники, друзья, соседи, которым он доверяет и от которых ожидает помощи) и (3) эти друзья, соседи и прочие партнеры могут быть использованы для активной *политической* деятельности. Последний критерий важен. Человек, который хорошо интегрирован в большое число первичных групп, который ценит свое членство в этих группах, доверяет членам таких групп и верит, что способен положиться на них и рассчитывать на их помощь, может все-таки не думать об этих группах в периоды политической напряженности. Он может рассматривать политическую жизнь как некое специфическое царство, где обычные повседневные отношения доверия и уверенности нерелевантны. Он может вести богатую социальную жизнь, которую тем не менее никак не претворяет в политическую компетентность. Таким образом, при поиске корней политического кооперирования нужно смотреть не только на степень распространенности совместных социальных действий в стране, но также и на то, в какой степени они претворяются в политические ресурсы. Мы утверждаем, что склонность к кооперированию со своими согражданами базируется не только на установках индивида по отношению к политической жизни и на его положении в политической системе, но также на его установках по отношению к своим согражданам и на его положении в социальной системе.

Первое условие для поддержания политического стиля, ориентированного на формирование групп, состоит в наличии у людей веры в то, что такая стратегия влияния будет работать. В Соединенных Штатах и Великобритании дан-

ная установка присутствует в степени, которую невозможно найти в других странах. Как указывалось в главе VI, при ответах на вопрос, существует ли какой-нибудь шанс, что попытка повлиять на правительство или на другие властные структуры приведет к успеху, существенно большая доля американских и британских респондентов — по сравнению с респондентами из любых других стран — по своей инициативе заявляла, что успех правдоподобен лишь в том случае, если в реализации такой попытки к ним присоединились бы окружающие¹. Да и другие ответы, полученные в нашем опросе, поддерживают мнение о том, что в этих двух странах формирование групп считается весьма эффективным инструментом. В другом вопросе из того же интервью, который задавался вслед за открытым вопросом о стратегии влияния, предполагающим свободный ответ, респондентам предъявляли список из пяти возможных стратегий влияния на органы власти, после чего просили выбрать самую эффективную из них. В числе этих пяти вариантов выбора фигурировали: действия через личные и родственные связи; письмо государственным чиновникам; привлечение заинтересованных людей и формирование группы; работа через политическую партию и, наконец, организация какой-нибудь демонстрации протеста. В Соединенных Штатах 37% респондентов выбрали в качестве самой эффективной стратегии вариант «добиться заинтересованности людей и сформировать группу». В Великобритании этот ответ выбрали 35% респондентов. В Германии их доля составила 12%, в Италии — 13% и в Мексике — 15%. Ясно, что одна из причин, по которой индивиды в Соединенных Штатах и Великобритании с большей вероятностью готовы думать об использовании групп как средства влияния на властные структуры, заключается в их убежденности в том, что данный метод сработает².

---

¹ См. выше главу VI.

² Вновь мы должны подчеркнуть, что такие убеждения существуют отнюдь не в вакууме. Респонденты, видимо, правы: в Великобритании и Соединенных Штатах правительственные и иные официальные лица, вероятно, более отзывчивы к такой групповой деятельности, нежели в других странах. И в этом состоит один из источников подобных убеждений. Но воздействие правительственных акций, а также действий иных властных структур на политические убеждения носит, по всей видимости,

Гражданское кооперирование и свобода общения

Но даже при наличии у кого-то убежденности в возможности влиять на властные структуры и на правительство с помощью других этот человек может все-таки не верить, что во времена политической напряженности помощь со стороны других людей действительно доступна. Воспринимаемая доступность других лиц представляется зависящей от целого ряда социальных характеристик. Во-первых, конечно же, эти другие лица должны наличествовать. Но необходимо нечто большее, чем их физическое присутствие. Не должно также существовать никаких серьезных препон для коммуникации между индивидами. Несмотря на то что рассматриваемые нами неформальные политические группы могут быть созданы для проявления политической активности незамедлительно и прямо на месте событий, формирование такой группы может, вероятно, иметь место лишь в том случае, если уже имеются каналы коммуникации между потенциальными членами группы и если между ними уже происходили перед этим какие-то контакты. Таблица IX.3 говорит о том, что такая ранее имевшаяся система коммуникаций помогает объяснять существование групповой компетентности. В каждой из стран среди лиц, думающих, что они способны влиять на свои органы власти (и называемых нами местно компетентными), с большей вероятностью выберут групповую стратегию как средство, которым они воспользовались бы, те, кто сообщает о своем участии в обсуждении политической проблематики. В Великобритании, например, групповую стратегию выбирают 45% тех местно компетентных лиц, которые занимаются обсуждением политической жизни, тогда как из числа тех, кто не ведет дискуссий о политике, такую стратегию выбирают 38%. И в каждой из других стран как раз те местно компетентные, кто обсуждает политику, с большей вероятностью скажут, что они работали бы

взаимный характер. Пожалуй, одна из причин, по которой чиновники с большей вероятностью реагируют на групповую деятельность, заключается в следующем: люди верят, что ониотреагируют на такое групповое давление и поэтому пытаются его оказывать.

через некоторую неформальную группу, нежели те из числа местно компетентных лиц, кто никаких дискуссий о политической жизни не ведет. Хотя различия невелики, единообразии картины при переходе от страны к стране выглядит убедительно¹.

Среди лиц с образованием не ниже среднего эта зависимость не столь сильна. По склонности к формированию групп нет никакого различия между теми из американских местно компетентных лиц, кто обсуждает политическую жизнь, и теми, кто этого не делает; в Италии и Мексике наблюдается небольшая противоположная тенденция: те, кто *не* говорит о политике, прибегают к неформальным группам чуть-чуть чаще. Однако для каждой страны в целом и особенно на более низких образовательных уровнях указанная зависимость сохраняется. Существование системы политических коммуникаций (как она была грубо замерена нашим вопросом о политических дискуссиях) реально делает более правдоподобным, что индивид действительно будет думать об использовании своих отношений с первичной группой в попытке влиять на органы власти, а не отвергать такое ее использование. Однако в лучшем случае указанная зависимость умеренна.

Гражданское кооперирование и социальные ценности

Таблица IX.3 делит респондентов на тех, кто ведет дискуссии о политике, и тех, кто этого не делает. Таким образом, она имеет дело с зависимостью между конкретно политической активностью и гражданским кооперированием, а не с более общими социальными действиями и установками. Однако мы все же интересуемся таким видом неформальных групп,

---

¹ Необходимо помнить, что в табл. IX.3 анализируются только местно компетентные лица. Можно было бы ожидать, что те, кто дискутирует о политической жизни, должны быть более компетентными гражданами. Табл. IX.3 позволяет сделать более интересный вывод: те из местно компетентных лиц, кто обсуждает политическую жизнь, с большей вероятностью, нежели не делающие этого, говорят о том, что в попытке оказать политическое влияние они стали бы работать с другими.

которые по своей сути являются неполитическими, но в ответ на конкретный вызов мобилизуются для политической деятельности; тем самым можно ожидать, что наличие этих групп проистекает — по крайней мере частично — из более общих социальных и межличностных установок. Индивид может входить в широкий круг неформальных ассоциаций, но при этом считать, что на тех лиц, с которыми он ассоциирован, нельзя положиться при организации кооперативного политического поведения, что им нельзя доверять или же что они вряд ли будут в этом полезны.

Точно так же, как Соединенные Штаты и Великобритания отличаются от трех других стран по показателям частоты кооперативного политического поведения, о чем свидетельствует наблюдающаяся там предрасположенность к формированию групп, эти две страны столь же явно отличаются по частоте выражения кооперативных межличностных ценностей и восприятий. Мы уже видели, что британские и американские респонденты ценят щедрое и внимательное поведение больше, нежели респонденты в других странах, и что они также с большей вероятностью будут воспринимать своих сограждан как людей, готовых к сотрудничеству и заслуживающих доверия. Можно ожидать, что этот набор социальных установок откроет индивиду путь к тому, чтобы обратиться к своим согражданам за политической помощью. И вполне возможно, что именно этот набор межличностных восприятий и ценностей объясняет склонность ангажироваться в кооперативное политическое поведение. Будет ли индивид пытаться сформировать группу, чтобы влиять на правительство либо иные органы власти, или же не будет — это зависит от его восприятия вероятной реакции правительства либо властей на такое обращение и от его способности коммуницировать со своими согражданами. Но это также зависит от его восприятия характеристик тех в политической системе, кто является поддерживающим его актором.

Наши вопросы о межличностных ценностях и восприятии задавались в неполитическом контексте; их формулировали о людях вообще. Теперь мы хотим выяснить, насколько сильно эти общие и диффузные социальные и межличностные установки соотносятся с политическими установками.

Два типа местно компетентных лиц и их склонность
к формированию групп; по странам и образованию

Страна	Всего				Начальное или ниже				Среднее или выше			
	Местно компетентные, которые ценят щедрость		Местно компетентные, которые не ценят щедрость		Ценят щедрость		Не ценят щедрость		Ценят щедрость		Не ценят щедрость	
	%	Кол-во ^а	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	76 ^б	(485)	68	(263)	68	(165)	65	(172)	81	(318)	75	(91)
Великобритания	46	(495)	39	(253)	46	(276)	38	(165)	45	(206)	43	(82)
Германия	18	(275)	25	(315)	18	(185)	25	(276)	16	(88)	80	(37)
Италия	14	(135)	13	(370)	10	(71)	11	(239)	19	(64)	17	(131)
Мексика	45	(190)	53	(341)	45	(151)	53	(287)	51	(38)	47	(52)

^а То есть 76% тех местно компетентных лиц, которые ценят в других щедрость, упоминали стратегию, связанную с формированием групп.

^б Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

Так как указанные межличностные установки являются по своему содержанию неполитическими, нужно рассмотреть не только их частоту, но также степень, в какой они оказывают воздействие на политические установки или претворяются в них. Вполне возможно, что общее межличностное доверие никак не связано с существованием установки на доверие в политических делах. Можно доверять людям вообще, но не применительно к политической жизни. Таким образом, чтобы понять, действительно ли вера в возможность обращения к своим согражданам за политической помощью укоренена в социальных и межличностных установках, понадобится установить, что (1) социальные и межличностные установки, способствующие кооперированию и доверию, широко распространены среди тех, кто верит в политическую доступность своих неформальных групп, и (2) существование кооперативных межличностных установок действительно воздействует на веру в свои способности по формированию групп.

Мы видели, что страны заметно различаются между собой по частоте, с которой респонденты сообщают о своем восхищении щедростью и внимательностью в людях. В тех двух странах, где склонность к кооперативному политическому поведению распространена больше всего (в Америке и Великобритании), восхищение общей готовностью людей к сотрудничеству, как мы указывали в начале данной главы, тоже распространено больше всего. До какой степени связаны эти два качества? Таблица IX.4 соотносит восхищение щедростью и внимательностью с той частотой, с которой неформальные группы упоминаются как средство влияния на различные властные структуры. В Соединенных Штатах и Великобритании существует некоторая зависимость между восхищением вышеназванными коммуникабельными характеристиками и частотой, с которой местно компетентные лица выбирают стратегию, включающую формирование групп. В Соединенных Штатах, например, 76% местно компетентных лиц, говорящих, что они восхищаются щедростью и внимательностью, в своих попытках влиять на правительство и органы власти работали бы через неформальные группы в отличие от 68% среди тех, кто восхищается менее

Два типа местно компетентных лиц и их склонность
к формированию групп; по странам и образованию

Страна	Всего				Начальное или ниже				Среднее или выше			
	Местно компетентные, которые ценят щедрость		Местно компетентные, которые не ценят щедрость		Ценят щедрость		Не ценят щедрость		Ценят щедрость		Не ценят щедрость	
	%	Кол-во ^а	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	76 ^б	(485)	68	(263)	68	(165)	65	(172)	81	(318)	75	(91)
Великобритания	46	(495)	39	(253)	46	(276)	38	(165)	45	(206)	43	(82)
Германия	18	(275)	25	(315)	18	(185)	25	(276)	16	(88)	80	(37)
Италия	14	(135)	13	(370)	10	(71)	11	(239)	19	(64)	17	(131)
Мексика	45	(190)	53	(341)	45	(151)	53	(287)	51	(38)	47	(52)

^а То есть 76% тех местно компетентных лиц, которые ценят в других щедрость, упоминали стратегию, связанную с формированием групп.

^б Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

коммуникабельными достоинствами. Подобная зависимость, хотя и не очень сильно выраженная, существует на всех образовательных уровнях. Таким образом, в Соединенных Штатах и Великобритании межличностные действия, связанные с помощью и поддержкой, не только вызывают у индивидов восхищение чаще, чем в других трех странах, но это восхищение щедростью и внимательностью оказывается также связанным с готовностью индивидов формировать политические группы. Межличностная внимательность ценится высоко и, похоже, претворяется в позитивную оценку эффективности кооперативных действий по отношению к правительству и властям.

В противоположность картине, наблюдаемой в Соединенных Штатах и Великобритании, степень, в которой индивиды из трех других стран оценивают коммуникабельные межличностные действия, не связана с их верой в эффективность кооперативной политической деятельности. В Италии те, кто высоко ценит щедрость и внимательность, готовы предложить использование групповой стратегии отнюдь не с большей вероятностью, чем те, кто не ценит эти качества; а в Германии и Мексике указанная зависимость фактически полностью противоположна: те, кто ценит кооперативное, межличностное поведение, с меньшим правдоподобием прибегнут к неформальным группам как средству влияния на правительство и местные органы власти. В этих трех странах, где формирование групп образует относительно малую часть доминирующего политического стиля, межличностные кооперативные достоинства не только реже вызывают восхищение, но и восхищение ими реже претворяется в политическое поведение.

Гражданское кооперирование и доверие к людям

Следовательно, тенденция ангажироваться в кооперативную деятельность в рамках процесса политического влияния представляется укорененной — по крайней мере частично — в наборе социальных ценностей, которые делают упор на кооперативное поведение индивидов. В тех двух странах, где такое срастание выражено полнее всего, доминирующие

социальные ценности подчеркивают кооперативное поведение, а степень, в которой ценится кооперативное межличностное поведение, напрямую соотносится со склонностью создавать политические структуры.

Можно ожидать, что высокая оценка кооперативного поведения будет воздействовать на фактическое межличностное поведение, если те, кто ценит такое поведение, верят также, что люди в своих отношениях друг с другом действительно будут вести себя кооперативно. В этом смысле Великобритания и Соединенные Штаты точно так же отличаются от других трех стран, как это было показано выше в табл. IX.2. Ответы на несколько вопросов по поводу их ожиданий относительно поведения других людей, указывают, что британские и американские респонденты с большей вероятностью ожидают, что другие люди заслуживают доверия, готовы помогать и настроены на сотрудничество.

Зависимость между склонностью формировать политические группы и верой, что окружающие готовы сотрудничать, заслуживают доверия и бескорыстны, можно продемонстрировать, соотнеся общую «веру в людей» индивида с выражаемой им убежденностью в своей способности формировать политические группы. Чтобы выявить степень, в какой наши респонденты верят в людей, мы использовали предложенную Розенбергом шкалу «веры в людей», которая состоит из пяти позиций (о ней рассказывалось выше в связи с табл. IX.2). Каждая из этих позиций имела дело с общими установками респондентов по отношению к их согражданам; при этом ни одна из них никоим образом не ссылалась на политическую деятельность. Затем респондентам начислялись баллы по шкале «веры в людей» согласно тому, насколько часто они выбирали такую пару «вопрос—ответ», которая указывала на сильную веру в людей¹.

Каким образом обобщенная вера индивида в готовность людей к сотрудничеству и в бескорыстие человеческой природы воздействует на его стратегию влияния на правительство и иные властные структуры? Таблица IX.5 указывает для Соединенных Штатов и Великобритании, что чем выше у

¹ Описание этой шкалы см. в прим. 1 на с. 289.

Три типа местно компетентных лиц и их склонность к формированию групп, по странам и образованию

Страна	Всего						Начальное или ниже						Среднее или выше					
	Вера в людей						Вера в людей						Вера в людей					
	Высокая		Средняя		Низкая		Высокая		Средняя		Низкая		Высокая		Средняя		Низкая	
	%	Кол-во ^a	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	80 ^b	(286)	73	(338)	58	(122)	74	(94)	70	(160)	51	(83)	83	(192)	76	(178)	74	(39)
Великобритания	50	(210)	44	(379)	33	(159)	50	(100)	44	(229)	34	(112)	49	(103)	45	(143)	29	(42)
Германия	22	(96)	20	(374)	27	(120)	22	(60)	20	(299)	27	(102)	22	(36)	18	(71)	22	(18)
Италия	19	(31)	12	(193)	14	(281)	[27	(11)]	10	(116)	10	(183)	15	(20)	14	(77)	20	(98)
Мексика	41	(24)	47	(217)	54	(290)	[48	(14)]	46	(170)	53	(254)	(^b)		48	(46)	53	(36)

^a Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

^b То есть 80% лиц с высоким показателем «веры в людей» упоминали стратегию, связанную с формированием групп.

^в Слишком мало случаев.

человека такая вера в людей, тем с большей вероятностью он должен считать, что в попытках влиять на правительство и местные органы власти сможет работать вместе со своими согражданами. В Соединенных Штатах 80% тех, у кого сильна вера в людей, сообщают, что при необходимости повлиять на местный орган власти они попытались бы сформировать группу, тогда как из числа тех, у кого такая вера слаба, об этом сообщают только 58% респондентов. Те из местно компетентных лиц, чья вера в людей умеренна, столь же умеренны в частоте, с которой они сообщают, что попытались бы формировать политические группы. И в Великобритании точно такая же картина: 50% тех местно компетентных лиц, у кого вера в людей велика, сформировали бы подобные группы, в отличие от 33% людей с низким уровнем подобной веры. И указанная зависимость сохраняется как на высоких, так и на более низких уровнях образования.

В отличие от картины, наблюдаемой в Соединенных Штатах и Великобритании, в других трех странах вера в людей не увеличивает склонности к формированию политических групп. В Германии и Мексике для лиц с более сильной верой в людей существует некоторая тенденция быть *менее склонными* думать о групповых стратегиях как о способе влиять на правительство или иные власти, а в Италии наблюдается слабая регулярная зависимость между общим доверием к людям и способностью формировать группы.

В Соединенных Штатах и Великобритании вера в то, что люди, как правило, настроены на сотрудничество, заслуживают доверия и готовы помогать, встречается часто, и это имеет политические последствия. Вера в доброту своего собрата-гражданина непосредственно связана со склонностью присоединяться в своей политической деятельности к другим людям. Общее социальное доверие претворяется в политически релевантное доверие¹. В трех других стра-

---

¹ Розенберг сообщает об аналогичной зависимости между общим социальным доверием и политическим доверием в американской выборке. Он обнаружил, что те, кто набирает высокие баллы по шкале «веры в людей», с меньшей вероятностью будут циничными применительно к политической жизни и политикам, чем лица с низкими баллами по этой шкале; см. его работу «Misanthropy and Political Ideology», *American Sociological Review*, op. cit.

нах отсутствие кооперативного политического стиля, нацеленного на формирование групп, кажется связанным не только с более низкой частотой выражения общего социального доверия, но еще и со следующим фактом: даже то доверие, которое явно выражается, не увеличивает вероятности того, что индивид в попытке повлиять на власти будет думать о работе с другими людьми. В этих странах остается разрыв между общими социальными установками и политическими установками. Политическая жизнь выглядит отдельной, независимой сферой деятельности, для которой у человека имеется особый набор политических установок, не сильно основанных на его общих социальных установках. В Соединенных Штатах и Великобритании точка зрения на царство политики выглядит тесно связанной с точкой зрения на социальную жизнь. В трех других странах наблюдается меньше срастания между социальными и политическими установками.

Приведенные выше данные во многом помогают объяснить, по какой причине в Великобритании и особенно в Соединенных Штатах столько «жужжания» по поводу групповой деятельности и почему эта деятельность не столь очевидна в других странах. Объяснение этой разницы носит интригующий характер: дело не только в том, что общие социальные ценности и установки, которые способствовали бы сотрудничеству с братьями-гражданами, более широко распространены в Великобритании и Соединенных Штатах; помимо этого, в названных двух странах общие социальные установки теснее связаны с политическими установками, чем в трех других. И это объяснение делает еще более весомой выдвинутую нами ранее интерпретацию смысла наблюдающейся склонности прибегать в периоды политического напряжения к своей первичной группе. Как мы предположили, эта тенденция использовать при попытках политического

Исследование, проведенное в маленьком городке на западе Соединенных Штатов, дало сходные результаты. Там была обнаружена положительная корреляция между доверием к людям (измерявшимся низкими баллами по шкале «личного цинизма») и доверием к политике. См.: Robert E. Agger, Marshall N. Goldstein, and Stanley A. Pearl, «Political Cynicism: Measurement and Meaning», *Journal of Politics*, XIII (1961), p. 477–506.

влияния свои первичные ассоциации представляла собой тесное срастание базовых структур общества, относящихся к первичным группам, с вторичными структурами политической жизни — срастание, которое приводит к более интегрированной политической системе. То обстоятельство, что использование таких первичных групп действительно представляет собой срастание подобного рода на структурном уровне, подкрепляется обнаружением параллельного срастания на уровне установок в тех же самых странах, где интеграция первичных и политических структур была наиболее полной. Тесное переплетение общества и политики, которое мы постулировали для Соединенных Штатов и Великобритании, тем самым удостоверяется на уровнях как структур, так и установок. Хотя структуры органов власти в обеих странах современны, функционально специфичны и формально дифференцированы от других социальных структур, они привязаны к первичным единицам социальной структуры посредством использования этих первичных структур как ресурса для политического влияния. И политические структуры точно так же связаны с остальными элементами социальной структуры диффузным набором установок, которые применимы и к общим социальным отношениям, и к политическим действиям¹.

---

¹ Напрашивается следующий вопрос: каким образом обучаются этому сочетанию доверия к людям и готовности сотрудничать с ними в политических действиях? Один из возможных ответов состоит в том, что в Соединенных Штатах и Великобритании людям с самого детства и далее по мере взросления предоставляют возможность принимать участие в групповых действиях совместно с другими. Макклелланд сообщает об исследовании учащихся средних школ в Германии и Соединенных Штатах, в котором респондентов просили составить список их действий в свободное от учебы время. Американские школьники упоминают в среднем пять групповых действий (клубы, школьные публикации, собрания разных обществ, вечеринки и т.п.), в то время как немецкие учащиеся называют в среднем одну такую деятельность; см.: David McClelland, *The Achieving Society*, Princeton, N. J., 1961, p. 199–201. Этот ранний опыт взаимодействия с группами — а можно предположить, что он начинается еще раньше, чем в средней школе, — может выступать в качестве главного источника гражданского кооперирования. Дальнейшее рассмотрение вопросов политической социализации в семье и школе см. в главе XI.

Это предлагаемое объяснение источников кооперативного политического поведения особенно интересно из-за дальнейших вопросов, которые оно поднимает. Почему, например, британские и американские респонденты демонстрируют относительно более высокие степени межличностного доверия? И почему там нет того разрыва между этими социальными установками и политическими установками, который существует в других трех странах? Мы оставляем первый вопрос тем специалистам, которые способны глубже проанализировать перекрестные различия между странами в социальной структуре и структуре личности, чем это сделали мы. Но на второй вопрос мы попытаемся дать какой-то ответ.

Разумеется, ответ на столь сложный вопрос может быть только частичным и предварительным. Поиски причины того, почему в некоторых странах общие социальные установки более тесно связаны с политическими установками, чем в других, и почему в некоторых странах члены своей первичной группы считаются доступными для политической деятельности, а в других нет, можно было бы начать с рассмотрения политических характеристик Великобритании и Соединенных Штатов с целью понять, есть ли там какие-то особенности в способах проведения политики, которые могли бы объяснить отсутствие в них разрыва между первичными социальными структурами и установками, с одной стороны, и политической системой — с другой.

Интенсивность партийной приверженности и интеграция политики и общества

То, как обстоят дела с партийной приверженностью в стране, может помочь нам в объяснении того, каким путем социальные взаимоотношения связаны с политической системой. Установки индивида по отношению к политическим партиям и, что еще важнее, к сторонникам политических партий — его собственной и оппозиционной — являются в некотором смысле политическим эквивалентом его общих установок по отношению к людям. Если существует несоответствие между общими установками применительно

к межличностным отношениям и более специфическими установками применительно к отношениям с людьми, когда им навешивают политический ярлык (идентифицируемый в голове индивида либо как политически привлекательный, либо как враждебный), это указывает на недостаточную или даже отсутствующую интеграцию социальной структуры с политической системой.

Мы уже видели, что структура партийной приверженности в Соединенных Штатах и Великобритании отличается от этой структуры в Германии, Италии и Мексике. В двух первых из названных стран имело место длительное и относительно стабильное политическое развитие. Обе эти системы показали себя способными справляться с проблемами изменения ситуации и вхождения новых групп в политическую жизнь без того, чтобы прибегать к насилию. И хотя там были и по-прежнему остаются конфликты, связанные с партийной приверженностью, они редко приводили к фрагментации общества на глубоко идеологизированные, закрытые и антагонистические политические группы. Отсутствие за последние десятилетия в обеих названных странах фрагментации, связанной с партийной приверженностью, отражено и в наших данных. Как указывалось в главе IV, респонденты из Соединенных Штатов и Великобритании с меньшей вероятностью, чем респонденты из трех других стран, сообщают, что считают сторонников противостоящей политической партии неподходящими для членства в первичной группе. В ответ на вопрос об их реакции на брак сына или дочери со сторонником противостоящей партии американские и британские респонденты редко говорили, что они возражали бы против такого брака, и почти неизменно заявляли, что соображения, связанные с партийной приверженностью, вообще не имеют равным счетом никакого значения в данной ситуации. В Италии, напротив, наблюдался гораздо более высокий уровень партийного антагонизма, а в Германии и Мексике уровень такого антагонизма лежит где-то между вышеуказанными двумя крайностями.

Может ли такое отсутствие фрагментации, связанной с партийной приверженностью, объяснить склонность как политически кооперироваться со своими согражданами, так

и использовать неформальные группы в процессе оказания политического влияния? На первый взгляд, данные об использовании неформальных групп в Великобритании и Соединенных Штатах и данные о межпартийных браках в этих странах кажутся несколько несовместимыми друг с другом. Мы доказывали, что склонность формировать политические группы представляет собой тесное сцепление первичных структур и политического процесса. Однако же в Великобритании и Соединенных Штатах ответы на вопрос по поводу межпартийных браков свидетельствуют о том, что политическая приверженность не рассматривается в качестве релевантного критерия для членства в первичной группе. Ведь именно об этом говорят, в конце концов, респонденты, когда заявляют в своих ответах, что для них не имело бы ни малейшего значения, если бы их сын или дочь заключили брак со сторонником партии, против которой выступают они сами. Да и другие данные, полученные в нашем исследовании, тоже говорят о том, что в этих двух странах указанное сочетание: вера в то, что первичная группа доступна как источник помощи в период политической напряженности, и желание не давать политике нарушить отношения в первичной группе — существует на самом деле. Например, в ответ на вопрос, действительно ли есть какие-то люди, с которыми они избегали бы вести политическую дискуссию, или же таких людей нет, самой частой причиной, приводившейся теми американскими и британскими респондентами, которые говорили о наличии таких людей, было следующее соображение: подобная дискуссия может породить дисгармонию внутри первичной группы, поскольку она способна вызвать ненужные споры с друзьями или родственниками. (В других странах наиболее частые причины, которыми их жители объясняли, почему надо избегать политических дискуссий, состояли в том, что они бесполезны, что другие люди слишком односторонни, невежественны либо фанатичны или же что такая дискуссия может довести человека до неприятностей.)

Данные нашего исследования указывают на то, что нет никакого противоречия между воспринимаемой доступностью своей первичной группы в период политической на-

пряженности и убежденностью, что членство в такой группе не должно зависеть от политической принадлежности и что эта группа не должна страдать или разрушаться из-за политического конфликта; скорее, именно эти два убеждения делают первичную группу доступной во времена политической напряженности. Если бы критерии для вхождения в первичную группу были по своей природе партийными, то способность легко формировать группы в периоды напряженности оказалась бы под большим вопросом или даже полностью воспрещенной. Кроме того, полезность такой группы оказалась бы ограниченной: она была бы полезной лишь в том случае, если бы чиновники, с которыми кто-то хотел бы вступить в контакт, состояли членами той же самой политической партии. С другой стороны, если первичная группа, по существу, не связана с партийной приверженностью, ее полезность становится более универсальной. В некотором смысле вмешательство первичной группы в политическую жизнь делается возможным благодаря тому, что в ней нет никакой приверженности политическим партиям и никаких партийных обязательств.

Таблица IX.6 показывает связь между партийной фрагментацией социальных взаимоотношений (измеряемой степенью, в которой респонденты чувствуют себя удаленными от сторонников противостоящей партии) и склонностью респондентов к формированию политических групп. Респонденты разделены на три типа согласно степени, с которой они принимают приверженность политическим партиям в качестве критерия для вхождения в первичную группу, т.е. степени, в которой они считают приверженность политической партии релевантным критерием для выбора их сыном или дочерью партнера по браку¹. Указанные три типа респондентов таковы: (1) те, кто высказывает возражение против брака сына или дочери со сторонником противоположной партии; (2) те, кто не возражает против такого брака, но будет рад, если сын или дочь заключит брак со сторонником их собственной партии; и (3) те, кто рассматривает партийную приверженность или принадлежность предполагаемого

¹ Обсуждение этих вопросов см. в главе V.

Таблица IX.6

Три типа местно компетентных лиц и их склонность формировать группы; по странам (только сторонники основных партий)^а

Страна	Выступают против брака со сторонником противоположной партии		Предпочитают брак внутри собственной партии, но не выступили бы против брака вне ее		Считают партийные критерии нерелевантными для принадлежности к первичной группе	
	%	Кол-во ^б	%	Кол-во	%	Кол-во
США	59 ^в	(22)	73	(37)	74	(547)
Великобритания	26	(42)	44	(55)	44	(476)
Германия	16	(55)	24	(58)	84	(220)
Италия	8	(118)	[21	(14)]	14	(85)
Мексика	55	(84)	47	(16)	53	(206)

^а Имеется слишком мало случаев, чтобы обеспечить обычный образовательный контроль, но в этой таблице образование слабо соотносится с любой из переменных — социальной дистанцией между политическими партиями и склонностью создавать неформальные группы.

^б Числа в круглых скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

^в То есть 59% местно компетентных лиц, которые выступают против межпартийного брака, упоминали стратегию, связанную с формированием групп.

члена семьи как нерелевантную. Респонденты из первой группы предпочитают такой социальный космос, который относительно закрыт для межпартийной принадлежности; они выражают отрицательную реакцию на лиц с другой партийной принадлежностью. Респонденты из второй группы не выражают враждебности к людям, не принадлежащим к их собственной партии, но реально выражают некоторую позитивную эмоцию по отношению к своей собственной партийной принадлежности; они будут рады, если их дочь или сын заключит брак с человеком, придерживающимся схожих политических убеждений, но не выразят недовольства, если он или она вступят в брак с носителем противоположных взглядов. Наконец, в последнюю группу входят

те, кто выражает безразличие к партийной принадлежности потенциального члена семьи¹.

Как указано в табл. IX.6, существует зависимость между степенью, в которой критерии партийной приверженности считаются релевантными для членства в первичной группе, и склонностью к формированию политических групп. Сравним столбец в левой части этой таблицы (те, кто выступает против брака, вводящего в семью сторонника оппонирующей партии) с крайним правым столбцом (теми, кто говорит о нерелевантности критерия партийной приверженности). В целом те, чьи первичные группы «закрыты» в смысле партийной приверженности, с меньшей вероятностью будут думать о сотрудничестве со своими согражданами в период политической напряженности, нежели те, у кого первичные группы «открыты». И в данном случае зависимость между установками по отношению к согражданам и склонностью политически сотрудничать с ними обнаруживается не только в Соединенных Штатах и Великобритании, но также в Германии и Италии. В Великобритании, например, 26% из числа тех, кто состоит в закрытых первичных группах, сообщают, что в попытке влиять на различные властные структуры они пробовали бы привлечь к сотрудничеству других людей, в отличие от 44% из числа тех, у кого первичные группы «открыты». И в Германии соответствующие пропорции респондентов, которые в попытке влиять на правительство и местные органы власти работали бы с другими, составляют 16% среди принадлежащих к «закрытым» первичным группам и 24% — среди тех, чьи группы не «закрыты». В некоторых случаях значения, на базе которых рассчитываются

---

¹ Таблицы IV.6, IV.7, IV.8, IV.9, IV.10 сообщают об установках по отношению к межпартийному браку у сторонников двух крупнейших партий в каждой из стран: в Америке это установки республиканцев по отношению к браку сына или дочери с демократом; в Великобритании — консерватора по отношению к лейбористу; в Германии — члена ХДС по отношению к члену СДП; в Мексике — члена МРП по отношению к члену ПНД, а также в каждом случае еще и наоборот. В Италии в таком сравнении участвуют три партии. Таблица IV.9 сообщает об установках сторонников демохристиан по отношению к браку со сторонником коммунистов, а также об установках сторонников ИКП и ИСП по отношению к браку с христианским демократом.

процентные доли, совсем невелики, но межстрановая однородность все равно выглядит убедительной.

Наша гипотеза, что сильная зависимость между социальными и политическими установками существует в Великобритании и Соединенных Штатах, но не в других странах, позволяет сделать любопытное замечание о том, что, хотя в Италии и Германии не наблюдалось никакой зависимости между общими установками по отношению к людям и политическим сотрудничеством, в этих двух странах существует зависимость между установками по отношению к людям как политическим акторам (т.е. к людям, которым присваивают партийный ярлык) и политическим сотрудничеством. В отличие от общих межличностных установок политические межличностные установки связаны со склонностью кооперироваться в политической акции.

Аномальным случаем в табл. IX.6 является Мексика. В этой стране те, кто принадлежит к закрытым первичным группам, с такой же вероятностью будут говорить о сотрудничестве со своими коллегами, как и те, чьи первичные группы открыты. Нельзя, конечно, с уверенностью сказать, почему это имеет место. Но наиболее правдоподобная причина состоит в том, что Мексика является по существу однопартийной страной. Там, где существует только одна значимая партия, враждебность к лицам, стоящим вне этой партии, не может оказывать столь большого воздействия на способность работать с другими, как это было бы при наличии более чем одной важной партии. Если, например, 85% мексиканцев, которые выражают поддержку хоть какой-либо партии, на самом деле поддерживают основную партию, т.е. МРП (а, как указывают наши данные, они именно так и поступают) или же если указанной партии отдается 90% голосов (как свидетельствуют данные о голосовании на выборах 1958 г.)¹, тогда враждебность к лицам, находящимся вне этой партии, отсекает любого от немногих потенциальных спод-

---

¹ Хотя использованная нами выборка включала немногим более 1 тыс. мексиканцев, наши данные о партийной поддержке могут быть несколько более точными, чем статистика голосования. Избирательные бюллетени в Мексике подсчитываются правящей партией в манере, которая, возможно, не является полностью непартийной.

вижников. И там, где все властные структуры, местные и общенациональные, контролируются этой единственной партией, причем представляется вполне правдоподобным, что ситуация будет оставаться такой неопределенно долго, партийные неформальные группы не выглядят ограниченными во всеобщности их использования. Таким образом, в однопартийной стране воздействие партийной приверженности будет очевидным образом отличаться от такого воздействия в стране, где существуют конкурирующие партии с относительно большой поддержкой, где по меньшей мере некоторые органы власти на местном уровне контролируются оппозицией и где оппозиция является вполне возможным премником власти на общенациональном уровне.

Интересен еще один аспект данных, представленных в табл. IX.6. Рассмотрим частоту, с которой респонденты из среднего столбца — т.е. люди, говорящие, что они будут рады, если сын или дочь заключит брак со сторонником их партии, но вместе с тем заявляющие, что они не возражали бы против брака со сторонником противоположной партии, — сообщают, что они сотрудничали бы со своими согражданами. В Соединенных Штатах, Великобритании, Германии и Италии частота, с которой упоминаются группы, использующие членство в первичной группе как источник политического влияния, намного ближе к той частоте (а в Великобритании и Германии они в точности совпадают), с которой такие группы упоминаются теми, кто считает партийную приверженность нерелевантной (столбец 8), чем к частоте, с которой такие группы упоминаются теми, чьи первичные группы «закрыты» для политических оппонентов (столбец 1). Это различие важно, поскольку оно продвигает нас на один шаг вперед в нашем анализе зависимости между партийной приверженностью и политическим кооперированием. Оно помогает устанавливать, какой именно *тип* партийной приверженности сдерживает и воспрещает неформальное политическое кооперирование. Люди, говорящие, что они будут рады, если их сын или дочь вступят в брак со сторонником их собственной партии, выражают эмоциональную ориентацию на свою политическую партию: они говорят, что партийная приверженность не до конца безразлична

для членства в первичной группе. Но до тех пор, пока такая позитивная привязанность к своей партии не сочетается с негативной реакцией на людей, приверженных противоположной партии, она, похоже, не вредит способности формировать политические группы. Сторонник Консервативной партии, который будет рад, если его ребенок заключит брак с консерватором, но не выразит огорчения из-за его брака с лейбористом, выглядит столь же способным свободно формировать политические группы, как и сторонник Консервативной партии, который и не испытал бы радости от брака с консерватором, и не был бы рассержен браком с лейбористом.

Свободное формирование групп блокируется вовсе не существованием эмоциональной привязанности к собственной политической партии или предпочтением, отдаваемым единомышленникам. Только в тех случаях, когда эти привязанности порождают *отторжение* людей с противоположными взглядами, формирование группы сдерживается или воспрещается. Это соображение выглядит существенным для понимания зависимости между эмоциональной ориентацией на политическую жизнь и поддержанием участнической политической системы, которую не раскалывают резкие политические споры. Интенсивная эмоциональная ориентация на политическую жизнь — в той мере, в какой она порождает отторжение из личных соображений людей с противоположной партийной приверженностью, — служит преградой для кооперативной деятельности по оказанию влияния того типа, который обсуждается в данной главе. Но, если эмоциональная ориентация является «управляемой» ориентацией — иными словами, если ей свойственна сущностно позитивная лояльность собственным политическим взглядам и привязанность к ним, но несвойственно отторжение лиц с противоположными взглядами, — тогда эта ориентация не станет помехой для свободного формирования политических групп во времена политической напряженности.

Гипотеза, предполагающая, что политическому кооперированию препятствует не партийная приверженность сама по себе, а негативная или враждебная партийная приверженность, получает дополнительное подтверждение, если

респонденты разделяются с помощью другого измерителя партийной поддержки — не по их установке в отношении других лиц с противоположными взглядами, а по их аффилированности с приверженцами их собственной партии. Респондентов можно разделить на партийных активистов (тех, кто играет активную роль в своих политических партиях), партийных сторонников (тех, кто выражает поддержку какой-то партии, но не проявляет активности) и не имеющими приверженности (тех, кто не выражает поддержку никакой из политических партий)¹. Степень, в которой индивид позитивно ассоциирован с той или иной политической партией, оказывает лишь небольшое воздействие на его склонность к формированию групп. Обычно партийные активисты примерно с такой же вероятностью склонны говорить об использовании неформальных групп в качестве средства для влияния на властные структуры, как и партийные сторонники или же лица, не приверженные никакой партии. Тот факт, что человек является приверженцем какой-либо партии — что он активен в политической партии или поддерживает политическую партию, — никак не препятствует его способности кооперироваться с согражданами. Только в тех случаях, когда приверженность становится настолько интенсивной, что вызывает отторжение — из личных соображений — тех, кто придерживается противоположных политических взглядов, можно говорить, что ситуация с партийной приверженностью в какой-то стране ограничивает способность ее граждан кооперироваться между собой в политических делах.

---

¹ В Великобритании, Германии, Италии и Мексике партийными активистами являются те, кто сообщает о своем членстве в политической партии. Партийные активисты в Соединенных Штатах — это лица, сообщающие, что они принимали активного участия в политической кампании на стороне одной из партий. Партийными сторонниками являются во всех странах лица, которые говорят, что поддерживают конкретную партию или склоняются к ней, но не сообщают ни о какой активной деятельности. Не имеющими приверженности считаются лица, говорящие, что они не поддерживают никакую партию и не склоняются ни к одной из них. Респонденты, которые отказываются отвечать на вопрос о партийной приверженности, в этой таблице не учитываются.

Заключение

Данные, представленные в этой главе, предлагают некоторое объяснение феномена формирования групп, замеченного первоначально Токвилем, а после него и многими другими. В поиске причин, почему в некоторых странах политическое сотрудничество с согражданами кажется более легким и частым, чем в других, мы рассмотрели целый ряд важных характеристик и особенностей основополагающих социальных и политических установок в пяти странах. Особое внимание мы обратили на некоторые общие установки и ценности, связанные с межличностными отношениями, а также на установки, связанные с состоянием партийной приверженности в этих странах. Причем в процессе этих занятий нам понадобилось рассмотреть некоторые основные различия между отобранными пятью странами.

В Италии, Германии и Мексике наши данные говорят о том, что существует разрыв между политическими установками и более общими установками по поводу межличностных отношений. Здесь не только уровни межличностного доверия относительно низки, но и то, что образует собой межличностное доверие, не соотносится с готовностью или способностью политически кооперироваться с согражданами. Да и те, кто высоко ценит такие коммуникабельные характеристики, как внимательность и готовность кооперироваться, будут думать о вовлечении в кооперативную политическую деятельность как о средстве влияния на правительство и прочие власти отнюдь не с большей вероятностью, чем люди, которые не ценят перечисленных выше качеств. Политическая жизнь кажется особенным царством, где нормы и установки межличностных отношений более общего типа не преобладают.

В Италии и Германии это отсутствие интеграции между общими социальными установками и политическими установками представляется объяснимым — по крайней мере частично — существованием высокой степени партийной фрагментации. Люди, которые вносят политические антагонизмы в свою личную жизнь (доля тех, кто поступает таким образом, в Германии больше, чем в Соединенных Штатах

и Великобритании, в Италии даже еще больше), будут с меньшей вероятностью думать о том, чтобы в политической деятельности кооперироваться со своими согражданами.

Эти характеристики трех других политических систем выдвигают на первый план ту модель установок, которая существует в Соединенных Штатах и Великобритании и которая, похоже, объясняет склонность граждан этих стран кооперироваться между собой в политической жизни. В этих двух странах способность свободно формировать группы для политической деятельности кажется связанной с общей природой преданности тамошних граждан политической жизни: она выглядит «сбалансированной» или «управляемой». Американцы и англичане вовлечены в политическую жизнь, но эта вовлеченность удерживается в определенных рамках. Они не являются ни парохиялами, отрезанными от политической жизни, ни интенсивными приверженцами политических партий, причем настолько интенсивными, что это могло бы привести к политической фрагментации. А, как мы сказали, подобный баланс необходим для успешной демократии: если хотят какой-то разновидности участия, необходимого для демократического принятия решений, то должна существовать вовлеченность в политическую жизнь; однако же эта вовлеченность не должна быть столь интенсивной, чтобы подвергать опасности стабильность.

Баланс между преданностью политической жизни и автономией от политики иллюстрируется в наших данных о зависимости между первичными группами и политической жизнью в Америке и Великобритании. С одной стороны, эти группы представляют собой ресурс, который доступен индивиду во времена политической напряженности. Они служат средством, позволяющим увеличить его влияние во взаимодействиях с государством и сделать индивида менее зависимым от «массовых» политических институтов. Кроме того, такая сбалансированная преданность политической жизни кажется связанной с существованием более основополагающих социальных ценностей — широко распространенного социального доверия и высокой оценки внимательности и щедрости в людях, — а также с тем фактом, что эти ценности пронизывают всю политическую систему. Последнее соображение суще-

ственно. Дело не только в том, что имеется много американцев и англичан, которые доверяют своим собратьям-согражданам; более важно, что такое социальное доверие воздействует на политическое доверие и готовность сотрудничать с другими. Это говорит о том, что в политическую систему глубоко проникли социальные ценности, которые все перекрывают.

Такого рода перекрывающие социальные нормы отражены также в данных о межпартийных браках. Можно прийти к выводу, что примерно 90% тех респондентов в Соединенных Штатах и Великобритании, которые заявляют, что для них не составило бы никакого разницы, если бы их дочь или сын вступили в брак со сторонником противостоящей партии, говорят в итоге о том, что личными отношениями должны управлять любые ценности, кроме политических. Нельзя позволить, чтобы семья оказалась разделенной по соображениям партийной приверженности. Дело не в том, что партийные различия неважны, — просто они не являются абсолютными ценностями. В определенных социальных ситуациях существуют другие, более общие межличностные установки, которые считаются обязательными.

В Германии и особенно в Италии первичные группы также изолированы от негармоничных политических взаимоотношений, которые могли бы напрягать группу. Фактически можно было бы ожидать, что в любом обществе первичные группы должны быть защищены некоторым социальным механизмом — поскольку интеграция первичных групп имеет ключевое социальное значение. Но в Италии и Германии эти группы изолированы особыми нормами, которые препятствуют вхождению в них лиц с противоположными политическими взглядами¹. Политический кон-

---

¹ С другой стороны, данные о голосовании в континентальных европейских странах могут наводить на мысль, что внутри семей существует настоящий раскол на почве партийной приверженности. Женщины, как правило, более энергично голосуют за христианские партии, мужчины — за левые партии. Например, на германских выборах 1953 г. в бундестаг ХДС получил от женщин на 2 200 000 голосов больше, чем от мужчин. Однако такая разница в электоральном поведении мужчин и женщин не обязательно подразумевает, что этот специфический раскол встречается во многих семьях. Указывалось, что в Германии основная масса излишка женских голосов в пользу христианских демократов приходится на женщин, которые

фликт, видимо, настолько интенсивен, что первичная группа может быть защищена от такого конфликта только путем исключения. В Великобритании и Соединенных Штатах партийная приверженность носит более умеренный характер, и на тот вызов, который бросают интеграции первичных групп сеющие распри установки на партийную приверженность, можно ответить не столь сильнодействующими средствами. В первичную группу можно допустить лиц с противоположными взглядами, но потенциальная фрагментация удерживается под контролем с помощью целого набора норм, ставящих интегративные ценности первичной группы выше той приверженности политическим партиям, которая вызывает рознь.

Нельзя сказать, что в Великобритании и Америке политическая жизнь является чем-то маловажным. Респонденты сообщают, что она играет существенную роль в их жизни, представляет интерес для широких народных масс, служит темой для бесед. Обо всех этих вещах заявляется часто — фактически чаще, чем в трех других странах. И все-таки политика должна «знать свое место». А ассоциирующиеся с ней ценности во многих существенных аспектах второстепенны и подчинены более общим социальным ценностям, и эти более общие социальные ценности действуют внутри двух названных стран таким образом, чтобы умерять политические разногласия. Тем самым мы снова имеем «управляемую» или «сбалансированную» вовлеченность в политическую жизнь — вовлеченность, которая не ставит под сомнение интегральность и стабильность политической системы.

В этой тесной взаимозависимости между первичными группами и политией каждая из названных сфер модифицирует другую. С одной стороны, в двух вышеуказанных странах у партийной приверженности есть тенденция быть менее интенсивной и поэтому она представляет меньшую объективную

никогда не были замужем, овдовели или разведены. (См.: Gabriele Bremme, *Die Politische Rolle der Frau in Deutschland*, Göttingen, 1956, S. 98.) А Дюверже делает подобный вывод для женщин и партии MRP (Mouvement Républicain Populaire, Народное республиканское движение) во Франции; см.: Maurice Duverger, *The Political Role of Women*, Paris, 1955. Вполне правдоподобно, что подобная картина существует и в Италии.

угрозу для стабильности первичных взаимоотношений. С другой стороны, американским и британским семьям, казалось бы, присуща тенденция быть несколько более «современными», более участвующими, более секуляризованными в своих моделях коммуникаций и в механизмах принятия решений¹. И, как следствие, они лучше приспособлены к тому, чтобы справляться с проблемами партийной приверженности без риска пострадать от них. Возможно, все, что мы описываем в этих двух странах, — это всеобъемлющая картина большей секуляризации, которая влечет за собой большую способность к эмоциональной нейтральности во всех взаимоотношениях, больший объем мультиценностной ориентации, больше терпимости к неоднозначностям. Кроме того, не исключено, что более сильная секуляризация политического рынка в Англии и Соединенных Штатах, а также присутствие защитных механизмов для первичных групп порождают эффект обратной связи, имеющий тенденцию смягчать конфликты на уровне партийных элит. Неслучайно ритуал рукопожатия победителя и проигравшего и отправка проигравшим поздравительной телеграммы победителю — обычные явления в Соединенных Штатах и Великобритании, тогда как на европейском континенте подобные действия редки. Ситуация выглядит почти так же, как если бы между сообществом и политикой была заключена некая сделка. Если первичная группа должна быть открытой для партийной приверженности [, свойственной] политике, то политика должна ассимилировать некоторые из сплывающих свойств первичной группы. В Великобритании это эффективно символизируется широко распространенным приятием квазисвятости королевского семейства, которая делает «правительство Ее Величества» и «лояльную оппозицию Ее Величества» членами одной и той же общенациональной семьи. В Соединенных Штатах это качество квазисвященного сообщества символизируется в целом ряде ролей и институтов — в общенациональной представительской роли президентства, в надзаконных символических качествах конституции, в особом статусе Верховного суда и т.п.

---

¹ Дальнейшее обсуждение моделей семьи в наших пяти странах см. в главе XI.

Именно эта смесь ценностей сообщества и политики, присутствующая в Великобритании и Соединенных Штатах, этот набор механизмов, которые смягчают расхождения из-за партийной приверженности, как раз и создают психологические условия, необходимые для предрасположенности к образованию неформальных групп. Природа приверженности политическим партиям и преданности группам интересов такова, что в ситуациях политической напряженности или угрозы индивид может мобилизовать свою личную и общинную сеть. В некотором смысле это старое доброе «право на революцию»¹, теперь институционализированное в широко распространенной способности действовать вне организованной инфраструктуры демократии; та резервная мощность (или сохраняемые полномочия)² демократического гражданина, которые дают ему право независимого доступа к политическому влиянию.

Так что «жужжание» групповой активности в Соединенных Штатах и Великобритании, эта характерная тональность их политической жизни представляется укорененной в некоторых фундаментальных особенностях и характеристиках социальной системы названных стран. То обстоятельство, что люди там могут столь легко кооперироваться друг с другом в политических действиях, основано на следующем факте: несмотря на политические различия, они привязаны к своим собратьям-согражданам целым множеством всевозможных межличностных ценностей и эти ценности перекрывают символическим сводом все политические и неполитические аспекты существующей системы. Хотя две

---

¹ Это ссылка на Декларацию независимости США и цитата из нее. — *Прим. перев.*

² Это понятие (*reserved powers*) тоже взято из основополагающего американского документа — Десятой поправки к Конституции США, где в существующем у нас полуофициальном переводе этого документа оно толкуется как «сохраняемые полномочия» и означает полномочия властей штата в соответствии с данной поправкой, т.е. все полномочия, за исключением тех, что не делегированы федеральной власти или запрещены Конституцией США. Традиционно они включают вопросы местного самоуправления, образования, регулирования торговли, трудовых отношений и бизнеса, наследования, а также вопросы брака, разводов и иных семейных отношений. — *Прим. перев.*

указанные политические системы в высокой степени «современны» — весьма дифференцированы и обладают функционально специфическими группами интересов, политическими партиями и правительственными агентствами, — они в некотором смысле встроены в «общенациональное сообщество». Внутри этой «современной» политической системы присутствуют семена мощной фрагментации — между политическими структурами, между линиями разграничения по партийной приверженности, между политией и обществом. Но в Великобритании и Соединенных Штатах этой фрагментации препятствует сила совместно разделяемых социальных ценностей и установок, которые пронизывают все аспекты общества.

ГЛАВА X

ЧЛЕНСТВО В ОРГАНИЗАЦИЯХ И ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Гражданская культура, как мы аргументированно показали ранее, покоится на совокупности неполитических установок и неполитических принадлежностей. У многих из тех установок, которые мы обсуждали: у универсальных установок по отношению к другим людям, у чувства социального доверия, — мало явного политического содержания, и многое из принадлежностей, с которыми мы имели дело, в частности принадлежность к первичной группе, весьма далеки от политической системы. Наша концентрация на этом уровне социальной структуры не означает намерения наводить читателя на мысль, что более крупные вторичные неполитические группы (основной их пример — добровольные ассоциации) играют в демократической политике незначительную роль. Совсем наоборот: хотя первичные ассоциации играют важную роль в развитии у гражданина чувства политической компетентности и отражают зарождающуюся способность агрегировать свои требования с требованиями других людей, сами по себе они представляют слабую связь между индивидом и политикой. Как указывал Корнхаузер, первичные группы по-прежнему малы и бессильны по сравнению с массовыми институтами политической жизни. Необходимой частью демократической инфраструктуры являются также более крупные институты, достаточно близкие к индивиду, чтобы позволить ему некоторое участие, и вместе с тем достаточно близкие к государству, чтобы обеспечивать доступ к власти¹.

Добровольные ассоциации представляют собой важные первичные средства, с помощью которых реализуется функция посредничества между индивидом и государством. Через них индивид способен эффективно и осмысленно обращаться

---

¹ William Kornhauser, *The Politics of Mass Society*, Glencoe, Ill., 1959.

ся к политической системе. Эти ассоциации помогают ему избежать дилеммы — быть ли парохиадом, отрезанным от политического влияния, или же изолированной и бессильной личностью, которой манипулируют и которую мобилизуют массовые институты политической жизни и органов власти. Доступность своих первичных групп как политического ресурса в угрожающие времена дает ему эпизодически применяемый политический ресурс. Членство в добровольных ассоциациях предоставляет ему более структурированный набор политических ресурсов, произрастающих из его разнообразных интересов.

Если гражданин состоит членом некоторой добровольной организации, то он вовлечен в более широкий социальный мир, но меньше зависит от своей политической системы и меньше контролируется ею. Ассоциация, членом которой он является, может представлять его нужды и требования перед органами власти. Это может сделать указанные органы более осторожными и заставить их не вовлекаться в действия, которые могли бы повредить данному индивиду. Кроме того, в коммуникациях, исходящих от центральных правительственных властей, те ассоциации, членом которых состоит данный индивид, выступают посредниками, потому что индивидам присуща тенденция интерпретировать коммуникации согласно своему членству в социальных группировках — т.е. они, скорее всего, отвергнут коммуникации, неблагоприятные для той ассоциации, к которой они принадлежат, — а еще и потому, что они могут также получать коммуникации от своих ассоциаций, и тем самым им предоставляются альтернативные каналы политической коммуникации. Наконец, что важнее всего, с точки зрения индивидуального члена, принадлежность к некоторой добровольной организации, как представляется, существенным образом воздействует на его политические установки. В этой главе мы попробуем установить, в чем состоят эти воздействия.

Опираясь с данными о членстве в ассоциациях, мы должны рассмотреть еще один вопрос. Членство в ассоциациях может означать низкий уровень индивидуального участия и компетентности: ассоциации могут быть весьма большими, а возможности для участия — ограниченными. Таким

образом, существование высокой частоты членства может говорить нам в большей мере о политических институтах общества, чем о состоянии гражданственности в этом обществе. Чтобы выяснить последнее, нам понадобится больше узнать о природе членства — насколько активны индивиды в своих организациях и какие воздействия их членство оказывает на них.

Распределение добровольного членства в ассоциациях

В некоторых странах добровольное членство в ассоциациях распространено шире, чем в других. Это очевидно из табл. X.1. В Соединенных Штатах свыше половины респондентов состоят членами какой-нибудь такой организации¹. В Великобритании и Германии членами какой-либо организации является несколько меньше половины респондентов, тогда как в Италии и Мексике их доля составляет 29 и 25% соответственно.

К какого рода организациям принадлежат люди в этих пяти странах? Диапазон конкретной их номенклатуры широк. Но табл. X.2 говорит о некоторых основных типах. Во всех странах часто называются организации, представляющие экономические интересы: различные союзы, коммерческие и торговые объединения, сельскохозяйственные организации и, возможно, профессиональные объеди-

---

¹ В основу этих данных положены ответы на следующий вопрос: «Являетесь ли вы в настоящий момент членом каких-нибудь организаций — профсоюзов, коммерческих организаций, социальных групп, профессиональных или сельскохозяйственных объединений, кооперативов, боевых братств или ветеранских групп, спортивных клубов, политических, благотворительных, гражданских или религиозных организаций либо любых других организованных групп? Каких именно?» Количество случаев членства в добровольных ассоциациях зависит в большой мере от формулировки вопроса и от того определения добровольной ассоциации, которое дается респонденту. Включение, например, в их число тред-юнионов или профсоюзов приводит в результате к несколько более высокому показателю, чем он был установлен в других исследованиях. Однако здесь по-настоящему важен не абсолютный уровень членства в любой из стран, а относительное положение каждой из этих пяти стран. И поэтому здесь существенно то, что во всех пяти странах задавался один и тот же вопрос.

Таблица X.1

Членство в добровольных ассоциациях; по странам

Страна	%	Кол-во*
США	57	(970)
Великобритания	47	(963)
Германия	44	(955)
Италия	29	(995)
Мексика	25	(1007)

* Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

Таблица X.2

Членство в различных типах организаций;
по странам

Организации	США	Велико- британия	Герма- ния	Италия	Мек- сика
Профсоюзы	14	22	15	6	11
Бизнес	4	4	2	5	2
Профессиональная	4	3	6	3	5
Сельскохозяйствен- ная	3	0	4	2	0
Социальная	13	14	10	3	4
Благотворительная	3	3	2	9	6
Религиозная ^а	19	4	3	6	5
Гражданско- политическая	11	3	3	8	3
Кооперативная	6	3	2	2	0
Ветеранская	6	5	1	4	0
Братское общество ^б	13	—	—	—	—
Другие	6	3	9	6	0
Суммарная процент- ная доля членов	57	47	44	30	24
Общее количество респондентов	970	963	955	995	1,007

^а Это относится к организациям, которые связаны с церковью, а не к самой принадлежности к церкви.

^б Только США.

нения. Социальные организации упоминаются 10% или более нашей выборки в Соединенных Штатах, Великобритании и Германии. В Соединенных Штатах 10% или более респондентов упоминают также религиозные, гражданско-политические и ветеранские организации. Есть одно сообщение, которое стоит в этой связи отметить: степень «политизации» указанных организаций, т.е. степень, в которой они открыто вовлечены в политическую жизнь, видимо, очень сильно изменяется. Некоторые из экономических организаций очевидным образом глубоко политизированы, некоторые из социальных могут быть полностью неполитическими. К последствиям этого для политических установок мы возвратимся ниже.

Таблица X.3

Процентная доля респондентов, которые принадлежат к какой-нибудь организации; по странам и полу

Страна	Всего		Мужчины		Женщины	
	%	Кол-во ^a	%	Кол-во	%	Кол-во
США	57	(970)	68	(455)	47	(515)
Великобритания	47	(963)	66	(000)	50	(503)
Германия	44	(955)	66	(449)	24	pM)
Италия	50	(995)	41	(471)	19	(Я4)
Мексика	24	(1007)	43	(355)	15	(652)

^a Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

Распределение членства в организациях также представляет интерес. Если мы посмотрим на долю мужчин и женщин, которые состоят членами каких-нибудь организаций, то увидим некоторые поразительные результаты (см. табл. X.3). Различия между странами по количеству индивидов, участвующих в ассоциациях, можно в значительной степени объяснить различиями в доле женщин, которые сообщают о таком членстве. Так, высокий уровень членства в ассоциациях, характерный для Соединенных Штатов, зависит в большой степени от высокого уровня женского участия. Если рассматривать только мужчин, то в Соединенных Штатах участие

в ассоциациях наблюдается не чаще, чем в Великобритании или Германии. Зато по-настоящему удивляет, насколько похожа частота членства во всех этих трех странах: в каждой из них о таком членстве сообщают около двух третей респондентов-мужчин. С другой стороны, уровень участия среди женщин в Соединенных Штатах существенно выше, чем в Великобритании, и почти вдвое превосходит частоту членства в Германии. В Мексике и Италии уровень участия как мужчин, так и женщин ниже, чем в трех других странах. Однако во всех странах, за исключением Соединенных Штатов, обнаружены сходные зависимости между частотой мужского участия и частотой женского участия, а именно мужчины участвуют в добровольных организациях приблизительно в 2–3 раза чаще, чем женщины. Зато по роли женщин в качестве участниц Соединенные Штаты существенно отличаются от четырех других стран, поскольку, хотя американские женщины участвуют в различных добровольных ассоциациях не столь часто, как американские мужчины, они в данном отношении не отличаются от мужчин настолько заметно, насколько это характерно для женщин в остальных странах.

И точно так же, как мужчины чаще участвуют в добровольных ассоциациях, подобное явление наблюдается и у индивидов с более высоким образованием. Это видно в табл. X.4. Во всех странах по мере продвижения вверх по образовательной лестнице отмечается резкое увеличение членства в организациях. Среди лиц с образованием на уровне начальной школы членство встречается намного реже, чем у людей с более высоким образованием, подсказывая тем самым одну из причин ощутимой зависимости между образованием и политической компетентностью. Образование оказывает на политическую компетентность комплексное воздействие. Помимо того что более высокообразованный индивид изучает политически полезные навыки в рамках школы, он также с большей вероятностью вступит потом в другие неполитические взаимоотношения, которые окажут благотворное воздействие на дальнейшее повышение его политической компетентности. Членство в ассоциациях как раз является одной из форм такого неполитического уча-

ствия. Индивид с меньшим уровнем образования и поэтому с меньшей политической компетентностью и в последующие годы жизни с меньшей вероятностью вступит в такие взаимоотношения, которые развивали бы его политическую компетентность. Таким образом, полученные нами данные реально говорят о том, что различные функции, выполняемые добровольными ассоциациями, чаще реализуются для лиц с более высоким образованием¹.

Таблица X.4

Процентная доля респондентов, которые принадлежат к каким-либо организациям; по странам и образованию

Страна	Всего		Нач. или ниже		Неполн. сред.		Неоконч. высш.	
	%	Кол-во*	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	57	(970)	45	(339)	55	(443)	80	(188)
Великобритания	47	(963)	41	(593)	55	(322)	92	(24)
Германия	44	(955)	41	(792)	63	(124)	62	(26)
Италия	30	(995)	25	(692)	37	(245)	46	(54)
Мексика	24	(1007)	21	(877)	39	(103)	68	(24)

* Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

Нас интересует, какими путями членство в добровольных ассоциациях воздействует на политические установки. Но типы ассоциаций, с которыми мы имеем дело, многочисленны и разнообразны, а потому от членства в организациях разных типов можно было бы ожидать разных воздействий. Одно из возможных различий между организациями заключается в том, до какой степени они озабочены публичными делами. Некоторые из ассоциаций являются чисто социальными, другие напрямую и открыто ориентированы политически. Можно утверждать — и одна из основных гипотез

¹ Похожие данные можно было бы представить для распределения членства в разных организациях по профессиональным слоям. Вообще говоря, более высокий профессиональный статус влечет за собой более частое членство в добровольных ассоциациях, хотя эта зависимость не настолько сильна, как между образованием и принадлежностью к организациям.

тез о членстве в добровольных ассоциациях действительно такова, — что всякое членство, даже в неполитической организации, непременно окажет воздействие на политические установки. Можно ожидать, что и опыт социального взаимодействия внутри организации, и возможность участвовать в решениях этой организации (если такое участие имеет место), и общее расширение перспектив, которое происходит при любом виде социальной деятельности, — все это должно увеличивать потенциал индивида для политической вовлеченности и активной деятельности. Тем не менее можно также рассчитывать на обнаружение того, что организации, более непосредственно вовлеченные в политическую жизнь, будут оказывать большее и более разнообразное воздействие на политические перспективы своих членов¹.

К сожалению, наши данные не позволяют нам объективно разделить добровольные организации на различные типы, основываясь на том, в какой степени они берут на себя активную политическую роль. Однако мы действительно знаем, воспринимает ли индивидуальный член свою организацию как играющую некоторую роль в политической жизни. Респондентам задавался вопрос, не была ли какая-нибудь из организаций, к которой они принадлежали, «хоть каким-то образом заинтересована государственными, политическими, или публичными делами; например, занимала ли она какую-либо позицию по публичным проблемам, участвовала ли в дискуссиях по ним или пыталась ли влиять на властные решения?». Необходимо помнить, что этот вопрос анализирует восприятие респондентов: им предлагается

---

¹ Аналогично такие организации, вероятно, также оказывали бы большее воздействие на функционирование политической системы. Даже те из них, которые не играют никакой активной роли в политической жизни — не организуют компаний в пользу изменения законодательства, не проявляют никакой политической заинтересованности и т.д., — могут занимать значимое место в принятии политических решений. Само их существование в качестве *потенциальных* политических организаций может влиять на решения государственных чиновников такими способами, которые не проявились бы, если бы эти конкретные группы не были организованы. И все-таки при прочих равных условиях можно ожидать, что откровенно политическая группа должна оказывать большее воздействие на политические решения.

дать собственное определение политической ангажированности. Кроме того, многие из членов могут вообще не до конца знать о действиях своих организаций. Член ветеранской группы, которая активно лоббирует новые блага для ветеранов или определенную внешнюю политику, может воспринимать свою группу, по существу, в социальных терминах. Таким образом, эти данные необязательно отражают фактическое состояние политической деятельности добровольных ассоциаций. Но мы интересуемся воздействием членства в политических и неполитических организациях на политические установки, и тем самым этих данных о восприятии индивидом политической роли его организации может оказаться достаточно.

Табл. X.5 сообщает о частоте, с которой респонденты в наших пяти странах воспринимают свои организации как принимающие некоторое участие в политической жизни. В Соединенных Штатах приблизительно один из четырех респондентов принадлежит к организации, которую он воспринимает как вовлеченную в политическую жизнь¹. В Италии эта пропорция уменьшается до 6%. Хотя по процентной доле *полного населения*, которая воспринимает свою организацию как вовлеченную в политические дела (столбец 1), наши страны и различаются, доля *членов организаций*, которые придерживаются такого восприятия, до удивления однородна во всех странах (столбец 2). В каждой стране, за исключением Италии, приблизительно одинаковая доля тех, кто является членами организаций — от 40 до 45%, воспринимая себя как часть политически активной организации.

---

¹ О том, что частота, с которой индивид сообщает о принадлежности к политической организации, изменяется в зависимости от его определения политической жизни и политики, говорит результат, полученный Вудвордом и Ропером: 31% их выборки положительно отвечал на следующий вопрос: «Доводилось ли вам принадлежать к каким-нибудь организациям, которые иногда отстаивали свою точку зрения по обеспечению жильем или жилищному строительству, улучшению работы органов власти, школьной проблематике или по другим публичным проблемам?» В противоположность этому в нашей выборке на наш вопрос положительно ответили 24%. Разница может быть вызвана тем фактом, что многие из наших респондентов не считали «школьную проблематику» политическим вопросом. См.: Julian L. Woodward and Elmo Roper, «Political Activity of American Citizens», *American Political Science Review*, XLIV (1950), p. 872–885.

Приблизительно для одной пятой итальянских членов организаций и примерно для двух пятых их членов в каждой из других стран быть частью организации реально означает (в терминах осведомленности данного индивида) «завербоваться» в политическую систему.

Таблица X.5

Респонденты, которые считают свои организации вовлеченными в политические дела; по странам

Страна	Процентная доля во всем населении		Процентная доля в общем числе членов организаций	
	%	Кол-во*	%	Кол-во
США	24	(970)	41	(551)
Великобритания	19	(963)	40	(453)
Германия	18	(955)	40	(419)
Италия	6	(995)	20	(291)
Мексика	11	(1007)	46	(242)

* Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

Членство в организациях и политическая компетентность

Политические и неполитические организации. Какое воздействие — если оно вообще имеется — оказывает членство в организациях на политические установки? Действительно ли индивиды, которые являются членами некоторой организации, отличаются по своим политическим воззрениям от тех, кто не состоит в ней? И воздействует ли членство в организации какого-нибудь вида — политической, равно как и неполитической — на политические взгляды? Либо влияет ли на политические воззрения и на перспективы в политике только членство в политически релевантной организации? Политические установки, которыми мы интересуемся, — это установки, ассоциирующиеся с демократической гражданственностью, как мы ее определили. Если членство в организации способствует развитию демократического гражданского населения, то можно было бы ожидать от ее членов — по сравнению

с теми, кто таковыми не является, — чувства большей уверенности в своей способности влиять на органы власти, большей активности в политической жизни, большей «открытости» в выражении своих политических мнений и вообще большей преданности демократическим ценностям.

Позвольте нам сначала посмотреть на зависимость между членством в организациях и имеющимся у индивида ощущением своей способности влиять на правительство и другие органы власти. Как мы предположили ранее, это ощущение компетентности является важной «установочной» переменной для понимания политических воззрений конкретного индивида и оно имеет существенные последствия для широкого круга других важных политических установок. Таблица X.6 сообщает о доле респондентов, набирающих высокие баллы по шкале субъективной компетентности, среди (1) тех респондентов, которые состоят членами организаций, рассматриваемых ими как вовлеченные в политическую жизнь, (2) тех лиц, которые состоят в неполитических организациях, и (3) тех, кто не состоит ни в какой организации. Результаты поразительны и весьма однородны от страны к стране. Во всех странах те респонденты, которые не состоят ни в какой организации, как правило, располагаются на вышеуказанной шкале ниже, чем члены организаций. И среди их членов те респонденты, которые считают свои организации вовлеченными в политику, с наибольшей вероятностью наберут высокие баллы по указанной шкале. В Великобритании, например, 80% членов политически ориентированных организаций попадают в три диапазона самых высоких оценок по шкале субъективной компетентности; среди членов неполитических организаций в эти три наилучшие категории попадают 69%, в то время как среди тех, кто не принадлежит ни к какой организации, в трех самых высоких категориях шкалы можно найти только 56% респондентов. В Италии 77% членов политически ориентированных организаций набирают по этой шкале высокие баллы в противоположность 49% среди тех, кто принадлежит к неполитическим организациям, и 34% из числа тех, кто не принадлежит ни к какой организации.

Таблица X.6

Процентная доля респондентов, которые получили наивысшие показатели субъективной компетентности^а, среди членов политических и неполитических организаций; по странам и образованию

Страна	Всего		Начальное или ниже						Среднее или выше									
	Член политической организ.		Член неполитической организ.		Нечлен		Член политической организ.		Член неполитической организ.		Нечлен		Член политической организ.		Член неполитической организ.		Нечлен	
	%	Кол-во ^б	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	79	(228)	70	(322)	54	(418)	65	(91)	60	(163)	46	(263)	87	(137)	81	(160)	68	(156)
Великобритания	80	(193)	69	(157)	56	(510)	83	(97)	61	(144)	52	(352)	74	(86)	77	(112)	62	(148)
Германия	60	(172)	52	(246)	37	(534)	59	(137)	48	(184)	34	(471)	94	(32)	65	(63)	57	(55)
Италия	77	(56)	49	(234)	34	(701)	68	(25)	45	(148)	29	(519)	85	(31)	55	(85)	48	(183)
Мексика	57	(103)	45	(139)	33	(765)	54	(79)	40	(101)	33	(697)	64	(24)	58	(36)	46	(67)

^а То есть те, кто попал в три самые высокие категории по шкале субъективной компетентности.

^б Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

Как субъективная компетентность, так и частота членства в организациях связаны с образовательными достижениями. Посему важно отметить, что эта зависимость между членством в организации и ощущением своей способности влиять на властные структуры устойчиво наблюдается, когда образовательный уровень сохраняется постоянным. Только среди британских респондентов с более высоким образованием имеет место противоположная тенденция: респонденты, являющиеся членами неполитической организации, набирают немного больше баллов по шкале субъективной компетентности, чем те респонденты, которые состоят в политической организации. Но ожидаемая картина весьма сильно выражена среди британских респондентов, принадлежащих к более низкой образовательной группе, и для обоих образовательных уровней в остальных странах.

Табл. X.6 являет собой внушительное подтверждение гипотезы о воздействии членства в организациях на политические установки. Такое членство по-настоящему связано с уверенностью гражданина в себе. Индивид, который принадлежит к организации, будет с большей вероятностью по сравнению с тем, кто не принадлежит, чувствовать себя компетентным влиять на органы власти. Эта таблица показывает, что вид организации, к которой принадлежит респондент, также играет роль. Те, кто являются членами политически ангажированной организации, с большей вероятностью будут чувствовать себя компетентными в своих отношениях с любыми властными структурами, в том числе и с правительством, нежели те, кто принадлежит к неполитической организации. Но самым поразительным результатом является контраст между теми, кто состоит в организациях, не воспринимаемых ими как политические, и теми, кто не принадлежит ни к какой организации. Во всех странах на обоих уровнях образования те, кто является членом неполитической организации, с большей вероятностью будут чувствовать себя субъективно компетентными, чем лица, которые не принадлежат ни к какой организации. Это, как представляется, подтверждает тот факт, что добровольные ассоциации выполняют латентные политические функции независимо от того, являются ли эти организации явно по-

литическими или нет. Даже если те, кто состоит членом какой-нибудь организации, сообщают, что она не играет никакой политической роли, такие лица все равно обладают большей политической компетентностью, нежели те, кто не принадлежит ни к одной организации.

Похожая картина появляется, если мы рассматриваем политические дискуссии. Члены политически ориентированных организаций чаще других респондентов сообщают, что они обсуждают политическую жизнь. Этого следовало ожидать, и данный феномен проявляется во всех пяти странах, а также на обоих уровнях образования (за исключением мексиканских респондентов с более высоким образованием, где наблюдается небольшая обратная зависимость). Причем, как и в случае с данными о субъективной компетентности, индивид, который является членом неполитической организации, с большей вероятностью сообщает, что он обсуждает политическую жизнь, чем тот, кто не состоит ни в какой организации. Так, в Германии 88% из числа тех, кто принадлежит к политической организации, дискутируют о политической жизни — в отличие от 70% членов неполитических организаций. И обе эти процентные доли контрастируют с показателем частоты подобных дискуссий среди лиц, не являющихся членами какой-либо организации, — 47%. Очевидно, что членство в организации, даже если она носит явно неполитический характер, делает более правдоподобным наличие у индивида ощущения собственной способности участвовать в политической жизни, а также его фактическое участие в политических дискуссиях.

Похоже, членство индивида в организации расширяет также диапазон его политических мнений. Если мы сравниваем членов политически ориентированных организаций, членов неполитических организаций и лиц, не являющихся членами какой-либо организации, по их готовности выражать свои мнения по разнообразным политическим вопросам, то обнаруживаем, что члены политических организаций с наибольшей вероятностью выразят широкий диапазон политических мнений; члены неполитических организаций и лица, не состоящие членами каких-либо организаций, будут следовать за ними в указанном порядке.

В Италии, например, 68% членов какой-нибудь политически ориентированной организации ответили на все шесть вопросов, применявшихся для измерения диапазона выражаемых мнений, в отличие от 36% из числа тех, кто состоял в неполитической организации, и в отличие от 20% среди тех, кто не принадлежал вообще ни к какой организации¹.

Поэтому представляется, что членство в какой-либо организации, политической или неполитической, приводит к увеличению политической компетентности и активности индивида². Член организации, в противоположность лицу, нигде не состоящему, кажется в большей мере приближающимся к тому, кого мы назвали демократическим гражданином. Он компетентен, активен и открыт для выражения своих мнений.

Активное и пассивное членство. Одна из причин, по которой может ожидаться, что членство в организациях должно воздействовать на политическую компетентность и активность, заключается в том, что члены подобных организаций получают внутри своей организации своеобразный тренинг участия и впоследствии плоды этого тренинга поддаются перенесению в политическую сферу. В соответствии с этим аргументом у члена организации будет больше возможностей активно действовать внутри своей организации, чем он имел бы в рамках более крупной политической системы. Организации представляют собой в некотором смысле маленькие политические системы, и как навыки участия, так и ожидание возможности поучаствовать увеличивают компетентность индивида перед лицом политической системы. Более того — и это является одним из самых важных воздействий, приписываемых членству в организациях, — тренинг в рамках подобных организаций означает, что существуют альтернативные каналы привлечения в политику. Если бы

¹ Описание вопросов, которые использовались с этой целью, см. в главе II.

² Об этой зависимости между членством в группе и политической ответственностью и активностью сообщается в некоторых работах, проведенных Исследовательским центром опросов (Survey Research Center), и в других социологических исследованиях сообществ. См.: Robert E. Lane, *Political Life*, p. 188.

в организациях не существовали возможности участвовать, то весь такой тренинг участия должен был бы иметь место в рамках самой политической системы и над ним довлели бы более общие нормы данной системы. Существование альтернативных каналов означает, что привлечение людей к активной политической деятельности будет не столь жестко контролироваться элитами, стоящими ныне у власти. Тем самым участие в организациях приводит к большему плюрализму.

Но мы не вправе предполагать, что членство в добровольной ассоциации в обязательном порядке означает активное участие. Многие из таких организаций велики и сложны; возможно, для индивидуального члена они являются столь же большими и сложными, как вся его страна, а их центры власти в такой же мере отдалены от него. Многие из подобных организаций управляются централизованно и предоставляют совсем небольшое пространство для индивидуального участия. Членство в них может предложить лишь очень небольшой тренинг политического участия. Например, член крупного профсоюза с централизованно организованной структурой может чувствовать себя таким же пассивным участником своей организации, как и подданный в большой авторитарной стране, и фактически он может иметь такую же небольшую возможность высказывать свое мнение.

Следовательно, чтобы проследить воздействие членства в организациях на политические установки, важно рассмотреть, в какой степени индивиды стремятся играть активные роли в своих организациях. «Валовые» показатели членства ничего не говорят нам о таком участии. Чтобы иметь хоть какую-то оценку того, в какой степени членство влечет за собой активное участие, у респондентов, сообщавших о своем членстве, спрашивали, брали ли они на себя какую-нибудь активную роль в рамках своих организаций, в частности занимали ли они когда-либо в ее местном отделении или в одном из центральных органов какое-нибудь официальное положение либо высокую или низкую должность.

Собранные данные (см. табл. X.7) указывают на еще более внушительные различия между странами, чем показатели «валового» членства. В Соединенных Штатах 26% респондентов сообщают, что они занимали в своей организа-

ции некое положение. И, хотя в Великобритании их доля меньше (13%), она существенно больше данного показателя в других странах (там он от 7 до 8%). Это говорит о том, что воздействие добровольных ассоциаций на природу гражданственности может значительно изменяться при переходе от одной страны к другой. В некоторых странах существует сравнительно обширный слой индивидов, которые более или менее активно участвуют в принятии решений для своих добровольных ассоциаций; в других местах членство в организациях может быть относительно формальным и не давать возможностей для участия. Организации, в которых у индивида существуют некоторые возможности, чтобы принимать активное участие, могут быть столь же значимыми для развития демократической гражданственности, как и добровольные организации вообще.

Таблица X.7

Респонденты, которые сообщают о том, что были официальными лицами в каких-то организациях; по странам

Страна	Процентная доля во всем населении		Процентная доля от членов организаций	
	%	Кол-во*	%	Кол-во
США	26	(970)	46	(551)
Великобритания	13	(963)	29	(453)
Германия	7	(955)	16	(419)
Италия	7	(995)	23	(291)
Мексика	8	(1007)	34	(242)

* Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

Указанные соображения добавляют очередное звено к нашему обсуждению природы участия в выбранных пяти странах. В частности, они указывают на резкое различие между природой участия в Германии, с одной стороны, и в Великобритании и Соединенных Штатах — с другой. Применительно к членству в организациях эти три страны находятся на относительно высоком уровне, особенно если говорить о мужчинах. Тем не менее различия в пропорциях активно участвующих членов (этот факт измеряется тем, действитель-

но ли они когда-либо занимали в своих организациях официальное положение) сильны. Если мы посмотрим на второй столбец табл. X.7 (доля членов, которые занимали некоторое официальное положение), то увидим, что 46% американцев и 29% британцев занимали некоторое официальное положение в одной из организаций, к которым они принадлежали, в то время как среди немецких членов только 16% имели опыт активного участия. (Фактически в Германии процентная доля активных членов групп меньше, чем в Мексике или Италии, хотя в последних двух странах мы имеем дело с намного меньшей численностью членов групп.) Здесь снова находит отражение германская тенденция участия: оно широко распространено, но не интенсивно. В нем просматривается тенденция к формальности и мало прямой индивидуальной преданности и подлинной активности. В Германии формальные организации – как и в Великобритании или Соединенных Штатах – широко распространены и важны для выработки политики. Но они различаются по тому, в какой степени предоставляют своим членам возможности для участия в принятии решений. Мы еще раз обнаруживаем, что в Германии структуры демократической системы хорошо развиты, но пока еще не играют существенной роли в воззрениях и поведении граждан. Они являются элементами демократической политической структуры, но еще не ассимилированы в эту демократическую политическую культуру.

Различия в частоте участия внутри организаций выдвигаются на передний план, если мы рассматриваем, какие их члены скорее проявят активность. Вообще говоря, как указывают данные табл. X.8 и X.9, мужчины и лица с более высоким образованием проявляют активность в своих организациях с большей вероятностью, чем члены-женщины и члены с меньшим объемом образования. Исключение имеет место в Соединенных Штатах, где женщины – члены организаций с большей вероятностью будут активными участниками, нежели мужчины¹.

---

¹ Похожая зависимость была обнаружена в исследовании Джона Скотта (John C. Scott, «Membership and Participation in Voluntary Associations», *American Sociological Review*, XXII [1957], p. 315–326). Он обнаружил, что в одном из городов Новой Англии респонденты-мужчины с большей веро-

Таблица X.8

Члены организаций, которые когда-либо занимали в них официальные должности; по странам и гендерной принадлежности

Страна	Всего		Мужчины		Женщины	
	%	Кол-во*	%	Кол-во	%	Кол-во
США	46	(551)	41	(309)	52	(242)
Великобритания	29	(453)	32	(304)	22	(149)
Германия	16	(419)	18	(298)	9	(121)
Италия	23	(291)	24	(193)	19	(98)
Мексика	34	(242)	43	(146)	18	(96)

* Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

Таблица X.9

Члены организаций, которые когда-либо занимали в них официальные должности; по странам и образованию

Страна	Всего		Начальное или низшее		Неоконч. среднее		Неоконч. высшее	
	%	Кол-во*	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	46	(551)	31	(156)	44	(245)	64	(150)
Великобритания	29	(453)	23	(241)	31	(176)	64	(22)
Германия	16	(419)	12	(321)	24	(79)	38	(16)
Италия	23	(291)	13	(173)	36	(91)	38	(26)
Мексика	33	(242)	30	(181)	39	(44)	52	(17)

* Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

Особенно интересно, что германская картина частого членства в организациях, сочетающегося с нечастым участием в работе этих организаций, наблюдается относительно единообразно среди всех германских подгрупп. Хотя немецкие мужчины состоят членами организаций столь же

янтностью, нежели респонденты-женщины, принадлежали к какой-либо организации. Но среди членов этих организаций женщины занимали высокие посты с большей вероятностью, чем мужчины. Одной из причин этого может быть меньший размер организаций, к которым принадлежали женщины.

часто, как британские или американские мужчины, и хотя немцы, принадлежащие к конкретным образовательным группам, состоят членами организаций столь же часто, как и их британские или американские коллеги, ни в одной из подгрупп из табл. X.8 или X.9 мы не найдем, что немецкие респонденты так же часто проявляют активность внутри своих организаций, как американские и британские респонденты. Сравним, например, респондентов-мужчин в этих трех странах. Для немецких мужчин вероятность членства в добровольных ассоциациях такая же, как для британских или американских мужчин: доли тех, кто сообщает о членстве, составляют 68% в Соединенных Штатах и 66% в Великобритании и Германии. С другой стороны, 41% американских и 32% британских членов-мужчин сообщают, что они проявляли активность в своих организациях, тогда как из числа немецких членов-мужчин о таком активном участии сообщают только 18%. Аналогичные контрасты можно найти в табл. X.9 для различных образовательных групп, и они могут также наблюдаться внутри различных профессиональных групп.

Степень, в которой членство в организации втягивает в то или иное активное участие внутри этой организации, выглядит заметно изменяющейся от страны к стране, а также внутри каждой из стран в зависимости от принадлежности к гендерным и образовательным категориям. Не все члены играют активную роль в своих организациях. Кроме того, степень активности, которую индивид проявляет в организации, представляется зависящей от его политических взглядов, как это ясно видно из табл. X.10. Вновь мы используем для измерения этой зависимости балльную оценку субъективной компетентности (тогда хотя бы измерения политической активности должны дать похожие результаты). Те члены организаций, которые занимали в своих организациях активные позиции, с большей вероятностью, чем рядовые неприметные члены, набирают высокие баллы по этой шкале. В Италии, например, 76% тех респондентов, которые сообщают о некотором активном участии внутри своих организаций, попадают по баллам в три наиболее высокие категории нашей шкалы субъективной компетентности —

в отличие от 48% из числа более пассивных членов организаций. Однако даже пассивное членство выглядит по сравнению с отсутствием членства ассоциирующимся с возросшим чувством политической компетентности. И в то время как из числа пассивных членов 48% оказываются в трех лучших категориях шкалы субъективной компетентности, только 34% лиц, не являющихся членами никакой организации, попадают в эти более высокие категории. При этом картина, характерная для Италии, наглядно проявляется во всех странах, причем для индивидов на обоих образовательных уровнях, а также для мужчин и женщин. Очевидно, что как тип организации, к которой принадлежит человек, так и интенсивность деятельности в ее рамках связаны с его политическими установками. И все же само по себе членство в организации, похоже, оказывает лишь остаточное воздействие на политическую компетентность и активность. Пассивный член, равно как и член неполитической организации все-таки продолжают отличаться от индивида, который вообще не сообщает ни о каком своем членстве¹.

Эти результаты убедительно поддерживают суждение, ассоциирующееся с теорией массового общества и гласящее, что существование добровольных ассоциаций увеличивает демократический потенциал общества. Демократия зависит от участия гражданина, и ясно, что членство

---

¹ В 1948 г. американская военная администрация в Германии провела опрос среди немецкой молодежи, чтобы оценить, насколько эффективными в деле насаждения демократических установок оказались недавно сформированные там молодежные организации. Опрос обнаружил относительно небольшое различие между членами молодежных клубов и теми, кто в них не состоит, в их приверженности демократическим установкам. Например, 58% членов молодежных клубов и 55% лиц, не являющихся их членами, считали, что для клуба было бы лучше выбирать лидера согласно волеизъявлению большинства, а не получать его путем назначения. Напротив, 72% членов тех клубов, собственные лидеры которых были избраны, отдавали предпочтение выборам лидеров по сравнению с 48% членов таких клубов, где лидеры были назначены. Очевидно, что природа властной структуры в молодежном клубе оказывала большее воздействие на установки молодых людей, чем сам по себе факт членства в клубе. См.: Office of Military Government for Germany (US), Opinion Survey Report No. 99, March 5, 1948, «A Report on German Youth». Этот опрос основывается на 2337 интервью с респондентами в возрасте от 10 до 25 лет.

Таблица X.10

Процентная доля респондентов, которые получили самые высокие оценки субъективной компетентности^а по степени их активности в организациях, по странам и образованию

Страна	Всего						Начальное или ниже						Среднее или выше					
	Активный член		Пассивный член		Нечлен		Активный член		Пассивный член		Нечлен		Активный член		Пассивный член		Нечлен	
	%	Кол-во ^б	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	82	(253)	66	(298)	54	(418)	68	(98)	55	(166)	46	(263)	85	(165)	80	(132)	69	(156)
Великобритания	84	(130)	69	(320)	55	(510)	86	(56)	66	(184)	52	(352)	84	(69)	73	(127)	62	(148)
Германия	72	(65)	55	(353)	37	(534)	69	(39)	50	(282)	35	(471)	80	(25)	74	(69)	55	(55)
Италия	76	(66)	48	(224)	34	(701)	53	(32)	44	(150)	29	(519)	74	(43)	56	(73)	49	(183)
Мексика	68	(83)	42	(159)	33	(765)	63	(56)	39	(124)	32	(697)	76	(27)	49	(33)	46	(67)

^а То есть те, кто попал в три самые высокие категории по шкале субъективной компетентности.

^б Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

в организации напрямую связано с таким участием. Член организации будет, вероятно, уверенным в себе, равно как и активным гражданином. Мы можем также несколько точнее указать, каким образом различные типы членства в организации воздействуют на политическую компетентность. Членство в *политически ориентированной* организации, похоже, приводит к большей политической компетентности, чем членство в *неполитической* организации, и *активное* членство во всякой организации оказывает большее воздействие на политическую компетентность, нежели *пассивное* членство. Этот факт важен, потому что он помогает объяснить дифференцированное воздействие членства в организациях в разных странах. Липсет, используя данные из целого ряда разнообразных опросов, указывает, что частота членства в добровольных ассоциациях приблизительно одинакова и в таких стабильных демократиях, как Соединенные Штаты, Великобритания и Швеция, и в относительно менее стабильных демократиях вроде Германии и Франции — этот результат выглядит бросающим вызов идее о связи между стабильной демократией и членством в организациях¹. Наши данные для Соединенных Штатов, Великобритании и Германии подтверждают, что уровни членства для этих трех стран похожи. Но полученные нами результаты указывают также, что членство в организациях может иметь в этих трех странах весьма разные последствия. В Великобритании и Соединенных Штатах членство в организации намного чаще ведет к активному участию в рамках этой организации, чем это бывает в Германии, где, как представляется, лишь относительно немногие члены организаций играют в них активную роль. И, как показывают дальнейшие наши данные, степень активности в рамках организации оказывает воздействие на политические установки. Активный член с большей вероятностью будет компетентным демократическим гражданином².

¹ См.: *Lipset, Political Man*, p. 67.

² Мы не располагаем никакими сопоставимыми данными для Швеции или Франции — еще двух стран, рассматриваемых Липсетом, но описание французских добровольных ассоциаций убедительно говорит о том, что, подобно немецким и в отличие от американских и бри-

Множественное членство. Чтобы уточнить и завершить нашу картину различающихся моделей участия и воздействия этого участия на политические установки в разных странах, нужно рассмотреть еще один, совсем иной аспект участия в организациях — количество организаций, к которым принадлежат индивиды. Если рассмотреть просто частоту членства и отсутствия членства в разных странах, то обнаруживаются некоторые удивительные различия. Однако это все же не показывает в полной мере весь масштаб различий, связанных с количеством организаций, в которых индивид принимает участие. Страны различаются не только по частоте, с которой респонденты сообщают о членстве, но также — и, пожалуй, еще разительнее — по частоте, с которой индивиды сообщают о членстве в более чем одной организации. Этот факт иллюстрируется табл. X.11. В Соединенных Штатах приблизительно одна треть нашей полной выборки являются членами более чем одной организации, причем на самом деле 9% указанной выборки — это члены четырех или более организаций. В Великобритании 16% полной выборки состоят членами более чем одной организации. Этот показатель падает до 12% общего количества респондентов в Германии, до 6% в Италии и 2% в Мексике. Хотя по многим измерителям участия Великобритания и Соединенные Штаты очень похожи, в вопросе о членстве в организациях впечатления многих наблюдателей оказываются правильными. Действительно, в Соединенных Штатах уровень участия в организациях как по суммарному количеству тех, кто состоит их членами, так и по числу лиц, являющихся членами нескольких организаций, намного выше, чем в любой другой стране. Это находит отражение в пропорции тех лиц из состава полной выборки, которые являются многократными членами, равно как и по доле тех членов организаций, которые состоят в более чем одной организации. В Соединенных Штатах 55% членов организаций принадлежат к более чем одной организации. По другим

танских, им свойственна тенденция быть в высокой степени централизованными и допускать мало возможностей для активного участия. См., в частности: Arnold Rose, *Theory and Method in the Social Sciences*, Minneapolis, 1954, p. 74; M. Crozier, «La France, Terre du Commandement», *Esprit*, XXV (1957), 779–798.

странам эти показатели таковы: Великобритания — 34%, Германия — 27%, Италия — 20% и Мексика — 8%.

Таблица X.11

Респонденты, которые принадлежат к одной или нескольким организациям; по странам

Процентная доля тех, кто...	США	Велико- британия	Герма- ния	Италия	Мексика
Принадлежит к одной организации	25	31	32	24	23
Принадлежит к двум организациям	14	10	9	5	2
Принадлежит к трем организациям	9	4	2	1	0
Принадлежит к четырем или более организациям	9	2	1	*	*
Суммарная процентная доля многократных членов	— 32	— 16	— 12	— 6	— 2
Суммарная процентная доля членов	57 (970) ^a	47 (963)	44 (955)	30 (995)	25 (1007)

^a Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

Число организаций, к которым принадлежит индивид, тоже оказывает воздействие на его политическую компетентность. Членство в организации, как представляется, обладает кумулятивным эффектом; иными словами, членство в одной организации увеличивает у индивида ощущение своей политической компетентности, а членство в более чем одной организации ведет к еще большей компетентности. Те, кто принадлежит к какой-нибудь организации, проявляют более высокую политическую компетентность, нежели те, кто не состоит ни в какой организации, но члены сразу нескольких организаций демонстрируют еще большую компетентность, чем лица, которые принадлежат всего лишь к одной.

К данному моменту мы успели показать, что добровольные ассоциации действительно играют весьма важную роль

в демократической политической культуре. Член той или иной организации по сравнению с лицом, не принадлежащим ни к какой организации, вероятно, считает себя более компетентным как гражданин, является более активным участником политической жизни и больше знает и заботится о политической жизни. Следовательно, он с большей вероятностью будет близок к модели демократического гражданина. Мы также показали, что многое зависит от того, к какому типу организации принадлежит индивид: политические организации приносят более высокие политические дивиденды, чем организации неполитические. Немало зависит и от того, насколько индивид активен в рамках собственной организации: активный член демонстрирует большее чувство политической компетентности, нежели пассивный член. Но, возможно, самый впечатляющий результат состоит в том, что любое членство — пассивное или же членство в неполитической организации — оказывает воздействие на политическую компетентность. Членство в некоторой ассоциации — даже если сам индивид не рассматривает это членство как политически релевантное и даже если оно не вовлекает его в активное участие — в действительности приводит к тому, что гражданское население становится более компетентным. Плюрализм, даже если это не явно выраженный политический плюрализм, действительно может быть одним из самых важных, по-настоящему фундаментальных оснований политической демократии.

ГЛАВА XI

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Теория политической социализации

Недавние обсуждения процесса, происходящего при формировании политических установок у взрослых, говорят о существовании сложного набора зависимостей¹. Более ранний психокультурный подход к данной теме трактовал политическую социализацию как довольно-таки простой процесс. Обычно делались три предположения: (1) существенный опыт тех событий социализации, которые окажут воздействие на последующее политическое поведение, имеет место на очень ранних стадиях жизни; (2) этот опыт не является ярко выраженным политическим опытом, но имеет латентные политические последствия, т.е. он не предназначен для оказания политических воздействий, и эти воздействия не распознаются; (3) процесс социализации — это однонаправленный процесс: опыт самых «базисных» семейных событий и переживаний оказывает существенное воздействие на вторичные структуры политической жизни, но не подвергается, в свою очередь, их воздействию. Таким образом, источник германских установок по отношению к власти лежал, как уж говорилось, в структуре власти в немецкой семье и в тех ожиданиях, которые были производными от опыта событий, связанных с этой структурой власти;

---

¹ См., например, различные исследования, посвященные критическому рассмотрению концепции «авторитарной личности», особенно сборник Richard Christie and Marie Jahoda (eds.), *Studies in the Scope and Method of the Authoritarian Personality*, Glencoe, Ill., 1954. Особенно уместны в нем главы, которые написали Эдвард Шилз; Герберт Хаймен и Пол Шитсли; Гарольд Лассуэлл. См., кроме того, следующие работы: Herbert Hyman, *Political Socialization*, Glencoe, Ill., 1959; Sidney Verba, *Small Groups and Political Behavior*, Princeton, N. J., 1961, p. 29 ff.; Gabriel A. Almond and James S. Coleman, *The Politics of the Developing Areas*, Princeton, N. J., 1960, p. 26—33.

американское и российское политическое поведение могло бы проследиваться до такого раннего опыта неполитических событий, как модели отнятия от груди или приучения ребенка к опрятности при пользовании горшком¹.

Этот подход к объяснению политических установок был слишком прост. Невозможно было установить однозначные связи между ранним опытом социализации и политической жизнью; разрыв между ними был настолько велик, что перекрыть его можно было только при помощи несколько неточных аналогий и довольно селективного подхода к свидетельствам. Но, хотя этот подход был ошибочным в своих конкретных утверждениях о политическом поведении (по крайней мере, его наиболее опрометчивые адепты ошибались), он послужил плодотворным началом. Многие из его предположений были правильными и действительно позволяли глубоко и по-новому взглянуть на суть источников политических установок. Внимание было сфокусировано на опыте юношеских (или предвзрослых) событий и переживаний как на источнике политических установок. Высказывалась также мысль, что модель власти в юношеских социальных ситуациях играла решающую роль для формирования политических предрасположенностей. Вообще, источником для понимания политических отношений стали неполитические человеческие отношения.

Но в чем этот подход к формированию политических установок оказался ошибочным, так это в сужении фокуса указанных предположений. Опыт неполитических событий и переживаний в детстве может играть важную роль в более поздних политических установках и поведении, но воздействие этого опыта на политическую жизнь продолжается в течение юных и взрослых лет. Фактически имеются некоторые свидетельства того, что позднейший опыт событий имеет более прямые политические последствия. Ранний опыт социализации существенно воздействует на базовые личностные предрасположенности индивида и может, следовательно, повлиять на его политическое поведение, но между этим самым ранним опытом и более поздним политическим поведением вмешива-

---

¹ Для ознакомления с примерами этого подхода см. работы Шаффнера, Мида и Горера, ссылки на которые делались выше в главе I, прим. 1. на с. 27–28.

ются многочисленные другие факторы, которые очень сильно сдерживают воздействие первого на второе. Похоже, что такие базовые разрезы политического поведения, как степень активности, или же вовлеченность в политическую жизнь, или партийная приверженность индивида, лучше всего можно объяснить в терминах более поздних событий¹.

Другое глубокое и ценное проникновение психокультурного подхода в суть проблемы состояло в том, что неполитические модели власти, с которыми сталкивается индивид, оказывают важное воздействие на его установки по отношению к политической власти. Модели власти в семье — вот его первое столкновение с властью. И вполне правдоподобно, что его первый взгляд на политическую систему представляет собой генерализацию опыта тех ранних событий². Но думать о политической системе как о семье в усугубленном (или даже ухудшенном) виде — а именно такой была, по существу, точка зрения тех, кто видел корни немецкой авторитарной традиции внутри немецкой семьи, — это слишком просто. Во-первых, как будет указано ниже, определенные характеристики моделей семейной власти делают ее генерализацию на царство политики несколько затруднительной. Кроме того, существует масса других неправительственных моделей власти, воздействию которых подвергается индивид — в школе, на работе, в различных организациях, к которым он принадлежит. И эти другие модели, особенно те из них, которые ближе по времени и по своему типу к политической системе, могут оказаться более важными для политического поведения, нежели модели власти в семье³.

---

¹ Обсуждение факторов, которые могут вмешаться между ранним опытом социализации и последующим политическим поведением, см.: Nathan Leites, «Psycho-cultural Hypotheses About Political Acts», *World Politics*, I (1948), p. 102 ff.

² Хесс и Истон указывают, что у ребенка первый образ президента формируется на основе переноса из семейного опыта, но по мере того, как он становится старше, начинается дифференциация политических и семейных ролей. См.: Robert D. Hess and David Easton, «The Child's Image of the President», *Public Opinion Quarterly*, XXIV (1960), p. 632—644.

³ См.: Harry Eckstein, *A Theory of Stable Democracy*, Princeton, N. J., 1961. Данные, которые будут представлены ниже в настоящей главе, поддержат точку зрения Экстайна, согласно которой модели власти, которые ближе к царству политики, имеют большее значение для политических установок.

Подобно акценту на моделях семейной власти, приписывание важности опыту неполитических событий, имеющих латентные политические последствия, представляла собой существенное, но слишком узкое объяснение данного явления. Латентная политическая социализация, которая присутствует, скажем, в опыте контактирования с моделями семейной власти, может создавать в душе индивида определенные предрасположенности по отношению к политическим установкам; его восприимчивость к конкретным типам политических установок может усилиться. Но такое объяснение его политических установок очевидным образом неадекватно, поскольку имеются другие формы политической социализации. Существует, например, явно манифестируемая политическая социализация — намеренное обучение политическим установкам в семье и школе. Видимо, важнее непредумышленное подвергание ребенка воздействию каких-либо материалов, носящих недвусмысленно политический характер, — это могут быть высказанные кем-то взгляды о политической жизни или политических лидерах, которые ребенок слышит, либо явно политические взгляды, которые сообщаются ему без специального намерения формировать его политические установки. Например, вполне правдоподобно, что значительная часть передаваемой от поколения к поколению партийной приверженности или политической лояльности зависит не от намеренного обучения политическим представлениям и взглядам, а от того факта, что дети слушают своих родителей, обсуждающих политическую жизнь, и усваивают те взгляды, которые слышат. Да и более общие установки — типа уважения или отсутствия уважения к органам власти и правительству — могут формироваться таким способом. Например, Уайли сообщает, что дети в той французской деревне, которую он изучал, «постоянно слышат взрослых, говорящих о правительстве и властях как об источнике зла, а о людях, которые всем этим заправляют, как об орудиях зла. В этой убежденности нет ничего личного. Подобные речи не касаются какого-то одного конкретного правительства, составленного из конкретной группы людей. Это касается правительств повсюду и во все времена — французских правительств, американских правительств, русских

правительств, всех правительств на свете. Некоторые чуть менее плохи, чем другие, но все они, в сущности, плохи»¹. Такая неумышленная подверженность воздействию политических установок может оказаться основным путем, которым от поколения к поколению передается *отсутствие гражданственности*.

Следовательно, установки по отношению к политике могут формироваться путем восприятия политических установок других людей, причем независимо от того, намеренно ли осуществляется такое формирование установок или неумышленно. И такое формирование установок на основе политического опыта следует добавить к тому их формированию, которое происходит посредством переноса установок из неполитической сферы в политическую.

Есть еще один, последний аспект, где теория политической социализации нуждается в расширении. Поток влияния необязательно однонаправлен. Модели власти в семье, или в школе, или на работе не только могут влиять на политическую систему, но вполне возможно также, что стандарты, применяемые к политической системе, станут влиять на модели власти в перечисленных иных областях. В Соединенных Штатах, например, нормы *политической демократии* часто используются как аргументы в пользу дальнейшей демократизации взаимоотношений в школе и на работе. Хотя значительная часть сказанного может совсем слабо воздействовать на текущую практику, эти соображения, вероятно, имеют большее значение, чем чисто риторическое².

---

¹ Lawrence Wylie. *Village in the Vaucluse*, p. 208 (первое издание вышло в 1957 г. — *Перев.*). Интересно отметить, что такой политический урок эффективен — невзирая на тот факт, что он напрямую противоречит школьному преподаванию и текстам в учебниках по основам гражданственности. Это говорит о том, что тот недвусмысленно политический материал, который ребенок воспринимает в неформальных обстоятельствах и который выражает реальные политические установки взрослых, более существенен, нежели получаемое им систематическое формальное образование.

² Из большого объема литературы, озабоченной демократизацией германских школ, у читателя складывается следующее отчетливое впечатление: их авторы думают, что школы обязательно должны быть демократическими, поскольку именно такие школы подходят для демократической политической системы. См.: W. Stahl, *Education for Democracy in West Germany*, New York, 1961.

При расширении нашего взгляда на формирование политических установок и отходе от той точки зрения, которая концентрировалась на ранней, латентной политической социализации, мы выигрываем в полноте объяснения, но, несомненно, проигрываем в четкости и простоте. Похоже, что источники политических установок многочисленны. Они включают и примеры раннего опыта социализации, и более поздний опыт социализации в период подросткового созревания и юности, равно как и опыт событий постсоциализации в качестве взрослого. Сюда включается опыт самых разных событий — как политических и неполитических, так и тех, которые организовывались другими людьми с целью воздействия на политические установки, а также таких событий, которые были непреднамеренными. Ясно, что на базовые политические установки могут оказывать воздействие многие типы опыта, причем соответствующие события могут наступать в разные моменты времени. Усложнив таким способом нашу модель политической социализации, мы оказываемся перед лицом другой проблемы: эту модель снова надо упрощать. Если политические установки не проистекают только из одного источника, то мы можем по крайней мере попытаться обнаружить, какие источники выглядят самыми значимыми, а также для какого рода людей и какие виды опыта в наибольшей степени ассоциируются с конкретными типами политических установок. Именно с проблемой специфицирования воздействия различных типов неполитического опыта на политические установки мы и будем иметь дело в данной главе.

Конечно, будучи сформулированной таким образом, данная проблема сложна и, вероятно, не поддается решению. Мы будем работать с ней, концентрируясь только на немногих типах неполитических моделей власти, влияния которых на политические установки можно ожидать, — на тех моделях, которые имеют место в семье, школе и по месту работы. Во-первых, очередь мы кратко опишем некоторые различия между нашими пятью странами по частоте, с которой респонденты сообщают, что в детстве они имели возможность участвовать в семейных и школьных решениях, а в последующей жизни — участвовать в них по месту работы.

Мы также проанализируем различия между образовательными и поколенческими группами в каждой из стран — различия, которые со временем сулят важные изменения в возможностях участия. Во-вторых, мы попробуем установить, связаны ли такие формы социального участия с политическим участием и до какой степени.

Существенный вопрос состоит в том, существует ли бесспорная и сильная зависимость между ролями, которые человек играет в неполитических ситуациях, и его ролью в политической жизни, имеется ли некоторая тяга к единообразию в этих ролях. Ответ на данный вопрос помогает понять, почему модели власти в рамках неполитических социальных групп могут быть критически важными переменными, подлежащими рассмотрению. Эти модели власти некоторым образом представляют политические структуры указанных неполитических групп: если они и неидентичны властным и участническим моделям руководящих органов, то напоминают их по форме. Они могут, например, быть более или менее демократичными; иначе говоря, могут предоставлять индивиду больше или меньше возможностей участвовать в решениях. Таким образом, концентрируясь на моделях власти в семье, школе и на работе, мы концентрируемся на совокупности зависимостей и взаимоотношений, аналогичных некоторым из базовых политических зависимостей и отношений.

Существует целый ряд причин, почему можно ожидать, что модели власти, воздействию которых индивид подвергается вне царства политики, должны оказывать некоторое влияние на его установки по отношению к политической жизни. Прежде всего роль, которую индивид играет внутри семьи, в школе или на работе, можно рассматривать как тренинг для качественного исполнения политических ролей. Вполне правдоподобно, что он сделает перенос при переходе от первых трех ролей к политическим. Если в большинстве социальных ситуаций индивид обнаруживает себя подчиненным некоторой властной фигуре, то вполне правдоподобно, что он будет ожидать такой же зависимости от власти и в политической сфере. С другой стороны, если вне политической сферы у него имеются возможности участво-

вать в широком круге социальных решений, то он, вероятно, будет также ожидать от себя и способности участвовать в политических решениях. Кроме того, участие в принятии неполитических решений может наделять человека навыками и умениями, необходимыми для вовлеченности в политическое участие, — навыками самовыражения и эффективной политической тактики.

Вследствие тенденции делать перенос из одной социальной сферы в другую мы можем обоснованно ожидать некоторого тяготения к однородности среди тех властных отношений, воздействию которых подвергается индивид. Но мы не ожидаем полной однородности. Есть широкий разрыв между участием в семье, школе и на работе, с одной стороны, и политическим участием — с другой. В первую очередь это может быть обусловлено тем, что индивид, имевший богатые возможности участвовать в широком диапазоне неполитических ситуаций, может жить в рамках такой политической системы, которая предоставляет совсем немного возможностей для участия. Он может иметь предрасположенность к гражданскому участию, но мало возможностей исполнять гражданскую роль. Наоборот, его предполитический опыт может лишь в небольшой степени поощрять к участию, но другие социальные или политические характеристики могут подталкивать его к участию. Кроме того, участие в более приватных ситуациях семьи, школы и работы (особенно в семье и, возможно, в школе) может заметно отличаться от участия в политической жизни. Модели власти внутри меньших объектов могут принимать форму, отличную от ее моделей в политике, и тем самым ограничивать ту степень, в которой он будет генерализовать свои подходы, распространяя их от одной социальной ситуации на другую. Модели власти в меньших, более приватных объектах имеют тенденцию быть неформальными. Решения в группе могут «всплывать» без того, чтобы они вообще когда-либо «принимались» в любом формальном смысле. Каналы влияния артикулированы менее отчетливо. Из-за этого политическая социализация, которая происходит внутри более приватных социальных объектов, может быть неадекватным тренингом для качественного выполнения гражданских действий

в составе более крупной, вторичной политической системы. Поэтому те институты, которые ближе к царству политики и в которых модели власти становятся более похожими на модели власти в политической системе, могут оказаться более важными и определяющими для формирования политических установок¹.

Вышеприведенное обсуждение говорит о том, что основное различие между неправительственными и правительственными моделями власти может быть структурным: принятие политического решения представляет собой более формальный процесс, однако возможности для политического участия могут и не отличаться от предоставляемых неполитическими социальными системами. Но если вместо того, чтобы смотреть на *фактический* объем однородности, мы станем смотреть на субъективные установки индивида по отношению к власти — иными словами, на степень, в которой, как он *думает*, такая однородность существует, — то мы можем ожидать, что обнаружим большее сходство между политическими и неполитическими моделями власти. Хотя индивид, возможно, не в состоянии должным образом контролировать, действительно ли структура политической жизни предоставляет ему много фактических возможностей для участия, его ожидания по поводу того, действительно ли он в состоянии или же не в состоянии участвовать (мы назвали это «субъективной компетентностью»), должны в большей мере подвергаться влияниям, проистекающим извне царства политики.

Перед тем как перейти к описанию некоторых данных, релевантных для указанного вопроса, будет уместно высказать несколько предувещаний и разъяснений. Как это происходит с большей частью наших данных о политическом участии, в этой главе мы будем иметь дело с сообщениями респондентов о том, насколько они были в состоянии участвовать в решениях в семье, школе и на работе. И зависимости, которыми мы интересуемся, — это зависимости

---

¹ Обсуждение различий между моделями принятия решений в малых первичных группах и более крупных вторичных группах см. в: Sidney Verba, *Small Groups and Political Behavior*, ch. II. Дальнейшее обсуждение данной темы см. ниже.

между воспринимаемой способностью участвовать в этих областях и воспринимаемой способностью участвовать в политической жизни. Мы не задаемся вопросом, будет ли человек, который участвовал в семейных решениях, с большей вероятностью участвовать в политической жизни; нас интересует более скромный вопрос о том, будет ли человек, который *помнит*, что он был способен участвовать в жизни семьи, *верить* в настоящее время в свою способность участвовать в политической жизни. Однако, поскольку ожидание, что можно участвовать, кажется основным фактором, приводящим к фактическому участию, то полученные нами результаты будут релевантными, хотя не решающими для ответа на вопрос о воздействии опыта неполитической власти на политическое поведение. Другое предупреждение касается того, как рассматривалась проблема участия в семье и школе. В этих случаях мы просили респондентов вспомнить модель властных отношений, существовавших для них в те времена, которые зачастую являются довольно-таки отдаленным прошлым. Следовательно, многие из таких сообщений должны рассматриваться в лучшем случае как приближенные представления о давних отношениях. Эта проблема памяти не возникает применительно к участию на нынешнем месте работы.

Как указывалось ранее, модели межличностных отношений в семье, школе и в меньшей степени на работе, скорее всего, принимают формы, отличные от тех, что существуют внутри политической системы. Они, вероятно, будут менее формальными. Принятие решений в таких ситуациях не требует членства в формальных партиях или участия в системе формальных выборов; более правдоподобно, что оно будет заключаться в ожидании того, что с человеком станут консультироваться — быть может, всего лишь молчаливо, — прежде чем принимать решения, или же что каждый свободен выразить свою точку зрения, когда решения рассматриваются. Демократия в более приватной первичной группе выражается в тональности отношений и в неявных нормах. Если такая форма участия воздействует на политические установки, то делает это в форме латентной политической социализации; иными словами, ее явная цель не со-

стоит в том, чтобы прививать стандарты политического участия. Однако политическая социализация может быть как явной, так и неявной. Родители или преподаватели могут явным образом пытаться обучать нормам политического поведения. Воздействие такого явного гражданского тренинга или обучения также подвергнется далее рассмотрению.

Раннее участие в принятии решений

Участие в семейных решениях. Два самых существенных института для социализации ребенка — это семья и школа. Причем в обеих важны и значимы модели власти. Как в семье, так и в школе ребенок первым делом сталкивается с отношениями власти. И, хотя в обоих случаях модели власти, являясь отношениями между взрослыми и детьми, по необходимости являются иерархическими, эти институты могут существенно изменяться в том, до какой степени они предоставляют детям свободу участвовать. Это участие может начинаться неявно в очень раннем возрасте. Но, поскольку мы чувствовали, что модели активности, более близкие по времени к политическому участию, должны иметь большее значение и более надежно помниться, то решили задать вопрос об участии в рамках семьи, относящемся к годам юности. У респондентов спрашивали, способны ли они вспомнить, насколько много влияния они оказывали на касавшиеся их семейные решения, когда им было около 16 лет. О результатах сообщается в табл. XI.1. Во всех странах, кроме Италии, больше половины респондентов помнят, что оказывали какое-то влияние на семейные решения, да и в Италии их доля близка к половине. Респонденты из Соединенных Штатов и Великобритании чаще всего сообщают (73 и 69% соответственно), что располагали некоторым влиянием на семейные решения; немецкие, итальянские и мексиканские респонденты, грубо говоря, с равной частотой сообщают о том, что они никаким влиянием не обладали.

Респондентов спрашивали также, имелась ли у них возможность жаловаться на принятые решения. Чувствовали ли они себя свободными пожаловаться, если принимались

такие решения, которые были им не по душе? И в состоянии ли они вспомнить такие случаи, когда на самом деле жаловались? В рамках неформальной структуры семьи такую свободу возражения можно считать некоторой формой участия. Вообще говоря, британские и американские респонденты сообщают о самой большой способности участвовать в семейных решениях таким образом. Британские респонденты чаще других указывают, что они помнят о возможности свободно пожаловаться, тогда как американские респонденты несколько чаще других сообщают, что помнят такие случаи, когда они фактически жаловались. На противоположном полюсе около половины мексиканских респондентов сообщают, что лучше было не жаловаться и что фактически они и не жаловались. Значения частоты, с которой сообщают о семейном участии немецкие и итальянские респонденты, лежат между соответствующими показателями для Соединенных Штатов и Великобритании, с одной стороны, и Мексики — с другой.

Таблица XI.1

Респонденты, помнящие о своем влиянии
на семейные решения; по странам

Процентная доля помнящих, что они имели...	США	Великобритания	Германия	Италия	Мексика
Некоторое влияние	73	69	54	48	57
Не имели никакого влияния	22	26	37	37	40
Не знают, не помнят и другие ответы	5	5	9	15	3
Суммарная процентная доля	100	100	100	100	100
Общее количество случаев*	970	957	955	995	923

* В таблицах, где сообщаются данные о запомнившемся опыте семейных событий, опущены те респонденты, которые воспитывались не в семье (например, в детских учреждениях).

Участие в школе. Данные относительно участия в рамках семьи, грубо говоря, параллельны большинству данных, о которых сообщалось ранее применительно к участию в политической жизни: сравнительно большая частота участия в Великобритании и Соединенных Штатах, средний уровень участия в Германии и несколько более низкое участие — в Италии и Мексике. С другой стороны, данные о забывшемся участии в школах показывают резкий контраст между Соединенными Штатами и другими четырьмя странами. Это справедливо для неформального участия в рамках школы. Когда людям задавали вопрос, чувствовали ли они себя свободными пожаловаться на несправедливое отношение или жаловались ли они когда-нибудь на самом деле, американские респонденты чаще всех других сообщали, что чувствовали себя свободными пожаловаться и что жаловались фактически.

Таблица XI.2

Свобода участвовать в школьных дискуссиях и дебатах, по странам

Процентная доля помнящих, что они...	США	Великобритания	Германия	Италия	Мексика
Могли и действительно участвовали	40	16	12	11	15
Могли, но не участвовали	15	8	5	4	21
Не могли участвовать	34	68	68	56	54
Не знают и другие ответы	11	8	15	29	10
Суммарная процентная доля	100	100	100	100	100
Общее количество	969	963	953	907	783

Но самая резкая разница в школьном участии наблюдается, если рассмотреть более формальные возможности участвовать. Здесь различие между образованием в Соединенных Штатах и образованием в любой другой стране сразу же бросается в глаза. У респондентов спрашивали, предоставлялась ли детям в их школе возможность дискутировать и вести дебаты по политическим или социальным проблемам. Если они сообщали, что такие обсуждения происходили, то у них

спрашивали, принимали ли они сами участие в дискуссиях. О результатах, полученных в ответ на эти два вопроса, сообщается в табл. XI.2. В Соединенных Штатах 40% респондентов сообщают, что такие обсуждения имели место и они принимали в них участие. В других странах процентная доля сообщающих об этом заметно меньше — от 16% в Великобритании до 11% в Италии. Ясно, что в Соединенных Штатах объем явного тренинга по политическому участию в школах намного больше, чем в любой другой стране.

Классовая принадлежность и раннее участие. Наши данные говорят о том, что модели власти в семье и школе существенно меняются при сравнении разных социальных групп. Во всех пяти странах частота, с которой респонденты сообщают о наличии у них возможности участвовать в решениях в семье или в школе, — равно как их свобода жаловаться на решения и фактические случаи жалоб, о которых они помнят, — повышается вместе с уровнем образования. Эти данные должны интерпретироваться с большой осторожностью, но все-таки в любом случае они настоятельно говорят о том, что в зависимости от принадлежности к тем или иным социальным классам опыт общения с семейными моделями власти оказывается разным. У лиц с более высоким социальным статусом выше вероятность участия в семейных решениях. Если такой опыт облегчает повышение демократической политической компетентности в будущей жизни, то одна из многих причин для, вообще говоря, пониженной политической компетентности респондентов с низким образовательным уровнем может заключаться в следующем: эти люди обычно воспитываются в таких семьях, где не подпитывают ожиданий, что в процессе принятия решений твой голос может быть услышан.

Аналогичную классовую дифференциацию можно обнаружить и в школьном участии. Респонденты с более высоким образованием помнят как о неформальном участии (жалобах на несправедливое отношение), так и о формальном участии (обсуждениях в школьном классе) намного чаще, чем лица с более низкими образовательными достижениями. Например, из числа итальянских респондентов, которые в своей учебе не пошли дальше начальной школы, 25%

сообщают, что они помнят о своих жалобах на несправедливое отношение, в отличие от 44% среди тех, кто добрался до средней школы. И такие различия столь же ярко выражены в каждой из стран. Еще более впечатляют различия между социальными группами по частоте воспоминаний о формальном участии в школьных дискуссиях. В каждой из стран для респондентов со средним или близким к нему образованием частота запомнившегося им участия в таких обсуждениях приблизительно в три или четыре раза выше, чем у людей, получивших только начальное образование.

Последствия этих данных значительны. Если опыт контактирования с неправительственными моделями власти действительно служит источником политических установок, то те резкие различия в политических установках, которые наблюдаются среди респондентов с разным социальным багажом, могут брать свое начало в их раннем опыте общения с властью. Мы возвратимся к этому вопросу ниже.

Есть еще одно соображение, которое надлежит высказать, — о распределении участнического опыта в школе и семье в зависимости от варьирующегося образовательного багажа. В нашем недавнем обсуждении различий между странами по той частоте, с которой респонденты сообщают о запомнившихся им возможностях участвовать в рамках семьи, мы нашли примерную параллель между частотами сообщаемой способности участвовать в политической жизни и запомнившегося опыта реального семейного участия. Самыми частыми оба эти явления были в Соединенных Штатах и Великобритании, а наименее частыми — в Италии и Мексике. Да и в рамках школьного участия мы нашли, что контраст между Соединенными Штатами и четырьмя другими странами был выражен наиболее ярко. Но если рассматривать данные о зависимости между образованием и возможностями участвовать, то становится ясным, что значительная часть различий в школьном и семейном опыте вызвана различающимися распределениями образовательных достижений в наших странах. Различия между странами по запомнившемуся семейному участию отображаются не более чем бледно, если сравнивать респондентов с образованием не выше начальной школы, и не отображаются вообще среди респон-

дентов с более высоким образованием. Запомнившееся неформальное участие в школах также характеризуется лишь небольшими систематическими страновыми различиями в пределах каждой из образовательных групп. Фактически какое-то резкое различие между странами сохраняется только применительно к формальному участию в школьных дебатах — и это отчетливый контраст между частотой участия в Соединенных Штатах и в других странах.

Таким образом, во всех пяти наших странах лица с более высоким образованием, как представляется, получают несколько большие возможности участвовать в неполитических ситуациях, чем те, у кого образовательные достижения ниже. А если рассматривать респондентов с похожими уровнями образования, то различия между странами в возможностях участвовать становятся незначительными.

Возраст и раннее участие. Возможно, на то, в какой степени индивиды имеют возможность участвовать в семейных и школьных решениях, различия между поколениями влияют еще более существенно, чем различия между социальными классами. Наши данные убедительно говорят о том, что модели семейного и школьного участия претерпевают изменения и — это важнее всего — во всех пяти странах они изменяются в одном и том же направлении. Чем старше респондент, тем менее правдоподобно, что он сообщит о возможностях участвовать. Почти в каждом случае группы тех, кто старше 50 лет, сообщают о школьном и семейном участии реже всего. Несмотря на огромные расхождения в недавних историях отобранных нами стран, на различия в их социальных структурах, а также в общих уровнях участия и компетентности, все наши пять стран, думается, претерпевают похожий секулярный тренд в направлении менее авторитарной школьной и семейной системы¹. Более того,

---

¹ То, что респонденты старших возрастов должны с большей вероятностью забывать, действительно ли они могли участвовать или же такой возможности у них не было, видимо, не является причиной тех возрастных различий в участии, о которых они сообщают. Дело в том, что эта картина возрастных различий сохраняется, даже если мы рассматриваем долю помнящих о своей способности участвовать в общем количестве тех респондентов, которые были в состоянии вспомнить, участвовали они или нет. Таким образом, эта возрастная дифференциация наблюдается даже в том

эти изменения выглядят в некотором смысле не зависящими от политической системы. По крайней мере, именно такой вывод можно извлечь из того факта, что начиная с первых лет XX столетия в моделях семейной власти происходили относительно устойчивые изменения — особенно в Германии, — причем невзирая на очевидные и очень крупные превратности политических и социальных судеб. С другой стороны, в Италии и Германии модели школьной власти не демонстрируют явных свидетельств столь же устойчивых изменений начиная с первых десятилетий XX в., и этот факт говорит о том, что воздействие политической системы на эти модели более правдоподобно.

Что мы можем наблюдать в этой общей тенденции к большему участию в школе и семье, так это определенные аспекты индустриализации, урбанизации и модернизации в Европе и Соединенных Штатах. Прошлое XIX столетие наблюдало резкий переход от сельскохозяйственной занятости к индустриальной, от сельских мест жительства к городским, а также видело резкое повышение образовательного уровня. В общем и целом это означало переход от расширенной многопоколенческой патриархальной семьи к нуклеарной семье, эмансипацию женщин и развитие большей индивидуальной автономии. В связи с этими общими изменениями в моделях социальной власти и индивидуального участия поразительным является то обстоятельство, что совсем не обязательно происходило их немедленное перетекание в политическую сферу. Однако вышеуказанные изменения все-таки действительно имели обширные политические последствия. Мы возвратимся к ним ниже.

Участие на работе. До настоящего момента мы смотрели лишь на неполитическое участие в ранние годы жизни наших респондентов. Но, хотя значительная часть политически релевантного опыта контактирования с моделями власти имеет место в юные годы, предшествующие взрослой жизни, вполне правдоподобно, что опыт таких событий продолжается и за пределами детства. Возможности участво-

---

случае, когда мы учитывали фактор худшей памяти среди более пожилых респондентов. Кроме того, респонденты старших возрастов чаще молодых сообщают, что они помнят об *отсутствии* возможности участвовать.

вать, существующие во взрослой жизни, — точно так же, как детские и юношеские возможности участия в семье и школе, — могут оказывать воздействие на ожидания человека в вопросе о его шансах на политическое участие. В частности, участие на работе должно оказывать существенное воздействие на веру индивида в собственную способность к политическому участию. Хотя участие на работе реализуется на более поздних стадиях жизни, чем участие в семье и школе, а следовательно, в том возрасте, когда установки человека с меньшей вероятностью поддаются трансформации, сам факт одновременности такого участия с политическим участием говорит о том, что расхождения между моделями власти породили бы тенденцию к достижению их гармонизированности друг с другом.

Сколько возможностей реально участвовать в решениях имеют индивиды у себя по месту работы? Хотя такой вопрос можно было задавать только тем респондентам, которые состояли в штате того или иного учреждения либо предприятия, где над ними стоял какой-то наделенный властью руководитель, у этого вопроса имелось одно несомненное преимущество перед вопросами о семье и школе: он не был ретроспективным. Респондентов опрашивали не о событиях, имевших место в прошлом, а о текущей ситуации на их рабочем месте. Поэтому ответы на указанные вопросы можно трактовать как более надежные.

Эти ответы сведены в табл. XI.3. Британские и американские респонденты сообщают чаще всех других (80 и 78% соответственно), что, когда на работе принимаются какие-то решения, с ними консультируются. Противоположная ситуация — у мексиканских и итальянских респондентов, которые реже всех сообщают, что на работе с ними консультируются (хотя в обеих этих странах процентные доли таких респондентов превышают 50, т.е. их больше половины). В Германии пропорция респондентов, которые сообщают о консультировании с ними, лежит где-то посередине. Похожая картина обнаруживается в связи с вопросом о том, в какой степени респонденты чувствуют себя свободными протестовать, если на работе принято решение, которое они не одобряют. И вновь о свободе участвовать чаще всего сообщают

в Соединенных Штатах и Великобритании, за которыми следует Германия. В этом случае, однако, существует резкая разница между Мексикой и Италией, причем итальянские респонденты намного реже говорят о том, что они чувствуют себя свободными участвовать.

Таблица XI.3

Лица, с которыми консультировались по поводу решений, принимаемых на работе; по странам

Процентная доля говорящих, что с ними консультируются...	США	Великобритания	Германия	Италия	Мексика
Иногда или часто	78	80	68	59	61
Редко или никогда	21	19	29	36	38
	1	—	3	5	—
Суммарная процентная доля	100	100	100	100	100
Общее количество*	428	470	369	314	277

* Здесь базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли, меньше, потому что не у всех респондентов имелись по месту работы стоящие над ними руководители или другие лица, наделенные властью.

Картина воспринимаемой способности участвовать в принятии решений на работе довершается данными о том, в какой степени респонденты, по их собственным сообщениям, фактически жаловались на принятые решения. О таких жалобах чаще всего сообщают в Соединенных Штатах и Великобритании, и они несколько менее распространены в Италии и Германии. Мексиканские работники сообщают о наименьшей частоте своих жалоб¹.

Кроме всего, возможность участвовать в принятии решений на работе неравномерно распределена среди различных профессий и родов занятий. Вполне очевидно, что отдельные занятия и профессии предоставляют более широкие

¹ Мексиканцы часто говорят о том, что они чувствуют себя свободными выступать с протестами, однако же на деле редко поступают таким образом. Столь высокая убежденность в собственной действенности, никак не подтвержденная эквивалентным фактическим опытом участия, может служить еще одним проявлением статусного и «устремленного» характера мексиканской модели участия.

возможности для такого участия на работе, нежели другие. В целом чем выше статус профессии, тем с большей вероятностью нужно консультироваться с ее представителями по поводу решений. Во всех пяти странах квалифицированные рабочие сообщают о более частых консультациях с ними, чем это делают малоквалифицированные и чернорабочие, а белые воротнички (служащие и работники умственного труда) сообщают о еще более частых консультациях с ними, нежели квалифицированные рабочие (в Германии, Мексике и Италии), или о примерно таком же уровне консультаций (в Соединенных Штатах и Великобритании). Наконец, лица на должностях специалистов-профессионалов или управленцев (которые тем не менее имеют над собой какого-то начальника) сообщают о еще более частых консультациях с ними. Таким образом, ясно, что характер профессии и занимаемая должность оказывают в каждой из стран сходное воздействие на те возможности участия, которые может себе позволить работник. Это утверждение остается справедливым не только для консультаций со стороны руководства, но и для имеющегося у людей чувства, что они могут свободно и безбоязненно опротестовывать решения, которые им не нравятся.

Каковы бы ни были причины увеличения участнических возможностей по мере продвижения по профессиональной лестнице, последствия этого явления для политического участия ясны. Во-первых, лица, занимающие рабочие места с более высоким статусом, с большей вероятностью получают какой-то тренинг участия, а это, как мы предположили, может оказаться связанным с их политическим участием. И во-вторых, экономический прогресс и сдвиг распределения рабочей силы в пользу более высокой пропорции квалифицированного, беловоротничкового, инженерно-технического и руководящего персонала могут сопровождаться появлением более компетентного гражданского населения. Однако последствия этого процесса для развития демократического политического участия далеко не самоочевидны. Возросшее участие в решениях на рабочих местах создает напряженность и порождает потенциальную компетентность, на которые политические системы склонны реагировать, но эта

реакция может принимать формы, отличные от возрастающих возможностей реального политического участия.

Данные о различиях в статусе профессий и родов занятий подсказывают важное уточнение в вопросе о различиях между странами по частоте участия на рабочих местах. Как и в случаях с семейным и школьным участием, похоже, что участие в решениях на работе — это отчасти функция, зависящая от распределения профессиональных и должностных типов в каждой стране, равно как и функция странового стиля. Различия между странами в рамках каждой эквивалентной профессиональной группы зачастую кажутся ощутимо меньшими, чем для полных выборок. Но это особенно справедливо на уровне беловоротничковых профессий. Среди работников умственного труда, служащих и лиц, занимающих должности специалистов-профессионалов или управленцев, во всех странах возможности участвовать в принятии решений довольно однородны. На уровне синих воротничков, т.е. квалифицированных и иных рабочих, между странами сохраняются резкие различия. Это говорит о том, что на уровнях должностей с более высоким профессиональным статусом — то ли из-за конкретных требований, связанных с такими должностями, то ли потому, что здесь более широко распространены демократические идеологии, — существует однородная межстрановая картина участия в решениях. Результаты воздействия страновой принадлежности гораздо очевиднее на более низких профессиональных уровнях¹.

Представленные до сих пор материалы говорят о том, что в каждой из стран участие в семье, школе и на работе соотносится с моделями политического участия. Вообще говоря, респонденты в тех двух странах, где частота политического участия представляется самой высокой (в Соединенных Штатах и Великобритании), чаще других сообщают также о наличии у них возможности участвовать и в неполитических решениях. А вот респонденты в Италии и Мексике, где суммарные уровни политического участия имеют тенденцию быть низкими, сообщают, как правило, о наименее

---

¹ Аналогичное рассмотрение применительно к образовательному уровню см. в главе XII.

частом опыте участия в неполитических ситуациях. Однако наши данные говорят также о том, что зависимость между политическим и неполитическим участием может носить более сложный характер. Например, британские респонденты сообщают об уровнях школьного участия, которые во многом похожи на соответствующие показатели в Германии, Италии и Мексике, но весьма отличаются от показателей в Соединенных Штатах. С другой стороны, самая отчетливая параллель с данными о политическом участии существует в данных об участии на работе. Страны с самым высоким политическим участием, похоже, предоставляют также самые большие возможности для участия на рабочих местах, причем указанное различие проявляется особенно резко на уровне синих воротничков. Это последнее соображение важно, поскольку данные об участии на работе служат единственным свидетельством о неполитическом участии, совпадающем по времени со взрослым политическим участием. Данные о семейном и школьном участии зачастую представляют собой информацию об отдаленном прошлом. Все это говорит о том, что модели власти, воспринимаемые индивидом как самые похожие, — это те взрослые модели власти, политической и неполитической, воздействию которых он подвергается в настоящее время, тем самым демократия может в обоих случаях развиваться одновременно. А теперь непосредственно рассмотрим сами эти вопросы.

Социальное участие и гражданская компетентность

Семейное участие и гражданская компетентность. Наш основной интерес к неправительственным моделям власти — тем, что существуют в семье, в школе и по месту работы, — это интерес к тому воздействию, которое эти модели оказывают на политические установки и поведение тех, кто им подвергался. Говоря конкретнее, мы хотим знать, передается ли некоторым образом ощущение способности участвовать из довольно ограниченной сферы участия в неполитических решениях к заметно большей сфере участия в политической жизни или, выражаясь иначе, действительно ли член демо-

кратической семьи с большей вероятностью станет демократически компетентным гражданином?

Чтобы оценить воздействие, которое оказывает участие в рамках семьи на более позднюю политическую компетентность, мы разделили наших респондентов на три группы: тех, кто последовательно и без колебаний сообщал, что в семье имел возможности для участия; тех, кто столь же безапелляционно сообщал, что не располагал такой возможностью, и тех, кто помнит о более смешанных моделях участия¹. Затем их сравнивали в соответствии с показателями, набранными ими по нашей шкале «субъективной политической компетентности», т.е. в соответствии с их убежденностью в собственной способности влиять на властные структуры. Это субъективное восприятие очень тесно связано с политическим поведением, позитивной идентификацией с политической системой и с принятием демократических установок. Таким образом, если участие в рамках семьи может способствовать ощущению политической компетентности, то мы можем с уверенностью сказать, что такое неполитическое участие будет оказывать некоторое воздействие на распространенность демократических политических ориентаций в той или иной стране.

Как указывают данные табл. XI.4, существует связь между оставшейся в памяти способностью участвовать в семейных решениях и текущей политической компетентностью. Во всех пяти странах те, кто твердо помнит себя способным выразить свое «я» в семейных решениях, имеют тенденцию набирать наиболее высокие баллы по шкале субъективной

---

¹ В группу принимавших участие в жизни семьи объединялись те респонденты, которые сообщали, что оказывали некоторое влияние на семейные решения, что они чувствовали себя свободными возражать против решений, которые им не нравились, и что они помнят о случаях своего фактического протеста. Не принимавшие участия сообщали, что они не оказывали никакого влияния на жизнь семьи и на семейные решения, что не чувствовали себя свободными протестовать и что не помнят случаев возражения. Лица со смешанной моделью участия отвечали на некоторые из вопросов, за которые начислялись баллы, положительно, а на другие — отрицательно; например, они сообщали, что оказывали некоторое влияние на семейные решения, но не чувствовали себя свободными жаловаться или протестовать.

политической компетентности. В Соединенных Штатах, где показатели по шкале субъективной компетентности в целом самые высокие, 70% респондентов, сообщающих, что они имели возможность участвовать в жизни семьи, принадлежат к трем группам с самыми высокими баллами по шкале субъективной компетентности, тогда как из числа тех, кто сообщает о невозможности принимать в жизни семьи такое участие, к этих же трем группам с самыми высокими баллами принадлежат лишь 47%. Точно так же в Мексике, где показатели субъективной компетентности являются, вообще говоря, самыми низкими, 50% из тех, кто участвовал в жизни семьи, попадают в три самые высокие группы по шкале субъективной компетентности в отличие от 26% из числа тех, кто в семье не имел возможности участвовать. И такую же картину можно наблюдать в трех других странах.

Так как опыт событий, связанных с семейными моделями власти, равно как и ощущение политической компетентности изменяются вместе с образованием, то важно рассмотреть эту зависимость для взаимно эквивалентных образовательных групп. Когда мы отделяем лиц с образованием не меньше среднего от тех, кто получил его в объеме не выше начальной школы, то становится очевидным любопытное уточнение к сделанной нами ранее генерализации. Зависимость между оставшейся в памяти способностью участвовать в рамках семьи и субъективной политической компетентностью сохраняется у лиц с более низким образовательным уровнем (хотя в Италии и Германии только в небольшой степени), но не у тех, кто принадлежит к группе более высокообразованных. Во всех пяти странах у лиц с начальным образованием семейное участие переносится на политическое участие. Но у лиц с более высоким образованием между этими двумя переменными нет сколько-нибудь очевидной связи.

Этот результат подсказывает важное уточнение для любой гипотезы о степени генерализации между семейным опытом и политическим участием. Очевидно, что степень, в которой такая генерализация имеет место, зависит от ряда других факторов. Тот факт, что перенос от семьи к политике не распространяется на лиц с более высоким уровнем образования, говорит о том, что семейное участие

Процентная доля набравших самые высокие баллы по шкале субъективной компетентности^а среди респондентов, которые сообщают о разных степенях участия в семейных решениях; по странам и образованию

Страна	Всего						Начальное или ниже						Среднее или выше					
	Вера в людей		Высокая		Средняя		Вера в людей		Высокая		Средняя		Вера в людей		Высокая		Средняя	
	%	Кол-во ^а	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	Кол-во	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	70	(377)	67	(462)	47	(89)	58	(144)	56	(264)	42	(73)	77	(233)	80	(198)	69	(16)
Великобритания	70	(359)	63	(479)	51	(93)	67	(186)	59	(313)	45	(71)	73	(165)	70	(154)	76	(17)
Германия	52	(233)	50	(449)	42	(164)	46	(163)	45	(381)	42	(153)	66	(67)	75	(65)	[45	(11)]
Италия	46	(242)	41	(462)	34	(169)	35	(132)	37	(311)	31	(143)	59	(109)	50	(149)	52	(25)
Мексика	50	(126)	41	(598)	26	(199)	51	(85)	39	(524)	24	(191)	48	(41)	57	(73)	^в	

^а То есть те, кто попал в три самые высокие категории по шкале субъективной компетентности.

^б Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

^в Слишком мало случаев.

может быть наименее значимым для тех, от кого обычно ожидалась бы наибольшая субъективная политическая компетентность. У людей с более высоким образованием политическая компетентность развивается по целому ряду причин. Прежде всего у этих людей будет больше навыков политического участия, чем у других; они с большей вероятностью будут обучены нормам, которые способствуют политическому участию. Кроме того, общие социальные ожидания таковы, что лица с более высоким образованием должны быть политически компетентными. И они, конечно же, с большей вероятностью должны смешиваться с другими лицами, которые считают себя политически компетентными. Тогда, даже если их семейная подготовка не такова, чтобы способствовать участию, существуют другие факторы, которые могут заменить ее.

С другой стороны, люди с более низким образовательным уровнем как с меньшей вероятностью обучались навыкам участия или тем нормам, которыми необходимо владеть, чтобы участвовать, так и с меньшей вероятностью могут оказаться в ситуациях, где от них ожидают политической компетентности. А там, где нет никаких предпосылок в пользу политической компетентности, перенос от семейного уровня может иметь — как оно и есть на самом деле — большой маргинальный эффект. Если политическое участие получает поддержку извне семейной сферы, то семейное участие становится менее критичным в качестве детерминанта политической вовлеченности. Воздействие, которое семейное участие оказывает на политическую компетентность, не является универсальным и может быть компенсировано другими факторами¹.

---

¹ Здесь необходимо упомянуть другую интерпретацию этих результатов. Вполне возможно, что некоторые из зависимостей между семейным участием и ощущением политической компетентности являются методологическим артефактом самой ситуации интервью. Вопросы о политической компетентности задавались вскоре после начала интервью, тогда как о семейном участии — ближе к его концу. К тому же респонденты могли «улучшать» или «ухудшать» свои воспоминания о семейном опыте таким образом, чтобы те соответствовали их сообщениям о собственной текущей компетентности в политике. Можно ожидать, что такое действительно случалось, особенно среди тех, чьи воспоминания о семейных событиях са-

Школьное участие и гражданская компетентность. Многое из того, что было сказано о воздействии, которое семейное участие оказывает на ощущение политической компетентности, можно повторить и применительно к воздействию школьного участия. Возможность участвовать в жизни школы выглядит оказывающей решающее воздействие на положение индивида по шкале субъективной компетентности. Но разнообразие типов участия в рамках школы — особенно различие между неформальным участием (протестом против какого-нибудь решения) и формальным участием (выступлениями в дискуссиях, которые проводятся в классе) — позволяет нам присмотреться к тому, какими путями участие в жизни школы воздействует на политическую компетентность.

Рассмотрим вначале воздействие сохранившейся в памяти у респондентов способности неформально участвовать в решениях, принимаемых в школе. Чтобы сгруппировать наших респондентов согласно той степени, в какой, по их сообщениям, они были в состоянии протестовать против принимаемых решений, мы разделили их (на основе ответов, которые они дали на три приведенных далее вопроса) на следующие три группы: те, кто последовательно и без колебаний отвечал, что мог участвовать таким способом; те, кто твердо и решительно отвечал, что не мог так участвовать; и, наконец, те, кто давал смешанные ответы¹. Во многих отно-

---

мые тусклые; и это могло бы объяснить более сильную зависимость между политической и семейной компетентностью среди лиц, принадлежащих к старшим возрастным группам, и, возможно, среди тех, у кого более низкие образовательные достижения. (Данные по возрастным группам приводятся в несокращенном издании этой книги.)

Если бы нечто такое имело место, это ставило бы под сомнение обоснованность указанной нами связи между опытом контактирования с неполитической властью и политическими установками. Однако некоторые данные, приведенные в несокращенном издании (с. 357, сн. 20), говорят о том, что эту зависимость нельзя объяснить как артефакт, порождаемый интервью.

¹ Эти три вопроса формулировались следующим образом:

«1. Если вы чувствовали, что к вам отнеслись в некотором роде несправедливо, или же вы не соглашались с чем-либо из сказанного учителем, то ощущали ли вы, что можете свободно поговорить на эту тему с учителем, или испытывали в этой связи некоторое беспокойство либо нерешительность, или же лучше было вообще не говорить об этом с учителем?»

2. Повлияло бы это каким-нибудь образом на ситуацию?

шениях эта классификация параллельна нашей разбивке респондентов согласно степени их семейного участия. И точно так же во многих отношениях данные о неформальном школьном участии напоминают данные о неформальном семейном участии. Как указывает табл. XI.5, лица, помнящие, что в рамках школы они имели возможность эффективно протестовать, будут, скорее всего, занимать высокие места на шкале субъективной компетентности. И если снова взять страны с самыми высокими и самыми низкими сводными показателями субъективной политической компетентности, то оказывается, что в Соединенных Штатах 75% из числа сообщающих, что они имели возможность участвовать в жизни школы, находятся в трех высших категориях по шкале субъективной компетентности в противоположность 54% из числа сообщающих о том, что они не имели возможности в ней участвовать; в то же время в Мексике 52% участвовавших в жизни школы попадают в три высшие категории субъективной компетентности в отличие от 24% среди тех, кто в ней не участвовал.

Но, как и в случае с данными об участии в жизни семьи, важно рассмотреть образовательные группы по отдельности. Если взглянуть на зависимость между школьным участием и политической компетентностью в группах с высоким и низким образованием, то появляется результат, удивительно похожий на полученный нами для семейного участия. Неформальное участие в рамках школы выглядит сильнее ассоциирующимся с политической компетентностью у лиц с ограниченным образованием, чем у тех, кто достиг несколько более высокого его уровня. Различие между лицами с образованием на уровне начальной школы и теми, чье образование не ниже среднего, не столь резко выражено, как это было для семейного участия, тем не менее это различие

---

3. Помните ли вы, что когда-либо действительно проделали это?»

Сообщившие о том, что они ощущали возможность свободно протестовать, что это, возможно, как-то повлияло на ситуацию и что они помнят о случаях своего протеста, были причислены к участникам. Те, кто на все три вышеуказанных вопроса ответил отрицательно, рассматривались как неучастники. Остальные респонденты были отнесены к смешанной категории. Те, кто не мог ничего вспомнить, опускались в данной таблице и не учитывались.

Процентная доля набравших самые высокие баллы по шкале субъективной компетентности^а среди респондентов, которые сообщают о разных степенях неформального школьного участия; по странам и образованию

Страна	Всего						Начальное или ниже						Среднее или выше					
	Высокая		Средняя		Низкая		Высокая		Средняя		Низкая		Высокая		Средняя		Низкая	
	%	Кол-во ^б	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	75	(252)	67	(496)	54	(158)	66	(100)	58	(257)	42	(109)	30	(152)	77	(239)	78	(49)
Великобритания	70	(187)	66	(462)	56	(265)	68	(102)	62	(274)	53	(187)	74	(70)	73	(177)	63	(73)
Германия	53	(186)	49	(436)	44	(229)	48	(133)	45	(361)	44	(229)	67	(52)	73	(70)	57	(23)
Италия	51	(128)	46	(385)	32	(478)	43	(60)	42	(236)	23	(393)	59	(68)	53	(146)	54	(84)
Мексика	52	(177)	45	(376)	24	(205)	49	(118)	43	(319)	24	(197)	56	(59)	55	(57)	^в	

^а То есть те, кто попал в три самые высокие категории по шкале субъективной компетентности.

^б Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

^в Слишком мало случаев.

несомненно. Во всех пяти странах у лиц, принадлежащих к более низкой образовательной группе, степень неформального школьного участия ассоциируется с высокими показателями по шкале субъективной компетентности. С другой стороны, среди более образованных людей зависимость между школьным участием и политической компетентностью либо не является прямой (как в Мексике, Италии и Соединенных Штатах), либо выражена слабее, чем та же самая зависимость у респондентов с образованием на уровне начальной школы (как в двух остальных странах).

Снова, как и в ситуации с семейным участием, данное явление может отражать относительное отсутствие других факторов, которые могли бы способствовать политической компетентности у лиц с более низким образованием. Школьный тренинг участия имеет больший маргинальный эффект, чем он имел бы, если бы существовали — как это происходит у более высокообразованных лиц — другие факторы, которые могли бы заменить указанный тренинг.

Вообще говоря, как и в случае с семейным участием и политической компетентностью, складывается впечатление о наличии некоторой зависимости между школьным опытом и политическими установками, но эта зависимость не является сильной. Похоже, что в некоторых группах школьное участие воздействует на ощущение политической компетентности серьезнее, чем в других. Высказанная нами ранее гипотеза — что воздействие неполитического участия на политическую компетентность сильнее всего для тех, у кого по разным причинам ожидалась бы меньшая степень политической компетентности, — получает некоторое подтверждение в результате сравнения образовательных групп.

До сих пор мы рассматривали воздействие довольно-таки неформального участия в рамках семьи и школы на ощущение политической компетентности. В обеих этих социальных ситуациях нас волновала оставшаяся в памяти у респондента возможность протестовать против несправедливого решения. Но в связи со школьным участием нас также интересует воздействие более формальных возможностей участвовать. Действительно ли опыт обсуждений в школьном классе и каких-то более широких дебатов увеличивает вероятность

того, что индивид будет чувствовать себя субъективно компетентным влиять на различные органы власти? Наши данные указывают, что на этот вопрос можно уверенно и обоснованно ответить «да». В Соединенных Штатах, Великобритании, Германии и Мексике на обоих уровнях образовательных достижений и в Италии среди лиц с начальным образованием запомнившееся респонденту участие в школьных обсуждениях и дебатах соотносится с возросшим чувством своей политической эффективности. У тех респондентов, которые помнят, что они могли и действительно участвовали в такого рода дискуссиях, наблюдается тенденция набирать больше баллов по шкале субъективной компетентности, чем набирают респонденты, помнящие, что они не имели возможности участвовать. В Соединенных Штатах, например, 76% из числа говорящих, что они могли и действительно участвовали в школьных дискуссиях, по набранным ими баллам располагаются в верхней половине шкалы субъективной компетентности в отличие от 63% из числа тех, кто сообщает об отсутствии у них такой возможности. А в Мексике соответствующие процентные доли составляют 59 и 39.

В связи с участием в школьных дебатах очевиден один любопытный момент. Вообще говоря, респонденты, которые получают самые низкие оценки по шкале субъективной компетентности, — это не те, кто сообщает об отсутствии у них возможности участвовать в школьных обсуждениях и дебатах. Скорее как раз лица, которые сообщают о наличии таких возможностей, но говорят, что *они ими не воспользовались в своих интересах*, обычно набирают так же мало баллов или даже меньше, чем те, у кого такие возможности отсутствовали. В Соединенных Штатах и Германии на обоих образовательных уровнях, в Мексике на более низком уровне образования и в Италии на более высоком его уровне лица, сообщающие, что они могли участвовать, но не делали этого, в целом получают более низкие оценки по шкале субъективной компетентности, чем те, кому такие возможности вообще не предоставлялись.

Этот факт позволяет уточнить результаты, обнаруженные нами ранее. Мы имеем здесь дело с чем-то большим, нежели просто воздействие объективной ситуации внутри

школы на последующее чувство политической компетентности. Причина, по которой те, кто не воспользовался в своих интересах имевшейся у них возможностью участвовать, находятся по своему уровню субъективной политической компетентности даже еще ниже тех, кому вообще не предоставляли такой возможности, вполне может лежать в определенных индивидуальных характеристиках, которые воздействуют и на участие респондента в школьной жизни, и на его чувство политической компетентности. Те, кто при наличии возможности участвовать не воспользовались ею, вероятно, не становились участниками по личным причинам. Возможно, это был недостаток уверенности в себе или отсутствие соответствующих навыков; возможно, на то существовали социальные причины, вроде принадлежности к относительно менее привилегированной группе. Эти причины могут никак не зависеть от возможностей участия, имевшихся в школе.

Следовательно, данные о формальных возможностях участвовать говорят о том, что какая-то часть того явления генерализации, которое мы наблюдаем, — иными словами, очевидный перенос участнического опыта из семьи и школы в политическую сферу — может и не быть результатом воздействия участнической семейной или школьной системы на политические установки. Скорее как степень участия в школе и семье, так и уровень субъективной компетентности в политических делах могут *оба* проистекать из одних и тех же психологических или социальных факторов. Это уточнение по поводу смысла установленных нами результатов очевидно в данных о формальном школьном участии. Но оно может быть еще больше применимым к приводившимся ранее данным о воздействии запомнившегося неформального участия на политическую компетентность. Действительно ли ребенок чувствует себя свободным протестовать или нет, выступает ли он на самом деле с протестами в семье или школе — это не определяется исключительно той созданной взрослыми структурой власти, которая существует в семье или школе. Скорее и на семейное или школьное участие, и на политическую уверенность в себе может воздействовать то, насколько сильным эго обладает данный ребенок.

Таким образом, наши данные относительно воздействия семейного и школьного участия на последующие политические установки говорят в лучшем случае о том, что некоторая связь между ними существует. Но насколько сильна эта связь, при каких обстоятельствах она становится более или, напротив, менее тесной и в чем состоит процесс, посредством которого образуется такая связь, — все это вопросы, на которые пока еще не удается ответить.

До сих пор мы концентрировались главным образом на латентных воздействиях опыта семейных и школьных событий на политическую компетентность. Мы обсудили, какими путями воздействует на политические установки не прямое формальное обучение, а перенос приобретенного в семье или школе опыта на политическую жизнь. Даже при возможности формальной дискуссии в школьном классе существенным аспектом оказывалась сама дискуссия, а вовсе не обсуждавшаяся в ней тема. Можно, однако, задаться вопросом, не могло ли и прямое обучение также оказать существенное воздействие на политические установки.

Мы можем сравнить тех респондентов, которые сообщают, что в их школе выделялось время для ознакомления с проблемами политической жизни и властных структур, с общающимися о том, что их ничему такому не учили. Собранные нами данные говорят о том, что явное ознакомление с проблематикой политической жизни может укреплять чувство политической компетентности у индивида, но это зависит от содержания проводившегося обучения. В Соединенных Штатах, Великобритании и Мексике те, кому преподаватели рассказывали о политике, с большей вероятностью, чем другие, набирают высокие баллы по шкале субъективной компетентности. В Германии и Италии картина совершенно иная. В Германии лица с начальным образованием с несколько большей вероятностью чувствовали бы себя политически компетентными, если бы школьные учителя рассказывали им о политической жизни, тогда как для лиц с образованием не ниже среднего несколько менее правдоподобно, что они будут чувствовать себя высококомпетентными политически, если помнят о таком обучении. В Италии лица с начальным образованием с несколько меньшей вероятностью чувству-

ют себя политически компетентными, если помнят о политическом обучении, тогда как у людей с более высоким образованием такое обучение явно ни на что не влияет. Хотя в Соединенных Штатах, Великобритании и Мексике существует относительно ясная связь между манифестируемым политическим обучением и политической компетентностью, в двух остальных странах, где в образовательных системах на протяжении большей части жизни наших респондентов господствовала антидемократическая философия, такой ясной связи нет. Этот контраст убедительно подтверждает, что манифестируемое обучение вопросам политической жизни может оказывать воздействие и что это воздействие будет в значительной мере зависеть от содержания того, чему учат школьников.

Участие на работе и политическая компетентность. Представленные до сих пор данные говорят о существовании некоторой зависимости между опытом семейных и школьных событий, с одной стороны, и последующими политическими установками индивида — с другой. Но, как мы предположили, формирование политических установок продолжается и после того, как индивид становится взрослым и входит в свою политическую роль. Изменение установок и новый опыт могут оказывать политическое воздействие. Если на политические установки может воздействовать опыт ранних контактов с властью, то точно так же на них может отражаться и опыт отношений с властью в последующей жизни. Индивиды сталкиваются с широким спектром проявлений такого рода опыта, будь то в семье, в церкви, в добровольной ассоциации или на работе. Могут ли эти позднейшие взаимоотношения и опыт индивида воздействовать на его чувство политической компетентности? Если, например, взрослый человек в своих современных неполитических взаимоотношениях имеет возможность участвовать в принятии решений, то станет ли он переносить этот опыт и верить, что он способен участвовать в публичной жизни? И наоборот, будут ли в состоянии те, кому в их повседневной жизни предоставляется мало возможностей как-то овладеть навыками принятия решений, генерализовать это и превратить данный

опыт в убежденность, что у них не хватает или вообще нет политических способностей?

Эти вопросы похожи на те, которые мы ставили по поводу возможностей участия в семье и школе. По существу, нас интересует, в какой степени демократическая политическая система зависит от наличия в обществе основополагающих демократических субструктур. Зависят ли демократические политические ориентации (которые включают и установку на то, что человек может быть участником политических решений) от возможностей участвовать в неполитических социальных взаимоотношениях? Решающее значение имеют здесь возможности участвовать в принятии решений на своем месте работы. Структура власти по месту работы является, вероятно, самой существенной — и бросающейся в глаза — структурой такого типа, с которой средний человек оказывается в повседневном контакте. Более того, эта форма участия может оказывать повышенное воздействие на политическое участие, потому что, хотя модели власти по месту работы представляют собой, вероятно, смесь формальной и неформальной власти, они содержат куда больший формальный компонент, чем, скажем, модели власти в рамках семьи.

Как указывалось ранее, существует некоторая параллель между частотой, с которой респонденты сообщают о наличии у них возможности участвовать в принятии решений на работе, и часто, с которой респонденты являются политически компетентными. И данные, приведенные в табл. XI.6, указывают, что эта параллель действительно отражает зависимость между степенью возможности участвовать в принятии решений по месту работы, и степенью субъективной политической компетентности. В каждой из пяти наших стран люди, сообщающие, что с ними консультируются о решениях по поводу их должностных обязанностей, набирают высокие баллы по шкале субъективной политической компетентности с большей вероятностью, чем другие лица. И те же самые зависимости существуют между неформальным участием на работе (свободой протестовать) и ощущением политической компетентности. Те респонденты, которые сообщают, что у себя на работе они чувствуют себя свобод-

ными опротестовывать принимаемые там решения, с большей вероятностью будут чувствовать себя субъективно компетентными оказывать влияние на различные властные структуры.

В отличие от многих зависимостей между семейным и школьным участием, с одной стороны, и политической компетентностью — с другой, зависимости между компетентностью на работе и субъективной политической компетентностью остаются сильными даже в рамках эквивалентных образовательных групп. Причем, в то время как среди лиц с более высокими образовательными достижениями воздействие семейного или школьного участия на политическую компетентность выглядит уменьшающимся, воздействие участия в решениях на работе остается сильным на обоих образовательных уровнях. И как указывает табл. XI.6, хотя есть различия в той степени, в какой индивиды различных профессий и занятий могут участвовать в решениях по поводу своей работы, это участие оказывает на всех уровнях позитивное воздействие на их политическую компетентность. Среди чернорабочих, квалифицированных рабочих и белых воротничков (только в этих профессиональных слоях имелось достаточно много случаев, позволяющих сделать такой анализ) лица, заявляющие, что по их месту работы с ними консультируются о принимаемых решениях, сообщают о более высоких уровнях субъективной политической компетентности по сравнению с теми индивидами, с кем не консультируются. Дело обстоит таким образом во всех странах, кроме Мексики, где зависимость между этими двумя формами участия менее ясна.

Конечно же, невозможно сделать вывод, что существует однонаправленный поток влияния от моделей участия на работе к моделям участия в политике. Весьма правдоподобно, что возможности служебного и политического участия воздействуют друг на друга — иначе говоря, зависимость между воспринимаемой способностью участвовать на работе и воспринимаемой способностью участвовать в политической жизни может представлять собой не просто перенос от места работы к политической сфере, но наряду с этим еще и генерализацию в обратном направлении. Требования

участвовать в решениях по месту работы часто обосновываются политическими нормами демократического участия. И индивид, чей политический опыт включает шансы участвовать в принятии решений, с меньшим правдоподобием станет беспрекословно и без ненужных вопросов принимать властные взаимоотношения, сложившиеся у него на работе. В любом случае наши данные говорят о тенденции к гомогенности между служебной и политической моделями власти: те, кто ориентирован на участие в одной области, будут ориентированы и на участие в другой. Трудно сказать, приводит ли участие в решениях по месту работы к демократическим политическим ориентациям или наоборот, но имеются сильные свидетельства в пользу того, что эти две ориентации развиваются в тесной совместной связи и взаимно поддерживают друг друга.

Кумулятивный эффект участнического опыта. Существуют свидетельства того, что воздействие участия в принятии неполитических решений — дома, в школе и на работе — носит кумулятивный характер. Индивид, который располагает систематическими возможностями неполитического участия — по сравнению с кем-то, чья способность участвовать в одной из неполитических областей не подкрепляется равносильной способностью участвовать в другой неполитической области, — с большей вероятностью станет переносить это на политическое участие.

Рассмотрим респондентов, которые сообщают о существовавших у них возможностях участвовать в семейных или школьных решениях. Можно было бы предположить, что такая возможность участия будет, по всей видимости, перенесена на субъективную политическую компетентность, если этому не помешает опыт столкновений с такими ситуациями проявления власти, в которых не будет возможности участвовать. Эта гипотеза поддерживается данными, приведенными в табл. XI.7 и XI.8. В табл. XI.7 индивиды, которые имели и не имели возможность участвовать в семейных решениях, разделяются потом на тех, у кого есть возможность и нет возможности участвовать в решениях по месту работы. Результаты

Таблица XI.6

Процентная доля получающих самые высокие оценки по шкале субъективной компетентности^а для респондентов с различными степенями формального участия в принятии решений на работе; по странам и профессиям

Страна	Всего ^б		Неквалифицированные				Квалифицированные				Белые воротнички					
	На работе с ними советуются		Не советуются		Советуются		Не советуются		Советуются		Не советуются		Советуются		Не советуются	
	%	Кол-во ^в	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	75	(334)	62	(94)	70	(70)	53	(32)	73	(71)	69	(16)	82	(93)	63	(27)
Великобритания	71	(372)	52	(98)	74	(88)	54	(41)	71	(140)	50	(30)	75	(65)	[60	(15)]
Германия	58	(253)	38	(116)	55	(42)	26	(42)	52	(61)	44	(32)	61	(62)	[46	(13)]
Италия	57	(181)	35	(130)	49	(45)	31	(67)	74	(31)	[40	(15)]	55	(76)	52	(21)
Мексика	51	(170)	45	(107)	26	(17)	43	(18)	48	(74)	53	(46)	47	(55)	45	(23)

^а То есть те, кто получил три самые высокие оценки по шкале субъективной компетентности.

^б Столбцы «Всего» относятся к работающим всех типов. Разделение по характеру работы на квалифицированных рабочих, неквалифицированных рабочих и белых воротничков носит селективный характер и не включает всех работающих, которые учтены в столбцах «Всего».

^в Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

Таблица XI.7

Процентная доля тех, кто добился самых высоких показателей по шкале субъективной компетентности^а среди респондентов, сообщающих о различных степенях участия в принятии решений на работе и в семье; по странам

Страна	Участовавшие в семье				Не участвовавшие в семье			
	Участвуют на работе		Не участвуют на работе		Участвуют на работе		Не участвуют на работе	
	%	Кол-во ^б	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	77	(242)	70	(61)	70	(80)	45	(31)
Великобритания	75	(270)	58	(64)	64	(92)	37	(30)
Германия	61	(144)	38	(52)	59	(81)	37	(49)
Италия	60	(120)	44	(70)	50	(48)	24	(41)
Мексика	56	(72)	52	(44)	43	(97)	45	(62)

^а То есть те, кто получил три самые высокие оценки по шкале субъективной компетентности.

^б Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

ясны. Среди сообщающих, что они были в состоянии принимать участие в семейных решениях, те, у кого есть также возможность принимать участие в решениях по месту работы, будут набирать высокие баллы по шкале субъективной политической компетентности с большей вероятностью, чем лица, чья способность участвовать в семейных решениях не находит эквивалента в существующей у них текущей способности участвовать в решениях по месту работы.

В Великобритании, например, 75% из числа тех, чье давнее семейное участие сопровождается ныне возможностями участия на работе, попадают в три самых высоких подраздела шкалы субъективной компетентности в отличие от 58% тех респондентов, семейное участие которых не поддерживается участием по месту работы. И как указывает табл. XI.8, тот же самый кумулятивный эффект существует в связи с участием в школе и по месту работы. Те, кто мог в свое время участвовать в принятии школьных решений и сейчас тоже

способен участвовать в принятии решений на работе, с большей вероятностью будут политически компетентными, чем те, чье школьное участие не поддерживается последующим участием по месту работы. Взяв снова в качестве примера Великобританию, мы обнаруживаем, что там эта зависимость еще более впечатляет. 77% респондентов, которые сообщают, что они были в состоянии участвовать в решениях как в школе, так и на работе, принадлежат к трем лучшим группам нашей шкалы субъективной компетентности в отличие от 34% из числа тех, кто имел возможность участвовать в школе, но сейчас лишен такой возможности на работе. Однако указанная зависимость наблюдается только для четырех стран из пяти. Мексиканские данные показывают лишь небольшое проявление этого кумулятивного эффекта.

Таблица XI.8

Процентная доля тех, кто добился самых высоких показателей по шкале субъективной компетентности^а среди респондентов, сообщающих о степенях участия в принятии решений в школе и на работе; по странам

Страна	Участвовавшие в школе				Не участвовавшие в школе			
	Участвуют на работе		Не участвуют на работе		Участвуют на работе		Не участвуют на работе	
	%	Кол-во ^б	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	83	(195)	67	(55)	63	(126)	56	(34)
Великобритания	77	(163)	34	(32)	67	(192)	57	(61)
Германия	67	(110)	38	(39)	53	(125)	36	(69)
Италия	57	(67)	42	(33)	55	(116)	38	(78)
Мексика	57	(60)	52	(40)	38	(82)	51	(90)

^а То есть те, кто получил три самые высокие оценки по шкале субъективной компетентности.

^б Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

Заключение

Важным элементом демократической политической ориентации является убежденность в том, что каждый человек обладает некоторым контролем над политическими эли-

тами и политическими решениями. У этой убежденности есть много корней. Индивид может базировать свою оценку собственной способности влиять на властные структуры на прямом опыте контактирования с ними. Возможность участвовать в принятии решений могла бы убедить его в собственной компетентности, в то время как провалившиеся попытки влияния могли бы привести индивида к противоположному заключению. Или же он мог бы основывать свою субъективную компетентность на более косвенных свидетельствах о деятельности политической системы. В частности, он мог бы наблюдать других людей, пытающихся влиять на политическую жизнь, и извлекать уроки из их опыта; или же мог бы обучаться на оценках, которые, как он слышит, дают другие по поводу того, в какой степени «рядовой человек» может влиять на политическую жизнь. Таким образом он на основании своих наблюдений за политической жизнью или воздействием взглядов других людей на политику сформирует свои политические убеждения.

Не отрицая важности самой политической системы как источника различных установок индивидов по отношению к ней, мы попытались в этой главе поискать некоторые из неполитических источников убежденности в том, что каждый имеет голос во властно-правительственных делах. Один такой источник — это опыт контактирования с властными фигурами вне околоправительственной сферы. Индивид осуществляет перенос событий, связанных с этим опытом, на политическую жизнь. Если во всех его социальных взаимоотношениях ему не предоставляется никакой возможности осмысленно участвовать в принятии решений, он может вынести из этого в качестве вывода общую убежденность в своей неспособности держать под контролем любые решения, включая и политические. С другой стороны, если в разных социальных ситуациях индивид находит властные фигуры, которые поддаются влиянию, он может прийти к убеждению, что и в политике властные фигуры тоже будут поддаваться его влиянию.

Данные, представленные в этой главе, говорят о том, что действительно существует перенос от неполитической сферы к политике. Если индивид располагал возможностью

участвовать в принятии решений в семье, в школе или на работе, то он будет считать себя компетентным влиять на органы власти с большей вероятностью, чем кто-либо, не имевший таких возможностей. Но этот вывод нужно сопроводить некоторым предостережением. Как мы указывали в данной главе, зависимость между опытом неполитического участия и политическими установками ни в коем случае не является однозначной. В некоторых группах она выглядит более сильной, чем в других. И многие из респондентов манифестируют ощущение политической компетентности, хотя они обладали незначительным опытом участия за пределами политической жизни, в то время как другие не считают себя политически компетентными, несмотря на социальный опыт, который должен был бы способствовать указанной компетентности. Такое отсутствие сильной и однозначной зависимости не вызывает удивления. В конце концов, существует, помимо всего прочего, совсем не маленький разрыв во времени между способностью участвовать в рамках семьи и способностью участвовать в политике. Структуры власти различаются по своей природе, и это может препятствовать переносу от первичной группы к политической системе. Кроме того, каждый тип политической системы по-своему взаимодействует с теми ожиданиями, которые индивид приносит с собой из опыта неполитических событий. И независимо от того, какими возможностями участвовать он располагал вне политической жизни, в политической системе, которая признается авторитарной, его перенос от этого опыта в политику будет воспрещена. Различие между неполитическими и политическими моделями власти может вызвать некоторую напряженность или недовольство, но такие различия, возможно, не приводят к ощущению компетентности. Опыт контактирования с неполитическими моделями власти может оказать воздействие на политические установки индивида благодаря созданию некоего набора предопределенных реакций на стимулы. И если возникает политическая ситуация, в которой существует какой-то шанс участвовать, то индивид, имевший возможности неполитического участия, с большей вероятностью выберет участническую реакцию, нежели тот, у кого таких возможностей не было. Индивид,

который имел право голоса в решениях, принимавшихся в семье, школе или на работе, с большей вероятностью усвоит убежденность в том, что он является компетентным гражданином, *если для такой убежденности существуют любые другие основания. Опыт неполитических событий, связанных с участием, повышает степень «пригодности» индивида к активной политической роли и правдоподобность того, что он станет верить в свое политическое влияние.*

Однако данные, содержащиеся в этой главе, позволяют нам пойти чуть дальше в установлении того, каким путем неполитический опыт создает предрасположенности. В этой связи можно высказать три утверждения по поводу воздействия неполитических моделей власти на политические установки: это воздействие является *кумулятивными*, другие *социальные факторы могут послужить заменой* для него и они, *похоже, располагаются в порядке важности.*

О наличии кумулятивного эффекта, который неполитическое участие оказывает на политическое участие, говорили табл. XI.7 и XI.8. И, несомненно, подобного рода эффекта следовало ожидать. Если кто-либо систематически оказывается в таких социальных ситуациях, где он имеет право голоса по поводу принимаемых решений, то это с большей вероятностью приведет в итоге к общему ощущению компетентности, чем в случае, если у опыта участия в одной области не окажется эквивалентного опыта в других областях.

Во-вторых, опыт в рамках школы или семьи могут заменить другие социальные факторы. В частности, наши данные говорят о том, что образование на уровне средней школы или выше может заменить семейное участие, а до некоторой степени и школьное участие в качестве фактора, ведущего к политической компетентности. Этот вывод можно извлечь из того факта, что у лиц с образованием не выше начальной школы опыт школьного участия оказывает незначительное воздействие на политическую компетентность, а опыт семейного участия вообще не оказывает никакого воздействия. Наши данные говорят также о том, что лица с более высоким образованием совсем не нуждаются в том подталкивании к ощущению политической компетентности, которое может обеспечить опыт участия в семье и школе,

поскольку имеется очень много других факторов, которые работают на то, чтобы сделать таких людей политически компетентными.

Но, хотя более высокий уровень образования в значительной степени способен послужить заменителем семейного или школьного участия, любопытно отметить, что, хотя участие на работе и может подкрепить то, чему учат в семье и школе, оно не в состоянии заменить его. Это видно по табл. XI.7 и XI.8. Даже среди тех, кто имеет возможность участвовать на работе (это респонденты в первом и третьем столбцах двух названных таблиц), играет роль то обстоятельство, имелась ли у них ранее или же отсутствовала возможность участвовать в семье и школе. И пусть в текущий момент у них есть возможность участвовать, но если они в свое время были лишены ее в семье или в школе, то теперь менее субъективно компетентны в политической жизни, чем те, кто мог участвовать ранее. И это справедливо во всех странах.

Почему дело обстоит так, что более высокий уровень образования способен заменить семейное или школьное участие, тогда как участие на работе не в состоянии этого сделать? Если мы вправе немного поразмышлять, то причина может лежать в том, что образование выше начального уровня представляет собой разносторонний опыт, который способен очень многими способами увеличить потенциальные возможности индивида участвовать. Процессы, посредством которых более высокие образовательные достижения воздействуют на политическую компетентность, многочисленны и разнообразны: это могут быть интеллектуальные процессы, как в том случае, когда человек изучает набор навыков и умений, полезных для участия; это может быть прививка участнических норм путем прямого обучения таким нормам; это могут быть разные формы социального давления, как в том случае, когда образовательные достижения ставят человека в такую социальную ситуацию, где от него ожидают участия. Указанные процессы отличаются от тех, посредством которых человек переносит и переходит от семейных и школьных моделей власти к политическим; следовательно, на них слабо воздействует то, каким опытом обла-

дал этот человек применительно к семейному и школьному участию. Даже если его неполитическое участие таково, что оно имеет тенденцию противодействовать тем вытекающим из его образовательного уровня факторам, которые способствуют участию, уже сам факт, что на его уровне участия существуют различные типы влияния, минимизировал бы конфликт между ними.

Несколько иной является зависимость между школьным и семейным участием, с одной стороны, и участием на рабочем месте — с другой. Участие на рабочем месте не оказывает столь широкого и многостороннего воздействия на ощущение политической компетентности, как образовательные достижения; данный фактор намного более узок, и он не порождает столь основополагающей совокупности изменений в интеллектуальных способностях индивида, его ценностях или социальной ситуации. Кроме того, он действует на политическую компетентность во многом таким же способом, как и опыт участия в семье или школе: через процесс переноса имеющихся возможностей из одной области в другую. В таком случае вполне вероятно, что участие на рабочем месте — в той мере, в какой его воздействию присуща тенденция срабатывать в направлении, противоположном воздействию школьного или семейного участия, — будет конфликтовать с другим опытом. Следовательно, оно будет с большей вероятностью притуплять воздействие семейного или школьного участия, чем заменять их.

Последнее замечание, которое надлежит сделать, заключается в том, что воздействие неполитического участия на политические установки отличается при переходе от одной неполитической области к другой. Похоже, что существует порядок ранжирования по интенсивности связи между неполитическими типами участия и политической компетентностью: такая связь становится более сильной по мере перемещения от участия в семье к участию в школе и далее к участию на работе. Когда мы рассматривали зависимость между семейным участием и чувством политической компетентности в рамках групп с высоким и низким образовательными уровнями, то обнаружили, что она несколько ослабевала у лиц с начальным или меньшим об-

разованием и исчезала у тех, чье образование было выше начального. С другой стороны, на более низком образовательном уровне зависимость между школьным участием и ощущением политической компетентности не становится слабее; и, хотя на более высоком уровне образования она во всех странах слабее, все-таки в трех из этих пяти стран по-прежнему сохраняется позитивная зависимость. В противоположность ситуации с семейным и школьным участием зависимость между участием по месту работы и политической компетентностью остается сильной на обоих образовательных уровнях — даже у лиц с образованием не ниже среднего. И мы могли бы добавить здесь — так как это существенно для той общей аргументации, которую мы собираемся выдвинуть, — что генерализация опыта участия от добровольной ассоциации до политики показывает аналогичную зависимость. Как указывалось в главе X, те, кто является активным участником добровольных ассоциаций, будут политически компетентными с большей вероятностью, чем пассивные их члены, и эта зависимость очевидна на обоих образовательных уровнях.

Такой порядок ранжирования по силе зависимости между различными режимами неполитического участия и политическими установками подсказывает важное уточнение того, каким путем неполитическое участие воздействует на политические установки. Опыт, приобретаемый индивидом на работе и в добровольных ассоциациях, принципиально отличается от опыта в семье и школе тем, что он ближе — по времени, равно как и по структуре — к политике. Членство на работе и в группе совпадает по времени с политическим участием. Возможно, более важен тот факт, что режим участия по месту работы или в добровольной ассоциации по форме ближе к режимам политического участия, чем при участии в рамках семьи или школы. Модели власти по месту работы и в добровольной ассоциации представляют собой смесь формальных и неформальных моделей. Основания для принадлежности к иерархии власти включают в себя формальную должность в организации, а также технические умения и навыки «человеческих отношений». Все это во многих отношениях похоже на модели политической власти — и в

любом случае похоже больше, чем модели в семье или школе. Модели власти в последних двух институтах являются «естественно» иерархическими, завися в большой степени от разницы в возрасте. Кроме того, модели власти, особенно в семье, имеют тенденцию быть неформальными и неявными. В терминах формальности действующих моделей власти к политической системе больше приближается школа, а не дом. И именно в школе существует более тесная — по сравнению с семьей — связь между участием и ощущением политической компетентности.

Есть несколько причин для такого порядка ранжирования. Во-первых, как предположил Экстайн, чем ближе социальная структура к политической системе, тем более правдоподобно существование тяготения к гармонизации двух моделей власти¹. Если социальная структура и политическая система близки, то индивиду трудно разделять и обособлять свои роли в двух этих системах. Но если — как это происходит с семьей и в меньшей степени со школой — они относительно удалены от политической системы, то индивид может суметь с меньшим напряжением изолировать свой неполитический опыт контактирования с властью от опыта политических контактов с ней.

Иерархическая связь между неполитическими моделями власти и установками по отношению к политической власти подсказывает другой вывод: в относительно современной и диверсифицированной социальной системе социализация в семье и в меньшей степени в школе представляет собой неадекватный тренинг политического участия. Как предположил Айзенштадт, в обществах, где главные взрослые роли являются несемейными, т.е. универалистскими, функционально специфическими и ориентированными на достижения, роли, изученные и освоенные в рамках парти-

---

¹ Экстайн в своей уже цитировавшейся работе подразумевает под «близостью» структуры к политической системе близость как по времени, так и по степени, до которой эта структура вовлечена в политические и властно-правительственные дела. Но здесь релевантно еще и то, до какой степени системы похожи по уровню формальности их моделей власти и по критериям для занятия властных должностей.

куляристской, диффузной и аскриптивной¹ семьи, не будут гармонировать с последующими взрослыми ролями. Качественное исполнение этих ролей в семье не сможет гарантировать достижения полной социальной зрелости, равно как сами роли не дадут ребенку адекватной подготовки к участию в более крупной социальной системе.

В ситуациях такого рода существенные роли станут играть другие социализирующие факторы², особенно, как представляется, применительно к политической системе. В обществе со специализированной политической системой перенос из семьи в политику труден, и здесь, вероятно, будет меньше гармонии между этими двумя объектами, чем в обществах с меньшей специализацией при реализации политических функций³. Наши данные скорее подтверждают эти генерализации. Опыт, вынесенный из семьи, действительно играет роль в формировании политических установок, но эта роль, возможно, не является центральной; разрыв между семьей и политикой может быть настолько широким, что другой социальный опыт, особенно в социальных ситуациях, которые ближе по времени и структуре к данной политической системе, может играть заметно большую роль. Кроме того, этот другой опыт может также взаимодействовать с семейным или школьным опытом. Иногда этот другой опыт могут притуплять или усиливать воздействия раннего тренинга социализации. В другие периоды — здесь нашим

---

¹ Аскриптивный (приписанный) — основанный на качествах, которые приобретаются или присваиваются с рождением (на статусе, социальном происхождении и др.). — *Прим. перев.*

² N. Eisenstadt, *From Generation to Generation*, Glencoe, Ill., 1956, ch. I. Похожий аргумент выдвигается в: Helmut Schelsky, *Die Skeptische Generation: Eine Soziologie der Deutschen Jugend*, Düsseldorf-Köln, 1957, Kap. II u. III.

³ См.: Robert A. Levine, «The Role of the Family in Authority Systems: A Cross-cultural Application of the Stimulus-generalization Hypothesis», *Behavioral Science*, V (1960), p. 291–296. Ливайн обнаруживает это у кенийского племени гусси — не знающей государства политической системы с сегментарными патрилинейностями, — где существует высокая степень переноса установок от семьи к политической системе. По словам Ливайна, в Кении такой перенос происходит потому, что масштабы, замысел и нормы этой политической системы напоминают те, которые существуют в семье. Тем самым переход от семейного участия к политическому вызывает меньше нарушений непрерывности, чем в современных политических системах.

примером послужил опыт с более высокими уровнями образования — он может заменять его.

Данное обсуждение говорит о том, насколько трудным делом может оказаться выявление последствий одного из основных результатов, полученных в этой главе: что модели участия относительно единообразно изменялись во времени по направлению к бóльшим возможностям участия в семье и школе. Указанное изменение увеличит «пригодность» индивида к политическому участию. Но вопрос о том, действительно ли это приведет к росту действенного политического участия или же оно не возрастет, остается открытым.

ГЛАВА XII

ПРОФИЛИ СТРАН И ГРУПП

В предыдущих главах мы представили наши данные во многих разрезах — один разрез за другим. Начали мы с понимания и осознания различных аспектов властных структур и политической жизни в наших пяти странах; затем обратились к политическим эмоциям и вовлеченности в политику, к чувству политического долга и компетентности, а также к социальным установкам и опыту, приобретенному в других властных контекстах, которые могли бы оказать воздействие на политические установки. Мы стремились не только описать различия между нашими странами, но еще и разобраться в том, какие взаимоотношения и зависимости существовали между всеми этими разрезами установок.

В этом месте было бы полезно собрать воедино полученные нами *демографические* результаты, а также представить резюме тенденций по странам и группам. В нашем аналитическом рассмотрении политических ориентаций субстрановых групп те данные, которыми мы располагаем, ограничивают нас в двух аспектах. Во-первых, надежные сравнения демографических разбиений на подгруппы потребовали бы более объемистой выборки. С нашей выборкой, составляющей приблизительно 1000 человек в каждой стране, мы быстро исчерпываем количество случаев, как только вводим средства контроля с целью установить, является ли конкретная разница в установках результатом какой-то демографической характеристики, отличной от той, которая сейчас анализируется. Второе ограничение более серьезно: сама субстанция нашего интервью подчеркивала установки по отношению к структуре политических систем, а не политические ориентации или социальные установки и разные стили жизни¹. Субкультурные

---

¹ Необходимо сделать это уточнение для полученных нами результатов — как страновых, так и субстрановых. Если рассматривать наше исследование как нечто целое, то оно подчеркивает ориентацию скорее на структуру политических действий и процесс их осуществления, чем саму сущность публичной политики.

различия носят идеологический, равно как и структурный характер, и они ассоциируются с социальными идеологиями и моделями жизни; таким образом, мы будем в состоянии установить зависимость между демографическими группами и политическими субкультурными тенденциями только в ограниченном объеме. Коротко говоря, мы сможем лишь показать ту степень, в которой образовательные и социальные классовые группы, мужчины и женщины, а также религиозные группы образуют политические субкультуры в рамках нашего деления на парохалов, подданных и граждан.

Страновые модели

Италия: отчужденческая политическая культура. Картина итальянской политической культуры, которая вырисовалась из наших данных, — это зрелище довольно-таки безысходного политического отчуждения, а также социальной изоляции и недоверия. Итальянцы находятся на особенно низком уровне по национальной гордости, по умеренной и открытой партийной приверженности, по пониманию того, что нужно обязательно принимать активное участие в делах местного сообщества, по ощущению компетентности и готовности объединяться с другими в ситуациях политической напряженности, по выбираемым ими социальным формам деятельности в свободное время и по их уверенности в своем социальном окружении.

Если мы примем во внимание итальянскую политическую историю, эти тенденции ничуть не удивительны. Перед тем как объединиться, Италия столетиями оставалась раздробленной и испытывала внешнюю тиранию, в условиях которой не могли развиваться лояльные подданические и гражданские ориентации. В течение короткого столетия своей национальной истории итальянцы научились ассоциировать национализм с унижением, а конституционализм и демократию — с неэффективностью. Опыт периодов освобождения — *Risorgimento* (Рисорджименто, или эпохи Воссодинения), а затем сопротивления фашизму в годы Второй мировой войны — был неполным и имел далеко идущие последствия. В итоге итальянцы склонны рассматривать пра-

вительство, власти и политику как непредсказуемые и угрожающие силы, а не как социальные институты, на которые они могут и должны оказывать влияние. Политическая культура Италии не поддерживает стабильной и эффективной демократической системы, но такие характеристики страны более чем понятны в свете ее политической истории¹.

К этому описанию итальянской политической культуры мы можем добавить еще две ее особенности. Итальянское национальное и политическое отчуждение опирается на социальное отчуждение. Если наши данные верны, большинство итальянцев рассматривает свое социальное окружение как полное угроз и опасностей. Таким образом, существующая там социальная ткань не поддерживает ни лояльной политической культуры, ни лояльной модели политического участия. И пожалуй, отрезвляющим выглядит тот факт, что итальянцы — это самый традиционный из наших пяти народов по своим установкам по отношению к участию в жизни семьи. Среди значительной части итальянцев все еще продолжают сохраняться нормы патриархальной семьи. Хотя младшие возрастные группы чаще испытывали на себе участнические семейные модели социализации, нежели группы более старших возрастов, эти различия между поколениями здесь значительно меньше, чем в Соединенных Штатах, Великобритании и Германии.

Внутренние экономические достижения, наблюдающиеся за последние годы в Италии, сулят некоторые перспективы изменений в ее социальной структуре и политической культуре. Быстрое индустриальное развитие наверняка ослабит традиционализм, а растущий уровень жизни — если предполагать справедливое распределение — может привести к росту социального доверия к сегодняшней политической системе и уверенности в ней. Но в существующей ныне модели преобладает отчужденческая политическая культура.

Это отчуждение может сопровождаться или не сопровождаться верой в какую-то революционную альтернативу существующей итальянской политической системе. Итальян-

---

¹ Детальное обсуждение итальянской политической культуры см. в: Joseph LaPalombara, *Interest Groups in Italian Politics*, Princeton, 1964, ch. IV.

янские коммунисты могут, в соответствии с нашим определением, рассматриваться как участники: они понимают политическую жизнь и вовлечены в нее, причем у них есть активное ощущение собственной политической компетентности — несмотря на тот факт, что если бы к власти пришла их политическая партия, то они бы перестали быть участниками в том же смысле указанного понятия. Это верно также для сторонников фашистских правых сил — в той мере, в какой они играют активную роль в общественных делах. Парадоксально, что большинство политически ангажированных и информированных итальянцев выступают против нынешнего конституционного и демократического режима и основная поддержка этого режима исходит от итальянцев, которые ориентированы на роли подданных или парохалов. В главе IV мы видели, что крупнейшая политическая партия Италии, вокруг которой после окончания Второй мировой войны формируются все ее правительства, в значительной степени опирается на голоса политически неангажированных истовых католичек.

Мексика: отчуждение и статусная устремленность. Что выглядит самым поразительным в мексиканской модели политической культуры, так это разбалансированность и несовместимость. Мексика располагается ниже всех остальных пяти стран по частоте, с которой ее жители приписывают властям какое-то воздействие и значимость, а также по имеющимся у них ожиданиям равного и внимательного отношения со стороны бюрократии и полиции. В то же время частота, с которой мексиканцы выражают гордость своей политической системой, значительно выше, чем у немцев или итальянцев. А объектом этой гордости в преобладающей степени выступают чаще всего мексиканская революция и система президентского правления. Кроме того, ощущение участия, имеющееся в этой стране, выглядит относительно независимым от ощущения удовлетворенности результатами властно-правительственной деятельности на «выходе». Как указывалось в главе VIII, те мексиканцы, которым присуще ощущение высокой субъективной компетентности, благоприятно оценивают качество функционирования своих органов власти отнюдь не с большей вероятностью, чем

люди с низким уровнем субъективной компетентности, хотя для первых вероятность выражения ими общей системной эмоции все-таки выше. Таким образом, в Мексике участническая ориентация выглядит опережающей подданническую ориентацию и роль участника скорее изолирована от ощущения лояльности в подданническом смысле.

Значительную часть этой изолированности и разбалансированности можно объяснить мексиканской политической историей. До 1910 г. мексиканская политическая система была в первую очередь эксплуататорской и экстрактивной системой. Предреволюционная парохильность основывалась на традиции; более того, она представляла собой защитную реакцию против эксплуататорского центрального режима, а также против хищных местных главарей и вооруженных банд боевиков-«партизан». Таким образом, исторический опыт и личная память способствовали отчуждению от всякой власти, и эти специфические воспоминания вполне совместимы с современными властными тенденциями, наблюдающимися в различных институтах мексиканского общества.

Мексиканская революция 1910 г. представляла собой полный разрыв с прошлым, поскольку правительство начало воздействовать на население вполне осязаемым и благоприятным образом. Но коррупция и авторитаризм сохраняются. Результатом, согласно Скотту, является двойственность в реакциях властей. Мексиканцы обладают прямым опытом общения с бюрократической властью, и они отвергают эту власть как коррумпированную и произвольную. В то же самое время там существует миф о доброй и милостивой революции, а также о *presidencialismo*¹ — той институциональной харизме, которую обрело мексиканское президентство за последние десятилетия².

---

¹ *Presidencialismo* (исп.) — политическая система, при которой президент республики является одновременно главой правительства. — Прим. перев.

² Robert E. Scott, «Mexico» in Sidney Verba and Lucian W. Pye (eds.), *Political Culture and Political Development*, Princeton, 1965. На основании социальных, психологических и антропологических исследований Скотт аргументированно показывает, что большинство мексиканцев ориентированы на свою политическую систему как подданные. Но эта мексиканская поддан-

В мексиканских данных есть еще одно поразительное противоречие: высокая частота субъективной политической компетентности сочетается с самой низкой из всех пяти стран частотой качественной политической работы (измеряемой показателями политической информированности в баллах, членством в добровольных ассоциациях и активной политической деятельностью). С одной стороны, мексиканцы подверглись воздействию революционной идеологии, которая высоко ценит политическое участие. Подверженность воздействию таких норм может породить склонность к завышенной оценке собственной компетентности — склонность путать устремленность с реальным качеством исполнения. С другой стороны, высокий уровень социальной мобильности в Мексике, связанные с ней «разрывные» модели социализации и возникающие в результате этого конфликты ценностей порождают высокую встречаемость кризисов личной идентичности, сравнимую с ситуацией, которую описал Люсиан Пай в своем исследовании о Бирме¹. Личностные аспекты этой мобильности означают конфликт ценностей и хрупкое чувство собственного достоинства, которые в типичных случаях приводят к завышенной и заниженной самооценке. Этим можно частично объяснить несообразности в ответах мексиканцев: высокая самооценка своей компетентности сочетается с когнитивной неадекватностью и политической неопытностью.

Тем не менее эти гражданские устремленческие тенденции в мексиканской политической культуре служат важным свидетельством того, что демократическая устремленность мексиканской революции и политической элиты страны имеет смысл для населения и многое значит для него. Соответствующие нормы начали пускать корни среди большого

ническая ориентация двойственна: ее характеризуют как сильные потребности в зависимости, так и тенденции к отторжению и бунтарству. Скотт описывает эту амбивалентность как чувство, которое пропитывает все властные отношения в мексиканском обществе — в семье, школе, в группах на работе и во властно-политической системе. Синдром власти включает в себя опыт эксплуататорской и доминирующей власти, реализуемой теми, кто занимает властные должности, и бунтарско-зависимую реакцию тех, кто выступает в подчиненных ролях.

¹ Pye, *Politics, Personality, and Nation Building*, New Haven, 1962.

числа мексиканцев. И мексиканская политическая система предлагает все больше возможностей для приобретения реального политического опыта, который может начать консолидацию указанных устремлений.

Германия: политическая отстраненность и подданническая компетентность. Германия — это технологически передовая страна с высокоразвитыми и широко разветвленными образовательной и коммуникационной системами. Учреждению ныне существующей республики предшествовала горькая и травмирующая политическая история: унижительное поражение в Первой мировой войне, провалившийся эксперимент с демократией, нацистская диктатура, разгром, разорение и разделение страны в конце Второй мировой войны. Как технологическая продвинутость, так и травмирующая история Германии отражены в ее политической культуре.

Высокий уровень развития в сфере коммуникаций и в области образования находит отражение в том факте, что большинство немцев осознают важность политической жизни, местных властей и правительства, а также хорошо информированы о них. Множеством самых разнообразных способов они принимают участие в политической системе. Частота участия в голосованиях высока, равно как и убежденность в том, что голосование — это важная и ответственная обязанность рядового человека. Да и уровень подверженности немцев воздействию политических материалов, публикуемых в средствах массовой коммуникации, высок. Кроме того, немецкая политическая культура характеризуется высоким уровнем уверенности в административных ветвях власти и сильным ощущением компетентности при ведении любых дел с ними.

Тем не менее травматичная политическая история Германии также находит отражение в ее современной политической культуре. Хотя осознание важности политической жизни и активной политической деятельности значительно, участие в них скорее пассивно и формально. Люди голосуют часто, но участие в менее формальных средствах политической ангажированности, особенно в политических дискуссиях и формировании политических групп, более ограничено. Немцы часто бывают членами добровольных ассоциаций, но редко проявляют в них активность. Да и нормы,

благоприятствующие активному политическому участию, здесь недостаточно развиты. Многие немцы полагают, что акт голосования — это все, что требуется от гражданина. И Германия — единственная страна из пяти изученных нами, где ощущение административной компетентности встречается чаще, нежели ощущение политической компетентности. Таким образом, хотя здесь существует высокий уровень когнитивной компетентности, ориентация на политическую систему все еще относительно пассивна — это скорее ориентация подданных, нежели участников.

Трудная политическая история Германии воздействует и на другие важные особенности ее политической культуры. Хотя в ней относительно широко распространена удовлетворенность политическим «выходом», у этого явления нет эквивалентной ему более общей системной эмоции. Немцы склонны к удовлетворенности качеством функционирования своих органов государственной власти, но им недостает более общей привязанности к своей системе на символическом уровне. Их ориентация на свою политическую систему весьма прагматична — вероятно, чрезмерно прагматична, — как если бы интенсивная приверженность политическим движениям, которая характеризовала Германию во времена веймарской и нацистской эпох, теперь уравнивалась бесстрастно отрешенной, практичной и почти циничной установкой применительно к политической жизни. Да и установки немецкого гражданина по отношению к своим политическим акторам, видимо, тоже окрашены политической историей страны. Враждебность между сторонниками двух крупных партий по-прежнему относительно высока и не умеряется никакими общими социальными нормами доверия и уверенности. Да и способность немцев к политическому сотрудничеству тоже выглядит серьезно ограниченной.

Соединенные Штаты: участническая гражданская культура. Модель политической культуры в Соединенных Штатах приближается к тому, что мы обозначили как гражданскую культуру. В этой культурной модели есть несколько существенных компонентов. Во-первых, роль участника там чрезвычайно высоко развита и широко распространена. Как показыва-

ют наши данные, респонденты в Соединенных Штатах, по сравнению со своими коллегами в других четырех странах, очень часто подвергаются воздействию политики. Они общаются о политических дискуссиях и вовлеченности в политические дела, о чувстве долга, обязывающем их принимать активное участие в жизни сообщества, и об ощущении своей компетентности влиять на местные власти и национальное правительство. Часто они состоят активными членами добровольных ассоциаций. Кроме того, американцы склонны к эмоциональной вовлеченности в политическую систему: они сообщают о своей эмоциональной ангажированности во время политических кампаний и у них высокая степень гордости за свою политическую систему. При этом их привязанность к политической системе включает как генерализованную системную эмоцию, так и удовлетворенность конкретным качеством работы властных структур.

Гражданская культура тем не менее является здесь культурой смешанной и инкорпоративной (*incorporative*)¹. Участническая роль развита очень сильно, но более пассивные роли подданного и парохияла сохраняются и сращены с политической системой. Именно две последние ориентации умеряют энергичность исполнения участнической роли, и это можно показать тем фактом, что в Соединенных Штатах для «настройки» политического стиля участия

¹ Близкое понятие инкорпорированной культуры встречается в русскоязычной литературе на данную тему, насколько удалось установить, только в переводе одной работы (правда, там оно присутствует многократно) — это опубликованная сравнительно недавно статья Пьера Бурдьё «Формы капитала» в сборнике его работ «Культурный капитал». Другое дело, что там таким образом переводится английский термин *embodied* — на наш взгляд, неправильно, поскольку этот термин и по первому его значению во всех словарях, и, как кажется, по смыслу его применения у Бурдьё означает «воплощенный» (думается, можно было бы и «встроенный»). Перевод «инкорпорированный» можно было бы использовать лишь в том случае, если бы он уже к тому времени устойчиво закрепился, но ничего такого не наблюдалось — напротив, это едва ли не первое его употребление в данном контексте. (Кстати, плох он еще и потому, что его обратный перевод на английский абсолютно однозначен, и это никак не *embodied*, — неслучайно переводчик многократно повторяет его в скобках, чтобы «выбить из головы» у читателя естественное и единственное слово *incorporated*). — *Прим. перев.*

важна первичная принадлежность. Роли подданого и партияла представляют собой ресурс влияния, снабжая индивидов тем, что мы назвали резервным запасом влияния и что является важным звеном в процессе политических коммуникаций. Более того, способность кооперироваться с согражданами, отражающуюся в использовании неформальных групп в качестве политического ресурса, выглядит зависящей от более общего социального доверия и уверенности, понижающих всю политическую систему. Это социальное доверие видно также в «открытой» модели партийной приверженности в Соединенных Штатах. Хотя там существует эмоциональная вовлеченность в исход выборов, она не означает полного отторжения своего политического оппонента.

Таким образом, в США гражданская культура характеризуется сбалансированностью парохальной, подданнической и участнической ролей. Но хотя американская политическая культура близко подходит к этой сбалансированности, наши данные говорят о том, что существует некоторый дисбаланс в пользу участнической роли. Как утверждалось в главе VII, в Соединенных Штатах участническая ориентация выглядит лучше развитой, чем подданническая, и до некоторой степени доминирует над ней. Подданническая компетентность кажется зависимой от политической компетентности, и те американцы, которые чувствуют себя компетентными в контексте бюрократической власти, вероятно, будут чувствовать себя компетентным в политических контекстах. В специфических измерениях подданнической компетентности — ожиданиях, связанных с рассмотрением своих соображений бюрократической и полицейской властью, — американцы опускаются на третье место среди наших пяти стран, ниже Великобритании и Германии. Как мы предположили, этот культурный дисбаланс является результатом американского исторического опыта контактирования с правительственной и бюрократической властью — опыта, который начался с недоверия и революции против британской короны и был консолидирован американской тенденцией подчинить все властно-

правительственные институты, включая судебную власть и бюрократию, прямому народному контролю.

Великобритания: почтительная гражданская культура. В Великобритании политическая культура также приближается к гражданской культуре. Участническая роль развита чрезвычайно сильно. Подверженность воздействию политической жизни, интерес к ней, вовлеченность и ощущение компетентности относительно высоки. Существуют нормы, поддерживающие политическую активность, а также эмоциональная вовлеченность в выборы и системная эмоция. И привязанность к системе носит сбалансированный характер: есть общая системная гордость, равно как и удовлетворенность конкретным качеством работы различных властей.

Кроме того, британская политическая культура, подобно американской, сращивает парохильную и подданническую роли с ролью участника. Первичные группы относительно открыты для политического процесса и доступны как ресурсы влияния, а вся политическая культура пронизана более общими установками социального доверия и уверенности. Преобладают открытые модели партийной приверженности. До некоторой степени британская политическая культура представляет собой более эффективное сочетание подданнической и участнической ролей. Как утверждалось в главе VII, развитие участнической ориентации в Великобритании не бросало вызов более почтительным подданническим ориентациям и не заменяло их, к чему имела склонность в Соединенных Штатах. Несмотря на распространенность политической компетентности и участнических ориентаций, британцы сохранили сильное почтение к независимой власти правительства и других властей. Таким образом, британская политическая культура, как и американская, приближается к сбалансированной гражданской культуре, но этот баланс достигается здесь несколько иным распределением весов, чем в Соединенных Штатах. Если в США есть тенденция придавать слишком большой вес участнической роли, то в Великобритании сильнее развита и шире распространена почтительная подданническая роль.

Образование и политическая культура

На протяжении всего данного исследования мы сообщали о различиях между несколькими образовательными группами. Как и в большинстве других исследований политических установок, наши данные показывают, что образовательные достижения оказывают, пожалуй, самое важное демографическое воздействие на политические установки. Среди обычно исследуемых демографических переменных — пола, места жительства, занятия или профессии, дохода, возраста и т.д. — ни одна не сравнится с образовательной переменной по той степени, в которой она, как представляется, определяет политические установки. Необразованный человек или человек с ограниченным образованием — это совсем другой политический актер, нежели тот, кто достиг более высокого уровня образования.

Для этого есть целый ряд причин. Одна из них состоит, разумеется, в том, что образовательные различия ассоциируются с различиями в других социальных характеристиках. Индивиды, которые достигли более высокого образования, будут, вероятно, иметь более высокие доходы по сравнению с теми, кто его не получил, занимать рабочие места или иметь профессии с более высоким статусом, будут мужчинами и т.д. — причем все эти характеристики имеют тенденцию «действовать» в одном и том же направлении применительно к установкам. Но даже когда эти дополнительные факторы находятся под контролем, респонденты с более низким и более высоким образованием по-прежнему продолжают существенно различаться по своим политическим установкам. Основная причина этого, вероятно, в том, что образование оказывает воздействие самых разных видов. С одной стороны, люди в школах действительно *учатся*: они осваивают определенные предметы, а также навыки и умения, полезные для политического участия. Кроме того, они еще изучают и нормы политического участия. Значительная часть этого обучения может осуществляться путем прямого преподавания; какой-то другой его сегмент может носить более косвенный характер. Образование не только влияет

на политические представления и точки зрения; оно также помещает индивида в такие социальные ситуации, где он встречается с другими людьми, имеющими похожие образовательные достижения, и это помогает как-то укреплять воздействие его собственного образования.

Пути, которыми образование воздействует на политические установки индивида, обсуждались в главе XI. Здесь мы сосредоточимся не на процессе, посредством которого образование действует на политическую ориентацию, а на том, какими специфическими способами люди, которые получили определенное образование, отличаются по своим политическим ориентациям от тех, кто его не достиг. Для этой цели полезно иметь данные по нескольким странам. Мы можем задаться вопросом, существуют ли единообразные различия между образовательными группами, которые можно наблюдать во всех странах, или же страны в этом смысле различаются. Действительно ли образование создает в каждой из стран различающиеся политические субкультуры и если это так, то во всех ли странах субкультура образованных людей одинаковым образом отличается от субкультуры необразованных?

Так как большинство данных, имеющих отношение к образованию, было представлено в других частях настоящего текста, здесь мы должны только резюмировать изложенные там результаты. Можно выделить три типа различий между политическими ориентациями более образованных и менее образованных респондентов. Во-первых, есть такие политические ориентации, на которые более высокое образование сильно воздействует — причем во всех пяти странах одинаковым образом. Во-вторых, есть отдельные политические установки, которые относительно мало изменяются при переходе от одной образовательной группы к другой. Здесь также существует однородность между странами, но эта однородность заключается в отсутствии различий в установках между образовательными группами. В-третьих, имеются некоторые политические ориентации, на которые образовательный уровень оказывает в разных странах разное воздействие. В некоторых странах лица с более высоким образованием характеризуются повышенной частотой конкретной

ориентации; в других странах как раз у лиц с более низким образованием наблюдается повышенная частота той же самой ориентации; или же в одной стране образовательные группы различаются по присущей им частоте конкретной ориентации, в то время как в других странах это различие между группами не столь заметно.

Все это представляет большой интерес, и в числе самых важных фактов мы обнаружили, что большинство зависимостей между образованием и политической ориентацией принадлежит к первому из названных выше типов: образовательные группы в каждой из стран существенно отличаются одна от другой, причем похожим образом. Ситуации манифестирования этой межстрановой однородности, касающиеся более образованного индивида, таковы:

- 1) он в большей степени осведомлен о воздействии правительства и местных властей на индивида, чем человек с меньшим объемом образования (глава II);
- 2) он с большей вероятностью сообщит, что следит за политической жизнью и уделяет внимание избирательным кампаниям, чем менее образованный индивид (глава II);
- 3) он располагает большим объемом политической информации (глава II);
- 4) у него есть мнения по более широкому кругу политических тем; горизонт его внимания к политической жизни шире (глава II);
- 5) он с большей вероятностью вовлекается в политические дискуссии (глава III);
- 6) он чувствует себя свободным обсуждать политическую жизнь с более широким кругом людей (глава III). Менее образованные лица с большей вероятностью сообщают, что есть много людей, с которыми они избегают вести подобные дискуссии;
- 7) он с большей вероятностью будет рассматривать себя способным влиять на властные структуры; это отражено и в ответах на вопросы о том, что человек мог бы сделать с несправедливым законом (глава VI), и в баллах, набираемых респондентами по шкале субъективной компетентности (глава VIII).

Вышеупомянутый список относится к тем конкретно политическим ориентациям, которые изменяются аналогичным образом во всех пяти странах. Кроме того, наши свидетельства показывают, что более образованное лицо:

- 8) с большей вероятностью будет членом — причем активным — какой-нибудь организации (глава X);
- 9) и с большей вероятностью выразит уверенность в своем социальном окружении и будет считать, что другие люди заслуживают доверия, а также готовы помогать (глава IX).

Во всех перечисленных девяти зависимостях различия между лицами с относительно низким образованием и теми, кто более образован, существенны. Во всех странах и почти во всех случаях лица с образованием не выше начального отличаются от тех, кто хотя бы немного обучался в университете, по меньшей мере на 20 процентных пунктов, а нередко и значительно больше, той частотой, с которой встречается конкретная установка. Разрезы установок, где наблюдалось такое воздействие, оказались как раз теми, которых и следовало ожидать, руководствуясь здравым смыслом и итогами предыдущих исследований, — это, например, информированность о политической жизни и осведомленность о действиях разных властей. Тем не менее полученные нами результаты заслуживают некоторого акцентирования, поскольку они иллюстрируют, несмотря на различия между странами в их политической истории и в текущем контексте политической жизни, а также несмотря на сильные различия в их образовательных и социальных системах, можно обнаружить поразительно однородные межстрановые картины.

В каждой из наших стран оказалось, что образованные классы наделены ключами к политическому участию и ангажированности, тогда как менее образованные оснащены для этого далеко не столь хорошо. В каждой из стран образованные классы с большей вероятностью будут осведомлены о политической жизни (осведомлены о воздействии различных властей, обладают информацией о властях, следят в разнообразных СМИ за политической жизнью), будут иметь политические мнения по широкому кругу тем и вовле-

каться в политические дискуссии. Кроме того, лица с более высоким уровнем образования с большей вероятностью рассматривают себя как компетентных влиять на власти и правительство, а также свободно вовлекаются в политические дискуссии. Этот набор ориентаций, широко распространенный среди лиц с высоким уровнем образования и гораздо менее широко — среди лиц с низким образованием, составляет то, что можно было бы рассматривать в качестве минимальных требований для политического участия. Более сложные установки и поведение зависят от таких базовых ориентаций, как осведомленность о политической системе, наличие информации о ней и некоторая подверженность ее действиям. Мы перечислили ровно тот базовый набор ориентаций, которым лица с ограниченным образованием, как правило, не обладают.

Интересно, кроме того, что ориентации, которые отличают образованных респондентов от сравнительно необразованных, имеют тенденцию — за одним исключением — быть эмоционально нейтральными. До сих пор мы не показали ни того, что образованные индивиды обязательно поддерживают политическую систему сильнее, ни того, что они настроены по отношению к ней более враждебно. Мы просто показали, что они лучше осведомлены о ней. Но при этом нам неизвестно содержание политических дискуссий, которые ведутся на уровне лиц с более высоким образованием, — нам известно только, что на этом уровне существует больше такого рода дискуссий, чем на любом другом. Образованный индивид в некотором смысле доступен для политического участия. Однако содержание этого участия никак не определяется образованием.

Хотя образовательные различия в политической ориентации демонстрируют удивительную межстрановую однородность, отсюда не следует, что при рассмотрении образовательных групп с эквивалентным уровнем достижений всякие различия между странами исчезают. Как мы указывали ранее, в рамках каждой страны респонденты, находящиеся на разных образовательных уровнях, отличается друг от друга так же, как и полные выборки населения этих стран. Мексиканец с начальным образованием все равно во мно-

гом отличается от немца или англичанина с начальным образованием. Но, возможно, самое поразительное заключается в том, что в каждой из стран имеют место одинаковые зависимости между лицами с большим и меньшим объемами образования. В рамках каждой страны более образованный сегмент населения полнее вовлечен в политическую систему и в большей мере является участником политической жизни. Менее образованный сегмент с меньшей вероятностью берет на себя полную участническую роль.

Но имеется свидетельство того, что образовательный уровень действительно воздействует на *степень* различия между странами. При использовании всех перечислявшихся выше измерителей политической когнитивной способности или участия — осведомленности о властном воздействии, подверженности проявлениям политической жизни, политической информированности, диапазона политических мнений, субъективной политической компетентности, политического участия — респондентам, находящимся на более высоких уровнях образования, свойственна тенденция больше походить друг на друга, чем респондентам с более низким образованием. Вообще, диапазон различий между страной, в которой политическое участие является самым частым (Соединенными Штатами), и той страной, где оно наблюдается наиболее редко (Италией), выше всего среди респондентов с малым объемом образования и ниже всего среди тех, у кого высокое образование. Так что в Италии респонденты с университетским образованием могут отличаться от университетски образованных респондентов из Соединенных Штатов, но эти две группы больше похожи друг на друга, чем итальянцы и американцы, которые не продвинулись дальше начального образования.

Тот факт, что более высокое образование имеет тенденцию сокращать различия между странами, говорит о том, что природа политической культуры в очень большой степени определяется распределением образования. Мы видели в главе XI, что образование может заменить семейное участие, а до некоторой степени и школьное участие; это означает, что субъективная компетентность более образованного индивида меньше зависит от семейного или школьного уча-

ствия, чем компетентность не столь образованного человека. И во всех пяти странах более высокообразованные сегменты населения демонстрируют межстрановую однородность по своей политической ориентации. Образовательные системы варьируются, но тем не менее в образовательном опыте все-таки существует определенная однородность, так что эти люди разделяют между собой общий опыт. Лица с меньшим образованием разделяют друг с другом меньше общего кросскультурного опыта, и на них больше воздействует конкретная история и культура их собственных национальных систем. Заявлять, что образование заменяет различия между странами, — это, конечно же, преувеличение; как мы сказали, страновые различия сохраняются даже среди высокообразованных лиц; кроме того, продельваемая здесь генерализация распространяется только на специфически политические ориентации. Невзирая на это, более образованные лица участвуют в политической жизни независимо от того, из какой они страны; участие менее образованных гораздо сильнее зависит от страны.

Высокообразованные лица демонстрируют еще один вид межстранового единообразия: по сравнению с менее образованными они чаще принимают участие в добровольных ассоциациях. Мы ожидали бы этого от образованных респондентов, когда те занимаются профессиональными делами или определенными видами деятельности в свободное от работы время. Но, помимо этого, данный результат демонстрирует, каким путем внутри указанного сегмента общества могут аккумулироваться потенциальные возможности политического участия. Образование не только само по себе увеличивает политическое участие; оно также ставит индивида в такую организационную ситуацию, которая еще сильнее повышает степень его участия.

Мы упоминали выше об одном исключении в том первом классе ориентаций, на которые образование воздействует однородно, — речь идет о доверии социальному окружению и уверенности в нем. Мы должны уточнить наш комментарий, что во всех пяти странах только когнитивная осведомленность и политическая компетентность растут благодаря образованию, поскольку образованные люди, как

представляется, питают доверие к социальному окружению. И поскольку это доверие является важным предварительным условием способности присоединиться к другим для эффективного достижения политических целей, мы можем даже еще сильнее подчеркнуть важность образования как фактора, воздействующего на демократические способности. Возможно, не слишком большим преувеличением будет сказать, что оно порождает протогражданскую тенденцию. (Мы, однако, покажем ниже, что на определенные критичные и даже решающие компоненты гражданской культуры образование не воздействует.)

Теперь мы обращаемся ко второму классу политических ориентаций, а именно к тем из них, которые во всех пяти странах относительно необразованные лица разделяют с более образованными. Об одном примере такой установки сообщалось в главе V. Там мы видели, что норма о необходимости быть участником местного сообщества чаще обнаруживается в высокообразованных сегментах общества, чем среди людей с более низким образованием, но это различие относительно невелико по сравнению с другими упоминавшимися выше различиями. Аналогично мы сообщили в главе IV, что частота, с которой индивиды высказываются благоприятным образом о сторонниках противостоящей партии, реально увеличивается вместе с образованием, но опять-таки этот прирост не является ни систематическим, ни существенным. Как более, так и менее образованные сегменты населения каждой страны придерживаются относительно похожих оценок сторонников оппозирующей партии. И в примере одной из стратегий влияния, конкретно — убеждения, что можно кооперироваться с другими лицами в попытке влиять на органы власти (этот вопрос обсуждался в главах VI и IX), между образовательными уровнями нет почти никакой разницы. В рамках каждой из стран местно компетентные лица на всех образовательных уровнях показали, грубо говоря, одну и ту же частоту кооперативной компетентности. Те три разреза, на которые образование воздействует относительно слабо: норма о необходимости участвовать, стратегия, которая должна применяться при участии, и степень антагонизма между сторонниками разных полити-

ческих партий, не являются нейтральными политическими ориентациями. По мере того как политическая ориентация все сильнее нагружается эмоциональным и оценочным содержанием, мы начинаем находить в рамках каждой из стран относительно большую однородность и меньше различий между образовательными подгруппами. Особенно любопытен тот факт, что межпартийный антагонизм и кооперативная компетентность не столь сильно различаются для разных образовательных уровней, как это имеет место в случае более нейтральной межличностной деятельности по вовлечению в политические дискуссии.

Таким образом, в каждой из стран более образованные в смысле субъективной и когнитивной компетентности респонденты более активны в рамках политической системы. Но когда речь заходит о нормах политического поведения или чувствах по отношению к политической жизни либо к партийной приверженности, разные образовательные группы в рамках каждой из стран сильнее похожи друг на друга. Чтобы проиллюстрировать это соображение, рассмотрим те установки в нашем опросе, на которые образование, как представляется, оказывает разное воздействие в зависимости от той или другой страны. Мы обнаружили несовместимую и внутренне противоречивую картину в следующих трех разрезах.

1. В Соединенных Штатах и Великобритании те, кто относительно лучше образован, с большей вероятностью гордятся политическими аспектами своих стран, чем лица с несколько меньшим образованием; похожая, но меньшая разница существует и в Мексике; однако в Германии и Италии такого различия между группами с разными уровнями образования нет (глава III).
2. Ощущение административной компетентности — то, в какой степени, по мнению индивидов, к ним будут относиться справедливо и станут принимать во внимание их точку зрения, — в Соединенных Штатах и Великобритании слабо варьируется в зависимости от образовательных групп; этот показатель варьируется несколько сильнее в Германии и существенно

сильнее — в Мексике и Италии (глава III). Несмотря на однородную картину в каждой из стран (в любом случае лица с более высоким образованием будут с большей вероятностью испытывать ощущение административной компетентности), вариабельность и степень различия между верхним и нижним образовательными уровнями говорит о том, что данная зависимость принадлежит к той третьей группе политических ориентаций, где страновые различия между образовательными группами не единообразны.

3. Зависимость между эмоциональным тоном избирательных кампаний и образовательными достижениями дает смешанную межстрановую картину (глава IV). В Соединенных Штатах, Великобритании и Мексике более образованные слои выражают больше общей удовлетворенности своим участием в выборах, а также чаще выражают те три других чувства, по поводу которых мы задавали вопросы: гнев по отношению к избирательным кампаниям, удовольствие от избирательных кампаний и чувство, что эти кампании глупы или смешны. В Германии люди с более высоким образованием чаще выражают гнев по поводу избирательных кампаний; но в своем выражении удовлетворенности — так же как и в двух других эмоциональных ориентациях по отношению к выборам — они не отличаются сколько-нибудь систематическим образом от людей с более низким образованием. И хотя в Италии, с другой стороны, частота выражения гнева, удовольствия и ощущения, что выборы — это глупое мероприятие, увеличивается по мере продвижения вверх по образовательной лестнице, чувство удовлетворенности своим участием в выборах не увеличивается таким же образом.

В качестве резюме мы можем сказать, что во всех пяти странах менее образованным слоям населения присуща тенденция формировать подданнические и парохильные субкультуры. Среди респондентов в наших пяти странах редко доводится сталкиваться с чистыми парохиялами в том смысле, как они определены в нашей классификации. По-

давяющее большинство людей каким-то образом подверглось воздействию со стороны правительственной или иной власти. Ближе всего подходят к парохиализму необразованные женщины, особенно в Италии и Мексике. Но и здесь он в большей мере нормативный и эмоциональный, чем когнитивный. Иными словами, в этих двух странах — и до некоторой степени в других тоже — политическая осведомленность и вовлеченность не считаются подходящими для женщин. Следовательно, мы сталкиваемся с необразованными женщинами, которые знают нечто туманное о существовании правительства и политической жизни, но никак не вовлечены во все это и считают свое безразличие само собой разумеющимся.

Те необразованные люди в наших пяти странах, которые ориентированы на власти, правительство и политическую жизнь, зачастую ориентированы на них скорее как подданные, а не как граждане. Они чаще склонны признавать воздействие властных структур и ожидать равного отношения со стороны бюрократической власти, чем вступать в политическую дискуссию или следить за политической жизнью и избирательными кампаниями. Но здесь между странами имеются различия, которые в определенной мере важны. В Соединенных Штатах, Великобритании и Германии значительные доли необразованных лиц (хотя и намного меньшие, чем образованных) ориентированы на политический «вход» в такой же мере, как и на властно-правительственный «выход». Иначе говоря, среди них имеется существенное количество граждан. В Италии и Мексике, с другой стороны, необразованные намного реже ориентированы на политическую жизнь и политическое участие. По своей ориентации они склонны быть подданными, а по образовательному уровню приближаются к парохиализму.

Но до сих пор мы говорили только о когнитивном и компетентностном разрезах, в которых образование оказывает довольно однородное воздействие в разных странах. Если мы посмотрим на те разрезы, где образование оказывает небольшое либо нулевое воздействие или же где его воздействие отличается от страны к стране, то

нам придется уточнить суждения, которые мы высказывали применительно к парохияльной и подданнической тенденциям среди необразованных лиц. Так, в Соединенных Штатах и Великобритании у необразованных есть тенденция разделять с образованными обычную эмоциональную и нормативную лояльность политической системе, и эта тенденция имеет место даже невзирая на то, что они резко различаются по степени осведомленности и субъективной компетентности. В Германии и Италии необразованные склонны разделять с образованными нормативное и эмоциональное отчуждение от политической системы. Мексиканская картина более сложна, напоминая в некоторых отношениях американскую и британскую, а в других — германскую и итальянскую.

Женщины и политическая ориентация

Несколько десятилетий назад отдельные защитники избирательного права для женщин делали сильные и явно преувеличенные заявления о последствиях предоставления женщинам равных политических прав. Как они утверждали, полития, которая станет включать женщин в качестве активных участниц, отменит бедность, защитит семейную жизнь и поднимет образовательные и культурные стандарты; кроме того, международное общество, составленное из стран, где женщины обладают избирательными правами, не станет терпимо относиться к войне. Разумеется, эти ожидания не сбылись. Везде, где последствия введения женского избирательного права подвергались серьезному изучению, выяснялось, что женщины по своему политическому поведению отличаются от мужчин только в том, что они несколько чаще бывают апатичными, парохияльными, консервативными, а также чувствительными к личностным, эмоциональным и эстетическим аспектам политической жизни и избирательных кампаний¹.

---

¹ См.: Robert E. Lane, *Political Life*, p. 209 ff.; Maurice Duverger, *The Political Role of Women*; Fred W. Greenstein, «Sex-Related Political Differences in Childhood», *The Journal of Politics*, XXIII (1961), p. 353 ff.; M. Dogan and J. Narbonne,

Наши данные в целом подтверждают результаты, о которых сообщалось в литературе. В каждой из обследованных нами стран мужчины показывали более высокую частоту и более высокую интенсивность, чем женщины, фактически во всех применявшихся нами индексах политической ориентации и активности. Однако, когда мы сравниваем одну страну с другой, становится совершенно ясно, что женские политические модели различаются. Мы утверждаем, что эти различия имеют важные последствия для функционирования политических систем и что эти последствия — не просто того парохильного, апатичного, консервативного и «эмоционального» типа, на который ссылаются в литературе. Даже если указанные модели сохранятся — а по всей вероятности, так оно и будет, — то они будут, скорее всего, далеко не самыми важными итогами предоставления женщинам избирательных прав.

Открытая и закрытая семья. В главе IX мы показали, что в выбранных нами пяти странах деятельность в свободное время различается. Американцы и англичане намного чаще немцев, итальянцев и мексиканцев сообщают о том, что они проводят свое свободное время, занимаясь какими-то организованными или социальными действиями. Пожалуй, наиболее интересен тот факт, что эта относительно более высокая частота объясняется, скорее всего, высоким уровнем социального взаимодействия среди американских и британских женщин (см. табл. XII.1). Так, в Соединенных Штатах, Великобритании и Германии процентные доли мужчин, которые в свободное от работы время выбирают политические, общественные, религиозные и социальные формы деятельности, похожи, тогда как женщины, которые чаще всего сообщают о таких типах деятельности в свободное время, — это американки и британки. В Италии и Мексике ни мужчины, ни женщины, похоже, не хотят взаимодействовать с другими людьми в своем сообществе и фактически не взаимодействуют.

Таблица XII.1

Процентная доля тех, кто в свободное от работы время выбирает коммуникательную деятельность^a; по странам и полу

Страна	Всего		Мужчины		Женщины	
	%	Кол-во ^b	%	Кол-во	%	Кол-во
США	40	(970)	24	(455)	54	(515)
Великобритания	30	(963)	22	(460)	37	(503)
Германия	16	(955)	18	(449)	13	(506)
Италия	7	(995)	6	(471)	9	(524)
Мексика	11	(1007)	8	(355)	13	(652)

^a Сам текст вопроса см. в гл. IX.

^b Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

Само собой разумеется, что эти числа не охватывают всю гамму социальных взаимодействий. Респондентов просили исключить свои профессиональные и семейные интересы. Тем не менее полученные результаты поразительны. Они говорят о таком типе семьи в Соединенных Штатах и Великобритании, которая открыта для сообщества, причем открыта и через мужчин, и через женщин. Когда мы вспоминаем, что в Соединенных Штатах и Великобритании доля респондентов, которые доверяют другим людям и уверены в безопасности социальных взаимоотношений, намного больше, чем в Германии, Италии и Мексике, мы можем добавить к модели социального взаимодействия еще один существенный элемент. Похоже, что более высокую степень социального взаимодействия в Соединенных Штатах и Великобритании следует ассоциировать с ощущением безопасности и отзывчивости в сообществе — ощущением, которое в одинаковой мере разделяется американскими и британскими мужчинами и женщинами.

Политическое участие и осведомленность. Остается показать, что относительная «открытость» американской и британской семьи связана с политическими ориентациями и ролями американских и британских женщин. Мы можем начать с некоторых наших индексов политической активности. Таблица XII.2 фиксирует доли тех респондентов-мужчин

и женщин в пяти странах, которые сообщают, что дискутируют о политической жизни. Если мы посмотрим на столбцы «Всего», то становится ясно, что, хотя во всех пяти странах мужчины чаще женщин говорят про дискуссии о политической жизни, в Соединенных Штатах и Великобритании различия в частоте являются довольно незначительными. Около двух третей женщин в каждой из этих стран говорят, что обсуждают политическую жизнь; далее в порядке частоты следуют Германия, Мексика и Италия. На уровне начального образования или ниже различия между полами во всех пяти странах выражены отчетливее. Тем не менее заметно более половины малообразованных американских и британских женщин сообщают, что они обсуждают политическую жизнь, по сравнению с 42% немецких, 26% мексиканских и 13% итальянских женщин.

На уровне среднего образования или выше доли женщин, которые обсуждают политику, в Соединенных Штатах, Великобритании и Германии достигают или превышают три четверти. В Мексике увеличение существенно, тогда как в Италии, хотя там увеличение при переходе от начального образования к среднему велико, только немногим больше одной трети образованного женского населения сообщает, что ведет разговоры о политической жизни. Немецкие данные особенно любопытны. На уровне среднего образования немецкие женщины обсуждают политику столь же часто, как британские, и только немногим реже американских. Однако немецкие женщины все-таки в целом чувствуют себя более ограниченными в своих политических коммуникациях¹. Хотя американские и британские мужчины и женщины похожи друг на друга в своем чувстве свободы дискутировать о политической жизни, почти две трети немецких женщин сообщают, что чувствуют себя серьезно ограниченными, по сравнению с 48% немецких мужчин. Итальянская картина похожа на немецкую, тогда как мексиканская попадает где-то в середину наших пяти стран.

На основании всего этого можно, как нам кажется, высказать утверждение, что в Соединенных Штатах и Велико-

¹ См. табл. XIII.13, несокращенное издание, с. 391.

Процентная доля тех, кто обсуждает политическую жизнь;
по полу и образованию

Страна	Всего		Начальное или ниже				Среднее или выше					
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	%	Кол-во*	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	88	(455)	70	(515)	73	(248)	57	(269)	95	(207)	83	(246)
Великобритания	77	(459)	63	(503)	74	(277)	56	(340)	85	(182)	75	(163)
Германия	77	(442)	46	(499)	74	(352)	42	(440)	88	(90)	74	(59)
Италия	47	(471)	18	(524)	36	(293)	13	(403)	64	(178)	37	(121)
Мексика	55	(355)	29	(652)	49	(285)	26	(592)	77	(67)	56	(60)

* Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

британии, где женщины сообщают о высоких степенях социального взаимодействия в своих сообществах и где они почти так же часто, как мужчины, сообщают, что чувствуют себя свободными обсуждать политическую жизнь, семья становится частью системы политических коммуникаций. В Италии, с другой стороны, общая распространенность политических дискуссий низка, причем особенно низка среди женщин; здесь, кроме того, складывается впечатление, что, когда мужчины вовлекаются в политическую дискуссию, они склонны делать это вне дома: в кафе, на улице или по месту работы. В Германии и Мексике, где, похоже, представлена некая промежуточная модель, женщины, в особенности образованные, вовлекаются в политические дискуссии относительно часто. В Германии показатели вовлеченности образованных женщин в политические дискуссии столь же высоки, как у американских и британских женщин, тогда как у необразованных немецких женщин они заметно ниже, чем у американок и британок.

Наша гипотеза, что американские и британские семьи склонны вовлекаться в систему политических коммуникаций, поддерживается нашими данными о членстве в добровольных ассоциациях. В нашей выборке больше двух третей американских мужчин и почти половина американских женщин состоят членами добровольных ассоциаций (гражданских организаций, групп интересов, церковных групп, социальных групп и т.п.). Не менее четверти американских мужчин и женщин в какой-то момент были штатными сотрудниками добровольных ассоциаций. В Великобритании пропорционально меньше женщин состоят членами таких организаций и только небольшая их процентная доля была когда-либо должностными лицами в таких группах. В Германии различия между мужчинами и женщинами в их организационной деятельности больше, чем в Великобритании, в то время как в Италии и Мексике доля женщин — членов организаций меньше, чем везде.

Во всех пяти странах процентные доли членов каких-нибудь организаций увеличиваются вместе с ростом образования. В Германии показатели частоты как для мужчин, так и для женщин превышают британские и почти столь же

высоки, как в Америке. Впечатляет полученный нами результат: 34% образованных американских женщин в какой-то момент занимали должности официальных сотрудников добровольных ассоциаций. В Италии и Мексике членство в организациях находится на весьма низком уровне даже среди лучше образованных женщин (27%)¹.

В таком разрезе, как простая политическая когнитивная способность (политическая информированность, осведомленность в публичных делах), мы при ранжировании женской деятельности по странам имеем противоположный по сравнению с разрезом участия порядок — равно как и при ранжировании стран. И точно так же, как немцы в целом располагаются по частоте политической когнитивной способности выше, нежели британцы, немецкие женщины тоже обходят британских женщин по частоте когнитивной способности. С другой стороны, итальянская картина устойчиво сохраняется и в когнитивном разрезе, причем даже для образованных итальянских женщин. Шесть из десяти итальянок с хорошим образованием сообщают, что они никогда не следят за политической жизнью и политическими кампаниями или же поступают таким образом нечасто, — эта доля почти вдвое больше такого же показателя у мексиканок².

Политическая ответственность и компетентность. Гендерные различия в политической обязательности и компетентности укладываются в модель, которая, пожалуй, поддерживает выдвинутую нами ранее гипотезу о роли женщин в Великобритании и Соединенных Штатах. Так, табл. XII.3 показывает, что почти равные пропорции американских мужчин и женщин говорят о наличии у рядовых людей обязанности активно участвовать в публичных делах своих местных сообществ. В Великобритании суммарный процент несколько меньше, а разница между мужчинами и женщинами несколько больше. Но в Германии частота у женщин падает до половины соответствующего показателя у мужчин. Немецкие женщины признают на-

¹ См. табл. XIII.4, несокращенное издание, с. 392.

² Глава XIII, табл. 5 и 6, несокращенное издание, с. 393.

Таблица XII.3

Процентная доля тех, кто признает обязанность участвовать в местном сообществе; по странам и полу

Страна	Всего				Начальное или ниже				Среднее или выше			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	%	Кол-во*	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	52	(455)	50	(515)	37	(246)	42	(269)	70	(207)	59	(246)
Великобритания	43	(459)	36	(503)	43	(277)	33	(340)	42	(182)	43	(163)
Германия	31	(442)	16	(499)	29	(359)	16	(440)	40	(90)	22	(59)
Италия	14	(471)	6	(524)	9	(293)	5	(403)	22	(178)	12	(121)
Мексика	31	(355)	24	(652)	29	(285)	22	(592)	39	(67)	36	(60)

* Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

личие политических обязательств перед местным сообществом реже, чем это делают мексиканки. Среди итальянских мужчин и женщин у ощущения локального гражданского долга чрезвычайно низкая частота; что же касается итальянских женщин, то у них это ощущение, кажется, практически отсутствует.

Во всех пяти странах образование явно увеличивает частоту признания политических обязательств. Но и в этом разрезе существующие свидетельства тоже поддерживают нашу гипотезу о том, что у относительно образованных американских и британских мужчин и женщин похожие значения частоты, тогда как в Германии и Италии сохраняются существенные различия между мужчинами и женщинами со средним образованием. В Германии 22% женщин со средним образованием признают наличие политических обязательств перед местным сообществом — по сравнению с 40% мужчин со средним образованием. В Италии этот показатель для мужчин составляет 22%, для женщин — 12%. Мексиканская картина очень похожа на британскую — там 39% образованных мужчин и 36% образованных женщин признают наличие местных обязательств.

Таблица XII.4

Процентная доля тех, кто сообщает о субъективной политической компетентности (местной и общенациональной); по странам и полу

Страна	Местная				Общенациональная			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	%	Кол-во*	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
США	81	(455)	83	(515)	77	(455)	72	(515)
Великобритания	83	(459)	72	(503)	70	(459)	56	(503)
Германия	72	(442)	53	(499)	49	(442)	27	(499)
Италия	62	(471)	41	(524)	38	(471)	19	(524)
Мексика	62	(355)	46	(652)	46	(355)	33	(652)

* Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

Если мы проанализируем ответы на наши вопросы об ощущении компетентности влиять на местные власти и национальное правительство, то можно высказать несколько соображений (табл. XII.4). Во всех пяти странах женщины, так же как и мужчины, чаще чувствуют себя компетентными на местном уровне, чем на общенациональном; и у женщин указанное различие особенно бросается в глаза. Но, несмотря на эту универсальную тенденцию, почти три четверти американских респондентов-женщин выражают ощущение общенациональной компетентности. Однако, хотя в Германии 53% женщин сообщают о местной компетентности, только 27% указывают на общенациональную компетентность, а итальянские показатели составляют соответственно 41 и 19%. Мексиканки заявляют о национальной компетентности несколько чаще, чем это делают немки. Как говорят представленные данные, точка зрения, что женская политическая компетентность имеет тенденцию ограничиваться рамками местного сообщества, выглядит верной для континентальных европейских стран, но она намного менее справедлива применительно к Соединенным Штатам и Великобритании.

Во всех пяти странах образование повышает частоту субъективной политической компетентности как на местном, так и на общенациональном уровне. Причем оно повышает компетентность и у мужчин, и у женщин. Большинство лучше образованных женщин всех пяти стран выражают ощущение собственной компетентности влиять на местные органы власти. Но и здесь итальянская процентная доля местно компетентных образованных женщин меньше, чем везде: 52% (количество таких женщин — 121) по сравнению с 87% для образованных американских женщин (их количество — 246), 83% для британок (их количество — 163), 82% для немок (их количество — 159) и, наконец, 68% для образованных мексиканок (их количество составляет 60). Ощущение компетентности влиять на национальное правительство у женщин тоже повсеместно усиливается вместе с образованием. Однако лучше образованные итальянки выражают общенациональную политическую компетентность нечасто (25%, их количество равно 121). В разрезе местной и обще-

национальной компетентности образованные немецкие женщины показывают почти столь же высокие значения частоты, как американки и британки.

Чувства по отношению к стране и политике. Здесь мы полагаем измерителями эмоциональной вовлеченности в политическую жизнь для мужчин и женщин. Один из этих измерителей, подробно обсуждавшийся в главе III, — это гордость за страну. Там мы указали, что уровень гордости за политическое устройство страны был высоким в Соединенных Штатах и Великобритании, довольно высоким в Мексике и очень низким в Германии и Италии. Картины для женщин напоминают сводные общенациональные картины. Так, 91% американских женщин (их общее количество — 515) выражают политическую гордость — по сравнению с 61% британских женщин (их общее количество — 563), 26% мексиканок (общее количество — 652), 15% немок (общее количество — 499) и 3% итальянок (общее количество — 523).

На основании нашей серии вопросов о чувствах в ходе избирательных кампаний у нас была возможность установить уровень апатии. Если мы определяем как политически безразличных, или апатичных, тех, кто не сообщает ни об одном из трех чувств: удовольствия, гнева или презрения, испытываемых ими в ходе избирательных кампаний, то вырисовывается следующая картина (табл. XII.5): во всех пяти странах у женщин уровень апатии выше, чем у мужчин. В Германии он почти вдвое превышает уровень апатии у мужчин; в Мексике обе эти доли велики и более или менее равны; в Италии указанные уровни очень высоки и для мужчин, и для женщин, причем почти две трети женщин манифестируют полное безразличие. В Соединенных Штатах апатичны 14% женщин и 9% мужчин; в Великобритании эти процентные доли составляют 32 для женщин и 20 для мужчин.

Во всех странах образование сокращает уровень апатии среди женщин. Тем не менее почти для половины итальянок со средним образованием (их общее количество — 121) характерна апатия — по сравнению с 29% лучше образованных женщин в Великобритании (их общее количество — 163), 24% таких женщин в Германии (их общее количество — 59), 22% подобных женщин в Мексике (их количество — 60)

и 10% лучше образованных женщин в Америке (их количество — 246).

Таблица XII.5

Процентная доля тех, кто не сообщает ни о каких чувствах по поводу избирательных кампаний; по странам и полу

Страна	Мужчины		Женщины	
	%	Кол-во*	%	Кол-во
США	9	(455)	14	(515)
Великобритания	20	(459)	32	(503)
Германия	24	(442)	44	(499)
Италия	46	(471)	62	(524)
Мексика	30	(355)	48	(652)

* Числа в скобках указывают базовые значения, на основании которых вычислялись процентные доли.

Женщины и политическая система. В качестве резюме мы можем сказать, что американские женщины и — в несколько меньшей степени — британские женщины склонны быть активными и вовлеченными в дела своих сообществ, причем как неформально, так и организовано. Они полны доверия к своему социальному окружению, политически информированны, наблюдательны и эмоционально вовлечены в события, разыгрывающиеся на политической сцене. Женщины признают обязанность активно участвовать в местных политических делах, они чувствуют себя компетентными оказывать влияние на свои органы власти и гордятся политическими характеристиками своих стран. За исключением такого разреза, как политическая осведомленность и объем знаний, германские женщины манифестируют более низкие показатели частоты, чем американские и британские. Но если исключить такие разрезы, как социальное взаимодействие, гордость за страну и обязательства перед местным сообществом, то образованные немецкие женщины манифестируют показатели частоты, похожие на соответствующие показатели у американок и британок. Мексиканки демонстрируют неоднородную картину: демонстрируя относительно низкие показатели в таких разрезах, как участие и объем знаний, они не уступают показателям немецких женщин

в таких разрезах, как обязанность участвовать и общенациональная компетентность, и обладают относительно высоким показателем национальной гордости. Для итальянских женщин картина характеризуется неизменно низкими показателями почти во всех политических разрезах, которые здесь обсуждались.

Если рассматривать эти данные с точки зрения политических систем в пяти наших странах, то очевидно, что нам необходимо ревизовать старые теории о роли женщин в демократии. В этих теориях имелась тенденция трактовать гендерную дифференциацию точно таким же образом, как в них трактовались другие демографические категории вроде дохода, профессии или рода занятий, образования и т.п. При этом там упускался из вида тот факт, что значительное большинство взрослых состоит в браке, что они создают семьи, воспитывают детей и помогают социализировать их и подготовить к будущим взрослым ролям и установкам. Тем самым политические характеристики женщин на семью как единицу в политической системе, а также воздействуют на то, каким образом семья выполняет свою функцию политической социализации. Конечно же, во всех пяти странах подавляющее большинство политиков, государственных служащих и политических активистов — мужчины. Но есть большая разница в том, проявляют ли женщины тенденцию жить вне политической системы и вести существование только в стенах семьи, как это, вообще говоря, имеет место в Италии и среди относительно необразованных немцев и мексиканок, или же они живут в составе политической системы — такая тенденция наблюдается в Соединенных Штатах и Великобритании. Замечание Мориса Дюверже, написавшего, что женщины «во многих областях, а особенно в политической жизни обладают менталитетом людей незначительных и второстепенных; они обычно соглашаются на патернализм со стороны мужчин. Мужчина — супруг, жених, любовник или миф — выступает посредником между ними и политическим миром»¹, — это

¹ Duverger, *op. cit.*, p. 129. Комментарии по поводу мнения Дюверже и анализ тех различий в социализации американских мальчиков и девочек, которые воздействуют на политические модели взрослых мужчин и женщин, см. в: Greenstein, *op. cit.*, p. 370.

по своей сути континентальный европейский комментарий, и даже здесь Дюверже, пожалуй, больше комментирует прошлое и настоящее, чем будущее.

Хотя наши данные не позволяют нам продемонстрировать это прямым и явным образом, мы утверждаем, что в Соединенных Штатах и Великобритании имеют место следующие тенденции: семья становится частью политической системы, события и проблемы политики передаются в семью через обоих партнеров по браку, а политические дискуссии становятся частыми и взаимными, причем без особого доминирования мужчин. Кроме того, мы утверждаем, что проблемы семейной жизни, а также потребности женщин и детей более прямо и эффективно передаются в политику через политически открытую семью такого типа. Политическая компетентность и активность женщин, вероятно, воздействует также на эстетическое качество и эмоциональную тональность политической жизни в Соединенных Штатах и Великобритании. Мы готовы также утверждать, что семья, которая открыта для обоюдного обсуждения политических проблем, обеспечивает такой тип политической социализации, который позволяет детям развить *в рамках самой семьи* ощущение политической компетентности и чувство долга, а также учиться терпимости по отношению к неоднозначным аспектам политической жизни и к политическим спорам.

С этой точки зрения политически компетентная, осведомленная и активная женщина выглядит существенным компонентом гражданской культуры. Значимость политической эмансипации женщин заключается не в грезах суфражисток о женщинах в кабинетах, парламентах, на верхних уровнях государственной гражданской службы и т.п., равно как и не в концепции Дюверже о женской зависимости, незначительности и второстепенности. Джеймс Марч показал, что существует тенденция к разделению труда между мужьями и женами в таких типах проблем, где они проявляют инициативу¹. Гринстайн показал, что американские мальчики политически более осведомлены и инфор-

---

¹ James G. March, «Husband-Wife Interaction Over Political Issues» («Взаимодействие «муж—жена» по политическим проблемам»), *The Public Opinion Quarterly*, XVIII (1953–1954), p. 461–470.

мированы, чем девочки¹, и он разъясняет, каким образом дифференцированная политическая социализация в семье порождает эти гендерные различия. Гринстайн указывает также — и совершенно справедливо, — что взрослой женской роли присущи неотъемлемые врожденные ограничения, которые для значительного большинства женщин устанавливают внешнюю границу их политического участия. Но чего не вывело бы на свет божий никакое чисто американское исследование, так это того факта, что по сравнению с континентальными европейскими женщинами американки и британки более склонны «вживаться» в сообщество и политику, и это имеет существенное значение для функционирования политики. Мы лишь предположили, какими могут быть эти последствия.

Другие демографические модели

Многие исследования электорального поведения, партийных предпочтений и установок по политическим проблемам показали, что соответствующие модели в большой степени зависят от социального положения: места работы и профессии, дохода и социального статуса. Социально-экономический статус влияет также на те виды установок, которыми занимаемся мы: на политическую осведомленность, компетентность, активность и эмоциональность. Для индивидов с низким доходом или работой на должностях с низким статусом менее вероятны вовлеченность в политику, хорошая информированность, высокая активность. Однако, хотя экономическое положение действительно оказывает общее межстрановое воздействие на установки, оно никогда не бывает ни таким ясно выраженным, ни настолько сильным, как воздействие образования. Когда образование поддерживается неизменным, различия между экономическими группами нивелируются. Однако все равно остается довольно единообразная зависимость: человек, находящийся выше в экономической иерархии, точно так же, как и бо-

¹ Greenstein, *op. cit.*, p. 365 ff.

лее образованный человек, с большей вероятностью будет политически компетентным и активным.

Зависимость между религиозностью и политическими установками носит более сложный характер. Ленски в своем детальном анализе различий в установках и поведении между религиозными группами в районе Детройта приходит к выводу, что у католиков наблюдается тенденция быть в своих социальных ориентациях более традиционными, чем протестанты и евреи. Католики не столь часто ориентированы на достижения и менее автономны в нравственном и интеллектуальном смысле. Они более консервативны в вопросах социальной и религиозной морали. По сообщению Ленски, в области публичной политики католики в большей степени склонны ориентироваться на «благополучие», чем протестанты, и они оказывают меньше поддержки гражданским правам¹.

В разрезах, охваченных нашим опросом, есть минимальная поддержка тезиса Ленски, что католики более традиционны, чем протестанты, хотя выявленные различия столь невелики, что ими можно пренебречь. Намного важнее другой результат, а именно что в тех трех странах, где численность обеих указанных деноминаций существенна: в Соединенных Штатах, Великобритании и Германии, у протестантов и католиков схожие структурные политические ориентации. Другими словами, эти два вероисповедания не образуют политических субкультур в структурном смысле этого термина. Безусловно, во всех трех названных странах существует сильная зависимость между конфессиональными и партийными предпочтениями. И если бы наше исследование включало вопросы о публичной политике, нравственности и ценностях, тогда, вероятно, стали бы наглядно просматриваться заметно большие различия.

Другие демографические характеристики — такие, как возраст, регион и размер города, — рассматривались в нашем исследовании только в специфических контекстах. Из-за приоритетов, изначально сформулированных в проекте нашего исследования, у нас не было возможности подойти

---

¹ Gerhard Lenski, *The Religious Factor*, Garden City, New York, 1961. Chs. 4, 8.

к этим характеристикам более систематическим образом. Нас интересовали прежде всего страновые, а не субкультурные модели, а также установки по отношению к политической системе, а не к публичной политике. Изучение такого явления, как политические субкультуры, и их зависимости от демографических характеристик требует самостоятельного исследовательского проекта.

ГЛАВА XIII

ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

До сих пор мы концентрировали свое внимание на одном аспекте политических систем — на том, который мы называем политической культурой. В основной части текста этой книги речь шла о сходстве и различиях в моделях политических установок для пяти выбранных нами стран. Мы пытались описать эти сходство и различия, равно как и объяснить их; пытались соотнести политические установки со структурой политической жизни и с общими установками по отношению к людям и обществу. Во всем этом наше внимание было сфокусировано на политической культуре. Другие аспекты существующей политической системы становились предметом обсуждения обычно по причине их воздействия на политическую культуру. Но остается необходимость разобраться с одним важным вопросом: в чем состоит воздействие политической культуры на ту политическую систему, частью которой она является?

Все пять стран, которые мы изучали, — это демократии, хотя и сильно отличающиеся одна от другой по своим характеристикам и политическим историям. Мы будем, следовательно, рассматривать, какими способами политическая культура воздействует на демократические власти всех уровней; конкретнее, зададимся вопросом, насколько далеко она заходит на пути к созданию и поддержанию стабильной и эффективной демократии. Существует ли демократическая политическая культура — иначе говоря, такая модель политических установок, благоприятствует демократической стабильности и которая некоторым образом «подогнана» к демократической политической системе? Чтобы ответить на этот вопрос, нам следует присмотреться к политической культуре в двух относительно стабильных и успешных демократиях — в Великобритании и Соединенных Штатах. Как мы сказали, политические культу-

ры этих двух стран приближаются к гражданской культуре. Такая структура политических установок отличается в некоторых аспектах от «рационально-активистской» модели, иными словами от такой модели политической культуры, которая, согласно нормам демократической идеологии, должна обнаруживаться в успешной демократии. Работы по основам гражданственности заставляли нас поверить, что проблема, стоящая перед гражданином в демократии, заключается в том — если процитировать название недавно вышедшей книги по этой тематике, — *как быть активным гражданином*¹. Согласно этой рационально-активистской точке зрения успешная демократия требует, чтобы граждане были вовлечены в политическую жизнь и проявляли в ней активность, чтобы они были информированы о политической жизни и оказывали влияние. Далее, когда они принимают те или иные решения, особенно важное решение о том, как распорядиться своим голосом, они должны делать это на основании внимательной оценки всех свидетельств и тщательного взвешивания альтернатив. Пассивный гражданин, уклоняющийся от голосования, плохо информированный или апатичный — все это указывает на слабую демократию. Такое представление о демократической гражданственности подчеркивает активность, вовлеченность, рациональность. Если воспользоваться разработанной нами терминологией, оно подчеркивает роль участника и мало говорит о роли подданного или пахохиала.

Недавние исследования политического поведения ставят рационально-активистскую модель под сомнение, поскольку становится ясно, что граждане демократий редко ведут себя в соответствии с этой моделью. Они не являются хорошо информированными, не вовлекаются в политику по-настоящему глубоко, не особенно активны, а процесс, посредством которого они приходят к своему электоральному решению, — это все что угодно, но только не процесс ра-

---

¹ Paul Douglass and Alice McMahon, *How to Be an Active Citizen*, Gainesville, Fla., 1960.

ционального расчета¹. Нельзя сказать и того, что указанная модель служит точным отражением той гражданской культуры, которую мы находим в Великобритании и Соединенных Штатах. Справедливо другое — причем эта мысль не только важна по существу, но и показательна как индикатор полезности сравнительных данных, — а именно что информированного, вовлеченного, рационального и активного гражданина чаще можно обнаружить в успешных демократиях, чем в неуспешных. Характеристики рационально-активистской модели демократической гражданственности действительно являются компонентами гражданской культуры, но здесь нужно настоятельно подчеркнуть, что они являются всего лишь *частью* этой культуры.

Гражданская культура представляет собой смешанную политическую культуру. В ней многие индивиды проявляют активность в политической жизни, но существует и много таких, кто берет для себя более пассивную роль подданного. Еще важнее, что даже среди тех, кто играет активную политическую роль гражданина, роли подданного и парохияла не полностью вытеснены. Роль участника просто добавилась к ролям подданного и парохияла. Это означает, что активный гражданин сохраняет и поддерживает свои традиционные неполитические связи, равно как и свою более пассивную политическую роль в качестве подданного. Конечно, из рационально-активистской модели гражданина вовсе не следует, что участнические ориентации заменяют собой подданнические и парохияльные, но ввиду того, что эти две последние роли не упоминаются явным образом, из указанной модели действительно вытекает, что для демократической политической культуры они нерелевантны.

Фактически две названные выше ориентации делают нечто большее, чем просто сохраняются, — они играют важную роль в гражданской культуре. Прежде всего парохияльная и подданническая ориентации модифицируют интенсивность политической вовлеченности и активности индивида. Политическая активность — это не более чем

---

¹ См., например: Berelson *et al.*, *Voting*, ch. XIV; Campbell *et al.*, *The American Voter*, ch. X; Julian L. Woodward and Elmo Roper, «Political Activity of American Citizens», *American Political Science Review*, XLIV (1950), p. 872–885.

всего лишь одна часть того, что заботит и беспокоит гражданина, и обычно не особенно важная часть. Поддержание других ориентаций ограничивает степень преданности индивида политической активности и ставит политику туда, где она всегда и была, — на свое место. Далее, парохильная и подданническая ориентации не только сохраняются бок о бок с участническими ориентациями, — они пронизывают участнические ориентации и модифицируют их. Например, в моделях гражданского влияния важны первичные принадлежности и связи. В дополнение к этому диффузный набор социальных и межличностных установок имеет тенденцию воздействовать на содержание политических установок — делать их менее резкими и не столь способствующими розни. Подвергаясь воздействию ориентаций на первичные группы, а также социальных установок и межличностных установок общего типа, политические установки перестают быть результатами одних только внятно артикулированных принципов и рациональных расчетов.

Каким образом мы можем объяснить расхождение между идеалами рационально-активистской модели и теми моделями политических установок, которые мы реально обнаруживаем, причем даже в более стабильных и успешных демократиях? Одно из возможных объяснений — и как раз то, которое чаще всего встречается в литературе по обучению гражданским принципам, — состоит в том, что указанное расхождение есть свидетельство плохого функционирования демократии. Коль в реальности люди не живут в соответствии с идеалом активного гражданина, то демократия — это неудача или даже провал. Если верить, что реалии политической жизни должны отштамповываться таким образом, чтобы подходить под лекала чьих-то политических теорий, то таким объяснением можно удовлетвориться. Но если придерживаться той точки зрения, что теории политиков должны строиться на основе реалий политической жизни — а эта задача несколько легче и, видимо, полезнее, — то такое объяснение причин разрыва между рационально-активистской моделью и демократическими реалиями выглядит менее приемлемым. Исходя из этой последней точки зрения можно, вероятно, доказывать, что

этот разрыв существует, поскольку планка стандартов была поднята необоснованно высоко. Если принять во внимание сложность политической проблематики, а также высокий спрос на время индивида со стороны окружающих и трудность получения информации, необходимой для принятия рациональных политических решений, то нет ничего удивительного в том, что обычный гражданин не являет собой гражданина идеального. В свете неполитических интересов индивида для него может оказаться совершенно нерациональным инвестировать в политическую активность то время и те усилия, которые необходимы, чтобы жить в соответствии с рационально-активистской моделью. Может оказаться, что попросту нет смысла быть настолько уж хорошим гражданином.

Но хотя полностью активистская политическая культура может оказаться — и оказывается — лишь утопическим идеалом, могут существовать и другие, более значимые резоны, почему в более успешных демократиях обнаруживается не просто смешанная, а замысловато переплетенная гражданская культура. Такая гражданская культура, которая порой содержит в себе явно противоречивые политические установки, кажется особенно подходящей для демократических политических систем, потому что они тоже представляют собой смесь многочисленных противоречий. Гарри Экстайн высказал следующую мысль: чтобы демократическая политическая система функционировала эффективно, в ней требуется смешение очевидных противоречий — он называет их «сбалансированными несоответствиями». С одной стороны, демократические власти и правительство должны править — обладать могуществом и лидерством, а также принимать решения. С другой стороны, они должны быть внимательными к нуждам своих граждан. Ибо смысл демократии в том, что властно-правительственные элиты должны каким-то образом отзываться на желания и требования своих граждан. Необходимость поддерживать такого рода баланс между властным могуществом и властной отзывчивостью, равно как и другие виды сбалансированности, которые вытекают из баланса «могущество/отзывчивость»: между консенсусом и расколом, между эмоциональной аф-

фективностью и эмоциональной нейтральностью, — помогает объяснить, каким образом сильно смешанные модели политических установок, ассоциирующиеся с гражданской культурой, оказываются подходящими для демократической политической системы¹.

Могущество и отзывчивость. Поддержание надлежащего баланса между властным могуществом и властной отзывчивостью является одной из самых важных и трудных задач демократии. Если не существует какого-то контроля над правящими элитами со стороны неэлит, то такую политическую систему трудно считать демократической. С другой стороны, неэлиты не в состоянии править сами. Если от политической системы требуется эффективность — если она должна обладать способностью инициировать и реализовывать политические решения, приспособляться к новым ситуациям, откликаться на внутренние и внешние вызовы, — то должны существовать механизмы, с помощью которых властно-правительственные чиновники наделялись бы полномочиями принимать авторитетные решения. Напряженность, порождаемая необходимостью достигать противоположных целей властного могущества и властной отзывчивости, становится наиболее очевидной во времена кризисов. Например, войны (горячие или холодные) зачастую смещали баланс между ними настолько далеко по направлению к властному могуществу и авторитарности, что это порождало беспокойство по поводу сохранения демократической отзывчивости. Однако если этот баланс не будет сдвигаться подобным образом, утверждается, что демократические правительства могут пасть жертвой внешних вызовов.

---

¹ Противоречивые требования, предъявляемые к демократическим политическим системам, подчеркивались в некоторых пока еще не опубликованных лекциях профессора Гарри Экстайна, из которых многое нашло отражение в этой главе. Авторы благодарны за возможность увидеть его заметки на данную тему. То обстоятельство, что демократические системы призваны добиваться явно противостоящих целей, подчеркивается также в: Berelson *et al.*, *op. cit.*, ch. XIV; Parsons, «Voting and the Equilibrium of the American Political System» in Burdick and Brodbeck (eds.), *American Voting Behavior*, Glencoe, Ill., 1959.

Кризисы выдвигают проблему поддержания адекватного баланса на передний план, но эта проблема существует и при повседневной реализации демократии. Каким образом можно выстроить правящую систему, чтобы этот баланс между могуществом и отзывчивостью действительно поддерживался? Согласно формулировке Э. Э. Шатшнайдера: «Проблема состоит не в том, каким образом 180 миллионов Аристотелей смогут управляться с демократией, а в том как мы можем организовать сообщество из 180 миллионов обычных людей таким образом, чтобы оно осталось чувствительным к их нуждам. Это проблема *лидерства, организации, альтернатив, а также систем ответственности и уверенности*»¹. В попытке решить эту проблему ученые-политологи обычно говорили в терминах структуры электорального конфликта. Электоральная система, сконструированная так, чтобы на ограниченный промежуток времени наделять властью конкретную элиту, может достигать баланса между могуществом и отзывчивостью: элиты получают власть и могущество, однако это могущество ограничено самой периодичностью выборов, беспокойством за будущие выборы в течение межвыборного периода, а также набором разнообразных формальных и неформальных сдержек. Чтобы система такого рода работала, должна, разумеется, существовать более чем одна партия (или, по крайней мере, некая конкурирующая элитная группа, потенциально способная получить власть), чтобы сделать выбор между элитами осмысленным; и в то же самое время должен существовать какой-то механизм, посредством которого элитная группа сумеет осуществлять эффективную власть, — возможно, путем предоставления победившей партии всей полноты власти в двухпартийной системе или путем формирования работоспособных коалиций между группами партий. Большинство дебатов по поводу избирательной системы, которая лучше всего подходит для демократии (пропорциональное представительство, одномандатные округа или некоторая смешанная форма), вращалось вокруг решения двух вопросов: как максимизировать дости-

¹ E. E. Schattschneider, *The Semi-Sovereign People*, New York, 1960, p. 138. Курсив в оригинале.

жение двух конкурирующих целей: могущества и отзывчивости — и как решить, какая из этих целей заслуживает большего акцентирования¹. Серьезную озабоченность вызывала также проблема надлежащей организации политических партий, позволяющей максимизировать достижимость обеих названных целей. Эта озабоченность очевидным образом мотивировала членов Комитета по политическим партиям Американской ассоциации политических наук, когда они в своем отчете призвали к такой системе политических партий, которая является демократичной, ответственной и эффективной — к системе, которая подотчетна общественности, пользуется уважением и выражает различия во мнениях, а также в состоянии справиться с крупными проблемами современного правления»².

Напряженность, возникающая при нарушении баланса между могуществом и отзывчивостью, может до некоторой степени регулироваться той структурой, которая занимается межпартийным конфликтом. Но наш основной интерес сосредоточен на зависимости между этой напряженностью и политической культурой, особенно культурой гражданской. Может ли набор установок, которых придерживаются граждане, помочь в поддержании тонкого баланса между противоречивыми требованиями, предъявляемыми к демократической системе? Эта концентрация на политических установках обычных граждан не подразумевает отрицания важной роли политических структур или же установок и поведения элиты. Они точно так же важны, и мы возвратимся к ним ниже, когда станем рассматривать, каким путем взаимодействуют между собой установки обычных граждан и элит.

У напряженности в отношениях между властным могуществом и отзывчивостью есть параллель в конфликтующих требованиях, предъявляемых к гражданам демократической

---

¹ По поводу этих продолжающихся дебатов см. среди прочего: Enid Lakeman and James D. Lambert, *Voting in Democracies*, London, 1955; F. A. Hermens, *Democracy or Anarchy*, South Bend, Ind., 1941; M. Duverger, *Political Parties*, London, 1954.

² «Toward a More Responsible Two Party System», a report of the Committee on Political Parties, of American Political Science Association, *American Political Science Review*, XLIV (1950), Special Supplement, p. 17.

системы. Если элиты должны быть отзывчивыми к обычному гражданину, то от него требуются определенные вещи: обычный гражданин должен выражать свою точку зрения, чтобы элиты могли знать, чего он хочет; он должен быть вовлечен в политическую жизнь, чтобы знать и беспокоиться о том, действительно ли элиты отзывчивы или нет; и он должен быть влиятельным, чтобы настоятельно добиваться от элит отзывчивого поведения. Другими словами, чтобы элита была отзывчивой, необходимо, чтобы обычный гражданин действовал согласно рационально-активистской модели гражданственности. Но если должен быть достигнут альтернативный полюс, т.е. могущество элиты, то от рядового человека следует ожидать совсем иных, противоречащих этому установок и поведения. Если элиты должны быть могущественными, властными и принимать авторитетные и не терпящие возражений решения, то вовлеченность, активность и влияние рядового человека должны быть ограничены. Обычный гражданин должен передать власть элитам и позволить им править. Необходимость в могуществе элит требует, чтобы обычный гражданин был относительно пассивен, не вовлекался в политическую жизнь и проявлял почтительность по отношению к элитам. Таким образом, демократического гражданина призывают преследовать противоречащие одна другой цели: он должен быть активным, но вместе с тем пассивным; вовлеченным, но вместе с тем вовлекаться не слишком сильно; влияющим, но вместе с тем почтительным¹.

---

¹ Должно быть ясно, что описываемая здесь напряженность вовсе не та, которая существует между обязанностями гражданина и обязанностями подданного (она обсуждалась в главе I). Здесь мы имеем дело с тем, что у демократического гражданина имеется набор ролевых ожиданий в рамках структуры «входа» данной политической системы. От него ожидается, что он будет каким-то образом участвовать в принятии решений. В то же самое время у него есть «подданнические» обязательства по отношению к «выходным» аспектам политической системы. Тут от него ожидают покорного и терпеливого подчинения любым решениям, коль скоро они приняты. Эта смесь тоже является частью гражданской культуры. Но напряженность, описываемая в данном разделе, имеет место не между ролью индивида по отношению к структуре «входа» (т.е. как гражданина) и его ролью по отношению к структуре «выхода» (т.е. как подданного) — эта напряженность как раз представляется достаточно легко снимаемой, по крайней мере в тео-

Нормы, виды восприятия и активность

Данные, представленные в этой книге, подсказывают ряд способов, как можно справляться с этими конфликтующими требованиями. Понятно, что для нашего анализа критически важны случаи Великобритании и Соединенных Штатов, поскольку если и существует какая-то модель установок, позволяющая справляться с этой напряженностью, то можно ожидать, что эффективнее всего она должна действовать в рамках относительно более стабильных демократий. А ведь именно в двух названных странах мы находим самое сильное приближение к гражданской культуре. Наши данные говорят о наличии двух широких путей, на которых гражданская культура поддерживает активно влияющую роль гражданина наряду с его более пассивной ролью. С одной стороны, в обществе существует *распределение* индивидов, которые преследуют ту или иную из конфликтующих гражданских целей; с другой стороны, определенные *неувязки и несовместимости в установках индивида* дают ему возможность в одно и то же время преследовать эти, казалось бы, конфликтующие цели. Давайте вначале рассмотрим неувязки и несовместимости в самом индивиде.

Как показали наши опросы, существует разрыв между *фактическим политическим поведением* наших респондентов, с одной стороны, и их *восприятием своих возможностей действовать*, а также своих *обязательств действовать* — с другой. В Великобритании и Соединенных Штатах респонденты манифестируют высокую частоту того, что мы назвали субъективной политической компетентностью. Как сообщалось в главе VI, значительная часть опрошиваемых считают себя способными влиять на решения местных органов власти, и весомая, хотя и не столь значительная их часть испытыва-

---

рии. Описываемая здесь напряженность скорее имеет место между двумя режимами отношения к структурам «входа». Гражданин должен быть влияющим и воздействовать на политический курс и на его проведение, но в то же самое время должен быть не влияющим и позволять политическим элитам принимать решения независимо. Таким образом, напряженность, которую мы тут описываем, лежит внутри роли гражданина.

ет такие же ощущения применительно к действиям национального правительства. Тем не менее такая высокая оценка своей компетентности в качестве влиятельного гражданина, безусловно, не находит эквивалента в фактическом политическом поведении. Прежде всего только малая доля тех респондентов, которые говорят об имеющейся у них способности влиять на различные органы власти, сообщают, что они когда-либо предпринимали попытку оказать такое влияние. И даже если те, кто думает, будто он в состоянии влиять на властные решения, попытались бы так сделать — а это маловероятно, — то они почти наверняка не достигли бы того успеха, который, как они убеждены, должен у них быть. Когда 40% американских респондентов или 24% британских говорят о некоторой вероятности того, что их попытка повлиять на общенациональный законодательный орган принесет успех, перед нами явное преувеличение.

Аналогичный разрыв существует между ощущением обязанности участвовать в политической жизни и фактическим участием. Как сообщалось в главе V, намного больше респондентов говорят, что у рядового человека есть какая-то обязанность участвовать в делах своего местного сообщества, чем фактически участвуют в них; и вновь яснее всего данная картина проявляется в Соединенных Штатах и Великобритании. Как это сформулировал один из респондентов, цитируемый в главе V: «Я говорю, что нужно делать, а не что делаю я сам». И есть свидетельства того, что подобная позиция далеко не редкость. Конечно, ощущение обязанности принимать какое-либо участие в делах сообщества не находит эквивалента в той важности, какую респонденты приписывают подобного рода деятельности. В каждой из стран доля говорящих о такой обязанности значительно превышает долю тех, кто в ответ на просьбу рассказать о своих действиях в свободное время сообщает об участии в делах сообщества. 51% американских респондентов сообщают, что, по их мнению, рядовой человек должен принимать то или иное активное участие в жизни своего сообщества. Но когда у людей спрашивают, что они делают в свое свободное время, лишь около 10% американских респондентов упоминают о таких действиях. И когда Гиллеспи и Олпорт задавали мо-

лодым людям в Соединенных Штатах несколько по-другому сформулированный вопрос, только примерно каждый пятый ответил, что он ожидал найти источник удовлетворения в своем участии в делах сообщества¹. Это говорит о том, что, хотя повсеместно имеет широкое хождение норма о необходимости участвовать в жизни своего сообщества, активное участие в ней является для большинства людей далеко не самой существенной деятельностью. Это вовсе не то, чем занимается большинство людей в свое свободное время, равно как и отнюдь не крупный источник их удовлетворенности, радости и приятного волнения.

Два вышеуказанных разрыва: между высоким воспринимаемым уровнем потенциального влияния и более низким уровнем фактического влияния, а также между высокой частотой словесно выражаемой обязанности участвовать и фактической важностью и объемом такого участия — помогают объяснить, как может действовать демократическая политическая культура, чтобы поддерживать баланс между могуществом правящей элиты и отзывчивостью той же правящей элиты (или дополняющий баланс между активностью и влиянием неэлитных групп, с одной стороны, и их пассивностью и отсутствием влияния — с другой). Сравнительно невысокая частота политического участия, его относительная маловажность для индивида и объективная слабость рядового человека позволяют действовать правящим элитам. Недостаточная активность или прямая бездеятельность рядового человека, а также его неспособность влиять на решения помогает наделять правящие элиты тем могуществом, в котором они нуждаются, если хотят и должны принимать решения. Но это максимизирует только достижимость одной из противоречивых целей демократической системы. Власть и могущество элит должны контролироваться и сдерживаться. Противоположная роль гражданина как активного и влияющего движителя отзывчивости элит находит поддержку в его глубокой приверженности нормам активной гражданственности, а также в его ощущении, что он способен быть

---

¹ James M. Gillespie and Gordon W. Allport, *Youth's Outlook on the Future*, New York, 1955, p. 57.

влиятельным и влияющим гражданином. Это может быть отчасти мифом, поскольку тут присутствует целый ряд норм участия и видов восприятия своей способности влиять, которым далеко не в полной мере соответствует фактическое политическое поведение. Все же сам факт, что граждане придерживаются этого мифа — что они видят себя влиятельными и обязанными брать на себя активную роль, — создает потенциальную возможность для влияния гражданина и для его активности. Как указывалось в главе VI, субъективно компетентный гражданин необязательно пытается влиять на власти, но он предпримет такую попытку *с большей вероятностью*, чем гражданин, не считающий себя компетентным¹.

Таким образом, гражданин в рамках гражданской культуры обладает неким резервом влияния. Он далеко не постоянно вовлекается в политическую жизнь, не ведет активного наблюдения за поведением тех, кто принимает политические решения. Но он реально обладает потенциалом, чтобы действовать, если возникает такая потребность. Этот резерв влияния — потенциал влияния, который неактивен и свободен от обязательств перед политической системой, — был лучше всего проиллюстрирован представленными в главе VI данными о способности граждан создавать политические структуры в те моменты, когда в них возникает нужда. Гражданин не является постоянно действующим политическим актором. Он редко бывает активен в политических группах. Но он думает, что в случае необходимости может мобилизовать свое обычное социальное окружение с целью его политического применения. Он не является активным гражданином; он потенциально активный гражданин.

Однако непостоянный, прерывистый и потенциальный характер политической активности и вовлеченности гражданина зависит от более прочных и более устойчивых типов политического поведения. Живя в гражданской культуре, рядовой человек может с большей вероятностью, чем в иных обстоятельствах, поддерживать устойчивую и высокую степень подверженности воздействиям политических

¹ О важности демократического мифа см.: V. O. Key, Jr., *Public Opinion and American Democracy*, New York, 1961, p. 547.

коммуникаций, состоять членом разных организаций и ангажироваться в неформальные политические дискуссии. Эти действия сами по себе не указывают на активное участие в процессе принятия решений, происходящем в обществе, но они действительно делают такое участие более возможным. Они готовят индивида к вмешательству в деятельность политической системы, и — что, пожалуй, еще важнее — они создают такое политическое окружение, в котором вовлеченность и участие гражданина более осуществимы.

Мы уже сказали, что напряженность между гражданской активностью и гражданской пассивностью может поддерживаться скорее несовместимостями внутри набора установок и несовместимостями между установками и поведением, чем односторонним характером установок в рационально-активистской модели. Но теперь мы должны задаться вопросом, вызывают ли эти несовместимости какую-то нестабильность в гражданской культуре. Значительная часть недавно выдвинутых теорий о формировании установок подчеркивает тягу в направлении совместимости или созвучия между убеждениями, установками и поведением индивида; в настоящее время существует большой массив данных в поддержку теории, что когнитивные несовместимости будут порождать напряженности, нацеленные на сокращение этих несовместимостей¹. Однако, как мы видели, баланс между гражданским влиянием и гражданской пассивностью *зависит от несовместимостей* между политическими нормами и восприятиями, с одной стороны, и политическим поведением — с другой. Указанные несовместимости не создают, однако, у гражданина никакого ненужного напряжения, потому что политическая жизнь, как говорит большинство наших данных и как подтверждают данные многих других исследований, — это далеко не наиглавнейшая проблема, сидящая у него в голове.

---

¹ В числе важных публикаций, где эта теория получает дальнейшее развитие, см.: Leon Festinger, *A Theory of Cognitive Dissonance*, Evanston, Ill., 1957; F. Heider, *The Psychology of Interpersonal Relations*, New York, 1958; C. E. Osgood, C. J. Suci, and P. H. Tannenbaum, *The Measurement of Meaning*, Urbana, Ill., 1957; M. J. Rosenberg et al., *Attitude Organization and Change*, New Haven, Conn., 1960. См. также специальный номер журнала *The Public Opinion Quarterly*, XXIV (Summer 1960), посвященный изменению установок, особенно статьи Зайонца, Коэна, Розенберга и Осгуда.

В политику — по сравнению с другими заботами — обычно вкладывают меньше эмоций или вовлеченности. Указанные несовместимости среди установок либо между установками и поведением можно терпеть гораздо легче, поскольку их можно не замечать или игнорировать. Как выразились на сей счет Розенберг и Абельсон, «потенциальный дисбаланс будет оставаться для индивида незамеченным, если только у него не возникнет мотивации размышлять на данную тему и он не займется этим фактически»¹. Поскольку политика не очень важна для граждан, лишь немногие из них мотивированы думать о своем влиянии или о своих политических действиях.

То обстоятельство, что важность политической жизни для граждан относительно невелика, — важная деталь в механизме, с помощью которого совокупность несовместимых политических ориентаций удерживает политические элиты под контролем и при этом не сдерживает их настолько жестко, чтобы лишать эффективности. Потому что баланс несовместимых ориентаций было бы труднее поддерживать, если бы политическая проблематика всегда рассматривалась гражданами как важная. Если обнаруживаются проблемы, которые граждане трактуют как важные, или если появляется сравнительно серьезная неудовлетворенность властями, то у индивида возникает мотивация задуматься над данной темой и тем самым он окажется под бóльшим давлением, толкающим его к преодолению этой несовместимости, — к тому, чтобы сделать установки и поведение созвучными друг другу. Единственный способ, которым он может этого достичь, — привести свое поведение в соответствие с нормами и восприятиями, становясь политически активным. Тем самым несовместимость между установками и поведением действует как латентный или потенциальный источник политического влияния и активности.

Тезис о том, что гражданская культура поддерживает баланс между могуществом и ответственностью, наводит на еще одно соображение по поводу демократической политической жизни. Оно подсказывает, почему имеющие большую

---

¹ Milton J. Rosenberg and Robert F. Abelson, «Analysis of Cognitive Balancing» in Rosenberg et al., *op. cit.*, ch. IV, p. 121.

важность политические проблемы, которые остаются нерешенными, в конечном счете порождают нестабильность в демократической политической системе. Баланс между активностью и пассивностью может поддерживаться только в том случае, если проблемы, существующие в политической жизни, относительно умеренны. Если политическая жизнь становится острой и если из-за какой-то проблемы, которая не находит решения, она продолжает оставаться острой, то несовместимость между установкой и поведением делается нестабильной. Но любое сравнительно долговременное преодоление несовместимости, скорее всего, повлечет за собой неблагоприятные последствия. Если поведение приводится в соответствие с установками, то большое количество попыток контроля над элитами, которые предпринимаются неэлитами, породит властно-правительственную неэффективность и нестабильность. С другой стороны, если установки изменяются так, чтобы соответствовать поведению, то результирующее чувство бессилия и равнодушной невовлеченности приведет к разрушительным последствиям для демократического качества политической системы.

Однако это не означает, что все важные проблемы сулят урон для демократической политической системы. Система может превратиться в нестабильную только в тех случаях, когда проблемы становятся острыми и продолжают оставаться острыми¹. Если существенные проблемы возникают

---

¹ Важно подчеркнуть термин «проблемы», используемый в этой связи. Не все существенные политические события представляют собой проблемы, т.е. предмет споров и разногласий. Эта модель лучше всего применима к тем политическим спорам, в которые вовлечены индивиды, выдвигающие относительно специфические требования, удовлетворения которых властями они хотели бы. Содержание некоторых политических событий может быть настолько далеким от конкретного индивида, что, даже считая эти события важными, он не находится в том положении, чтобы сформулировать требования, релевантные для этих событий; таким образом, даже если эта проблема существенна, он окажет меньше давления на политические элиты, чем оказал бы в случае других проблем. (Уоррен Миллер обнаружил, что по таким темам, как гражданские права и благосостояние, между взглядами избирателей и их конгрессменов имеется более сильная зависимость, чем по вопросам внешней политики. Это можно было бы объяснить относительно большей удаленностью проблем внешней политики от обычного человека. См.: Miller, «Policy Preferences of Congressional

лишь спорадически и если власти в состоянии отреагировать на требования, стимулированные этими проблемами, то равновесие между гражданским влиянием и влиянием государственных чиновников может сохраняться. В обычные времена граждане относительно не заинтересованы тем, что делают властные разработчики решений, и последние обладают свободой действовать таким образом, как это им удобно. Однако если проблема становится заметной и начинает бросаться в глаза, то требования граждан к должностным лицам увеличатся. Если чиновники смогут отреагировать на эти требования, то значимость политики снова упадет и политическая жизнь возвратится в нормальное русло. Более того, такие циклы из вовлеченности граждан, ответной реакции элит и отступления граждан на прежние позиции могут, пожалуй, укреплять тот баланс противоположностей, который необходим для демократии. В каждом подобном цикле восприятие гражданином его собственной влиятельности укрепляется; в то же время система приспособляется к новым требованиям и тем самым манифестирует свою эффективность. И вообще, система может становиться в целом более стабильной благодаря лояльности, порожденной участием и эффективным качеством функционирования¹.

Candidates and Constituents», paper delivered at the meetings of the American Political Science Association, September 1961.)

Некоторые политические кризисы, которые не являются проблемами — то есть не являются предметами споров между гражданами страны или между гражданами и элитами, — могут вести к росту вовлеченности в политические дела, который не сопряжен с ростом требований о влиянии на принимаемые решения. Войны, например, могут объединять население вокруг элит и, запуская чувства лояльности, вести скорее к требованиям о сильном лидерстве, чем о предоставлении возможностей участвовать в решениях. Этот тип ситуации может иметь дестабилизирующие последствия для демократии, хотя подобные последствия будут отличаться от изложенных выше. В данном случае упор на лояльность и запрос на сильное лидерство могут привести к сокращению гражданского контроля над правящими элитами.

¹ Пример такой циклической картины незаинтересованности—вовлеченности—влияния—отступления см. в: William K. Muir, Jr., *Defending the «Hill» Against Metal Houses*, 1955, процитирован в: Dahl, *Who Governs?*, ch. XVI. Общее обсуждение вопросов, важных для нашей аргументации, см. в: Dahl, ch. XXVIII.

Эти циклы вовлеченности представляют собой важный способ поддержания баланса между активностью и пассивностью. Если постоянная вовлеченность и активность, ассоциирующиеся с насущными проблемами, могут в конечном счете сделать поддержание такого баланса трудным, то и полное отсутствие вовлеченности и активности тоже дало бы аналогичный результат. Баланс может поддерживаться в течение длительного времени лишь в том случае, если разрыв между активностью и пассивностью не слишком широк. Если вера в политическую компетентность не будет время от времени подкрепляться, то она, скорее всего, исчезнет. Или же если эта вера будет поддерживаться в чисто ритуальной манере, то она перестанет представлять собой источник потенциального влияния или служить средством сдерживания для тех, кто принимает решения. Возможно, именно это характеризует «честолюбивую», статусно устремленную политическую компетентность, которую можно наблюдать в Мексике. Мексиканские респонденты манифестируют относительно высокие уровни субъективной политической компетентности, особенно по сравнению с очень низкими у них уровнями «административной» компетентности, подверженности коммуникациям и т.п. Кроме того, они часто упоминают стратегии, связанные с формированием групп. Но как мы видели, их чувство компетентности не находит эквивалента в опыте политического действия. Разрыв между субъективным восприятием компетентности и фактическим политическим поведением наблюдается и в Соединенных Штатах или Великобритании. Но в Мексике этот разрыв намного шире. В Соединенных Штатах, например, 33% тех респондентов, которые говорят о вере в свою возможность влиять на местную власть, фактически пробовали оказать такое влияние – равно как и 18% британских местно компетентных лиц. Но среди мексиканских местно компетентных лиц о таком опыте сообщают лишь 9%. Таким образом, разрыв между восприятием и поведением может быть настолько широким, что это сильно затрудняет выполнение двойных функций содействия гражданскому контролю и поддержания гражданской пассивности. Чтобы демократический миф был эффективной политической силой, он не может

оставаться чистым мифом. Он должен быть идеализацией реальных поведенческих моделей. Там, где этот миф имеет весьма ограниченное отношение к действительности — как, пожалуй, и обстоит дело в Мексике, — он не может функционировать в качестве составной части сбалансированной гражданской культуры¹.

До сих пор мы говорили о том, каким способом сбалансировать активность и пассивность в одном отдельном гражданине. Но этот баланс поддерживается не просто имеющимся у индивидов набором установок, но и распределением установок между различными типами политических акторов, действующих в системе: некоторые индивиды убеждены, что они компетентны, а другие — нет; некоторые активны, а другие нет. Эта вариабельность в убежденности и степени активности индивидов тоже помогает поддерживать баланс «могущество—отзывчивость» в жизни. Это можно видеть, если проанализировать тот механизм уравнивания, который описывался выше: проблема становится острой и весьма заметной, активность возрастает и баланс восстанавливается благодаря реакции властей, ослабляющей остроту и заметность данной проблемы. Одна из причин того, почему все сильнее бросающаяся в глаза проблема и вызываемый ею всплеск политической активности не приводят к перенапряжению политической системы, состоит в том, что степень броскости такой проблемы редко увеличивается для всех граждан сразу. Скорее повышенную политическую активность проявляют какие-то конкретные группы, в то время как остальные граждане остаются инертными. Тем самым объем гражданской активности в любой данный момент не настолько велик, чтобы повлечь за собой перенапряжение системы в целом.

---

¹ Если вера обычного человека в собственную компетентность должна быть подкреплена, то ему, возможно, нет необходимости лично вовлекаться в успешную деятельность по оказанию непосредственного влияния на власть. Может оказаться достаточным, если он будет просто осведомлен о других людях, активно вовлеченных в такую деятельность. Но вероятность того, что индивид действительно увидит, как другие люди пытаются влиять на органы власти, будет, естественно, зависеть от того, насколько часто окружающие предпринимают подобные попытки.

Все вышесказанное основывается на наших данных об установках рядовых граждан. Однако, чтобы механизм, существование которого мы постулировали, мог работать, установки элит должны дополнять установки неэлит. Человек, который принимает решения, обязан верить в демократический миф — в то, что рядовым гражданам необходимо участвовать в политической жизни и что они на самом деле обладают влиянием. Если лицо, принимающее решения, усваивает данную точку зрения на роль рядового гражданина, то его собственные решения служат поддержанию баланса между властным могуществом и отзывчивостью. С одной стороны, это лицо вольно действовать так, как ему представляется наилучшим, поскольку обычный гражданин не колотит в его дверь с требованиями немедленных действий. Чиновник огражден инертностью и бездействием рядового человека. Но если он разделяет веру в потенциал влияния, которым наделен рядовой человек, то его свобода действовать ограничивается фактом его убежденности в том, что ему действительно *будут* колотить в дверь кабинета, если он не станет действовать «отзывчивыми» методами. Более того, если это официальное лицо разделяет точку зрения, что рядовой человек непременно должен участвовать в принятии решений, то он находится под давлением, вынуждающим его действовать отзывчиво, поскольку у него есть убежденность, в том, что такое влияние со стороны гражданина легитимно, оправданно и справедливо. Хотя наши данные не могут этого продемонстрировать, есть основания верить, что политические элиты разделяют политическую культуру неэлит и что в обществе, где существует гражданская культура, они — так же как и неэлиты — придерживаются установок, которые с ней ассоциируются¹. Элиты, помимо всего прочего, являются частью той же самой политической системы и вовлеченность в те же самые процессы политической социализации, что и неэлиты. И исследования показали, что

---

¹ Тем не менее есть много важных моментов, в которых элиты по своим политическим установкам отличаются от всего населения в целом; см. выше главу I, с. 49–50. Кроме того, вероятно, существуют различия в автономности между британской и американской политическими элитами; см. ниже некоторые комментарии по поводу этих различий.

политические лидеры и лидеры местных сообществ, равно как и лица с более высоким социальным статусом, скорее склонны принимать нормы демократии, чем те, у кого этот статус низок¹.

Рассмотрение установок элиты позволяет говорить о наличии еще одного механизма, посредством которого можно принудительно обеспечить отзывчивость элит в ситуации, когда активность и вовлеченность обычного гражданина остаются низкими. Модель гражданского влияния не всегда или даже не в преобладающей степени основана на стимуле (гражданин или группа граждан выдвигают требование), за которым следует ответная реакция (правлящая элита предпринимает действия с целью удовлетворить это требование). Скорее здесь может срабатывать хорошо известный «закон предвиденных реакций»². Значительная часть гражданского влияния на правящие элиты может не определяться никакой деятельностью граждан или даже осознанным намерением

---

¹ Здесь релевантны наши данные о воздействии образовательных различий между респондентами на различия в их установках. Релевантен также результат, приводимый в работе Samuel Stouffer, *Communism, Conformity, and Civil Liberties*, New York, 1955 и говорящий о том, что лидеры местных сообществ более толерантны и в большей мере принимают демократические нормы, чем те, кто лидерами не являются. Несколько исследований общественного мнения в Германии подтверждают этот общий результат. См., например: Erich Reigrotski, *Soziale Verflechtungen in der Bundesrepublik*, Part 2; *Basic Orientation and Political Thinking of West German Youth and Their Leaders*, DIVO Institute, Frankfurt am Main—Bad Godesberg, 1956.

В демократиях политические лидеры должны публично выразить свое согласие с демократическим мифом. Конечно, значительная часть таких речей может быть «запудриванием мозгов». Но требование, чтобы лидеры поддерживали этот набор убеждений публично, кроме всего, еще и оказывает на них давление, заставляя реально принимать указанные убеждения, если только лицемерие не является среди политических элит осознанной ценностью. Как показали исследования, посвященные когнитивному диссонансу, требование, чтобы индивид сделал публичное заявление определенного рода, создает давление в пользу изменения его личных убеждений в этом направлении. См. Rosenberg et al., *op. cit.*, и Festinger, *op. cit.*

² Термин «правило предвиденных реакций» (rule of anticipated reactions) впервые использовал Карл Фридрих, описывая действия одной из сторон, которые исходят из намерений другой стороны (С. Friedrich, *Constitutional Government and Politics*, N. Y., Harper and Brothers, 1937). О законе предвиденных реакций (иногда говорят «ожидаемых реакций») он писал в 1962 г. — *Прим. перев.*

действовать. Напротив, элиты могут предвидеть возможные требования или поступки граждан и действовать, реагируя на то, чего они ожидают. Они действуют отзывчиво не потому, что граждане активно выдвигают свои требования, а потому что хотят воспрепятствовать им и удержать их от активности¹.

Таким образом, индивид в условиях гражданской культуры — это необязательно рациональный активный гражданин. Структура его активности более смешанная и умеренная. Тем самым он может сочетать в себе некоторую степень компетентности, вовлеченности и активности с пассивностью, равнодушием и непричастностью. Кроме того, его взаимоотношения с правящими властями не являются чисто рациональными, поскольку они включают в себя верность — как его самого, так и лиц, принимающих решения, — тому, что мы назвали демократическим мифом гражданской компетентности. И данный миф порождает существенные последствия. Это не чистый миф: вера в потенциал влияния среднего человека имеет под собой известные основания и действительно указывает на реальный поведенческий потенциал. И независимо от того, правдив этот миф или нет, в него верят.

Управление эмоциями

Мы обсудили, каким образом гражданской культуре удастся сбалансировать вовлеченность и активность с безразличием и пассивностью. Но баланс, достигаемый гражданской культурой, идет дальше. Не только вовлеченность и активность надлежит сбалансировать каким-то объемом противоположных качеств, но и сам *тип* политической вовлеченности и активности тоже должен быть чем-то уравновешен. В частности, кажется необходимым достичь сбалансированности эмоциональной ориентации на политическую жизнь; или, скорее, должен существовать баланс между инструментальной и эмоциональной ориентацией на политику. Политика

---

¹ Обсуждение «упреждающих», «предвиденных» и других форм влияния см. в главе VII.

не должна быть настолько инструментальной и прагматичной, чтобы участники теряли всякую эмоциональную вовлеченность в нее. С другой стороны, уровень эмоциональной ориентации на политическую жизнь не должен становиться слишком высоким.

Есть несколько причин, почему в эффективной демократии необходима именно такая сбалансированность, а не максимизация либо прагматизма, либо страстности. Прежде всего если политическая преданность должна быть надежной и заслуживающей доверия, то она не может оказаться полностью безэмоциональной. Если лояльность по отношению к политической системе основана на чисто прагматических соображениях эффективности указанной системы, то, как утверждал Липсет, такой фундамент лояльности довольно таки неустойчив, поскольку он слишком сильно зависит от качества функционирования системы¹. Если система должна оставаться стабильной в длительной перспективе, то она требует такой формы политической преданности, которая основана на более сильной привязанности к политической системе, — преданности, названной нами «системной эмоцией». Кроме того, как утверждает Экстайн, чисто прагматичная и бесстрастная, лишенная всяких эмоций политическая вовлеченность подразумевает политику оппортунизма — политику, которая, вероятно, ведет к цинизму². С другой стороны, если эмоциональная преданность политической жизни или конкретной политической группе чрезмерно интенсивна, это может иметь неблагоприятные последствия для демократии. В первую очередь интенсивная эмоциональная вовлеченность в политическую жизнь ставит под угрозу сбалансированность между активностью и пассивностью, поскольку такая сбалансированность зависит от невысокой заметности политической жизни. Во-вторых, у такой интенсивной вовлеченности есть тенденция «повышать ставки»

¹ Lipset, *Political Man*, p. 77–83.

² Экстайн использует в качестве примера этого политику *Trasformismo*, проводившуюся в Италии перед Первой мировой войной (трансформизмом именовали тогда в Италии оппортунистическую политику так называемого «нового блока» нетрадиционных партий. — *Перев.*). См.: Eckstein, *Theory of Stable Democracy*, p. 33.

в политике — способствовать всякого рода массовым, мессианским движениям, которые приводят к нестабильности демократии¹. Помимо всего прочего, последствия могут быть вредными независимо от того, на что обращена эта преданность — на систему ли в целом и ее правящие элиты или же только на конкретные подгруппы общества. Ясно, что интенсивная преданность конкретным политическим партиям или группам может породить в системе дестабилизирующий уровень ее фрагментации. Но даже интенсивная преданность политической системе и правящим элитам приведет, вероятно, к вредным результатам. Если граждане должны осуществлять некоторый контроль над политическими элитами, то их лояльность по отношению к системе и элитам не должна быть полной и безоговорочной. Кроме того, гражданская культура подразумевает поддержание наряду с ролью гражданина и более традиционных, парохияльных ролей. Если хотят иметь сбалансированное участие гражданской культуры, то важно сохранять ту сферу активности, которая находится вне политической жизни².

Все сказанное говорит о том, что участие в политической жизни не должно быть ни чисто инструментальным, ни чисто эмоциональным. А ее участник должен получать от своего участия как инструментальное, так и эмоциональное вознаграждение. Причем похоже, что эта сбалансированная

---

¹ См.: Kornhauser, *op. cit.*

² Это помогает объяснять, каким путем непроблемные кризисы — т.е. такие политические события, которые, хотя они бросаются населению в глаза и рассматриваются им как важные, не вызывают гражданских требований повлиять на решения органов государственной власти, — могут разрушить сбалансированность гражданской культуры. В прим. на с. 362 утверждалось, что они разрушают сбалансированность, ибо усиливают требования лидерства и поэтому отодвигают точку баланса дальше от отзывчивости элит. Кризисы такого рода могут нарушить сбалансированность гражданской культуры еще и другим способом — увеличивая степень лояльности системе до столь высокого уровня, что ставить действия элит под сомнение делается «непатриотичным». Когда достигнута подобная стадия, демократия очевидным образом оказывается в опасности. Кроме того, такой кризис, как война, может разрушить существующий в рамках гражданской культуры баланс между парохияльной и гражданской ролями. Слишком большой кусок жизни — включая неполитическую сферу личных отношений — может стать политическим.

вовлеченность в политическую жизнь снова характерна для гражданской культуры в двух наиболее успешных демократиях. Как обсуждалось в главе VIII, чем больше респондент в Соединенных Штатах и Великобритании считает себя способным к участию в политической жизни, тем с большей вероятностью он станет получать эмоциональное удовлетворение от политической системы и позитивно оценивать инструментальное качество функционирования этой системы. Напротив, другие три страны демонстрируют картины несбалансированного участия. В Германии и Италии ощущение собственной способности участвовать сопровождается более высокой оценкой инструментальной эффективности системы, но не более глубокой общей преданностью ей. В Мексике имеет место нечто прямо противоположное: ощущение участия сопровождается большей гордостью за систему, но не более высокой оценкой качества ее функционирования. В Италии и Германии преданность политической системе в значительной степени прагматична и основывается на минимальной эмоциональной преданности. В Мексике может существовать нереалистичная привязанность к символам, сопряженная с отсутствием веры в инструментальные вознаграждения, которые несет с собой политика.

Консенсус и раскол

Наши данные говорят о наличии еще одного пути, благодаря которому политические культуры более успешных демократий характеризуются сбалансированным типом преданности. Как сообщалось в разных местах этого тома, респонденты из Соединенных Штатов и Великобритании чаще, чем респонденты в трех других странах, выражают гордость своей политической системой и испытывают удовлетворенность при голосовании. Они с большей вероятностью сообщают об интересе к политической жизни и реально дискутируют о политике. А еще они с большей вероятностью сообщают о той или иной эмоциональной вовлеченности в политические кампании. Все это указывает на сравнительно высокий уровень политической ангажированности. Тем не менее в названных двух странах интенсивность политической во-

влеченности умеряется благодаря тому, что она подчинена более общему и перекрывающему почти все набору социальных ценностей. Как показывают данные, представленные в главе IX, в Соединенных Штатах и Великобритании установки на межличностное доверие и сотрудничество встречаются чаще, чем в других странах. И что еще важнее, эти общие социальные установки пронизывают все царство политики. Невозможно переоценить роль социального доверия и готовности к сотрудничеству как компонентов гражданской культуры. В некотором смысле они представляют собой обобщенный ресурс, который поддерживает функционирование демократической политики. Творцы конституции задумали и реализовали такие формальные структуры политической жизни, которые пытаются проводить в жизнь заслуживающее доверия поведение, но без указанных установок на доверие подобные институты мало что значили бы. Социальное доверие облегчает гражданам двух названных стран политическое кооперирование, и без него демократическая политическая жизнь невозможна. Вероятно, оно входит также в область отношений граждан с политическими элитами. Ранее мы уже доказывали, что в демократии очень существенно поддерживать власть элиты. Теперь мы должны добавить, что это чувство доверия к политической элите — убежденность в том, что ее члены представляют собой не какие-то чуждые и эксплуататорские силы, а часть того же самого политического сообщества, — дает гражданам волю и желание снова передавать им власть.

Далее, эти общие социальные установки умеряют ту степень, в которой эмоциональная преданность конкретной политической подгруппе ведет к политической фрагментации. Эта всеобщая совокупность социальных установок, это ощущение общности, стоящей над всеми политическими различиями и выше них, не позволяет эмоциональным привязанностям к разным политическим группам бросать вызов стабильности всей системы. Более того, все это действует как буфер между индивидом и политической системой и тем самым снижает уровень «доступности» (в том смысле, в каком использует это слово Корнхаузер) рядового гражданина

для вовлечения в дестабилизирующие массовые движения¹. Эти нормы — особенно те из них, которые говорят, что политические критерии не должны применяться ко всем ситуациям, — налагают серьезные ограничения на политическую жизнь. Они указывают, что в некоторых социальных взаимоотношениях и зависимостях не должны доминировать политические соображения. И тем самым они позволяют индивиду поддерживать определенную степень независимости от политической системы.

Это подводит нас к тому, что в рамках демократической политической системы должен поддерживаться еще один баланс — между консенсусом и расколом². Трудно понять, как может функционировать демократическая политическая жизнь без наличия в обществе какого-то осмысленно структурированного раскола. Если демократия в какой-то момент включает в себя выбор между альтернативами, то этот выбор должен делаться применительно к чему-то значимому. Если бы не было никакого раскола, если бы люди не объединялись в осмысленно и обоснованно противоположные политические группировки, это заставляло бы предполагать «сообщество, в котором политическая жизнь не имеет никакого реального значения для этого сообщества»³ — такое, где чередование политических элит мало что значит. Переизбыток согласия не будет способствовать реальному проведению в жизнь отзывчивости со стороны элиты. Тем не менее если бы раскол зашел слишком далеко, то «само существование демократического общества... вероятно, оказалось бы в опасности. Проблемы политической жизни рассекали бы его настолько глубоко, они бы так остро ощущались и в особенности так всесторонне подкреплялись бы другими социальными идентификациями электората», что стали бы угрожать демократии⁴. Должно существовать то, что Парсонс назвал «огра-

¹ См.: *The Politics of Mass Society*, ch. 2.

² Значимость этого баланса подчеркивают также Экстейн, Берельсон и Парсонс. Ссылки на литературу см. выше в прим. на с. 450.

³ Berelson et al., *op. cit.*, p. 319.

⁴ Ibid.

ниченной поляризацией» общества¹. Если внутри общества нет консенсуса, там может оказаться мало потенциальных возможностей для мирного преодоления политических разногласий, которые ассоциируются с демократическим процессом. Если бы, например, правящая элита рассматривала оппозиционную элиту как чрезмерно угрожающую, то маловероятно, чтобы лица, находящиеся ныне у власти, допустили мирную конкуренцию за элитную позицию.

В рамках гражданской культуры этот баланс между консенсусом и расколом управляется механизмом, подобным тому, который управляет балансом между активностью и пассивностью, т.е. между нормами и поведением. Это иллюстрируется представленными ранее данными об установках по отношению к членству в первичной группе и принадлежности к политическим партиям (они приводились в главах V и X). С одной стороны, как указывают все исследования электорального поведения, первичные группы имеют тенденцию быть однородными в смысле партийной приверженности; семейные и дружеские группы, а также группы, связанные с работой, имеют тенденцию состоять из людей с близкими политическими взглядами. И если — что может быть еще более важным свидетельством их однородности применительно к партийной приверженности, — в группе существует разнородность политических взглядов, то возникнет давление в пользу изменения установок с тем, чтобы достигнуть однородности². Эта однородность красноречиво свидетельствует о существовании раскола в политической системе. Если нет сильной корреляции между партийной принадлежностью и принадлежностью к первичной группе, то трудно понять, как могло бы существо-

---

¹ Парсонс, в сборнике Burdick and Brodbeck, (eds.), *American Voting Behavior*, p. 92.

² Эта однородность частично вызвана тем фактом, что членам первичной группы свойственна тенденция к сближению тех социальных характеристик, которые воздействуют на их голосование. Они чаще будут принадлежать к одному и тому же классу, проживать в одном районе и т. д. Но даже когда указанные характеристики удерживаются неизменными, политический состав первичной группы оказывает сильное остаточное последствие на политические установки индивидов; см.: Berelson et al., *op. cit.*, p. 88–93 и 137–138; Herbert McCloskey and Harold E. Dahlgren, «Primary Group Influence on Party Loyalty», *American Political Science Review*, LIII (1960), p. 757–776.

вать хоть какое-либо основание для осмысленной политической конкуренции, поскольку в таком случае партийная принадлежность не будет важной, а также не будет соотноситься с основными социальными классификациями в обществе. С другой стороны, раскол, порожденный такой корреляцией между принадлежностью к первичной группе и партийной принадлежностью, умеряется в Соединенных Штатах и Великобритании нормой о консенсусе (обсуждавшейся в главах IV и IX), которая гласит, что первичная группа *не должна быть* политизированной. Хотя среди самых близких партнеров есть тенденция к похожей политической принадлежности (а если они разные, то возникнет давление в пользу такого изменения установок, чтобы все принадлежности сблизилась), этот раскол балансируется универсальной социальной нормой, которая ставит некоторые взаимоотношения (в теории, если не на практике) выше политики. Опять-таки гражданская культура позволяет достигать баланса между требованиями, кажущимися явно противоречивыми, посредством смешивания набора норм (что первичные группы должны быть непартийными) и фактического поведения (что в действительности первичные группы гомогенны в смысле партийной принадлежности), которые сами противоречат друг другу.

Это всего лишь один пример того, каким путем гражданская культура справляется с расколом в обществе. Вообще говоря, такое управление расколом достигается путем подчинения конфликтов на политическом уровне неким более высоким, перекрывающим их установкам на солидарность, будь эти установки нормами, ассоциирующимися с «правилами демократической игры», или же убежденностью в том, что в обществе существует надпартийная солидарность, основанная на непартийных критериях¹.

Этот баланс, кроме того, должен поддерживаться на уровне как элиты, так и граждан. Хотя наши данные здесь нерелевантны, вполне правдоподобно, что подобные механизмы работают также и на уровне элиты. Например, тщательно продуманные формальные и неформальные правила этикета в законодательных органах Великобритании и Сое-

¹ См.: Parsons, *op. cit.*, p. 100.

диненных Штатов способствуют, а в действительности даже требуют дружественных отношений (или по крайней мере обмена дружественными словами) между сторонниками противостоящих партий. И это умеряет интенсивность партийной приверженности. Отсюда не следует, что партийная приверженность рухнет и перестает быть значимой силой; скорее она ставится на свое место за счет действия более общих норм социальных взаимоотношений.

Суммируя, отметим, что самое поразительное свойство гражданской культуры, как она была описана в данном томе, — это ее смешанный характер. Она представляет собой смесь в первую очередь парохияльных, подданнических и гражданских ориентаций. Ориентация парохияла на первичные взаимоотношения, пассивная политическая ориентация подданного, активность гражданина — все они сливаются в рамках гражданской культуры. Результатом становится набор политических ориентаций, которые управляются или балансируются. Существует политическая активность, но не настолько сильная, чтобы разрушить правящую власть; существует вовлеченность и преданность, но они умеряются; существует политический раскол, но его удерживают под контролем. И самое главное, те политические ориентации, которые составляют гражданскую культуру, тесно связаны с общими социальными и межличностными ориентациями. В гражданской культуре нормы межличностных отношений, общего доверия и уверенности в своем социальном окружении пронизывают политические установки и умеряют их. Мы аргументировано доказывали в этой главе, что смесь установок, обнаруживаемых в гражданской культуре, «хорошо пригнана» к демократической политической системе. Она оказывается особенно подходящей для той смешанной политической системы, каковой является демократия.

Политическая культура и стабильная демократия

То обстоятельство, что гражданская культура хорошо подходит для поддержания стабильного и эффективного демократического политического процесса, можно лучше всего

оценить, если рассмотреть воздействие отклонений от данной модели. Можно вновь начать с рассмотрения Соединенных Штатов и Великобритании. Мы утверждали, что эти две страны в наибольшей степени приближаются к модели гражданской культуры, но в ряде важных аспектов они отличаются друг от друга в том, каким путем идет их реальное приближение к этой модели. Обе названные страны достигают баланса активных и пассивных ролей гражданина, но если в Соединенных Штатах этот баланс выглядит несколько сдвинутым в направлении активного, участнического полюса, то в Великобритании ему скорее присуща тенденция несколько сдвигаться в сторону другого полюса, подданнического и почтительного. Если в Соединенных Штатах развитие участнических ориентаций зачастую затмевает или оставляет в тени подданническую роль, то в Великобритании сильные подданнические ориентации сохранились, несмотря на развитие более активных ориентаций на участие. Хотя британский гражданин стал активным участником, он не потерял своего уважения к независимой власти правительства и иных органов до такой степени, как это произошло в Соединенных Штатах.

Баланс между активной и пассивной ориентациями, в свою очередь, находит отражение в том, каким способом политическая система балансирует властное могущество и властную отзывчивость. В Великобритании сохранившиеся почтительные и подданнические ориентации способствуют развитию сильных и эффективных органов власти, а также поддержанию эффективной и независимой административной структуры. Американцам, с другой стороны, присуща тенденция к обеспокоенности мощным правительством — и она отражена в институциональных структурах органов власти, равно как и в склонности к некой скованности, которая часто охватывает американский политический процесс. В то же время можно утверждать, что в Великобритании баланс слишком далеко смещен в противоположном направлении. Вполне возможно, что почтительное отношение к политическим элитам заходит там слишком далеко и что весьма иерархичные модели, существующие в британской политической жизни, — модели, которые часто подвергались

критике как ограничивающие уровень демократии в этой стране, — это результат чрезмерного смещения упомянутого выше баланса в направлении подданнической и почтительной ролей.

По сравнению с Великобританией и Соединенными Штатами в Германии, Италии и Мексике относительно более низкие уровни социального и межличностного доверия. Еще важнее, что социальное доверие не проникает там в политические взаимоотношения, которые имеют тенденцию представлять собой отдельное и автономное царство установок. Отсутствие всеобщих социальных установок, которые пронизывают все политическое царство, препятствует способности граждан кооперироваться между собой во взаимоотношениях с властями. Тем самым их способность влиять на органы власти в периоды, когда это нужно делать, в частности их способность моментально создавать с этой целью импровизированные политические структуры, рассчитанные на данный конкретный случай, оказывается ограниченной. Кроме того, свойственная им недостаточная способность к политическому кооперированию отражает более общую неспособность вести политический торг, устраивать политические сделки, сотрудничать и агрегировать интересы. Общество делится на закрытые и относительно враждебные лагеря; иными словами, если воспользоваться нашей терминологией, баланс между консенсусом и расколом выглядит сильно смещенным в сторону последнего. В трех названных странах, и особенно в первых двух, где структура фрагментации совпадает с партийными принадлежностями, политическая культура кажется несбалансированной и тяготеющей к политическому расколу. Это не означает, что Германия и Италия, возможно, не движутся по пути сокращения политической фрагментации. Несомненно, в Германии текущая политическая партийная система характеризуется намного более низким уровнем фрагментации и межпартийной враждебности, чем тот, что существовал в Веймарской республике. Но в настоящее время баланс выглядит устремленным к расколу, а не консенсусу, и это, в свою очередь, воздействует на функционирование политической системы.

Возможно, самые значительные отклонения от гражданской культуры имеются в этих трех странах в вопросах политического участия и преданности. В идеальной гражданской культуре активность и вовлеченность гражданина сбалансированы какой-то степенью его пассивности и непричастности. Аналогично сама вовлеченность тоже балансируется, сочетая вовлеченность в текущую деятельность органов власти и поддержание качества их функционирования с вовлеченностью политическую жизнь как таковую. Но в Германии, Италии и Мексике имеются важные отклонения от указанных идеальных моделей, и как раз эти конкретные отклонения отличают одну страну от другой.

В Германии пассивная подданническая ориентация сохраняется и пока еще не уравновешена участнической ориентацией. Наши немецкие респонденты выглядят более непринужденными, когда имеют дело с властью — с властью административной деятельностью на «выходе», где власть становится не политическим органом, а администрацией. Политическая деятельность имеет тенденцию быть в большей мере формальной, чем неформальной, — это подверженность воздействию средств массовой информации, голосование, формальное, но неактивное членство в добровольных ассоциациях. Уровни активности в рамках этих разрезов высоки, но у них нет эквивалента в частоте менее формальных политических дискуссий или таких стратегий влияния, которые основаны на формировании групп. Кроме того, преданность системе в преобладающей степени ориентирована на «выход» системы. Те, кто считает себя компетентными участвовать в политических решениях, с большей вероятностью будут удовлетворены правительственным «выходом», но их более универсальная привязанность к системе, или то, что мы называем системной эмоцией, вряд ли окажется хоть немного выше. И вообще, хотя удовлетворенность властными действиями относительно высока, уровень привязанности к системе намного ниже. В Германии, таким образом, баланс политической культуры тяготеет в направлении подданнической роли и пассивных форм участия. Правительство и власть в целом рассматриваются в значительной степени как административное ведомство. И привязанность к поли-

тической системе тесно связана со способностью властных структур удовлетворять прагматические потребности.

В Италии картина ответов в определенных важных аспектах похожа на ту, которая наблюдается в Германии. Как и в Германии, тип преданности политической системе тесно связан с властно-правительственным «выходом», не будучи сбалансированным системной эмоцией. Но во многом итальянская картина ответов отличается от германской, поскольку здесь чувство подданнической лояльности не присутствует. Если немец и не в полной мере участвует как influential гражданин на «входной» стороне правящих властей, то он все-таки считает себя способным эффективно действовать как подданный в рамках административного контекста. Итальянец же с большей вероятностью будет полностью отчужден и как участник, и как подданный.

В некоторых аспектах мексиканская политическая культура дает самую интересную картину несбалансированных чувств преданности и вовлеченности. В этой стране роль лояльного подданного развита слабее всего. Мексиканцы в большей степени отчуждены от властно-правительственного «выхода», чем респонденты в любой другой из четырех стран, — особенно в терминах административного «выхода». И все же это отчуждение не столь выражено, как в более последовательной картине отчуждения, обнаруживаемой в Италии. Существует относительно высокий уровень системной эмоции, особенно связанной с символами мексиканской революции. Кроме того, существует участническая ориентация на «входную» сторону политической системы. Но у этой участнической ориентации такой тип, который мы назвали честолюбивым, или статусно устремленным. Уровень субъективной политической компетентности относительно высок, но он не находит эквивалента в реальном функционировании. Этот разрыв между воспринимаемой способностью влиять на власти и фактический опыт такого влияния тоже представляет собой особенность гражданской культуры, но в Мексике этот разрыв намного шире, чем в Соединенных Штатах и Великобритании. Да и тот относительно высокий уровень политической информированности, подверженности воздействию средств

массовой информации и политической коммуникации, на которых зиждется американское и британское ощущение политической компетентности, в Мексике тоже отсутствует. Следовательно, в Мексике баланс между подданнической и участнической ориентациями очень сильно смещен в направлении участнической. А ориентация на участие не является здесь балансом устремлений и качества функционирования, где первые поддерживают второе, как это бывает в гражданской культуре; вместо этого в Мексике имеет место концентрация на устремленности, при которой высокое качество функционирования остается недостижимым.

Германия, Италия и Мексика отклоняются от гражданской культуры тремя различными способами, но в каждой из этих стран ее отклонения создают политическую культуру, не гармонизированную с эффективной и стабильной демократической политической системой. В Германии недостаток преданности политической системе, который относительно независим от «выхода» системы, говорит о том, что стабильность этой системы может стать сомнительной, если уровень на «выходе» станет менее удовлетворительным. Здесь мал капитал «системной эмоции», откуда можно черпать, если качество властно-правительственного функционирования ухудшится. Кроме того, слабость участнической роли в Германии, особенно отсутствие неформальной участнической культуры, приводит к тому, что слишком много надежд возлагается на иерархическое лидерство. Хотя в Германии существуют формальные политические институты демократии и хотя там есть хорошо развитая политическая инфраструктура — система политических партий и групп давления, основополагающий набор политических установок, которые должны регулировать работу этих институтов и направлять их в демократическом направлении, отсутствует.

В Мексике относительно высокие уровни системной эмоции сочетаются с нехваткой опыта работы с политическим «входом» и почти полным отторжением политического «выхода». Но устремленческий аспект мексиканской политической культуры говорит о наличии потенциальных возможностей для гражданской культуры, поскольку ориентация на участие здесь присутствует. Однако если германской полити-

ческой системе недостает капитала системной эмоции, который мог бы позволить ей выдерживать кризисы, то мексиканская система может быть описана как живущая за счет своего капитала системной эмоции. Если качество функционирования системы на «выходе» перестает соответствовать честолюбивым устремлениям граждан (и, что важно, речь идет не об объективном уровне на «выходе», а об оценке его адекватности гражданами), тогда мексиканская модель тоже может нести в себе семена нестабильности.

Италия говорит даже о более высоком уровне нестабильности. Если в Германии и Мексике присутствуют некоторые из компонентов гражданской культуры, то Италии недостает и пассивной удовлетворенности немцев своим «выходом», и удовлетворенности мексиканцев своим статусно устремленным «входом». В Италии потенциал для развития гражданской культуры выглядит самым низким.

Эти соображения не следует толковать как предсказание будущего для трех указанных политических систем. Мы обстоятельно разъясняем их различающиеся потенциальные возможности, но при этом остаемся сосредоточенными на слишком узком аспекте политической системы, чтобы позволить себе предсказание. Конечно, будущее этих стран в значительной степени окажется под воздействием природы их политической культуры, но важные последствия для этого будущего возымеют и многие другие факторы. В частности, существенное и разнообразное воздействие как на политическую культуру этих стран, так и на качество функционирования их систем, а также на их стабильность наверняка окажут международные события, которые находились полностью вне сферы нашего внимания. Будущее германской демократии частично опирается на тенденции, существующие в рамках местной политической культуры, но оно зависит также от разрешения конфликта между Востоком и Западом; да и политическое будущее Италии нельзя считать не подверженным воздействию этих напряженностей. И, разумеется, после прихода режима Кастро на Кубу воздействие внешнего окружения на политическую культуру Мексики и ее структуру стало особенно важным. Политическая культура всех указанных стран будет играть важную роль в сглаживании

этих внешних воздействий, но весомость таких воздействий сильно затрудняет для нас как специалистов по политической культуре предсказание их будущего.

Источники гражданской культуры

Данное исследование началось со стремления понять ход развития политической демократии. Причиной нашей озабоченности было большое количество стран, где реализация такой политической системы является нескрываемой, хотя и трудно достижимой целью. Мы имеем в виду не только новые страны по всему миру, но и многие давно существующие страны, в течение долгого времени пытающиеся создать стабильную модель демократических институтов. Государственные деятели, которые пробуют строить политическую демократию, часто концентрируются на создании формального набора демократических властных институтов и на написании конституции. Или же они могут сосредоточиться на формировании политических партий, чтобы стимулировать широкое участие масс. Но развитие стабильного и эффективного демократического правления зависит от чего-то большего, нежели структуры правящей власти и политической жизни: оно зависит от ориентаций, которые имеются у людей по отношению к политическому процессу, — иными словами, от политической культуры. Если политическая культура не в состоянии поддержать демократическую систему, то шансы этой системы на успех ничтожны.

Гражданская культура выглядит особенно подходящей для демократической политической системы. Это не единственная форма демократической политической культуры, но именно она кажется той, которая наилучшим образом гармонизирована со стабильной демократической системой. Поэтому может оказаться полезным рассмотреть, как она передается от поколения к поколению. Первое замечание, которое можно сделать в этой связи, состоит в том, что гражданскую культуру не преподают — ни в каком законченном смысле этого термина — в школах. Изучаемый в Соединенных Штатах школьный предмет, именуемый «основами

гражданственности», делает упор на такую разновидность гражданского поведения, которая ближе к рационально-активистской модели, нежели к гражданской культуре. Это важный компонент гражданской культуры, но всего лишь один из компонентов. В Великобритании, где степень приближения к гражданской культуре тоже высока, явно выраженные попытки прививать либо модель норм и поведения, ассоциирующуюся с гражданской культурой, либо модель, ассоциирующуюся с рационально-активистским подходом, относительно немногочисленны. В этой стране мало открытых философических рассуждений по поводу того, что делает человека «хорошим британским подданным» и каким образом следует готовить детей к исполнению роли граждан. Особенность ситуации не в том, что явный тренинг и вообще обучение в школах не играют никакой роли в деле создания гражданской культуры, а скорее в том, что все это может играть лишь незначительную роль.

Тот факт, что гражданская культура не передается исключительно путем явной индоктринации, неудивителен. Ее установки и поведение людей сочетаются сложным и тонким образом; это такая культура, которая до некоторой степени характеризуется несовместимостями и уравниванием противоположностей. Одним из важных компонентов гражданской культуры является набор установок, касающихся уверенности в других людях, — диффузная, расплывчатая, частично нестыкующаяся модель, которая не выглядит готовой для явного преподавания. Но тогда каким же образом она может передаваться от поколения к поколению?

Ответ подсказывает наше рассмотрение политической социализации в главе XI. Гражданская культура передается посредством сложного процесса, который включает обучение и тренинг во многих социальных институциях — в семье, в группе ровесников, в школе, по месту работы, а также в самой политической системе. Кроме того, типы опыта, приобретаемого в этих институциях, варьируются. Индивиды изучают политические ориентации путем преднамеренного обучения, как это происходит на школьных занятиях по основам гражданственности; но они также учатся через опыт общения с чисто политическими событиями, которые

не предназначались служить уроками политической жизни, как это бывает, когда ребенок подслушивает родителей, дискутирующих о политике, или когда он наблюдает конкретные действия политической системы. Впрочем, тренинг в сфере политических ориентаций может не быть ни явным, ни политическим по содержанию, как в тех ситуациях, когда индивид узнает многое о власти благодаря участию в структурах власти в семье или школе либо когда из своих ранних контактов со взрослыми он черпает знания о том, насколько другие люди заслуживают доверия.

Столь широкая модель политической социализации обеспечивает превосходный способ прививать те тонкости, из которых как раз и складывается гражданская культура. Поскольку какая-то часть обучения носит неявный характер, несовместимости между ориентациями могут передаваться незаметно, оставаясь нераспознанными. И поскольку многие типы политического тренинга идут одновременно, разные аспекты политической культуры можно усваивать из разных источников. Этот вид обучения способен минимизировать ту напряженность, которая могла бы возникнуть в конечном итоге, если бы ориентации на активность и пассивность (беря всего один пример противоположных политических установок, присущих гражданской культуре) исходили из одного и того же источника. Таким образом, через собственное участие в семье и школе и через прямое преподавание норм политического участия ребенок может научиться ожиданию возможностей участвовать в принятии решений. Однако, поскольку в то же самое время он будет подвергаться в семье и школе воздействию существующих там моделей власти, которые по необходимости иерархичны, это умерит его ожидания господства над своим политическим окружением. Аналогично все, что он читает в учебниках по основам гражданственности о необходимости политической активности и политики идеализма, будет умеряться тем, что усваивается им из наблюдений за фактическим политическим поведением и установками взрослых. И этот смешанный набор ориентаций, развиваемых в детстве, будет и далее модифицироваться последующим прямым опытом контактирования с политической жизни. Его ожидания и нормы по пово-

ду участия будут взаимодействовать с теми возможностями участия, которые предлагает политическая система, с той важностью, которую он сам придает конкретным проблемам, и с теми требованиями, которые предъявляют к нему другие исполняемые им роли.

Таким образом, основная часть политической социализации включает в себя прямую подверженность воздействиям самой гражданской культуры и демократической политики. Тем самым каждое новое поколение впитывает гражданскую культуру, подвергаясь воздействию политических установок и поведения предшествующего поколения.

Предыдущее обсуждение проблемы передачи гражданской культуры от поколения к поколению применимо в главных своих чертах к тем странам, где гражданская культура уже существует. Но в новых странах проблема заключается не в этом. Если в таких странах хотят создавать гражданскую культуру, то она должна создаваться заново. Как это можно сделать? Такой вопрос уводит нас далеко за пределы наших данных, однако характерные особенности гражданской культуры и политическая история тех стран, в которых она развивалась, позволяют высказать два соображения. Во-первых, гражданская культура появилась на Западе как результат постепенного политического развития — в относительно бескризисном режиме, без тревожных волнений и без принуждения извне. Во-вторых, она развивалась путем сплавления: новые модели установок не заменяли старых, а сливались с ними.

Причины, по которым такая модель исторического развития облегчила появление гражданской культуры, ясны. Она представляет собой политическую культуру умеренности и сдержанности. В ней присутствует осознание политической проблематики, однако такие проблемы не принадлежат к числу самых насущных для рядового человека; вовлеченность в политическую жизнь существует, но она не интенсивна. Можно аргументированно утверждать, что такие политические установки могут появиться только там, где политическое развитие проходило относительно спокойно и ничто его не нарушало, где ставки в политике достаточно высоки, чтобы вовлекать в политический процесс все больше и больше людей, но не настолько высоки, чтобы вынуж-

дать их вступать в политическую жизнь так, как если бы они бросались в битву для защиты своих интересов от опасных противников.

Менее очевидны, но тоже порождаются самой природой гражданской культуры те причины, по которым она развивалась путем сплавления. Так происходило потому, что она является смешанной культурой, сочетающей парохияльную, подданническую и участническую ориентации. Ее развитие должно быть таким, чтобы более новые ориентации на политическое участие сливались с двумя более старыми ориентациями, но не заменяли их.

Как мы видели, у этого сплавления есть два аспекта. В-первых, ориентации, ассоциирующиеся с диффузными моделями традиционной власти, не полностью заменяются более новыми, более дифференцированными моделями политической ориентации. И во-вторых, более активная роль участника не заменяет более пассивных ролей парохияла и подданного. Результатом является тот тип гражданской культуры, который обнаруживается в Соединенных Штатах и Великобритании, где политическая система пронизана диффузными и всеобщими социальными ценностями. Чтобы такая пронизанность могла сохраняться, развитие современной политики со всеми ее функциональными, специфически политическими единицами и структурированной формой политической конкуренции не должно происходить так, что первоначальное сообщество будет поколеблено. Эти более старые ориентации должны быть перенесены в современную систему.

Аналогично развитие политической демократии с присущим ей распространением возможностей для обычного человека участвовать в политическом процессе принятия решений не может полностью разрушить подданническую ориентацию по отношению к политике, если гражданская культура должна существовать. Новый способ принятия политических решений посредством участия граждан не столько заменяет старый режим функционирования власти, сколько дополняет его. Таким путем можно создать ту смесь активности и пассивности, которая характеризует гражданскую культуру.

Будущее гражданской культуры

Этот постепенный фузионный (реализуемый посредством сплавления) рост гражданской культуры, вообще говоря, происходил в политической системе, проблемы которой были растянуты во времени. Желание получить право полного участия изъявляли разнообразные новые группы, но это происходило не одновременно. Требовалось решать крупные социальные проблемы, но в разные моменты времени. Эта постепенность политических изменений характерна для британской и в меньшей степени для американской политической истории. В новых странах по всему миру проблема состоит в том, что такая постепенность невозможна. Там существует огромный спрос на участие в политической жизни со стороны многих из числа тех, кто совсем недавно был парохиалом. Внезапно возникает необходимость одновременно противостоять грандиозным проблемам социальных изменений. А тут еще и то, что может оказаться самым сложным: даже сами действия по созданию национальных границ и национальной идентичности должны происходить в одно и то же время. Медленное политическое развитие может способствовать гражданской культуре, но чего не хватает возникающим ныне во всем мире новым странам — так это времени для такого постепенного развития.

Эти новые страны стремятся достигнуть за короткий промежуток времени того, для осуществления чего на Западе понадобились целые столетия. Возможно ли найти реальные заменители для такого постепенного фузионного процесса политических изменений? Никакого ясного ответа на этот вопрос не существует, и над ним можно только размышлять. Если наше исследование чему-нибудь и научило нас, так это тому, что нет никакой простой формулы для того, чтобы развитие политической культуры благоприятствовало поддержанию демократии. Однако все-таки появляется несколько выводов, которые позволяют двигаться в направлении, нужном для решения данной проблемы.

Наиболее очевидным заменителем времени было бы образование. Наши данные показали, что образование — это самый важный детерминант политических установок и оно же

легче всего поддается манипулированию, а также откликается на умелое обращение. Большое преимущество образования в том, что те навыки и умения, выработка которых в первый раз могло занять годы, можно затем передавать намного проще, как только появляются те, кто хорошо владеет ими. Как показали наши данные, образование может развивать целый ряд важных компонентов гражданской культуры. Оно может обучать людей навыкам политического участия. Их можно научить, как собирать информацию; можно ознакомить со средствами массовой информации; им можно преподать формальную структуру политической жизни, а также рассказать о важности властных и политических институтов. Наконец, посредством обучения можно сообщать явным образом сформулированные нормы демократического участия и ответственности.

Но наши данные показывают также, что образование может создавать лишь некоторые из компонентов гражданской культуры. Школы способны обучать когнитивным навыкам и умениям, связанным с участием, но в состоянии ли они обучить тем основополагающим социальным установкам, которые являются важными компонентами гражданской культуры? Способно ли образование обучить социальному доверию и уверенности в людях и в себе самом? Может ли оно способствовать тому, чтобы политический процесс оказался пронизанным необходимыми социальными установками? И есть ли возможность сообщить посредством формального образования всю эту невероятную смесь активности и пассивности, вовлеченности и безразличия или же парохияльной, подданнической и участнической ориентаций? Наш анализ зависимостей между процессами социализации и созданием гражданской культуры говорит о том, что формальное образование не может послужить адекватной заменой времени при создании перечисленных выше компонентов гражданской культуры.

Один из способов дополнить формальное образование мог бы состоять в разработке других каналов политической социализации. Как указывалось ранее, само существование большого количества каналов политической социализации способствует привитию смешанной модели установок гражд-

данской культуры. Оно увеличивает разнообразие политических ориентаций, которые можно передать. Еще важнее, что опыт контактирования с разнообразными агентами социализации может обучать индивида умению одновременно справляться с разными ролями — иными словами, планировать и балансировать свои политические ориентации. И эта способность умело управляться с многочисленными ролями — существенный компонент гражданской культуры. В числе некоторых важных агентов социализации — семья, место работы и добровольные ассоциации. Возможно, по мере того как в новых странах эти институты станут изменяться и развиваться, каналы социализации для гражданской культуры расширятся. Когда семья становится более участнической и открытой для политического процесса — а наши данные говорят, что в этом как раз и состоит функция модернизации, — могут появляться и развиваться новые возможности способствовать гражданским установкам. Аналогично те изменения рабочих мест, которыми сопровождается индустриализация, равно как и развитие структуры добровольных ассоциаций, могут увеличить число разных каналов социализации.

Но даже открытие этих новых каналов может оказаться недостаточным для развития гражданской культуры. Такие каналы могут способствовать установкам, нацеленным на участие, но их важность в деле создания социального доверия и эмоциональной преданности системе более сомнительна. Если упомянутые агенты социализации находятся во фрагментированной политической системе, то, например, развившаяся эмоция может оказаться чувством отчужденности, а межличностное доверие может не поддаваться претворению в политически релевантное доверие. В чем действительно есть потребность, так это в выработке индивидами у себя чувства повсеместной политической идентичности — такой идентичности, следствием которой становится повсеместная эмоциональная преданность политической системе, а также ощущение своей тождественности с согражданами. Одного лишь участия и когнитивных навыков недостаточно, чтобы создать такое политическое сообщество, где каждый доверяет своим согражданам и может политически коопери-

роваться с ними и где привязанность людей к политической системе глубока и эмоциональна.

Проблема, следовательно, в том, чтобы наряду с навыками участия, развитию которых могут способствовать школы и другие агенты социализации, развивать эмоциональную преданность политической системе и чувство политической общности. А понимание того, каким образом можно было бы к этому прийти, возникает, если на мгновение отвлечься и рассмотреть модели политической культуры в Германии и Мексике — двух странах, которые в данном случае особенно уместны. В Германии мы находим высокий уровень политической когнитивности. Что там отсутствует, так это системная эмоция и ощущение способности сотрудничать со своими согражданами. В Мексике мы находим более слабые образовательные и когнитивные компоненты, но там наличествует системная эмоция, а также высокоразвитое чувство своей идентичности как мексиканцев. И это чувство идентичности сопровождается ощущением способности политически кооперироваться или по меньшей мере стремления к такому кооперированию. Мексике недостает той развитой образовательной системы, которая порождает в Германии высокие уровни когнитивных политических навыков и умений, зато в ней имеется то, чего не хватает Германии, чтобы достичь у себя высокого уровня системной эмоции. Мексика пережила символическое событие, которое ее объединяет, — мексиканскую революцию. Эта революция, как мы показали ранее, представляет собой критически важное, решающее событие в развитии мексиканской политической культуры, поскольку она создала чувство национальной идентичности и преданности своей политической системе, которое пропитывает почти все слои общества.

Если новая страна хочет создать у себя гражданскую культуру, она нуждается как в объединяющих символах и системной эмоции, которые предоставила своей родине мексиканская революция, так и в когнитивных навыках и умениях, которые существуют в Германии. Должно иметься или некое символическое событие, или символический харизматический лидер, или какие-нибудь другие средства для создания преданности и единства на символическом уровне. Но важ-

ны также расширяющиеся образовательные возможности, опыт достижений в индустриальных контекстах, а также подверженность воздействию средств коммуникации, политических партий и добровольных ассоциаций. Решающее воздействие на рост гражданской культуры оказывает также качество функционирования государства. Как это иллюстрируют случаи Германии и Мексики, развитие стабильной политической преданности может зависеть от способности политической системы, особенно на ее формирующих стадиях, продуцировать такой «выход», который отвечает ожиданиям членов этой системы. Только таким путем можно создать и поддерживать стабильную и сбалансированную преданность системе.

Будучи выраженными в таких терминах, трудности, с которыми в развивающихся регионах сталкиваются усилия по созданию эффективных демократических процессов и тех ориентаций, которые необходимы для их защиты и сохранения, могут показаться непреодолимыми. И что кажется там необходимым, так это одновременное развитие чувства национальной идентичности, подданнической и участнической компетентности, социального доверия и гражданского кооперирования. Ресурсы, доступные для элит новых стран, скудны, и существуют пределы способности местных обществ освоить эти ресурсы быстро и эффективно. За одни и те же ресурсы конкурируют самые разные цели. У нас нет возможности должным образом наблюдать за суждениями тех лидеров, которые концентрируют свои ресурсы на развитии капитала, вкладываемого в социальную инфраструктуру, на индустриализации или усовершенствованиях в сельском хозяйстве, и тех, кто подавляет подрывные движения либо вообще не в состоянии культивировать демократические тенденции. И точно так же мы не в состоянии должным образом оценить тех, кто, столкнувшись с грандиозным диапазоном и давлением проблем модернизации, оказывается неспособным выбрать те или иные необходимые, хотя и болезненные варианты и тем самым позволяет своим обществам и протекающим в них политическим процессам плыть по течению, скатываясь в хаос. Немногие из западных государственных деятелей попадали когда-либо в ситуации, где от них требо-

валось внезапно, быстро и параллельно справляться с таким спектром проблем и альтернативных вариантов.

Наше исследование позволяет нам аргументированно утверждать, что где-то в глубинах *любого* подхода к модернизации заложены какие-нибудь семена гражданской культуры. Любой набор модернизационных приоритетов непременно сделает сильный упор на образование, а растущие уровни образования создадут отдельные компоненты гражданской культуры. Таким образом, креативный подход к образованию может поспособствовать увеличению его гражданских дивидендов. Высока также вероятность того, что у любого подхода к модернизации есть тенденция расширять урбанистически-индустриальный сектор общества. А мы знаем, что в урбанистически-индустриальном обществе и семья, и работа содержат в себе потенциал гражданских возможностей. Вообще говоря, мы можем утверждать, что эти два сердцевинных процесса модернизации: образование и индустриализация — создают демократическую возможность, а после этого проблема сводится к тому, какие *другие* инвестиции энергии, ресурсов и воображения смогут консолидировать имеющиеся тенденции и потенциальные возможности, а также каковы относительные затраты на них.

На эти вопросы нет готовых ответов. Лишь в недавние десятилетия политическая наука обратила свое внимание на реалистический и серьезный анализ природы демократических и иных типов политических процессов. Мы только начинаем разрабатывать такую теорию политических систем и политических изменений, которая могла бы стать полезной для демократических государственных деятелей в новых странах. Основное, что мы сделали в данной книге, — методично и обстоятельно изложили ту смесь установок, которая поддерживает демократическую систему. И если эта книга сумеет предложить более трезвую и информированную оценку истинного характера и сложности разнообразных проблем демократизации, то она послужит достижению поставленной перед ней цели.

УКАЗАТЕЛЬ

- Абелсон Р. (Abelson, R. F.)
458 сн., 459 сн. – политическая культура
415, 474–477
- Абрамс М. (Abrams, M.) 129 сн. – структура компетентности
178–186
- Аггер Р. (Agger, R. E.) 310 сн.
- Айзенштадт С. (Eisenstadt, S. n.)
401, 402 сн. Верба С. (Verba, S.) 206 сн.,
255 сн., 363 сн.
- Алмонд Г. (Almond, G. A.) 26 сн.,
32 сн., 36 сн. Влияние 191 *См. тж*
Политическое влияние;
Компетенция
- Багхурн Ф. (Barghoorn, F. C.)
15 сн. Возраст, и раннее участие
370–371
- Банфилд Э. (Banfield, E. C.)
63 сн., 175 сн., 295 сн. Вудворд Дж. (Woodward, J. L.)
337 сн., 447 сн.
- Бенедикт Р. Ф. (Benedict, R. F.)
27 сн., 28 сн. Входной процесс. *См.*
Правительственный
процесс «на входе»
- Бентли А. (Bentley, A. F.) 138
- Бердик (Burdick, E.) 471 сн. Выборки, ошибки 66
- Берелсон Б. (Berelson, B.)
447 сн., 450 сн., 471 сн. Выборы. *См.* Голосование
- Бир С. (Beer, S.) 59 сн., 245 сн. Выходной процесс. *См.*
Правительственный
процесс «на выходе»
- Блинчи Д. (Binchy, D. A.) 62 сн.
- Брайс Дж. (Bryce, J.) 172
- Бредли П. (Bradley, P.) 294 сн.
- Бремме Г. (Bremme, G.) 325 сн.,
428 сн. Германия 61
- Брикнер Р. (Brickner, R.) 27 сн.,
28 сн. – компетентность
и лояльность 273–277
- Броган Д. (Brogan, D. W.) 59, 61 – осведомленность
о политике 83–84
- Бродбек (Brodbeck, A. J.) 471 сн. – отношение к сторонникам
разных партий 131–132,
142–143
- Бьюкенен У. (Buchanan, W.)
65 сн. – паттерны компетенции
243
- Бюрократия, отношение
к 104–116 – политическая культура
411–412, 476–477
- Великобритания 18, 43, 58–59 – политическая эмоция 158
- отношение к сторонникам
разных партий 129–130,
142 Гиллеспи Дж. (Gillespie, J. M.)
455, 456
- Гимбел Дж. (Gimbel, J.) 177 сн.

- Гоббс Т. (Hobbes, T.) 168 сн.
- Голосование
 - отказ сообщать 119
 - эмоции по поводу 154-163
- Гольдштейн М. (Goldstein, M. n.) 310 сн.
- Горер Дж. (Gorer, G.) 28 сн., 356 сн.
- Гражданин 37-38
 - его компетенции 233 сл.
- Гражданская культура 51-52, 412-416, 445-450, 474
 - и демократия 450 сн., 474-481
 - историческое развитие 18 сл.
 - источники 481-491
 - распространение 486-491
- Гринстейн Ф. (Greenstein, F. W.) 428 сн., 439 сн., 440-441
- Групповая принадлежность 125-126
 - влияние стратегий 197-211
 - и демократия 295-329
- Группы интересов. См.
 Добровольные объединения
- Д'Антонио Е. (d'Antonio, W. V.) 176 сн.
- Даль Р. (Dahl, R. A.) 11, 169 сн., 461 сн.
- Дальгрэн Г. (Dahlgren, H. E.) 472 сн.
- Демократический миф 456-466
- Демократический характер 25
- Демократия
 - необходимость баланса 450 сл.
 - и политическое кооперирование 209-217
 - и политическая культура 471 сл., 474-481
 - и участие 167-170, 191-195
- Джахоуда М. (Jahoda, M.) 255 сн.
- Джейкобсон Ю. (Jacobson, E.) 65 сн.
- Джексон Э. (Jackson, W. E.) 175
- Дикс Г. В. (Dicks, H. V.) 27 сн., 28 сн.
- Добровольные объединения
 - и демократия 330
 - многократное членство 352-353
 - принадлежность к политическим организациям 338-352
 - распределение членства 331-338
- Доверие к людям 288-291
 - и политическое кооперирование 306-312
- Доган М. (Dogan, M.) 428 сн.
- Досуговая активность 284-287
- Дуглас П. (Douglass, P.) 447 сн.
- Дюверже М. (Duverger, M.) 325 сн., 428 сн., 439 сн., 440, 452 сн.
- Женщины и политическая ориентация 427-443
- Зайонц (Zajonc) 358 сн.
- Зинк Г. (Zink, H.) 175 сн.
- Инкельс А. (Inkeles, A.) 27 сн.
- Интервью 66
- Информация. См.
 Политическая информация
- Исследование, организация и методы 65-66
- Истон Д. (Easton, D.) 357 сн.

- Италия 62–65
- компетентность и лояльность 273–277
  - осведомленность о политике 83
  - отношения к сторонникам разных партий 132–134
  - политическая культура 396–408, 478
  - типы сторонников партий 143–144
- Каплан Б. (Kaplan, B.) 27 сн.
- Кардинер А. (Kardiner, A.) 27 сн.
- Кей В. О. (Key, V. O.) 11, 54 сн., 457 сн.
- Клакхон К. (Kluckhohn, C.) 27 сн.
- Когнитивная ориентация (cognitive orientation) 30
- Когнитивность. См. Политическая когнитивность
- Когнитивный диссонанс 458 сн.
- Коммуникация. См. Политическая коммуникация
- Компетенция
- административная 32, 105, 110
  - и демократические ценности 277–279
  - легитимность 255–256
  - политическая 233–243
  - и политическая активность 260–262
  - и политическая лояльность 260–274
  - и участие в принятии решений в семье 376–380
  - и участие в школе 381–388
  - и участие на работе 388–394
- чувство компетентности 191
- См. тж. Политическое влияние
- Консенсус 469–474
- Корнхаузер У. (Kornhauser, W.) 204 сн., 329 сн., 468 сн., 470
- Коулман Дж. (Coleman, J. S.) 24, 34, 355 сн.
- Коэн (Cohen) 458 сн.
- Кригер Л. (Krieger, L.) 62 сн.
- Кристи Р. (Christie, R.) 355 сн.
- Крозье М. (Crozier, M.) 352 сн.
- Культура. См. Политическая культура
- Кэмпбелл Э. (Campbell, A.) 53 сн., 447 сн.
- Ламберт Дж. (Lambert, J. D.) 452 сн.
- Лапаломбара Дж. (LaPalombara, J.) 407 сн.
- Лассуэлл Г. Д. (Lasswell, H. D.) 25 сн., 27 сн., 355 сн.
- Левайн Р. (Levine, R. A.) 402 сн.
- Левинсон Д. (Levinson, D.) 27 сн.
- Легитимность 257
- Лейкмен Э. (Lakeman, E.) 452 сн.
- Лейтс Н. (Leites, n.) 28 сн., 357 сн.
- Ленски Г. (Lenski, G.) 442
- Лернер Д. (Lerner, D.) 27 сн.
- Линдзей Г. (Lindzey, G.) 27 сн.
- Линтон Р. (Linton, R.) 14 сн., 27 сн., 47
- Липсет С. М. (Lipset, S. M.) 11, 351, 467
- Лэйн Р. (Lane, R. E.) 39 сн., 138, 343 сн., 428 сн.
- Маккლოსки Г. (McCloskey, H.) 472 сн.

- Макклеланд Д. (McClelland, D.) 311 сн.
- Макмагон Э. (McMahon, A.) 446 сн.
- Мартин Э. (Martin, E. M.) 175 сн.
- Марч Дж. (March, J.G.) 440
- Маршалл Т. (Marshall, T. H.) 245 сн.
- Массовое общество 329–330
- Межстрановые опросы 67–71, 172–178
- Мексика 252–254. *См. тж*
Мексиканская революция
- Мексика 63–64
- компетентность и лояльность 273–277
  - осведомленность о политике 83
  - отношение к сторонникам разных партий 135–137, 144–145
  - паттерны компетенции 253–254
  - политическая культура 308–310, 475–480
  - соотношение информации и мнений 92
- См. тж* Мексиканская революция
- Мексиканская революция 63, 101, 253–254, 275–277, 489
- Местные органы власти
- влияние 76
  - различия между странами 172–178
  - способность к влиянию 197 сл.
  - попытка оказывать влияние 201
- Метро Р. (Metraux, R.) 28 сн.
- Мид М. (Mead, M.) 27 сн., 28 сн., 356 сн.
- Микро- и макрополитика 53–58
- Миллер У. (Miller, W.) 459 сн.
- Мюир У. (Muir, W. K., Jr.) 461 сн.
- Мюррей Г. (Murray, H.) 27 сн.
- Нарбонне Дж. (Narbonne, J.) 428 сн.
- Национальная гордость 98–104
- Национальные правительства, воздействие 75–77
- способность к влиянию 197–199
  - стратегии влияния 221–222
- Национальный характер. *См.*
Психокультурный подход;
Политическая культура
- Неформальные группы. *См.*
Первичные группы
- Образование 416–427
- и внимание к СМИ 88–96
  - и досуговая активность 287
  - и замечательные качества характера 287–288
  - и ожидание отношение со стороны государства 112
  - осведомленность о результатах деятельности властей 81–82
  - и раннее участие в принятии решений 368–369
  - и системная эмоция 102–103
  - и участие в работе организаций 347–348
  - и членство в добровольных объединениях 333–335

- чувство по отношению к выборам 158
- и чувство политические обязанности 188
- Объединения. См.
Добровольные объединения
- Оллпорт Г. (Allport, G.W.) 455, 456 сн.
- Опрос (метод исследования) 65–66. См. *тж*
Межстрановые обзоры
- Организация. См.
Добровольное объединение
- Осгуд Ч. (Osgood, C. E.) 458 сн.
- Оттоманская империя 42–43
- Отчуждение 78–80, 94–95
- Оценочная ориентация (evaluational orientation) 30

- Пай Л. (Pye, L.) 14, 28 сн., 44, 58, 410
- Парсонс Т. (Parsons, T.) 30, 450 сн., 471 сн.
- Партийная приверженность 125 сл.
– и политическое кооперирование 306–321
– и религиозность 147
– типы партийных приверженцев 163–165
- Первичные группы, как ресурс влияния 204–209
– и партийная принадлежность 472–473
– и политическое кооперирование 312–322
- Пёрл С. (Pearl, S. A.) 310 сн.
- Подданный, его компетенция 233 сл.
- Пол
  - и добровольное членство в объединениях 333–367
  - и политическая ориентация 427–443
  - и участие в работе организаций 347–348
- Политическая субкультура 47–50
- Политическая дифференциация, групповые различия 415 сл.
- Политическая информация 89
- Политическая когнитивность 73 сл.
- Политическая компетентность 255. См. *тж*
Компетентность
- Политическая культура 18 сл., 53–58
– и анализ политических систем 67–71
– гармонизированность 39–42
– парохильная 34
– подданическая 35
– смешанные политические культуры 42–47
– и стабильная демократия 474–481
– участническая 36
См. *тж* Политическая субкультура; Гражданская культура
- Политическая социализация 355 сл.
– и гражданская культура 482–486
– и политическая компетентность 394–403
См. *тж* Семья; Школа; Работа
- Политическая эмоция 150–175
– входная эмоция 97

- выходная эмоция 97, 104–110
- системная эмоция 97–104
- управление ими 467–469
- Политические коммуникации 116 сл.
- и политическое кооперирование 300
- См. *тж* Политическое обсуждение
- Политические обсуждения 116–118
- ощущаемая свобода 123
- Политические обязательства 171–172, 178–190
- Политические партии
- заключение браков со сторонниками других партий 137–147
- как ресурс влияния 208 сн.
- имиджи сторонников 126–137
- информация о 89
- См. *тж* Партийная приверженность
- Политическое влияние 191, 231
- попытки оказывать 201–202
- стратегии 203 сл.
- См. *тж* Компетенция
- Политическое кооперирование 209 сл.
- и доверие к людям 306–312
- и демократия 212–213
- и первичная группа 314–321
- и политическая коммуникация 300
- и социальные установки 292–312
- Политическое участие
- и легитимность 255–256
- обязательства 178–190
- См. *тж* компетенция
- Полиция, отношение к 104–116
- Правительственный процесс на «входе» (governmental input) 31
- осведомленность о 83–84
- отношение к 94–95
- эмоциональное отношение к 97
- Правительственный процесс на «выходе» (governmental output) 31
- осведомленность о 73–77
- отношение к 94–95
- эмоциональный разрез 97
- Правительство (кабинет министров) 90
- Профессия, и системная эмоция 103
- и чувство политических обязанностей 188
- и участие на работе 373–375
- Пруссия 43
- Психокультурный подход 27
- Работа
- и политическая компетентность 388–394
- участие на 271–375
- Разброс мнений 91–93
- Революционная традиция в США 246–250
- Рейготски (Reigrotski, E.) 465 сн.
- Религиозность, и партийная принадлежность 147
- Рикмен Дж. (Rickman, J.) 28 сн.
- Рисмен Д. (Riesman, D.) 28 сн., 1713 сн.
- Робсон У. (Robson, W. A.) 176 сн.
- Родник Д. (Rodnick, D.) 28 сн.

- Розенберг М. (Rosenberg, M.) 289 сн., 309 сн., 458 сн., 459 сн., 465 сн.
- Роккан С. (Rokkan, S.) 65 сн., 201 сн.
- Роуз А. (Rose, A.) 216 сн., 352 сн.
- Роуз Р. (Rose, R.) 129 сн.
- Роупер Э. (Roper, E.) 337 сн., 447 сн.
- Сартори Дж. (Sartori, G.) 11
- Семья
- и политическая компетентность 376-380
  - участие в принятии решений 365-366
- Скотт Дж. (Scott, J. C.) 346 сн.
- Скотт Р. (Scott, R. E.) 64 сн., 145 сн., 176 сн., 409-410 сн.
- СМИ, внимание к 88
- Сотрудничество. См. Политическое сотрудничество
- Социализация. См. Политическая социализация
- Спенсер Г. (H. R. Spencer) 253
- Сравнительный метод 67-71
- Сталь У. (Stahl, W.) 359 сн.
- Стоуфер С. (Stouffer, S.) 465 сн.
- Субкультура. См. Политическая субкультура
- Субъективная компетентность. См. Компетентность
- Суси Дж. (Suci, G. J.) 458 сн.
- США 58-59
- отношения к сторонникам разных партий 126-141
  - паттерны компетенции 241-251
  - политическая культура 412-415, 474-483
- Сэнтрил Х. (Cantril, H.) 65 сн.
- Танненбаум П. (Tannenbaum, P. H.) 458 сн.
- Токвиль А., де (Tocqueville, A. de) 11, 294, 297 сн., 322
- Томасик Д. (Tomasic, D.) 28 сн.
- Трумэн Д. (Truman, D.) 11
- Уайли Л. (Wylie, L.) 28 сн., 359 сн.
- Улам А. (Ulam, A.) 59 сн., 245 сн.
- Участие
- на работе 271-375
  - в решениях семьи 365-366
  - в школе 396-378
- См. *тж* Политическое участие
- Участие, гипотеза об 260-276
- Фестингер Л. (Festinger, L.) 458 сн., 465 сн.,
- Фишер Л. (Fischer, L.) 176 сн.
- Форм У. (Form, W. H.) 176 сн.
- Фрид Р. (Fried, R. C.) 175 сн.
- Хаймен Г. (Hupman, H.) 355 сн.
- Хандлин О. и М. (Handlin, O. and M.) 247 сн.
- Характер, замечательные качества 287-288
- Хаутен П., ван (Van Hauten, P.) 176 сн.
- Хейдер Ф. (Heider, F.) 458 сн.
- Херменс Ф. (Hermens, F. A.) 452 сн.
- Херринг П. (Herring, E. P.) 11, 138
- Хесс Р. (Hess, R. D.) 359 сн.
- Хсю Ф. Л. К. (Francis L. K. Hsu) 29 сн.
- Хьюмс С. (Humes, S.) 175 сн.
- Членство. См. Групповая принадлежность;

- Добровольные
объединения
Шатшнайдер Э.
(E. E. Schattschneider)
138, 451
Шаффнер Б. (Schaffner, B.)
28 сн., 356 сн.
Шахтер С. (Schachter, S.) 65 сн.
Шельски Г. (Schelsky, H.)
402 сн.
Шилз Э. А. (Shils, E. A.) 30,
355 сн.
Шитсли П. (Sheatsley, P. B.)
255 сн.
Школа
– и политическая
компетентность 376–388
- участие в дискуссиях
в 367–358
Шнайдер Д. (Schneider, D.)
27 сн.
Шумпетер Й. (Schumpeter, J.)
11
Экстайн Г. (Eckstein, H.) 59,
245 сн., 357 сн., 401, 449,
450 сн., 467, 471 сн.
Элиты 464–465
Эмоциональная ориентация
(affective orientation) 30
Эмоция. См. Политическая
эмоция

Габриэль АЛМОНД
Сидней ВЕРБА

ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА
Политические установки
и демократия в пяти странах

Подписано в печать 28.04.2014. Формат 60×90/16
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 31,5 п.л. Заказ № 5759.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.оаомрк.ru, www.оаомрк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685